Я встретил Вас... Пушкин и любовь

Был ли Пушкин Дон Жуаном?

Александр Лукьянов

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

О Пушкине написано столько книг, что многотомная пушкиниана может составить хорошую библиотеку. Начиная с первых биографов поэта, П. В. Анненкова и П. И. Бартенева, пушкиноведы изучают каждый шаг великого гения, каждое его слово и движение пера. На основе воспоминаний, писем, дневников самого поэта и его современников создавались подробнейшие биографии и хронологии его жизни, расписанные чуть ли не по дням. Спрашивается, зачем нужна еще одна книга? Что нового найдет в ней искушенный читатель? Современный исследователь жизни и творчества Пушкина анализирует его личность, прежде всего с психологической точки зрения, прослеживая истории любовных увлечений. Чувственный мир поэта был очень богат; женская красота постоянно привлекала его внимание. «Он был гениален в любви, быть может, не меньше, чем в поэзии. Его чувственность, его пристрастие к женской красоте бросались в глаза. Но одни видели только низменную сторону его природы. Другим удалось заметить, как лицо полубога выступало за маской фавна», – писал П. К. Губер в книге «Донжуанский список Пушкина».

Говоря о личной жизни Пушкина, показывая его таким, каким он был на самом деле, автор не стремится опорочить его в глазах читателей. Главная цель этой книги – обнажить скрытые причины творческого вдохновения поэта, толкнувшие его на создание непревзойденных образцов любовной лирики.

- Александр Викторович Лукьянов
  - ○
  - ○ Предисловие
  - ○ Глава I
    - ■ 1
    - ■ 2
    - ■ 3
    - ■ 4
    - ■ 5
  - ○ Глава II
    - ■ 1
    - ■ 2
    - ■ 3
    - ■ 4
    - ■ 5
  - ○ Глава III

- 1
- 2
- 3
- 4

○ Глава IV

○ Глава V
- 1
- 2
- 3

○ Глава VI
- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6

○ Глава VII
- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7

○ Глава VIII
- 1
- 2
- 3
- 4
- 5

○ Глава IX
- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8
- 9
- 10

○ Глава X
- 1
- 2

- 3
- 4
- 5
- 6

○ Глава XI
- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8

○ Вместо заключения
○ Литература

Александр Викторович Лукьянов
Был ли Пушкин Дон Жуаном?

© Лукьянов А. В., 2014
© ООО «Издательство Алгоритм», 2014

Предисловие

О Пушкине написано столько книг, что многотомная «пушкиниана» может по объему составить хорошую библиотеку. Начиная с первых биографов поэта, П. В. Анненкова и П. И. Бартенева, армия пушкиноведов изучает каждый шаг Пушкина, каждое его слово, каждое движение пера, каждый порыв его многообразной и удивительно богатой чувствами души. Такая неординарная личность не может не вызвать желания ближе познакомиться с его жизнью, в том числе и интимной, в которой нашли место все оттенки богатейших духовных, эмоциональных и творческих сил.

Но среди всего многообразия литературы, написанной по поводу поэта, очень мало работ, где исследовалась личность Пушкина с психологической точки зрения. Конечно, в разное время и разными авторами отмечалась особая психологическая глубина лирики великого русского поэта, исследовались разнообразные аспекты его творчества, подчеркивалась необыкновенная сложность и противоречивость его душевного склада. На основе воспоминаний, писем, дневников самого Пушкина и его современников создавались подробнейшие биографии и хронологии его жизни, расписанные чуть ли не по дням.

Спрашивается, зачем нужна еще одна книга? Что нового в ней найдет искушенный читатель? Каких-то особенных открытий в ней явно нет. Новым является подход к освещению чувственной жизни поэта, которая играла значительную, если не основную роль в его жизни.

Уже стал аксиомой тот факт, что сексуальное влечение имеет огромное значение в формировании характера человека и подчас определяет все его жизненное поведение, его творческие способности и эмоциональную структуру психики. У обычных людей сексуальные подсознательные инстинкты не так ярко выражены. У личностей неординарных, выдающихся своими способностями и творческим потенциалом, а тем более гениев, эротическая составляющая психики является основной направляющей силой многих их поступков, мыслей, чувств и идей.

Задача настоящей работы – проследить путь формирования исключительной пушкинской чувственности, открыть ее истоки, проследить историю пушкинских увлечений, проанализировать те сознательные и подсознательные структуры пушкинской психики, которые сформировали необычный эротический феномен, может

быть единственный во всей русской культуре.

Чувственный мир Пушкина был очень богат; женская красота постоянно привлекала его внимание. «Не подлежит спору, что в эротическом отношении Пушкин был одарен значительно выше среднего уровня, – писал П. К. Губер в книге «Донжуанский список Пушкина». – Он был гениален в любви, быть может не меньше, чем в поэзии. Его чувственность, его пристрастие к женской красоте бросались в глаза. Но одни видели только низменную сторону его природы. Другим удалось заметить, как лицо полубога выступало за маской фавна». Такое необычное поведение поэта, его страстная натура, удивлявшая многих его современников, имела свои основы в глубоких подсознательных структурах его психики.

Тщательное и профессиональное психологическое исследование душевной жизни Пушкина еще впереди. В предлагаемой вашему вниманию книге я попытался привлечь психоанализ, как одно из ведущих направлений в мировой психологии, чтобы сделать попытку понять причины такой необычайной эротичности великого поэта. Не претендуя на научность данной книги, я попытался создать как бы биографию интимной жизни Пушкина, рассматривая ее сквозь призму психоанализа, используя теорию и практику его, изложенную в работах Зигмунда Фрейда, Вильгельма Райха и Александра Лоуэна.

Сравнивая психоаналитические типы различных человеческих характеров с главными чертами личности поэта и особенностями его поведения, я пришел к некоторым интересным выводам, которые помогут правильно понять развитие его любовной жизни.

Психоаналитический подход основывается на теории Фрейда о наличии в структуре психики человека так называемого «либидо», некоей «меняющейся количественной силы, которая может измерять все процессы и превращения в области сексуального возбуждения». Разная степень сексуальной энергии «либидо» приводит к формированию определенного типа человеческого характера. А так как в «либидо» подкачиваются из бессознательной части психики первичные сексуальные и агрессивные инстинкты, то психоанализ считает, что в основе сексуального поведения лежат мотивы инцеста, т. е. сексуальных связей с кровными родственниками.

В психике каждого человека формируется т. н. «эдипов» комплекс, который устанавливает подсознательный запрет на половой контакт с матерью и убийство отца (обычай первобытной орды). «Эдипов» комплекс является основой первичных

сексуальных фиксаций ребенка, а в дальнейшем руководит выбором сексуального объекта в зрелом возрасте. Первичные сексуальные влечения обычно обращены на родителей или близких, окружающих ребенка с первых лет его жизни. Затем, когда наступает пора половой зрелости, сексуальная направленность переходит на других людей. Однако в определенных случаях «инцестуальные» образы детства накладывают сильный отпечаток на эротическое поведение человека. В этом случае возникают некоторые отклонения от нормального поведения. По мнению Фрейда, именно эти противоречия между детскими сексуальными фиксациями и половой жизнью взрослых, т. е. противоречия «эдипова» комплекса, составляют основу различных неврозов, особенно на сексуальной почве.

В настоящей книге показано, что необыкновенная сексуальная энергия поэта имела своим источником сильный «инцестуальный» запрет на любовь из-за недостатка нежности со стороны родителей в детском и юношеском возрасте. Все те женские образы, на которые был направлен сексуальный выбор поэта, представляли собой в той или иной мере некоторый прообраз матери, няни или сестры – объекты детских сексуальных фиксаций. Именно «инцестуальные» запреты легли в основу необыкновенной «эротичности» Пушкина.

В этой книге я попытаюсь не только выявить ее причины, используя элементы психоанализа, но также расскажу о всех женщинах, сыгравших в его жизни замечательную роль, о всех музах и вдохновительницах его прекрасной поэзии, об их непростых сердечных и сексуальных взаимоотношениях с Пушкиным без замалчивания и прикрас, как бы создавая своеобразную любовную биографию поэта.

Должен отметить, что сфера интимной жизни любого человека всегда завуалирована и известна лишь узкому кругу близких ему людей. Пушкин не был исключением из этого правила. И хотя существуют множество свидетельств современников о его связях с женщинами, хотя в руках исследователей находятся колоссальное лирическое и эпистолярное наследие самого поэта, письма его друзей и знакомых, отыскать истину, составить верное представление о взаимоотношениях поэта со «слабым полом» чрезвычайно трудная задача. Нужно учесть, что мало кто из современников был объективным или же хорошо информированным, рассказывая о любовных делах Пушкина. Даже сам поэт не всегда искренно выражал свои мысли и желания, хотя, надо отдать ему должное, он никогда не лицемерил и не был ханжой.

Мы часто оцениваем великих художников с позиций мещанской морали, и, подчас, с самыми благими намерениями, искажаем их облик, превращаем живого человека со всеми его недостатками, а иногда и пороками, в сентиментально-благородного театрального героя, обладающего возвышенной душой и соблюдающего все 10 библейских заповедей. Говоря о личной жизни Пушкина, показывая его таким, каким он был на самом деле, я не стремлюсь опорочить его в ваших глазах. Мне хочется обнажить скрытые причины творческого вдохновения поэта, толкнувшие его на создание непревзойденных образцов любовной лирики, показать развитие и формирование его чувственной сферы. Ведь любви в жизни каждого человека принадлежит особое место.

Как сказал Роберт Бернс: «Любви не знавший дуралей достоин сожаленья». Но у разных людей любовь проявляется по-разному. Петрарка, один раз увидев Лауру, затем всю свою жизнь и всю свою поэзию отдал этой страсти. У Пушкина все было иначе. Он много раз влюблялся, и каждый раз под вдохновенным пером поэта рождались глубоко лирические и музыкальные строки, нежные и страстные, возвышенные и чувственные, печальные и задорные, сентиментальные и фривольные.

Мы не должны при этом придавать термину «эротизм» какое-то негативное звучание. Наоборот «эротизм», т. е. необыкновенная чувственность Пушкина, явился неотъемлемой частью его литературного гения, который сформировался, пусть частично, как результат проникновения бессознательных, инстинктивных сексуальных возбуждений в сферу его сознательной жизни. Конечно, в основе творческих процессов лежат не только сексуальные мотивы, однако само название моей работы предполагает освещение именно интимных сторон жизни великого поэта.

Может быть, читатель сочтет эту книгу несколько однобокой и тенденциозной. В этом есть доля правды. Но именно к этому я и стремился – показать в хронологической последовательности весь жизненный путь поэта в сфере его интимных отношений и, в некотором роде, создать психоаналитический портрет человека, чьи высочайшие сексуальные таланты поставили его в один ряд с таким великим соблазнителем, как Казанова.

Моя работа ни в коей мере не претендует на научность, но если она вызовет интерес к жизни поэта, заставит задуматься над многими скрытыми причинами человеческих поступков, побудит читателей подробнее ознакомиться с жизнью и творчеством Пушкина, то я буду считать свою задачу выполненной.

В заключение хочу привести слова барона М. А. Корфа: «…

тот, кто даже и теперь еще отважился бы раскрыть перед публикой моральную жизнь Пушкина, был бы почтен чуть ли не врагом отечества и отечественной славы. Все, или очень многие, знают эту жизнь; но все так привыкли смотреть на лицо Пушкина через призматический блеск его литературного величия, и мы так еще к нему близки, что всяк, кто решился бы сказать дурное слово о человеке, навлечет на себя укор в неуважении или зависти к поэту».

Я люблю Пушкина, и поэтому считаю, что любые черты, или даже черточки его личной и интимной жизни, какими бы неприятными они не казались, все же дополняют образ поэта, делают его более близким нам, его далеким потомкам и почитателям.

Глава I
«Могу ль на красоту взирать без умиленья…»
(Психоанализ характера)

1

Для понимания истоков необыкновенного эротизма поэта необходимо провести анализ его характера, который, как мы уже говорили, тесно связан с его «либидо». Как известно их психоанализа, характер человека является комплексом настроений, с которыми личность противостоит жизненным ситуациям. Далеко не всегда, считает А. Лоуэн, характер отражает объективную реальность, но самое главное в характере то, что он является типичной моделью поведения. С другой стороны, структура характера является единственной формой, в которой всегда функционируют первобытные инстинкты, концентрирующие энергию «либидо».

Структуру характера, по мнению психоаналитиков, можно определить по множеству деталей каждодневного поведения человека. Ее можно вывести из телосложения, телодвижений, поступков и манеры самовыражения. Поэтому в данной главе я попробую на основе анализа оценок характера Пушкина его современниками, друзьями и родными, определить тип характера поэта и его основные структурные элементы, в частности его сексуальные влечения и связанную с ними самолюбивую гордость.

По оценкам современников, характер у Пушкина был страстный, вспыльчивый, порывистый. Он любил карточную игру, был азартен и искал сильных ощущений, особенно в молодости. «Пушкин справедливо говорил мне однажды, – писал в своем дневнике А. Н. Вульф, – что страсть к игре есть самая сильная из страстей». Ум у поэта был злой и насмешливый, тем не менее все знавшие Пушкина считали его образцовым другом. В обществе поэт привлекал к себе обходительным обращением, и если с кем-то подружился, то всегда проявлял дружеские чувства. «Отличительною чертою Пушкина была память сердца; – вспоминал его друг С. А. Соболевский, – он любил старых знакомых и был благодарен за оказанную ему дружбу – особенно тем, которые любили в нем его личность, а не его знаменитость; он ценил добрые советы, данные ему вовремя, не в перекор первым порывам горячности, проведенные рассудительно и основанные не на общих местах, а сообразно с светскими мнениями о том, что есть честь, и о том, что называется честью».

Очень чувствительный к своей родословной, себялюбивый, Пушкин постоянно обижался на тех людей, которые не признавали в нем светского человека. Если он был в центре внимания, если шла обычная беседа, не затрагивающая

чувствительные струны поэта, то он казался ровным, веселым, остроумным собеседником, блистающий, как и его отец, и дядя, каскадом шуток, острот, умных и парадоксальных рассуждений. Но стоило кому-нибудь задеть поэта, посмеяться над ним или просто не обратить на него достаточного внимания, как Пушкин резко менялся. Язвительность, пренебрежение сквозили в его дальнейшем отношении к человеку. На прогневившего его бедолагу обрушивались язвительные или уничижительные эпиграммы. Сам любящий посмеяться и подшутить над окружающими его, Пушкин не выносил того же от других.

Пушкин был противоречив в своих поступках и привязанности. Эту черту его верно отметил П. А. Плетнев: «Общество, особенно, где он бывал редко, почти всегда приводило его в замешательство, и от того оставался он молчалив и как бы недоволен чем-нибудь. Он не мог оставаться там долго. Прямодушие, также отличительная черта характера его, подстрекало к свободному выражению мысли, а робость противодействовала…

Собою не владел он только при таких обстоятельствах, от которых все должно было обрушиться на него лично. Он почти не умел распоряжаться ни временем своим, ни другою собственностью. Иногда можно было подумать, что он без характера: так он слабо уступал мгновенно силе обстоятельств. Между тем ни за что он столько не уважал другого, как за характер… Пылкость его души и слияние с ясностью ума образовала из него это необыкновенное, даже странное существо, в котором все качества приняли вид крайностей». Эти крайности не только вызывали неприязнь его врагов, но и мягкое осуждение друзей.

«При всем своем добросердечии, – отмечал один из лучших друзей поэта, князь П. А. Вяземский, – он был довольно злопамятен, и не столько по врожденному свойству и увлечению, сколько по расчету; он, так сказать, вменял себе обязанность, поставил себе на правило помнить зло и не спускать должникам своим. Кто был в долгу у него, или кого почитал он, что в долгу, тот, рано или поздно, расплачивался, волею или неволею».

Психика Пушкина уже с детства носила неустойчивый характер. Он мог легко от веселья перейти к крайнему раздражению, и, наоборот, после милой и остроумной беседы наброситься на обидчика с резким выпадом, доходящим до дуэли. Иван Пущин, которого поэт называл: «Мой первый друг, мой друг бесценный», вспоминал о лицейских годах: «Случалось точно удивляться переходам в нем: видишь, бывало, его поглощенным не по летам в думы и чтения, и тут же внезапно оставляет

занятия, входит в какой-то припадок бешенства».

Постоянную смену настроения, можно сказать, двойственность душевного состояния поэта отмечали многие его современники. Один из литературных друзей его, барон Е. Ф. Розен, писал: «Пушкин был характера весьма серьезного и склонен, как Байрон, к мрачной душевной грусти, чтоб умерять, уравновешивать эту грусть, он чувствовал потребность смеха; ему не надобно было причины, нужна была только придирка к смеху! В ярком смехе его почти всегда мне слышалось нечто насильственное, и будто бы ему самому при этом невесело на душе». Другой современник поэта вспоминал: «Даже во среди множества людей нельзя было не заметить Пушкина: по уму в глазах, по выражению лица, высказывающему какую-то решимость характера, по едва ли унимаемой природной живости, какого-то внутреннего беспокойства, по проявлению с трудом сдерживаемых страстей».

После выхода из Лицея Пушкин поражал светское общество различными выходками: долгое время после болезни ходил обритый и в ермолке, иногда надевал парик, который снимал в разных местах и обмахивался как веером, привлекая, тем самым, всеобщее внимание. Он начал отращивать длинные ногти – предмет его гордости и постоянной заботы. Постоянно эпатировал высшее общество своей грубостью, ссорился со многими его представителями, имея частые дуэли, которые заканчивались вполне благополучно. Современник поэта И. П. Липранди правильно заметил основную психологическую черту Пушкина: «Самолюбие его было без пределов: он ни в чем не хотел отставать от других… Словом и во всем обнаруживалась африканская кровь его».

Не уступавший никому Пушкин готов был за малейшее неосторожное слово или косой взгляд, отплатить эпиграммой или вызовом на дуэль. «Пушкин всякий день имеет дуэли, – писала Екатерина Николаевна Карамзина князю Вяземскому незадолго до ссылки поэта на Юг, – благодаря бога они не смертоносны, бойцы всегда остаются невредимы». Дуэли сопровождали Пушкина всю жизнь. Нервический характер его, буйство страстей и огромное самолюбие не останавливали его перед опасностью. Поэт постоянно задирался, не внимая советам друзей, не интересуясь умением противника стрелять и, не особо ценя собственную жизнь. По этому поведению Пушкина можно сделать вывод о беспокойной, порывистой природе гения, который не находит в себе центра тяжести между противоположностями того психического дуализма, который свойственен человеку.

Почти каждое движение его было страстное, порывистое,

неопределенное от избытка жизненной силы его существа, которой он еще более пленял и увлекал своих современников, нежели своими сочинениями. Из страстей Пушкина, как писал один из современников поэта, первая, и самая сильная – его чувственная и ревнивая любовь. Даже брак не спас его от страсти к чувственным наслаждениям и от ревности. «Эротизм» Пушкина был исключительным, и нельзя было винить поэта за столь настойчиво и постоянно проявляемую страсть, зато в ревности его не было никакого основания.

С годами его чувственность несколько смягчилась, но ревность постоянно терзала его, являясь спутником его влюбленностей. И если поэт переживал любовь, то почти всегда ревность портила прелесть отношений с возлюбленной. Сексуально страстные люди по большей части страдают и беспричинной ревностью. Поэт испытывал ее муки по всякому ничтожному поводу, а часто и без всякого повода. Так было и в его романах с графиней Е. К. Воронцовой, с Амалией Ризнич, А. П. Керн. С годами муки ревности не оставили его, но и усилились, когда женой его стала молодая прелестница – Наталья Гончарова.

Сестра Пушкина, Ольга Сергеевна Павлищева, писала в письме к мужу: «Брат говорил мне, что иногда чувствует себя самым несчастным существом – существом близким к сумасшествию, когда видит свою жену разговаривающей и танцующей на балах с красивыми молодыми людьми; уже одно прикосновение чужих мужских рук к ее руке причиняет ему приливы крови к голове, и тогда на него находит мысль, не дающая ему покоя, что жена его, оставаясь ему верной, может изменять ему мысленно…». Вся семейная жизнь Пушкина – это история развития вечно возбужденной и мнительной ревности, результат которой так хорошо всем известен.

2

На основании всех известных сведений о манере поведении поэта и его основных чертах характера, можно сделать вывод, что с точки зрения психоаналитика характер поэта носил явно выраженный истерический тип. «Истерической можно назвать личность, – отмечает психоаналитик Отто Фенихель, – склонную вносить элемент сексуальности в любые, даже вовсе не сексуальные отношения, внушаемую, склонную к совершено непредсказуемым эмоциональным взрывам, к хаотичному, нередко театральному поведению, драматизированию ситуаций».

На истерический тип поведения поэта психологически верно указал его ближайший друг и старший современник: «Нет сомнения, что все истории, возбуждаемые раздражительным характером Пушкина, его вспыльчивостью и гордостью, не выходили бы из ряда весьма обыкновенных, – отмечает П. А. Вяземский, – если б не было вокруг него столько людей… Его выходки много содействовали его популярности…»

Истерическому характеру, как отмечают многие психоаналитики, свойственна ярко выраженная гордость, которая к тому же является как бы ключом к самому характеру. Не менее гордости истерическому характеру свойственно и чувство глубокой обиды, что также отмечали все друзья и современники поэта. Любое непонравившееся поэту слово вызывало в нем взрыв негодования и крайнее недовольство. Иногда обиды и просто оскорбления были реальными. Пушкин резко переживал все это, преследовал своего обидчика, не оставляя его без наказания.

Но главная черта истерического характера – «эротизм» поведения в совокупности с сексуальной агрессивностью. Плотское начало было явно заметно во всех любовных стремлениях поэта. И это не удивительно. Говоря терминами психоанализа у Пушкина было мощнейшее «либидо», т. е. огромное количество подсознательной сексуальной энергии, увеличение или уменьшение которой объясняет все те психосексуальные феномены его интимной жизни, о которых я расскажу далее. Высокое пушкинское «либидо», доставшееся ему от его африканских предков, огромная энергия сексуального возбуждения искала выход в сознательные формы своего проявления. Такими формами проявления «либидо» и явились: с одной стороны «эротизм» поэта, его постоянный поиск сексуального удовлетворения, а с другой стороны – процесс «сублимирования» эротической энергии, при котором, с точки зрения психоанализа, «исключительно сильным возбуждениям,

исходящим из отдельных источников сексуальности, открывается выход и применение в других областях, так что получается значительное повышение психической работоспособности». (З. Фрейд. «Очерки по психологии сексуальности»).

И если у большинства людей скрытое в бессознательном «либидо» проявляется в менее бурном темпераменте и сублимируется тем более в незначительные творческие потенции, то огромная сексуальная энергия поэта фактически сформировала его характер, взгляды на отношения полов, сопровождала его творчество. Рукописи Пушкина пестрят эротическими рисунками, сопровождающими варианты его стихов с перечеркнутыми строками. Целый сонм женских головок обрамляют колонки его четверостиший и, что особенно интересно, прелестные и стройные женские ножки постоянно присутствуют то здесь, то там, являясь, видимо, сильнейшим стимулом эротических фантазий поэта.

Сексуальная агрессия основана на мощной выработке психической энергии либидо. Именно эта энергия порождает эротизм, как внешнее выражение этой агрессии. Как отмечает крупнейший психоаналитик Вильгельм Райх в книге «Анализ характера», одной из основных черт истерического характера является «агрессивная отвага», зачастую помогающая добиться успеха. С другой стороны, такое «агрессивное поведение само играет роль защиты» от внешних психологических нагрузок.

Истерический характер, по мнению А. Лоуэна, все время находится в поиске все более глубоких чувств. Именно в этом состоят его желание и потребность, толкающие к флирту, к поиску все новых и новых романов, к внебрачным связям. С точки зрения психоанализа истерическому характеру легко увеличить выработку энергии «либидо»: это получается при любом возбуждении. Самый распространенный путь – через новую любовную связь. При этом возбуждение возрастает как следствие новых переживаний, а ощущение завоевания в новом романе приводит к росту сексуального заряда, увеличению жизненной активности и появлению чувства радости. Но поскольку с ростом заряда способность к разрядке вовсе не увеличивается, то энергия так или иначе должна вернуться на прежний уровень. Возбуждение падает, выработка энергии снижается, новизна нового романа исчезает, нужно искать следующий. Именно этот психический механизм, описанный психоаналитиком А. Лоуэном, лежал в основе всех бесконечных пушкинских увлечений. Пушкин не мог быть другим, и это он прекрасно понимал, подчас глубоко анализируя свои потаенные мысли и причины многих некрасивых поступков в своих письмах и особенно – в своих прекрасных

лирических стихотворениях.

3

В 1826 году, возвратившись из ссылки, Пушкин написал, вернее даже не закончил, небольшую миниатюру, одно из немногих стихотворений, где он выражает истинные свои чувства и взгляды:

Каков я прежде был, таков и ныне я:
Беспечный, влюбчивый. Вы знаете, друзья,
Могу ль на красоту взирать без умиленья,
Без робкой нежности и тайного волненья.

Пушкин сказал о себе правду. Ни у кого из поэтов не выражены с такой силой тоска по женской любви, так глубоко не описаны «муки и радости», причиняемые женской любовью. Любовные мотивы звучат в его поэзии постоянно. Уже десяти лет Саша Пушкин увлекся еще более юной Сонечкой Сушковой. Позднее он писал о своей «ранней» любви:

Подруга возраста златого,
Подруга красных детских лет,
Тебя ли вижу, взоров свет,
Друг сердца, милая…….?

Даже рукописи поэт не доверил своей нежной сердечной тайны. За «ранней» и «первой» любовью последовали в стремительном темпе вторая, третья и т. д. В одном из писем к княгине В. Ф. Вяземской поэт писал: «Натали, это, замечу в скобках, моя сто тринадцатая любовь». В своих дневниках Пушкин замечает: «Более или менее я был влюблен во всех хорошеньких женщин, которых знал. Все они изрядно надо мной посмеялись; все, за одним-единственным исключением, кокетничали со мной». Пушкин потерял счет своим увлечениям, то глубоким и мучительным, то несерьезным и легкомысленным. Любовь к женскому телу, женской ласке, женскому обаянию была всегда верной спутницей его жизни до самой могилы. Иногда она оставляла его, но ненадолго, лишь для того, чтобы вспыхнуть с новой силой – «и сердце вновь горит и любит – оттого, что не любить оно не может» – писал Пушкин в самом проникновенном своем стихотворении.

Большинство увлечений поэта носило легкий и чисто

сексуальный характер. И лишь некоторые заставляли трепетать его сердце, соединяя грубую чувственность с возвышенной поэзией. Вот что писал о нем его брат Лев Сергеевич: «Невзирая на обычную веселость, Пушкин предавался любви со всею ее задумчивостью, со всем ее унынием. Предметы страсти менялись в пылкой душе его, но сама страсть не оставляла». А княгиня Вера Федоровна Вяземская, большой друг поэта, которую он посвящал во все подробности своей интимной жизни, вспоминала: «Пушкин говаривал, что, как скоро ему понравится женщина, то уходя, или уезжая от нее, он долго продолжает быть мысленно с нею и в воображении увозит с собою, сажает ее в экипаж, предупреждает, что в таком-то месте будут толчки, одевает ей плечи, целует ей руки и т. д.».

«Пушкин очень любил легкий флирт, – отмечает П. К. Губер, – ни к чему не обязывающий обе стороны. Но когда ему не удавалось удержать нарождающееся чувство в должных границах, когда любовь приходила не на шутку, она обычно протекала, как тяжелая болезнь, сопровождаемая бурными пароксизмами. Ему нужно было физическое обладание, и он подчас готов был буквально сойти с ума в тех случаях, когда женщина оставалась недоступной».

Сколько их прошло через его руки, один бог знает? В коллекции Пушкина нашлось место и знатным дамам и крепостным актрисам, бесстыжим блудницам и совращенным девственницам, мамашам под сорок лет и их юным дочерям, знакомым и малознакомым женщинам, родственницам, ветреным барышням, женам его лучших друзей и т. д. Постоянные любовные упражнения и, в особенности, частые посещения публичных домов привели к тому, что ко времени своей женитьбы он выглядел, по словам Полевого, «истощенным и увядшим»… Вот что пишет о моральном облике поэта барон М. А. Корф, лицейский товарищ Пушкина: «Начав еще в Лицее, он после, в свете, предался всем возможным распутствам и проводил дни и ночи в беспрерывной цепи вакханалий и оргий, с первыми и самыми отъявленными тогдашними повесами. Должно удивляться, как здоровье и самый талант его выдерживали такой образ жизни, с которыми естественно сопрягались частые любовные болезни, низводившие его не раз на край могилы… У него были только две стихни: удовлетворение плотским страстям и поэзия, и в обеих он ушел далеко».

Немного резкое высказывание, и даже можно усомниться в его истинности. Но дадим слово самому поэту. Вот что он пишет в послании к Юрьеву:

Здорово, молодость и счастье,
Застольный кубок и бордель,
Где с громким смехом сладострастье
Ведет нас пьяных на постель.

Это написано в 1819 году. Пушкину двадцать лет. Через пять лет, в 1824 году в письме к своему тверскому приятелю и сотоварищу по любовным похождениям Алексею Вульфу он пишет:

Дни любви посвящены,
Ночью царствуют стаканы,
Мы же – то мертвецки пьяны,
То мертвецки влюблены.

В 1828 году, в почти тридцатилетнем возрасте, он признался в письме к Е. М. Хитрово: «Хотите, я буду совершенно откровенен? Может быть, я изящен и благовоспитан в моих писаниях, но сердце мое совершенно вульгарно и наклонности у меня вполне мещанские…» (август-октябрь, 1828 год).

«Вечно без копейки, вечно в долгах, – отмечал все тот же барон М. А. Корф, – иногда без порядочного фрака, с беспрестанными историями, с частыми дуэлями, в тесном знакомстве со всеми трактирщиками, б…. и девками, Пушкин представлял тип самого грязного разврата». Барон Корф был лицейским товарищем поэта, человеком чопорным и религиозным. Оценка его несколько резкая, но достаточно правдивая. Дело в том, что поведение Пушкина было самым обычным на фоне забав и разгула светской и гусарской «золотой» молодежи и полностью соответствовало его характеру. Агрессивный эротизм поэта можно полностью объяснить, используя исследования современного американского психоаналитика А. Лоуэна, изложенные в книге «Язык тела».

Мужчина с истерическим характером (по терминологии А. Лоуэна – фаллически-нарциссическим) считает себя половым гигантом, потому что способен за одну ночь иметь несколько коитусов и разрядок. Однако половая разрядка у него наступает быстрее, чем поступает энергия в пенис. Иными словами, истерик, не достигая максимума удовлетворения при оргазме, зачастую почти не получает наслаждения от своих сексуальных переживаний и усилий.

Именно по этой причине истерический мужчина стремится завоевать как можно больше женщин. «Поскольку сексуальное

удовлетворение неполно, – тонко подмечает А. Лоуэн, – возникает ощущение недовольства именно данной партнершей и надежда – осознанная или бессознательная, – что с новой партнершей наслаждение будет сильнее и полнее. В приливе возбуждения, вызываемого процессом завоевания нового "объекта" и новыми взаимоотношениями, это действительно может произойти. Но как только исчезает новизна, возбуждение, а с ним и сексуальное наслаждение падает, все возвращается на круги своя, роман заканчивается. Процесс этот, проходящий на генитальном уровне, типичен. Фаллический мужчина, не находя полного удовлетворения ни на каком уровне деятельности, вынужден идти дальше по пути новых романов и завоеваний».

Отличительным свойством истерического характера является не только откровенная сексуальность поведения, но и особая телесная ловкость, также имеющая сексуальный оттенок. Как бы подтверждая это, П. В. Анненков описывает физическую структуру поэта следующим образом: «Физическая организация молодого Пушкина, крепкая, мускулистая и гибкая, была чрезвычайно развита гимнастическими упражнениями. Он славился как неутомимый ходок пешком, страстный охотник до купанья, до езды верхом, и отлично дрался на эспадронах, считаясь чуть ли не первым учеником известного фехтовального учителя Вальвиля».

Один из современников поэта, лицейский товарищ Пушкина, В. П. Горчаков в 1820 году дает аналогичную характеристику: «… молодой человек небольшого роста, но довольно плечистый и сильный, с быстрым и наблюдательным взором, необыкновенно живой в своих приемах, часто смеющийся в избытке непринужденной веселости, и вдруг неожиданно переходящий к думе, возбуждающей участие».

А вот как описывает одного своего пациента с фаллическим (истерическим) характером все тот же А. Лоуэн: «Он был чуть ниже среднего роста, худой, довольно жилистый и выносливый. Лицо тоже худое, с напряженным внимательным взглядом живых глаз. Движения быстрые, целенаправленные и решительные, что свидетельствовало о хорошей энергетической заряженности. На усталость он не жаловался. Невзирая на внешнюю худобу, мышцы отличались развитостью и хорошим тонусом, благодаря чему тело не производило впечатления астеничного. Он постоянно возбужден в сексуальном отношении и в каждой женщине видит возможный сексуальный объект».

Не правда ли, описание физической структуры поэта полностью совпадает с внешними данными человека, чей характер установлен психоаналитиками как истерический

(фаллически-нарциссический)?

4

В основе истерического типа поведения лежит, по словам другого крупнейшего психоаналитика В. Райха, «задержка развития ребенка на генитальной фазе, усугубленная привязанностью, граничащей с инцестом». Толкование Райха можно считать классическим, основанным на Фрейдовской теории развития сексуальности. Фрейд считал, что в детском возрасте сексуальная энергия человека направлена прежде всего на окружающих его людей (мать, сестру, няню). А так как эти влечения подсознательно ограничиваются, т. е. возникает запрет на инцест (половая связь с родителями и близкими родственниками), а иногда и практически подвергаются осуждению со стороны взрослых, то у ребенка возникает психическая напряженность. Необходимо разрешить проблему «инцестуальной» привязанности. А поскольку проблема такой привязанности, как мы увидим в дальнейшем, в нужное время не разрешилась, то любовные устремления Пушкина разделились на две, несовместимые в одном мозгу эмоции: нежные чувства (влюбленность) и чувственность («эротизм» поведения). «Истерический характер, – отмечает А. Лоуэн, – не способен ни в какой степени связать эти две эмоции в единое чувство, направленное на одного человека».

«Любовь, как проникновение в духовный облик другого существа, – отмечал известный пушкиновед Л. Гроссман, – глубоко сочувственное овладение этим сложным миром, полное слияние с ним и радость общего бытия в единстве внутренних переживаний, такое чувство было чуждо Пушкину. Любви в этом смысле он вероятно никогда не знал… Обычно он испытывал лишь страсть и ревность, но оба эти состояния переживал необычайно интенсивно и бурно». В Пушкине удивительным образом сочетались страстная любовь к женским прелестям и презрительное отношение к женщине как к существу низшему в умственном и духовном отношении. Серьезные разговоры о политике, поэтические споры, задушевные беседы – все это поэт дарил своим друзьям, но никогда своим подругам. «Нельзя довольно оценить наслаждение быть с ним часто вместе, размышляя о впечатлении, которое возбуждается в нас его необычайными дарованиями», – пишет декабрист А. Муханов своему брату. И далее продолжает: «Он стократ занимательнее в мужском обществе, нежели в женском».

Эту особенность характера поэта отметила в своих воспоминаниях А. П. Керн: «Трудно было с ним вдруг сблизиться,

он был неровен в обращении: то шумно весел, то дерзок, то нескончаемо любезен, то томительно скучен; и нельзя было угадать, в каком он будет расположении духа через минуту… Вообще же надо сказать, что он не умел скрывать своих чувств, выражал их всегда искренно и был неописуемо хорош, когда что-либо приятно волновало его. Когда он решался быть любезным, то ничего не могло сравниться с блеском, остротою и увлекательностью его речи. Сам добрый, верный в дружбе, независимый, бескорыстный, живо воспринимая добро, – отмечает Анна Петровна, – Пушкин, однако, как мне кажется, не увлекался им в женщинах: его гораздо более очаровывало в них остроумие, блеск и внешняя красота. Кокетливое желание ему понравиться не раз привлекало внимание поэта гораздо более, чем истинное чувство им внушенное. Пушкин скорей очаровывался блеском, чем достоинством и простотой в характере женщин. Это, естественно, привело к его невысокому о них мнении, бывшем совершенно в духе того времени». Отношения Пушкина с женщинами лучше всего прослеживаются в его переписке с представительницами прекрасного пола того времени.

Мы еще проследим за всеми перипетиями любовной жизни поэта, отраженной и в его переписке, и в заметках его современников, и в письмах его друзей. Как отмечал Л. Гроссман, наследие европейской эротики XVIII века заметно влияло на интимный быт русского культурного дворянства. Знаток и ценитель этих традиций «галантного века», Пушкин постоянно дополнял романтические чувства своих прелестных возлюбленных, почерпнутые из «Новой Элоизы» Руссо, техникой холодного волокитства из «Опасных связей» Шодерло де Лакло. «Чувство только дополнение к темпераменту», писал он полюбившей его Анне Вульф, которая из общения с ним выносит впечатление, что он «опасный человек», не стоящий искреннего увлечения. Переписка Пушкина действительно подтверждает, что женщина с ранней юности получила для него значение только как возбудительница сексуальных влечений. Под конец жизни, в 1836 году, Пушкин давал юному князю Павлу Вяземскому своеобразные уроки, убеждая его «в важном значении для мужчины способности приковывать внимание женщин». «Он учил меня, – вспоминает князь, – что в этом деле не следует останавливаться на первом шагу, а идти вперед, нагло, без оглядки, чтобы заставить женщин уважать вас… Он постоянно давал мне наставления об обращении с женщинами, приправляя свои нравоучения циническими цитатами из Шамфора».

Вспомните «Евгения Онегина», где Пушкин выразил всю свою

философию неисправимого соблазнителя в известных всем строках:

Чем меньше женщину мы любим,
Тем легче нравимся мы ей,
И тем ее вернее губим
Средь обольстительных сетей.

Знаменитый поэт, увлекательный собеседник, сопровождаемый громкой литературной славой и интригующей репутацией «цинического волокиты», он, видимо, производил на женщин – особенно в последнее десятилетие своей жизни – совершенно неотразимое впечатление. Некоторые строки из писем к нему Анны Вульф, П. А. Осиповой или Е. М. Хитрово свидетельствуют об их глубоком и трогательном чувстве, готовом все понять и все простить. Но сам поэт относился обычно довольно легко к этим проявлениям сердечной привязанности. И это вполне объясняется истерическим характером поэта, чья сексуальность не захватывала всего организма, а ограничивалась лишь гениталиями. В такой личности всегда обнаруживается разлад между любовью, нежными чувствами и просто половыми желаниями.

Люди с расщепленным любовным чувством, по мнению Фрейда, обязательно должны унижать половой объект. Только при условии такого унижения может свободно проявляться чувственность мужчины; при этом резко увеличивается половая активность и возникает сильное чувство наслаждения. Любовь, как отмечал тот же Л. Гроссман, была для Пушкина только сферой острых эротических переживаний и несколько отвлеченным материалом для великолепных лирических стихотворений. Но любви в простом человеческом смысле ему, по-видимому, никогда не пришлось испытать. Романтика чувства исключалась его насмешливым скептицизмом. Так, графиню Воронцову он видит в цинических «36 позах Аретино», А. П. Керн для него – «вавилонская блудница», Анна Вульф – смешная провинциалка, Елизавета Михайловна Хитрово – сладострастная Пентефреиха.

Презрение к женщине было вызвано чисто психологическим фактором, оно имело «инцестуальное» происхождение, особенно когда дело касалось сексуальных отношений и поэзии, двух главных структур пушкинского «либидо». С одной стороны он воспевал любовь к женщине, стремился к нам постоянно, с другой боялся их, не пуская в святая святых своего «Я» – поэтическое творчество.

Стон лиры верной не коснется
Их легкой, ветреной души;
Не чисто в них воображенье:
Не понимает нас оно,
И, признак Бога, вдохновенье
Для них и чуждо и смешно.
Когда на память мне невольно
Придет внушенный ими стих,
Я содрогаюсь, сердцу больно,
Мне стыдно идолов моих.

В эстетическую тонкость восприятия поэзии со стороны женщин Пушкин не верил. В статье «Отрывки из писем, мысли и замечания» поэт писал: «Дело в том, что женщины везде те же. Природа, одарив их тонким умом и чувствительностью, самою раздражительною, едва ли не отказала им в чувстве изящного. Поэзия скользит по слуху их, не досягая души; они бесчувственны к ее гармонии; примечайте, как они поют модные романсы, как искажают стихи, самые естественные, расстраивают меру, уничтожают рифму. Вслушайтесь в их суждения, и вы удивитесь кривизне и даже грубости их понятия… исключения редки». Поэт не хотел впускать женщин в свой духовный мир. Он боготворил в них только способность удовлетворения его эротических запросов. Идеал женщины для Пушкина – наложница гарема, подчиненная мужчине и готовая в любую минуту удовлетворить его прихоть.

Умна восточная система,
И прав обычай стариков:
Они родились для гарема
Иль для неволи теремов.

И, несмотря на это, Пушкин вызывал у женщин ответное чувство, а иногда и просто влюблял их в себя, сам оставаясь равнодушным.

«Женщинам Пушкин нравился, – вспоминает брат поэта, – он бывал с ними необыкновенно увлекателен и внушил не одну страсть на веку своем. Когда он кокетничал с женщиной или когда был действительно ею занят, разговор его становился необыкновенно заманчив». Его друг по амурным похождениям в Тригорском, Алексей Николаевич Вульф, верно отмечает какую-то бесовскую привлекательность поэта. «Пушкин говорит очень хорошо; пылкий проницательный ум обнимает быстро предметы;

но эти же самые качества причиною, что его суждения об вещах иногда поверхностны и односторонни. Нравы людей, с которыми встречается, узнает он чрезвычайно быстро: женщин же он знает, как никто. Оттого, не пользуясь никакими наружными преимуществами, всегда имеющими большое влияние на прекрасный пол, одним блестящим своим умом он приобретает благосклонность оного». С одной стороны, он увлекал их блеском своего ума, веселостью, непринужденностью в разговоре, остроумием и какой-то особенной вдохновенностью выражения своих мыслей. С другой стороны, страстность его чувств, какая-то сексуальная агрессия, чувственность самца, видимо, нравилась женщинам. В 1820 году Пушкин писал о себе в письме к Юрьеву:

А я, повеса вечно праздный,
Потомок негров безобразный,
Взращенный в дикой простоте,
Любви не ведая страданий,
Я нравлюсь юной красоте
Бесстыдным бешенством желаний.

Пушкин сам сознавал свою некрасивость, а другие еще более отмечали ее. «Лицо его было, конечно, выразительно, – пишет А. А. Оленина, к которой поэт сватался в 1828 году, – но некоторая злоба и насмешливость затмевали тот ум, который виден был в его голубых, или лучше сказать, стеклянных глазах его… Да и прибавьте к этому ужасные бакенбарды, растрепанные волосы, ногти, как когти, маленький рост, жеманство в манерах, дерзкий взгляд на женщин, которых он отличал своей любовью, странность нрава природного и принужденного и неограниченное самолюбие».

А вот что записала в своем дневнике в 1836 году графиня Д. Ф. Фикельмон: «… невозможно быть более некрасивым – это смесь наружности обезьяны и тигра; он происходит от африканских предков и сохранил еще некоторую черноту в глазах и что-то дикое во взгляде».

Но поэт был настолько очарователен с женщинами, что многие находили его внешне привлекательным и даже красивым. Молодая провинциалка Синицына Е. Е. восхищенно писала: «Пушкин был очень красив; рот у него был очень прелестный, с тонко и красиво очерченными губами, и чудные голубые глаза. Волосы у него были блестящие, густые и кудрявые, как у мерлушки, немного только подлиннее».

Также характеризует внешность поэта жена его московского друга В. А. Нащокина: «Пушкин был невысок ростом, шатен, с

сильно вьющимися волосами, с голубыми глазами необыкновенной привлекательности. Я видела много его портретов, но с грустью должна сознаться, что ни один из них не передал и сотой доли духовной красоты его облика – особенно его удивительных глаз. Это были особые, поэтические задушевные глаза, в которых отражалась вся бездна дум и ощущений, переживаемых душою великого поэта. Других таких глаз я во всю мою долгую жизнь ни у кого не видала».

По-разному виделся Пушкин женщинам, по разному и привлекал их. Он был как Протей, постоянно меняющийся, непостоянный, неверный, переходящий от пылкой влюбленности к пошлым ухаживаниям, от истинно «петрарковской», благородной страсти к самому низменному разврату. Как-то в минуту веселости в кругу прелестных сестер Ушаковых, которые не раз посмеивались над влюбчивостью поэта, он набросал в альбом младшей сестры, Елизаветы Николаевны, перечень женских имен, как бы подсчитывая свои сердечные увлечения. Этот перечень пушкиноведы метко назвали «Донжуанским списком». Много усилий было предпринято, чтобы сопоставить имена этого списка с реальными возлюбленными поэта.

Список распадается на две половины, помещенные в разных местах альбома.

Вот имена первого списка:

Наталья I, Катерина I, Катерина II, NN,кн. Авдотья, Настасья (?), Катерина Ш, Аглая, Калипсо, Пульхерия, Амалия, Элиза, Евпраксия, Катерина IV, Анна, Наталия

А вот имена второго списка:

Мария, Анна, Софья, Александра, Варвара, Вера, Анна, Анна, Анна, Варвара, Надежда, Аграфена, Любовь, Ольга, Евгения, Александра, Елена.

Судя по всем данным, оба перечня были написаны в конце 1829 года, после возвращения Пушкина из Арзрумского путешествия. В первом списке запечатлены более глубокие, запомнившиеся поэту увлечения, о которых он иногда вспоминал с улыбкой горечи и страдания. Зато второй список пестрит именами, внушившими поэту иное чувство, легкое, поверхностное, задевающее душу не так сильно. Исследователи полагают, что имена в этом списке располагаются в хронологическом порядке, хотя и не вполне строгом. Пушкин не только любил женщин, он любил говорить о них, подчас бывая нескромным в своих откровениях. Но благодаря этой черте его характера мы имеем возможность проследить его сердечные увлечения и понять причины такой сексуальной агрессивности.

5

Из вышесказанного следует, что Пушкин был явным невротиком. Истерический характер его проявлялся во всех его поступках и, особенно, в отношениях с женщинами. Кажущаяся непоследовательность поэта, его двойственная оценка слабого пола, подчас диаметрально противоположные взгляды на любовь – все это объясняется в результате психоаналитического анализа характера, проведенного простым сравнением фактов жизни поэта и фактов, полученных крупнейшими психоаналитиками мира в процессе лечения больных. В той же книге «Очерки по психологии сексуальности» Зигмунд Фрейд дает результаты психоанализа сексуальных влечений людей с истерическим характером. Вот что он пишет: «В истеричном характере наблюдается некоторая доля сексуального вытеснения, выходящего за пределы нормального, повышения сопротивлений против сексуального влечения, известных нам, как стыд, отвращение, мораль, и как бы инстинктивное бегство от интеллектуальных занятий сексуальной проблемой, имеющее в ярко выраженных случаях следствием полное незнакомство с сексуальным вплоть до достижения половой зрелости».

Однако, эта черта истерического характера, ответственная за «романтический» идеал, который всю жизнь волновал поэта, и который он как бы нашел в Наталье Гончаровой, глубоко скрыта и недоступна для наблюдения. Она проявляется больше подсознательно, сублимируясь в виде поэтических образов, и как бы перебивается другим сильно развитым фактором истерии – «слишком сильно развитым сексуальным влечением». В результате истерический характер внешне выражается в той сумме бурных, несообразных, подчас грубых, иногда непонятных, но всегда эпатирующих общество поступках. Основа этих поступков – дуальное существование противоположной пары: «слишком сильной сексуальной потребности и слишком далеко зашедшим отрицанием сексуального. Истерический характер поэта, воспитанный на «эротической» культуре XVIII века и патриархальных отношениях русского барства, постоянно проявлял себя как неустойчивый, взрывной и нервный. Для этого типа характера осознание сексуальности возможно только в двух вариантах: сексуальная агрессия или романтическая любовь. Невроз Пушкина состоял в антагонизме двух проявлений одного и того же импульса.

Если попытаться добраться до сердца истерического характера, мобилизовать глубоко упрятанное чувство любви

наткнешься на преграду. Видимо, поэтому мало кто мог понять истинную сущность поэта. Поступки его были часто отвратительны, какая-то неуживчивость терзала поэта. Он постоянно ссорился с отцом, дрался на дуэлях, был не в ладах с правительством, даже друзья терпели от него, и, как бы понимая внутреннюю противоречивость поэта, прощали ему нехорошие поступки. Женщины также его любили и прощали, несмотря на его полупрезрительное и полувосхищенное к ним отношение. Но, кажется, только сам поэт понимал свой характер. Противоречивость его лиры – яркое доказательство этого.

Глава II
«Везде со мною образ твой…»
(Детство)

1

Необыкновенная эротичность Пушкина явилась результатом взаимодействия многих факторов, как наследственного плана, так и связанных с характером его воспитания, взаимоотношений с родителями и с окружающими его людьми. Многие исследователи отмечали, да и сам Пушкин об этом говорил, что африканская кровь поэта создала его столь бурный темперамент. Роль наследственных факторов в формировании психической структуры человека очень велика. Еще Фрейд сделал вывод, что «конечная форма сексуальной жизни является прежде всего результатом врожденной конституции». (З. Фрейд. «Очерки по психологии сексуальности»).

Чтобы понять истоки взрывного Пушкинского характера, его беспокойного нрава и вечной жажды наслаждения – необходимо познакомиться с ближайшей генеалогией поэта, с историей жизни его предков, родителей и ближайших родственников. Предки поэта, как со стороны отца, так и стороны матери отличались твердым характером, граничащим с непослушанием, крутостью нрава, бурным темпераментом, необыкновенной смелостью, энергией, проявляли творческую одаренность в различных областях тогдашней русской жизни. Бояре Пушкины занимали крупные посты, участвовали в походах Ивана Грозного, служили воеводами, наместниками, послами. Таланты их, однако, сочетались с неустойчивостью психики, что часто бывает у людей, чья большая внутренняя сексуальная энергия преобразуется в активную творческую деятельность.

Так прадед поэта Александр Петрович Пушкин «был женат на меньшой дочери графа Головина, первого андреевского кавалера, – писал в своей Родословной поэт. – Он весьма молод, и в припадке сумасшествия зарезал свою жену, находившуюся в родах». Его сын, дед поэта, Лев Александрович, был человеком «пылким и жестоким», как отозвался о нем его знаменитый внук. «Первая жена его, – рассказывает в своей автобиографии Пушкин, – урожденная Воейкова, умерла на соломе, заключенная им в домашнюю тюрьму за мнимую или настоящую ее связь с французом, бывшим учителем ее сыновей, и которого он весьма феодально повесил на черном дворе».

Вторым браком Лев Александрович женился на Ольге Васильевне Чичериной, в результате чего появились на свет Сергей Львович Пушкин – отец поэта и Василий Львович – дядя поэта или, как его назвал великий племянник, «Парнасский мой отец». Сыновья не пошли по пути своих предков, они не стали

военными. Пушкинское семейное «либидо» направило их энергию к литературным начинаниям. Стихотворное искусство стало любимым занятием молодых людей. И если Василий Львович стал профессиональным поэтом, печатался в различных изданиях, то Сергей Львович, продолжая до глубокой старости писать стихи, оставался равнодушным к славе стихотворца.

Оба брата были богаты, беззаботны, мало занимались управлением своих имений, постоянно нуждались в деньгах. Василий Львович сначала был женат на красавице К. Вышеславцевой, затем развелся с ней и сошелся с «вольноотпущенной девкой», с которой жил до старости и от которой имел «незаконных детей». Как отмечает В. Вересаев в своей книге «Спутники Пушкина»: «Василий Львович блистал в салонах, был душой общества, был неистощим в каламбурах, остротах и тонких штуках… В непрерывных посещениях балов, раутов, обедов, литературных собраний, в участии в любительских спектаклях и шарадах проходила вся жизнь Василия Львовича». Он был легкомыслен, доверчив и наивен, хотя внешне выглядел солидно, всегда модно одевался и старался поразить светское общество своими стихами. Он просто обожал читать стихи перед публикой, пользуясь каждым удобным случаем. Пушкин относился к дяде несколько снисходительно, постоянно подтрунивая над ним в своих письмах к друзьям, называя его «посредственным» и «глупым».

Отец поэта, Сергей Львович, был по словам П. И. Бартенева: «человек пылкого, несколько раздражительного нрава, отличался светской любезностью, блестящим по своему времени образованием, сценическим искусством, каламбурами, словом, имел все достоинства и недостатки того легкого французского воспитания, которое получали достаточные русские дворяне в конце прошедшего столетия. Быстрота в переходе от одних ощущений к другим, пылкость и легкость характера, и острота ума, без сомнения перешли в наследство к сыну».

Как и его брат Василий Львович, отец поэта был «душою общества, неистощим в каламбурах, остротах и тонких шутках. Он любил многолюдные собрания, был известен, как остряк и человек необыкновенно находчивый в разговорах. Владея в совершенстве французским языком, он писал на нем стихи так легко, как француз, и дорожил этой способностью. Чрезвычайно любезный в обществе, он торжествовал особенно в играх, требующих беглости ума и остроты, и был необходимым человеком при устройстве праздников, собраний и особенно домашних театров». Сергей Львович был прекрасный актер и декламатор, мастерски читал, особенно Мольера. Как отмечает В.

В. Вересаев: «Жизнь представлялась Сергею Львовичу лугом удовольствий, а дворянин – мотыльком, которому предназначено порхать по оному лугу и пить цветочный сладкий сок».

У обоих братьев не было времени заниматься делами своих имений. Они относились к хозяйственной деятельности равнодушно. Вот почему вся их жизнь, проведенная в беготне за высшим светом и модными течениями, в толкотне людской и в пересудах слышанного и виденного, оставила их под конец материально и умственно разбитыми и несостоятельными.

С другой стороны, Сергей Львович был крайне скуп, фальшив, равнодушно относился к детям, был слезлив, сентиментален и отличался склонностью к молодым девицам, особенно в старости. «Он влюблялся направо и налево, – писал о нем В. В. Вересаев, – влюблялся даже в десятилетних девочек, писал возлюбленным длинные стихотворные послания, пламенел надеждами, лил слезы отчаяния». В Петербурге Сергей Львович ухаживал даже за Анной Петровной Керн, писал ей страстные любовные послания, что не помешало ему влюбиться в ее молоденькую дочь Катю и совершать различные безумства.

2

Со стороны матери в Пушкине текла негритянская кровь. Надежда Осиповна Пушкина, урожденная Ганнибал, была по отцу внучкой знаменитого Ибрагима – Арапа Петра Великого, который ребенком был похищен в Эфиопии, затем продан в рабство и, наконец, подарен русскому царю.

«Отец Ибрагима Ганнибала, – пишет проф. Д. Н. Анучин, – был владетельным князем в северной Абиссинии и имел резиденцию на абиссинском плоскогорье, в Логоне. У этого князя была большая семья, много жен и детей, целый сераль. Прадед Пушкина был одним из младших сыновей этого князя, находившегося уже в преклонных летах; он пользовался, по-видимому, особенною любовью своего отца, что могло вызвать зависть в старших братьях (от других жен), которые и нашли случай от него избавиться. Случай этот был вызван необходимостью уплаты туркам дан или представления заложников; братья воспользовались, вероятно, этим обстоятельством и обманным способом доставили Ибрагима (по-абиссински – Абраама) в турецкий пост Аркико, продали его там (или отдали взамен части дани в заложники) туркам, которые посадили его в лодку и повезли на корабле в Константинополь и, как мальчика княжеского происхождения, представили во дворец к султау. Любимая, сопровождавшая Ибрагима сестра, пыталась избавить брата от этой участи, но безуспешно; тогда в отчаянии она бросилась в море и утонула.

Тип абиссинцев, – рассказывает далее антрополог, – воспринял в себя, несомненно, семитскую примесь, как с другой стороны и примесь крови негров, но в массе населения он является своеобразным, занимающим как бы среднее положение между семитским, – и негритянским. Эта своеобразность типа оправдывает выделение абиссинцев совместно с соседними народностями в особую антропологическую расу, которой обыкновенно теперь придают название хамитской. Основываясь на серии портретов северных абиссинцев, мы можем воссоздать до известной степени тип Ибрагима Ганнибала. Это был, по всей вероятности, довольно рослый, темнокожий, шоколадного цвета субъект с черными курчавыми волосами, удлиненным черепом, овальным сухим лицом, высоким лбом без заметных выступов над бровями, слабою растительностью на лице, черными глазами, полными, толстоватыми губами и, может быть, несколько широким, но все-таки не негритянским носом».

Генерал-аншеф Абрам Петрович Ганнибал прожил жизнь

интересную, бурную, полную опасностей и перемен. Он проявил себя как секретарь Петра, как участник многих известных сражений, как военный математик, учившийся во Франции, педагог, строитель крепостей. Это был умный, одаренный человек, с бурным темпераментом и южной необузданностью.

Не только его служебная, но и семейная жизнь была крайне бурной. В конце 1730 года Ганнибал влюбляется в красивую девушку-гречанку и женится на ней, несмотря на протесты последней. Она покорилась, но до свадьбы отдалась своему любимому – поручику Кайсарову.

«Спустя месяц после свадьбы, – пишет Б. Л. Модзалевский в своей биографии Пушкина, – Ганнибал был командирован Минихом в Пернов – учить кондукторов математике и черчению. Евдокия вскоре стала изменять нелюбимому мужу, увлекшись одним из кондукторов, Яковом Шишковым. С этого времени между супругами началась тяжелая семейная драма, окончательно завершившаяся формальным разводом лишь через одиннадцать лет. Ганнибал подал жалобу в перновскую канцелярию, что Шишков и жена хотели его отравить. К жене он приставил надежный караул и неоднократно брал ее к себе, в свои покои. Там в стены, повыше роста человеческого, ввернуты были кольца. Туда вкладывались руки Евдокии, и ее тело повисало на воздухе. В комнате заранее приготовлены были розги, батоги, плети, и муж “бил и мучил ее смертельными побоями необычно”, принуждая, чтобы она на суде при допросах показала, будто “с кондуктором Шишковым хотела его, Ганнибала, отравить, и с ним, Шишковым, блуд чинила”. При этом, в случае, если она покажет не по его желанию, “грозил ее, Евдокию, убить”. После таких внушений в канцелярии Евдокия все показала по желанию мужа, чтобы только вырваться из его рук. Тем не менее, в течение месяца она жила у мужа, и только тогда взята была в канцелярию. Ее посадили на госпитальный двор, куда обыкновенно заключались осужденные. Там, под крепким караулом, провела она пять лет. На содержание арестованных никто не обращал внимания, и арестанты Госпитального двора питались или на средства родных, или на доброхотные подаяния христолюбцев. На содержание Евдокии Андреевны муж ничего не давал и сам нарочно затягивал дело, чтобы подольше продержать ее под караулом».

Позже он заключил ее в сумасшедший дом и начал дело о разводе. Не дождавшись решения суда, неистовый абиссинец сошелся с Христиной Шенберг, от которой имел детей, среди которых был Осип Абрамович, дед поэта. Двоеженство сошло Ибрагиму с рук, и в конце концов второй брак был утвержден.

Его второй сын Осип Абрамович так же отличался пылким и необузданным нравом. «Африканский характер моего деда, – писал Пушкин, – пылкие страсти, соединенные с ужасным легкомыслием, вовлекали его в удивительные заблуждения». В 1773 году он женился на 28-летней девушке, Марии Алексеевне, бабушке поэта. Однако даже после рождения дочери Нади он уезжает из дома, нисколько не заботясь о семье. Увезя с собой малолетнюю дочь, Осип Абрамович принудил жену отказаться от претензий к его возвращению. «Я решилась более вам своею особою тяготы не делать, а расстаться навек и вас оставить от моих претензий во всем свободна, – писала молодая женщина мужу, – только с тем, чтобы дочь наша мне отдана была».

Вскоре он снова женится, представив поддельное письмо о смерти первой жены. Однако сожительство их продолжалось недолго: супруги были разлучены по приказу церкви, и на Осипа Абрамовича посыпались жалобы от обеих жен: Марья Алексеевна возбудила дело о двоеженстве мужа, а Устинья Ермолаевна, вторая жена, о растрате полученных от нее денег. Незаконный брак был расторгнут, а двоеженец сослан по приказу императрицы Екатерины.

«Полуэфиопские замашки Ганнибаловщины, – отмечает А. Тыркова-Вильямс, – как звали в Псковском крае потомков Абрама и при жизни поэта, и еще несколько десятилетий после его смерти, изумляли и потешали псковичей своей бурной дикостью».

Ганнибалы, как и Пушкины, не отличались семейными добродетелями. Нравы XVIII века были дики. Крепостная среда поощряла распущенность, предоставляя помещикам возможность безнаказанно развратничать со своими крепостными, почти не ограничивала разгул их страстей, доходящих иногда до полной свирепости. Потомки «Арапа Петра Великого» унаследовали все его особенные качества горячего абиссинца, необыкновенную конституцию, полную энергии, страсти и необузданности.

Эта бурная энергетика передалась также и матери поэта, Надежде Осиповне, которая получила в наследство и несколько желтоватый цвет кожи. Она была хороша собой, с тонким негритянским профилем и вьющимися черными волосами. В свете называли ее «прекрасная креолка». Благодаря усилиям своей матери, Марии Алексеевны, которая самостоятельно вела хозяйство, она получила первоклассное воспитание, в совершенстве овладела французским языком. Благодаря ему отчасти, она познакомилась с образованным и приятным в обхождении офицером, будущим отцом поэта. Переехав жить в Москву, она блистала на балах, очаровывая общество красотой, остроумием, веселостью.

Однако, окруженная с детства угодливостью, потворством и лестью окружающих, капризная и избалованная, она в замужестве приобрела «тот оттенок вспыльчивости, упорства и капризного властолюбия, который принимали за твердость характера». Психика ее была неустойчива, вспышки сильного гнева и кропотливой взыскательности переходили к полному равнодушию и апатии относительно всего происходящего вокруг. Надежда Осиповна была властна и взбалмошна, как и ее предки. Муж находился у нее под каблуком. Так же как и Сергей Львович, она питала глубочайшее отвращение ко всякому труду. Домашним хозяйством почти не занималась, к детям относилась довольно равнодушно, а иногда и деспотично. Литературные увлечения и умные беседы в семье формировали отец и дядюшка Василий Львович, жизнь Надежды Осиповны проходила между светскими удовольствиями и частыми беременностями. Как известно, из восьми родившихся детей выжили только трое – Александр, его брат Лев и сестра Ольга.

Из небольшого этого очерка о предках поэта мы видим, что мощное творческое начало, талант стихотворца, резвость натуры, живой ум, обаяние, оригинальность мышления – все то, что составляет его гений, Пушкин получил от Пушкиных, хотя от них же ему достались и некоторая взбалмошность, обидчивость, неумение устроиться в жизни.

Но именно от своих африканских предков «поэт получил наследство драгоценное, – пишет А. Тыркова-Вильямс, – страстную восприимчивость, стремительность, горячее волнение влюбчивой крови, ритм которой поет в его стихах».

3

26 мая (6 июня по новому стилю) 1799 года у Надежды Осиповны и Сергея Львовича Пушкиных родился сын. Ему дали звучное, героическое имя – Александр. Окружающие звали его Саша. И именно воздействие окружения явилось вторым мощным фактором развития и формирования особенностей сексуального характера будущего поэта.

Сильное, неизгладимое воздействие на психику поэта оказали отношения в семье, и прежде всего равнодушие родителей по отношению к нему, их первенцу. Сергей Львович, вечно занятый литературными изысками и светскими вечерами, по словам своей же дочери Ольги Павлищевой: «…был нрава пылкого и до крайности раздражительного, так что при малейшем неудовольствии, возбужденном жалобою гувернера или гувернантки, он выходил из себя, отчего дети больше боялись его, чем любили».

Надежда Осиповна так же не жаловала своего старшего сына, холодно относилась к дочери, зато всю необузданную любовь свою перенесла на младшего брата Левушку. До шести лет Саша был толстым, молчаливым и неповоротливым мальчиком. Когда настойчивые требования матери быть поживее переходили всякую границу, он убегал к бабушке, Марии Алексеевне Ганнибал, залезал в ее корзину и долго смотрел на ее работу. В этом убежище его никто не тревожил. Надежду Осиповну раздражал этот спокойный ребенок, неловкий и сонный толстяк. Мать, вспыльчивая и резкая, хотела угрозами и наказаниями сломить раздражавшую ее лень, заставить сына принять участие в детских играх, подвергала унизительным наказаниям.

У маленького Саши была привычка тереть ладони. Чтобы избавить его от этого, мать завязывала ему руки за спиной и оставляла в таком положении на целый день. Мальчик часто терял носовые платки; Надежда Осиповна приказывала пришить его к курточке сына в виде аксельбанта, а потом заставляла Сашу идти к гостям, что, естественно, больно задевало детское самолюбие.

При конфликтах детей и гувернеров мать, так же, как отец, брала сторону последних. «По характеру своему, – вспоминает муж сестры поэта Л. Н. Павлищев, – она резко отличалась от Сергея Львовича, никогда не выходя из себя, не возвышая голоса, она умела дуться по дням, месяцам и даже годам». Могла целый год не разговаривать с сыном. Оттого дети, предпочитая взбалмошные выходки отца игре в «молчанку» Надежды

Осиповны, боялись ее несравненно больше. «Мать Пушкина ни сердцем, ни умом не понимала сына, – горько высказалась А. Тыркова-Вильямс, – никогда и ничем не облегчила трудности и противоречия, с детства кипевшие в его своеобразной, страстной, нежной душе».

Выбор сексуального объекта в детском и юношеском возрасте производится мысленно и переживается в фантазиях ребенка. В этих фантазиях, по мнению Фрейда, проявляются различные инфантильные склонности, главную роль в которых играет сексуальное притяжение к родителям. Но одновременно с преодолением этих «инцестуальных» фантазий происходит освобождение от авторитета родителей. Большое значение для формирования психики Пушкина имело преодоление «эдипова комплекса», в котором завершается инфантильная сексуальность, оказывающая решающее влияние на сексуальность взрослого. Отношения мальчика Саши к родителям и родителям к нему – это классическая ситуация борьбы сына с отцом за сексуальное первенство, в котором мать находится на стороне отца, и своим поведением как бы отвергает притязания сына. Мощное сексуальное «либидо» Пушкина конфликтуя в этой сложной «эдиповой» ситуации, фактически формировало характер поэта и его дальнейшие отношения к мужчинам и женщинам.

Все мужчины – потенциальные враги в восприятии поэта, и если кто из них предпринимает пусть даже незначительные враждебные действия по отношению к Пушкину, последний не успокаивается до тех пор, пока не отомстит обидчику или сопернику. Недостаток материнской ласки «красивой и обаятельной» Надежды Осиповны вызвали у поэта двойственное отношение к женщине. С одной стороны, он пытался восполнить отсутствие внимания со стороны матери в детстве постоянным стремлением быть в женском обществе, перенося на других женщин свои вытесненные из сознания «инцестуальные» стремления, а с другой стороны, он подсознательно презирал женщину как человека, видя в ней только «самку», хотя и наделенную красотой, блеском, манерами, чувствительностью, чисто женским обаянием. Обида на мать подсознательно формировала у Пушкина пренебрежение именно к тем женщинам, которые любили его.

Всю свою жизнь на равнодушие родителей Пушкин отвечал таким же равнодушием. Живя в одном городе, посещал их редко, только по долгу родственной вежливости. И никогда не писал им.

4

Маленький Пушкин рос среди женщин. Это прежде всего бабушка Мария Алексеевна и няня Арина Родионовна, нянчившая и Ольгу, его сестру, с которой у поэта были добрые отношения в детстве. Арина была еще довольно молода, когда стала няней в доме Пушкиных. В детстве она была «рабыней» Абрама Петровича Ганнибала, потом перешла по наследству его сыну Осипу Абрамовичу. Можно представить судьбу этой простой крестьянской «девки». По обычаю того времени из них составлялись крепостные гаремы помещиков. Затем их выдавали замуж, и они всю жизнь потом служили своим барам.

Бабушка и няня вносили в жизнь маленького Пушкина женскую ласку, душевное тепло, близость отношений, чего не могла или не хотела дать своим детям капризная мать. «Вокруг бабушки и нянюшки, – отмечает А. Тыркова-Вильямс, – создавался свой, отдельный мир, более уютный, более понятный детям, чем материнская гостиная». Женское окружение оказало сильнейшее влияние на формирование сексуальной сферы поэта. Как известно, подготовка к выбору сексуального объекта в жизни начинается в детстве. Детская сексуальность, которая проявляется у всех детей и имеет всеобщий характер, однако приобретает различные направления и степени силы в будущем в зависимости от того, кто окружал ребенка в детстве (т. н. «латентный» период – от 2 до 5 лет). В течение всего латентного периода ребенок учится любить тех лиц, которые охраняют его, помогают ему избавиться от наказаний, от страха, удовлетворяют его потребности. Я полностью согласен с великим Фрейдом, который писал: «Может быть, не согласятся отождествлять нежные чувства и оценку ребенка, которые он проявляет к своим нянькам, с половой любовью; но я полагаю, однако, что более точное психологическое исследование докажет, что тождественность тех и других чувств не подлежит никакому сомнению» (З. Фрейд. «Очерки по психологии сексуальности»).

Общение ребенка со своими няньками, продолжает далее Фрейд, приносит ребенку непрерывный поток сексуального возбуждения и удовлетворения через эрогенные зоны. Обычно и сама няня (или его мать) питает к ребенку чувства, похожие на сексуальные. В нашем случае у Арины Родионовны могли остаться подсознательные чувства сексуального удовлетворения, получаемого от мужчин семьи Ганнибалов, и которые она перенесла в виде любви и заботы на маленького Пушкина. Ведь когда няня ласкает ребенка, укачивает его, тормошит, целует –

она относится к нему как к полноценному сексуальному объекту. Уже тем, что Арина Родионовна постоянно рассказывала сказки о богатырях, о чудищах, мертвецах, она вызывала у ребенка страх потерять любимого человека, усиливая тем самым сексуальную любовь мальчика к себе. Вспомните, как писал сам поэт:

Ах! Умолчу ль о мамушке моей,
О прелести таинственных ночей,
Когда в чепце, в старинном одеянье,
Она, духов молитвой уклоня,
С усердием перекрестит меня
И шепотом рассказывать мне станет
О мертвецах, о подвигах Бовы…
От ужаса не шелохнусь бывало,
Едва дыша, прижмусь под одеяло,
Не чувствуя ни ног, ни головы.

Обычно страхи испытывают дети с очень сильным или преждевременно развитым сексуальным влечением. То, что Пушкин в раннем детстве любил свою бабушку, няню и сестру, направляя на них проявление своего несколько притупленного «либидо», не вызывает никакого сомнения. Все эти инфантильные склонности, будучи восстановленными при половом созревании, потом отразились в его взрослой жизни на выборе сексуального объекта.

Няня поэта не только вызывала определенные сексуальные фиксации мальчика, но и явилась в чем-то вдохновительницей поэтического дара Пушкина. Есть у Пушкина незаконченный отрывок подтверждающий некоторую взаимосвязь поэтической Музы Пушкина и старой няни:

Наперсница волшебной старины,
Друг вымыслов игривых и печальных,
Тебя я знал во дни моей весны…
Являлась ты веселою старушкой
И надо мной сидела в шушуне…
Ты, детскую качая колыбель,
Мой юный слух напевами пленила,
И меж пелен оставила свирель,
Которую сама заворожила.

Это еще образ старой няни, но уже в ее руках волшебная поэтическая свирель. Пройдут года, и она опять приходит уже не

к ребенку, а к отроку в виде эротически прекрасной Музы:

Как мило ты, как быстро изменилась!
Каким огнем улыбка оживилась…
Вся в локонах, обвитая венком,
Прелестницы глава благоухала;
Грудь белая под желтым жемчугом
Румянилась и тихо трепетала…

Недаром Анна Керн с психологической проницательностью заметила, что Пушкин любил по настоящему только двух женщин – няню и сестру. Детские воспоминания о нежности окружавших маленького Сашу лиц энергично содействовали тому, что Пушкин направил всю свою неуемную сексуальную энергию на женщин. В то же время в характере мальчика развилась обида на то, что ему, видимо, запрещали переносить свои детские порывы к сексуальным отношениям на окружавших его женщин. Произошло это оттого, что детская сексуальная любовь Пушкина была направлена в первую очередь на мать, няню и сестру, которые, разумеется, ответить на нее не могли. Переживание это оказалось двойственным: мальчик подвергся воздействию двух импульсов: полового стремления и страха быть отвергнутым в этой «эдиповой» ситуации.

Маленького Пушкина ранило осознание того, что невозможно к одному и тому же человеку испытывать и нежные, и сексуальные чувства. Но поскольку сексуальный импульс идет из сердца непосредственно к гениталиям, то запрет на него, особенно со стороны матери, ощущался как запрет на любовь. Именно это и вызвало постоянное чувство глубокой обиды и на мать, и на отца. «Фактически, ребенок все воспринимает правильно, – отмечает А. Лоуэн, – ибо созерцательная любовь, без физического контакта, не удовлетворяет основных потребностей его организма. Все физические контакты с родителями ребенком воспринимаются как сексуальные».

Перенеся первую обиду из-за запрета на выражение любви, Пушкин постепенно становится менее уязвимым. Но одновременно психика его «ожесточается». В нем формируется гордость, упрямство, презрение к нежным чувствам и явная тяга к генитальным контактам, которые явно еще не выражены, но вот-вот могут проявиться и занять главенствующее место в сексуальных стремлениях и переживаниях.

5

С семи лет характер поэта, по утверждению его сестры Ольги, резко изменился. Он стал резвым и шаловливым. Латентный период детства закончился. Сексуальные импульсы рванули наружу, преображая поведение, темперамент и даже анатомическую структуру тела. Как известно, в это время наступает примат генитальной зоны в развитии ребенка. В эти годы генитальные зоны становятся местом ощущения возбуждения, и ребенок старается удовлетворить его, используя мастурбацию или другие способы. Причем гениталии приобретают преимущество над другими эрогенными зонами.

У Пушкина ранняя сексуальность развивалась параллельно его преждевременному интеллектуальному развитию. Именно благодаря этому она не вызывала патологических отклонений. «Страсть к поэзии проявилась в нем с первыми понятиями: на восьмом году возраста, умея уже читать и писать, он сочинял на французском языке маленькие комедии и эпиграммы на своих учителей», – вспоминал брат поэта. Учился он лениво, зато пристрастился к чтению, любил «Биографии» Плутарха, «Илиаду» и «Одиссею» Гомера. Забираясь в библиотеку отца, он перечитал в ней всех французских классиков, усвоил настоящий французский язык и поражал французов прекрасным слогом своих писем. Памятью он был одарен необычайной и к 11 годам Саша Пушкин знал наизусть почти всю французскую литературу.

Мальчику дозволялось присутствовать на постоянных литературных собраниях родителей. Он был в гуще того веселья, стихотворных состязаний, театральных постановок и кипящего остроумия, которыми отличались вечера с участием Сергея и Василия Львовичей. Легкомыслие, шутливость, ничем не ограниченное зубоскальство в типично французском духе XVIII века – все воспринял поэт, и именно за это его любили женщины. За озорство, повесничество, насмешку он много натерпелся в жизни. Но не только политические разговоры, обсуждения литературы и театральных постановок царили на постоянных собраниях интеллигентных представителей дворянства того времени. Наблюдательный Пушкин отмечал и фривольные шутки, и легкий флирт, и обсуждение взрослыми интимных проблем. Все это усваивалось мальчиком, хотя по воспоминаниям современников его детства, «…он был скромный ребенок; он очень понимал себя; он никогда не вмешивался в дела больших и почти вечно сиживал как-то в уголочке…»

Вокруг поэта с детства разносились веселые шутки,

эпиграммы, неистощимые каламбуры, приправленные тонким французским эротизмом. Некто Макаров был свидетелем того, как рано узнал поэт сладость женского обожания и любопытства, которые сопровождали его всю жизнь. «В теплый майский вечер, – пишет он, – мы сидели в саду графа Д. П. Бутурлина; молодой Пушкин тут же резвился, как дитя, с детьми. Известный граф П. упомянул о даре стихотворства у А. С. Графиня Бутурлина, чтоб как-нибудь не огорчить молодого поэта, может быть, нескромным словом о его пиитическом даре, обращалась с похвалою только к его полезным занятиям, но никак не хотела, чтоб он показывал нам свои стихи; зато множество живших у графини молодых девушек почти тут же окружили Пушкина со своими альбомами и просили, чтоб он написал для них что-нибудь. Певец-дитя смешался. Некто NN, желая поправить его замешательство, прочел детский катрен поэта, и прочел по-своему, как заметили тогда, по образцу высокой речи на “о”. А. С. успел только сказать: “Ah, mon Dieu!”, – и выбежал. Я нашел его в огромной библиотеке графа; он разглядывал затылки сафьянных фолиантов и был очень недоволен собою. Я подошел к нему и что-то сказал о книгах. Он отвечал мне: “поверите ли, этот г. NN так меня озадачил, что я не понимаю даже и книжных затылков”».

Однако общее направление дворянской жизни, разговоров, привычек было принизано легкомыслием, безответственностью, французским скептицизмом и распущенностью. На развитие сексуальности поэта в третий, юношеский период, оказала большое влияние чтение французской литературы в библиотеке отца. Наряду с книгами Вольтера, Дидро, Монтескье в ней было много фривольных произведений французской литературы, таких как «Опасные связи» Шодерло де Лакло, сочинения Кребийона-сына, Ретифа де Ла Бретона, Шамфора и «Эротические стихотворения» Эвариста Парни. Как еще могли воздействовать на юную чувственность такие строки:

Она придет! К ее устам
Прижмусь устами я моими;
Приют укромный будет нам
Под сими вязами густыми!
Волненьем страсти я томим;
Но близ любезной укротим
Желаний пылких нетерпенье;
Мы ими счастию вредим
И сокращаем наслажденье.

Перевод Е. Баратынского, 1825

Большое влияние на развитие сексуальности Пушкина начиная с 8-летнего возраста оказало, как я уже отмечал, женское окружение, и не только отношения с няней и сестрой, которые, при всей их внешней похожести на сексуальные чувства, имели определенные инцестуальные запреты на «либидо» поэта. Зато непосредственная близость девичьей, кишащей крепостной прислугой, доступной, хихикающей, постоянно бегающей мимо молодых мальчиков, разжигала в Пушкине настоящие первые страстные чувства, подогреваемые эротическими опусами французов. В своем наброске дневника поэт записал: «Смерть Николая. Ранняя любовь». Пушкину исполнилось семь лет.

Об этом детском увлечении Саши Пушкина не осталось никаких сообщений, однако в 1815 году, в стихотворении «Послание к Юдину» поэт вспомнил свое первое увлечение, Сонечку Сушкову:

«Маленький Пушкин, – писал П. И. Бартенев, – часто бывал у Трубецких и у Сушковых, а по четвергам его возили на детские балы танцмейстера Йогеля». О детстве поэта осталось немного воспоминаний. Одно из важных свидетельств, характеризующих поведение поэта, оставила московская старожилка Е. П. Янькова: «В 1809 или 1810 г. Пушкины жили где-то за Разгуляем, у Елохова моста, нанимали там просторный и поместительный дом, чей именно, не могу сказать наверно, а думается мне, что Бутурлиных. Я туда ездила со своими старшими девочками на танцевальные уроки, которые они брали с Пушкиной девочкой; бывали тут и другие, кто, – не помню хорошенько. Пушкины жили весело и открыто, и всем домом заведовала больше старуха Ганнибал (Мария Алексеевна, мать Надежды Осиповны, матери Пушкина), очень умная, дельная и рассудительная женщина; она умела дом вести, как следует, и она также больше занималась и детьми: принимала к ним мамзелей и учителей и сама учила. Старший внук ее Саша был большой увалень и дикарь, кудрявый мальчик лет девяти или десяти, со смуглым личиком, не скажу, чтобы приглядным, но с очень живыми глазами, из которых искры так и сыпались. Иногда мы приедем, а он сидит в зале в углу, огорожен кругом стульями: что-нибудь накуролесил и за то оштрафован, а иногда и он с другими пустится в плясы, да так как очень он был неловок, то над ним кто-нибудь посмеется, вот он весь покраснеет, губу надует, уйдет в свой угол и во весь вечер его со стула никто тогда не стащит: значит, его за живое задели, и он обиделся; сидит одинешенек. Не раз про него говаривала Марья Алексеевна: “Не знаю, матушка, что выйдет из моего старшего внука; мальчик умен и охотник до книжек, а учится плохо, редко когда урок свой сдаст порядком; то его не

расшевелишь, не прогонишь играть с детьми, то вдруг так развернется и расходится, что его ничем и не уймешь; из одной крайности в другую бросается, нет у него средины. Бог знает, чем все это кончится, ежели он не переменится". Бабушка, как видно, больше других его любила, но журила порядком: "ведь экой шалун ты какой, помяни ты мое слово, не сносить тебе своей головы". Не знаю, каков он был потом, но тогда глядел рохлей и замарашкой, и за это ему тоже доставалось… На нем всегда было что-то и неопрятно, и сидело нескладно». Да, маленький Пушкин был неровный, впечатлительный, не особенно покладистый. Уже в детстве начинали сказываться его упрямство, гордость, нежелание внимать авторитетам. Никакие гувернеры не могли привлечь его внимание к тому, что его не интересовало. Но благодаря отличной природной памяти Саша наизусть заучивал целые страницы.

«В этом семействе, – вспоминал Л. Н. Павлищев, муж Ольги, сестры Пушкина, – побывал легион иностранных гувернеров и гувернанток. Из них выбираю несносного, капризного самодура Русло да достойного его преемника Шеделя, в руках которых находилось обучение детей всем почти наукам. Из них Русло нанес оскорбление юному своему питомцу Александру Сергеевичу, расхохотавшись ему в глаза, когда ребенок написал стихотворную шутку "La Tolyade" в подражание "Генриаде". Изображая битву между карлами и карлицами, Пушкин прочел гувернеру начальное четырехстишие. Русло довел Пушкина до слез, осмеяв безжалостно всякое слово этого четырехстишия, и, имея сам претензию писать стихи не хуже Корнеля и Расина, рассудил, мало того, пожаловаться еще неумолимой Надежде Осиповне, обвиняя ребенка в лености и праздности. Разумеется, в глазах Надежды Осиповны дитя оказалось виноватым, а самодур правым, и она наказала сына, а самодуру за педагогический талант прибавила жалования. Оскорбленный ребенок разорвал и бросил в печку стихи свои, а Русло возненавидел со всем пылом африканской своей крови. Преемник Русло, Шедель, свободные от занятий с детьми досуги проводил в передней, играя с дворней в дурачки, за что, в конце концов, и получил отставку. Не могу ставить на одну доску с этими чудаками воспитателя детей, французского эмигранта, графа Монфора, человека образованного, гуманного. – Гувернантки были сноснее гувернеров. Но из них: большая часть по образованию и уму стояла ниже всякой критики. Они были женщины добрые, искренно любившие своих питомцев».

Целых четыре года формировался особенный, восприимчивый, чувственный, не признающий никакого насилия

над собой, невротический характер поэта. Один из крупнейших биографов Пушкина П. В. Анненков отмечал произошедшие изменения: «Библиотека отца оплодотворила зародыши ранних и пламенных страстей, существовавшие в крови и в природе молодого человека, раздвинула его понятия и представления далеко за пределы возраста, который он переживал, снабдила его тайными целями и воззрениями, которых никто в нем не предполагал».

Наблюдательное детское воображение воспринимало все: и фривольные шутки, и сальности взрослых, и поэтические вольности. Дядя поэта, Василий Львович, прославился тем, что написал шуточную поэму «Опасный сосед», которую Саша знал наизусть. Это было неприличное, без тонкостей французского эротизма, описание русского кутежа и драки в публичном доме. Конечно, стихи были просты, язык бойкий, разговорный. Поэма эта ходила в списках на руках и ее главный персонаж, Буянов, стал нарицательным именем.

Летом 1811 года пришло время молодому Пушкину ехать в Петербург для поступления в Лицей. Он покинул отцовский кров без сожаления, с чувством освобождения от родительского непонимания его взглядов и мыслей и тирании в отношении его поведения. Только горечь от разлуки с сестрой, которую он всегда любил, омрачила его сердце. В доме своего дяди, весельчака и остроумца, Пушкин почувствовал себя свободным и раскованным. По-прежнему он участвует во всех взрослых беседах и вечерах, рано повзрослев и многое научившись понимать. Однажды Василий Львович собрался прочитать отрывок из своей фривольной поэмы «Опасный сосед» министру юстиции И. И. Дмитриеву и попросил племянника выйти из комнаты. Резвый мальчуган, уходя, со смехом проговорил: «Зачем вы меня прогоняете, я все знаю, и все уже слышал».

В доме своего дяди Пушкин получил первые полуплатонические уроки чувственности. До поступления в Лицей поэт познакомился с Иваном Пущиным, ставшим его самым лучшим другом на всю жизнь. Ваня приходил в гости к новому знакомому и часто, в отсутствие Василия Львовича, они оставались одни с юной любовницей последнего Анной Николаевной. «Она подчас нас, птенцов, приголубливала, – вспоминает И. И. Пущин, – случалось, что и прибранит, когда мы надоедим ей нашими ранновременными шутками. Именно замечательно, что она строго соблюдала, чтоб наши ласки не переходили границ, хотя и любила с нами побалагурить и пошалить, а про нас и говорить нечего; мы просто наслаждались непринужденностью и некоторою свободою в обращении с милой

девушкой». Эти игры все сильней возбуждали страсти юного поэта, формируя гениально-влюбчивую натуру, которая так буйно выросла из соединения горячей африканской крови Ганнибалов и легкомысленно-поэтического характера Пушкиных.

Глава III
«И счастье тайных мук узнал…» (Лицей)

1

19 октября 1811 года состоялось открытие Царскосельского Лицея, куда юноша Пушкин был зачислен вместе с другими 30-ю дворянскими «недорослями». Именно здесь и развился его характер, любящий, пылкий, независимый. Шесть лет провел он в стенах этого нового, небывалого для России учебного заведения. Здесь он жил и учился, вместе с друзьями увлекался литературными занятиями – выпускал рукописные журналы, начал сочинять и печатать свои стихи. Здесь Пушкин сформировался и как поэт, и как мужчина.

Однако поначалу условия жизни в лицее были непривычны для молодых мальчиков, стесняли их живость определенным распорядком. Первые три-четыре года их не выпускали порознь из стен лицея, а когда приезжали родители, то их заставляли сидеть с детьми в общей зале. И все-таки элементы свободы тут присутствовали. «Благодаря бога, у нас, – вспоминал А. Д. Илличевский: – по крайней мере, царствует с одной стороны свобода. Нет скучного заведения сидеть a ses places; в классах бываем недолго: семь часов в день; больших уроков не имеем; летом досуг проводим на прогулке, зимою в чтении книг, иногда представляем театр, с начальниками обходимся без страха, шутим с ними, смеемся».

Пушкин удивлял и преподавателей, и других лицеистов своими природными способностями, необыкновенной памятью, прекрасным знанием французского языка. Он сам писал на французском, поэтому занятия словесностью были его коньком. Также имел Саша пристрастие к наукам историческим, но, по словам преподавателя математики профессора Карцева, был ленив в классе, невнимателен и нескромен. Характер поэта стал препятствием для добрых отношений со своими наставниками и соучениками. Надзиратель М. С. Пилецкий верно подметил истерические черты характера поэта: «Пушкин (Александр), 13 лет. Имеет более блистательные, нежели основательные дарования, более пылкой и тонкой, нежели глубокой ум. Прилежание его к чтению посредственно, ибо трудолюбие не сделалось еще его добродетелью… Знания его вообще поверхностны, хотя начинает несколько привыкать к основательному размышлению. Самолюбие вместе с честолюбием, делающее его иногда застенчивым, чувствительность с сердцем, жаркие порывы вспыльчивости, легкомысленность и особенная словоохотливость с остроумием ему свойственны. Между тем приметно в нем и добродушие,

познавая свои слабости, он охотно принимает советы с некоторым успехом. Его словоохотливость и остроумие восприняли новый и лучший вид с счастливою переменою образа его мыслей, но в характере его вообще мало постоянства и твердости».

С самого начала, по словам его друга И. И. Пущина, Пушкин был раздражительнее многих и поэтому не возбуждал общей симпатии; это был удел эксцентричного существа среди людей. Своими неуместными шутками, неловкими колкостями он ставил себя в затруднительное положение, не умея потом из него выйти. Являясь его соседом (комнаты мальчиков были отделены тонкой перегородкой) Пущин часто обсуждал с Пушкиным его промахи и переживания, сглаживал шероховатости его поведения. «В нем была смесь излишней смелости с застенчивостью, – вспоминал Пущин, – и то, и другое невпопад, что тем самым ему вредило». Пушкин был наделен от природы очень восприимчивым и впечатлительным сердцем, но постоянные родительские упреки, как мы видели, привели к тому, что назло и наперекор своим первичным порывам, он становился заносчивым, резким, напрашивающимся на вражду и оскорбления. Нравственные страдания, как и пылкие страсти были постоянными спутниками поэта в его лицейский период».

«Главное, ему недоставало того, что называется тактом, – вспоминает далее его друг, – это – капитал, необходимый в товарищеском быту, где мудрено, почти невозможно, при совершенно бесцеремонном обращении, уберечься от некоторых неприятных столкновений вседневной жизни. Все это вместе было причиной, что вообще не вдруг отозвались ему на его привязанность к лицейскому кружку, которая с первой поры зародилась в нем, не проявляясь, впрочем, свойственною ей иногда пошлостию. Чтобы полюбить его настоящим образом, нужно было взглянуть на него с тем полным благорасположением, которое знает и видит все неровности характера и другие недостатки, мирится с ними и кончает тем, что полюбит даже и их в друге-товарище».

Уже в лицее стали проявляться четы невротического характера поэта.

«Нравственные страдания, как и пылкие страсти, – отмечал П. В. Анненков, – посетили Пушкина очень рано. Он проводил ночи в разговорах, через стенку, с другом своим, оставившим нам эти сведения. Содержание этих поздних бесед, преимущественно, состояло из жалоб Пушкина на себя и других, скорбных признаний, раскаянья и, наконец, из обсуждения планов, как поправить свое положение между товарищами или избегнуть следствий ложного шага или необдуманного поступка. Пушкин

наделен был от природы весьма восприимчивым и впечатлительным сердцем, назло и наперекор которому шел весь образ его действий, – заносчивый, резкий, напрашивающийся на вражду и оскорбления. А между тем способность к быстрому ответу, немедленному отражению удара или принятию наиболее выгодного положения в борьбе часто ему изменяла. Известно, какой огромной долей злого остроумия, желчного и ядовитого юмора обладал Пушкин, когда, сосредоточась в себе, вступал в обдуманную битву с своими литературными и другими врагами, но быстрая находчивость и дар мгновенного, удачного выражения никогда не составляли отличительного его качества. Пушкин не всегда оставался победителем в столкновениях с товарищами, им же и порожденных, и тогда, с растерзанным сердцем, с оскорбленным самолюбием, сознанием собственной вины и негодованием на ближних, возвращался он в свою комнату и, перебирая все жгучие впечатления дня, выстрадывал вторично все его страдания до капли».

Нервическое состояние юноши просто объясняется отсутствием свободы в передвижении и, особенно, отсутствием поначалу веселого женского общества. «Эротические» порывы Саши проявляются в его поэзии – подражании тому же Парни или Грекуру, а иногда в написании фривольных произведений, таких как поэма «Монах» и баллада «Тень Баркова». «Монах» – это шутливая, сатирическая, истинно вольтеровская поэма, в которой изображен монах Панкратий в виде пьяницы, чревоугодника и развратника. Стихи Баркова, известного порнографического поэта своего времени, были популярны в кругу дворянской молодежи, и Пушкин, конечно же, знал их.

Но не только в поэзии выражались страсти, обуревающие молодого лицеиста. Женщины, как сексуальный объект, все более и более начинают привлекать его, что проявлялось в ухаживаниях за хорошенькими актрисами и горничными. В «Онегине» он вспоминал свои первые сексуальные позывы:

В те дни… в те дни, когда впервые
Заметил я черты живые
Прелестной девы и любовь
Младую взволновала кровь.
И я, тоскуя безнадежно,
Томясь обманом пылких снов,
Везде искал ее следов,
Об ней задумывался нежно,
Весь день минутной встречи ждал
И счастье тайных мук узнал,

Наталью I из «Донжуанского списка» надо искать на заре юности поэта. В лицейской жизни Пушкина оставили след три Натальи. Одна из них была хорошенькая и молоденькая актриса театра гр. В. В. Толстого, любовница последнего. Как актриса она была довольно посредственна, но не ее игра, видимо, волновала молодого Пушкина. Поэт посвятил ей несколько эротически-ироничное послание «К молодой актрисе».

Блажен, кто может роль забыть
На сцене с миленькой актрисой.
Жать руку ей, надеясь быть
Еще блаженней за кулисой.

В 14 лет Пушкин пишет фривольное, чувственное стихотворение «К Наталье», расписывая в нем, как отмечают многие исследователи, девические прелести в духе эротической французской поэзии XVIII века. Но если внимательно проанализировать его, то за копированием чисто внешних поэтических образов, можно увидеть искреннюю исповедь сексуальных переживаний молодого лицеиста, который проходит мучительную стадию становления своего неистового эротизма.

Миловидной жрицы Тальи
Видел прелести Натальи,
И уж в сердце Купидон!
Так, Наталья, признаюся,
Я тобою полонен;
В первый раз еще – стыжуся —
В женски прелести влюблен.

Далее Пушкин описывает свои юношеские сексуальные мечтания, которые переполняют его ежедневно и, не находя прямого удовлетворения, проявляются в его сновидениях:

Ночь придет – и лишь тебя
Вижу я в пустом мечтанье,
Вижу, в легком колебанье,
Будто милая со мной;
Робко, сладостно дыханье,
Белой груди колебанье,
Снег затмившей белизной…

И полуотверсты очи,
Скромный мрак безмолвной ночи —
Дух в восторг приводят мой!..

В разгоряченном воображении представляются те интимные части тела красавицы, которые всю жизнь волновали Пушкина, и о которых он часто упоминал, то в стихах, расписывая их замысловатыми образами, то в письмах к друзьям и в эпиграммах, называя простым словом из пяти букв:

Я один в беседке с нею,
Вижу… девственну лилею,
Трепещу, томлюсь, немею…

И, наконец, просыпаясь от сладострастных видений, поэт сбивает свое возбуждение обычным путем, свойственным юношескому периоду развития человека.

И проснулся… вижу мрак
Вкруг постели одинокой!
Испускаю вздох глубокой;
Сон ленивый, томноокой
Отлетает на крылах.
Страсть сильнее становится,
И, любовью утомясь,
Я слабею каждый час.

В заключение Пушкин откровенно объявляет о своем кредо, которому он потом следовал всю свою жизнь и к чему, по его мнению, стремятся все мужчины, но не высказывают это вслух.

Дерзкой пламенной рукою
Белоснежну, полну грудь
Я желал бы…

Вторую Наташу надо искать среди молоденьких горничных, постоянных спутниц дворянского сладострастия. Пушкин, изнывая от обуревающих его юношеских страстей, стремится найти им выход в общении с хорошенькими девушками, которые явно не были недотрогами. Поэт постоянно ищет возможности встречи с ними. Уже сам факт находиться рядом, вести легкую

беседу, а при возможности и коснуться молодого тела, ощутив нечто новое и обжигающее, возбуждал и кружил голову юноше. Вот что рассказывает тот же Пущин: «У фрейлины Валуевой была премиленькая горничная Наташа. Случалось, встретясь с нею в темных коридорах, и полюбезничать; она многих из нас знала…» Далее Пущин подробно говорит о том, как Пушкин, подстерегая в темном коридоре Царскосельского Лицея Наташу, вместо нее бросился целовать фрейлину императрицы княжну Волконскую, строгую, немолодую девушку. Об этом случае было донесено царю, однако дурных последствий он для шалуна не имел. «Старая дева, быть может, в восторге от ошибки молодого человека», – сострил Александр I.

И, наконец, третья Наталья – это, скорее всего, дочь знатного сановника, графа Виктора Павловича Кочубея, приезжавшая в Царское Село и посещавшая Лицей. К ней относится стихотворение «Измены», написанное в 1812 году.

Все миновалось!
Мимо промчалось
Время любви.
Страсти мученья!
В мраке забвенья
Скрылися вы.
Так я премены
Сладость вкусил;
Гордой Елены
Цепи забыл.
Сердце, ты в воле!
Все позабудь;
В новой сей доле
Счастливо будь.

Об этой юношеской страсти ничего неизвестно, и скорее всего, учитывая возраст избранницы и юного воздыхателя, она была не более чем очередным лицейским увлечением, причем безответным. Поэт называет Наталью Кочубей именем Елены Троянской, хотя в стихотворении, по-видимому, отражено не мимолетное чувство, а история длительной борьбы со страстью к «гордой Елене». В Наталью Кочубей были влюблены и другие лицеисты, в том числе и верный друг поэта – Пущин.

Сопоставляя тон «Измен» с тем, что известно об отношении Пушкина к Наташе-горничной и к Наталье-актрисе, без сомнения можно утверждать, что Наталья I – это Наталья Кочубей. Барон М. А. Корф прямо говорит о том, Наталья Викторовна Кочубей была

«первым предметом любви Пушкина». П. К. Губер считает, что Н. В. Кочубей – «утаенная» любовь поэта, зашифрованная под инициалами NN.

Во всех этих ухаживаниях проявлялись вся пылкость и сладострастие формирующейся сексуальной натуры поэта. По словам лицеиста С. Д. Комовского: «Одно прикосновение его к руке танцующей производило в нем такое электрическое действие, что невольно обращало на него всеобщее внимание». Тема любви постоянно присутствует в лицейской лирике молодого Пушкина. Одновременно с образами античных гетер и римских жриц любви в сознание поэта прорываются его скрытые «инцестуальные» фиксации на сестре Ольге, которую он с детства очень любил. В стихотворении «Сестре» Пушкин в романтическом образе затворника пытается вновь увидеть дорогой ему образ. Он не только называет сестру «любезной», интересуясь ее жизнью дома, не только жалуется на убогость своего жилища, не только хочет увидеть ее поскорее. В строках лицеиста прорывается несколько более сильное чувство, чем любовь брата.

Что было бы со мною,
Богиня, без тебя? —

восклицает он, отнюдь не с братским сравнением своей сестры с богиней. Поэт считает, что «мира красота оделась черной мглою!», и он, как узник, с унынием встречает каждый день. И даже солнце, дарящее ему луч света сквозь узкое окошко, не радует его помраченного сердца. В заключении стихотворения Пушкин ждет момента возвращения в отчий дом, и говорит, что «прилечу расстригой в объятия твои». Такая необычная страсть к своей сестре напоминает в чем-то роман Т. Манна «Волшебная гора», в котором показана сексуальная связь между братом и сестрой, исходя из теории Фрейда о первичных инстинктивных влечениях человека.

Очень часто в его лицейских стихах появляются описания страстных желаний и сексуальных игр. Это вполне естественно для юноши, но у Пушкина естественный юношеский интерес к половым вопросам приобретает более сильную и настойчивую тему неудовлетворенного желания.

Эльвина, почему в часы глубокой ночи,
Я не могу тебя с восторгом обнимать,
На милую стремить томленья полны очи
И страстью трепетать?

Даже античные мифы о бесконечных любовных связях Зевса с земными женщинами юный Пушкин переводит в полные неудовлетворенного желания строки:

Вдруг раздается
Радости крик.
Вид сладострастный!
К Леде прекрасной
Лебедь приник.
Слышно стенанье…

2

Однако случилось то, что должно было случиться. Наступила пора юношеских влюбленностей, и первую, истинно платоническую любовь возбудила в поэте сестра одного из лицейских товарищей его, фрейлина Екатерина Павловна Бакунина. «Она часто навещала брата и всегда приезжала на лицейские балы, – вспоминает Комовский, – прелестное лицо ее, дивный стан и очаровательное обращение произвели всеобщий восторг во всей лицейской молодежи».

Бакуниной, кроме Пушкина, увлекались еще Пущин и Малиновский – друзья-лицеисты поэта. Бакуниной было тогда 20 лет, Пушкину – 16. Но эта первая любовь глубоко поразила его. Увлекшись, Пушкин обратился к лицейскому товарищу своему Илличевскому, славившемуся искусством рисовальщика, со стихотворной просьбой написать «друга сердца» (стихотворение «К живописцу»). Подсказал, что ему надо изобразить на портрете Бакуниной:

Красу невинности небесной,
Надежды милые черты,
Улыбку радости прелестной
И взоры самой красоты.

«…Это была чистая и стыдливая юношеская любовь, лишенная пылкой сексуальности… О ней Пушкин сделал в ноябрьские дни 1815 года в своем лицейском дневнике взволнованную запись:

«…Я счастлив был!.. нет, я вчера не был счастлив: поутру я мучился ожиданием, с неописанным волнением стоя под окошком, смотрел на снежную дорогу – ее не было видно! Наконец я потерял надежду, вдруг нечаянно встречаюсь с ней на лестнице, – сладкая минута!… Как она мила была! как черное платье пристало к милой Бакуниной! Но я не видел ее 18 часов – ах! какое положенье, какая мука! Но я счастлив был 5 минут…» Любовь к Бакуниной явилась источником большого цикла лицейских стихотворений Пушкина. Под пером поэта рождаются вдохновенные строки, когда его «прелестный друг» уезжает на зиму в Петербург:

Засну ли я, лишь о тебе мечтаю,
Одну тебя в неверном вижу сне,

Задумаюсь – невольно призываю,
Заслушаюсь – твой голос слышен мне.

Прошел год с того дня, как юный Пушкин сделал в своем «Дневнике» запись. На протяжении этого времени он отдавал ей свое поэтическое вдохновение, весь пыл своего сердца. 22 стихотворения, посвященные поэтом Бакуниной – своего рода энциклопедия юной любви, лирическая гамма первых сердечных переживаний. И потом Пушкин не забывал ее, до конца жизни помня о первой любви, о Катерине I. В черновиках VIII главы «Онегина» мы читаем:

Когда в забвенье перед классом
Порой терял я взор и слух,
И говорить старался басом,
И стриг над губой первый пух,
В те дни… в те дни, когда впервые
Заметил я черты живые
Прелестной девы и любовь
Младую взволновала кровь
И я, тоскуя безнадежно,
Таясь обманом пылких снов,
Везде искал ее следов,
Об ней задумывался нежно,
И счастье тайных мук узнал…

Но ни Екатерина Бакунина, ни Наталья Кочубей, никто другой не мог надолго захватить сердце юного поэта. Оно просто не было приспособлено для этого. По своей нервической натуре он не предавался романтическим воздыханиям. Говорить о «платонической» любви Пушкина нужно в контексте его сексуальной конституции. Платонической любовь у поэта становилась тогда, когда выбранный им сексуальный объект становился недоступен. Эти юношеские скоропреходящие увлечения толкали Пушкина на написание романтических элегий, немного возвышали и облагораживали его инстинкты. Его «либидо» с неизбежностью должно было сублимироваться в возвышенную поэзию, в творческий порыв, в создание временных кумиров. Иначе сексуальная неудовлетворенность, проскальзывавшая во всем поведении поэта, могла проявиться в виде невроза или перверзии. Пушкин был противоречив в своих увлечениях, в своем отношении к определенным нравственным канонам. С одной стороны – платоническая любовь к Бакуниной,

а с другой… Но об этом пусть расскажет Иван Пущин.

3

«Сидели мы с Пушкиным однажды вечером в библиотеке у открытого окна. Народ выходил из церкви от всенощной; в толпе я заметил старушку, которая о чем-то горячо с жестами рассуждала с молодой девушкой, очень хорошенькой. Среди болтовни я говорю Пушкину, что любопытно бы знать, о чем так горячатся они… На другой день он встретил меня стихами:

От всенощной, вечор, идя домой,
Антипьевна с Марфуткою бранилась;
Антипьевна отменно горячилась.
«Постой, – кричит, – управлюсь я с тобой!
Ты думаешь, что я уже забыла
Ту ночь, когда забравшись в уголок
Ты с крестником Ванюшею шалила?
Постой, – о всем узнает муженек!»
«Тебе ль грозить, – Марфушка отвечает,
Ванюша что? Ведь он еще дитя:
А сват Трофим, который у тебя
И день и ночь? Весь город это знает.
Молчи ж кума: и ты, как я, грешна,
А всякого словами разобидишь.
В чужой п**** соломинку ты видишь,
А у себя не видишь и бревна».

«Вот что ты заставил меня написать, любезный друг», – сказал он, видя, что я несколько призадумался, выслушав его стихи, в которых поразило меня окончание. В ту минуту подошел к нам Кайданов (лицейский преподаватель), – мы собирались в его класс. Пушкин и ему прочел свой рассказ. Кайданов взял его за ухо и тихонько сказал ему: «Не советую вам, Пушкин, заниматься такой поэзией, особенно кому-нибудь сообщать ее». Конечно же, юный поэт не внял его советам, и в дальнейшем из-под пера Пушкина иногда выходили фривольные, а порою и непристойные стихотворения:

У Пушкина была сильна именно генитальная направленность его чувств. Юношеское воображение поэта, постоянно рисует все новые и новые сцены, в которых гениталии играют существенную роль. Вспомним знаменитое стихотворение «Вишня», незамысловатый сюжет которого напоминает эротические пасторали поэзии рококо. Пастушка залезает на вишневое дерево,

чтобы полакомиться сочными плодами, она оступается, и проходящий мимо пастушок увлечен открывшимся видом:

Среди двух прелестных
Белей снега ног,
На сгибах чудесных
Пастух то зреть мог,

Что скрыто до время
У всех милых дам,
За что из Эдема
Был выгнан Адам.

В 1816 году в лицее произошло большое событие. Более либерально настроенный директор лицея Е. А. Энгельгардт разрешил воспитанникам ходить в гости. У лицеистов появилось много знакомых. Чтобы отвлечь воспитанников от общения с горничными и доступными девицами, директор Лицея Энгельгардт устраивал для них вечера, пикники и танцы с участием его семьи, близких ему дам и девушек. «Женское общество, – вспоминает Иван Пущин, – всему этому придавало особенную прелесть и приучало нас к приличию в обращении… От сближения нашего с женским обществом зарождался платонизм в чувствах… Пушкин клеймил своим стихом лицейских сердечкиных, хотя и сам иногда попадал в эту категорию». Друзья поэта, Дельвиг и Кюхельбекер, были частыми гостями, Пушкин же сторонился этих несколько скучных собраний. Тем более, что он опять набедокурил.

В семействе Энгельгардта жила овдовевшая незадолго пред тем молодая, миловидная и остроумная француженка Мария Смит. Она умела оживлять и развлекать собиравшееся у Энгельгардта общество. Пушкин, который немедленно по своему обыкновению начал ухаживать за ней, написал довольно нескромное послание «К молодой вдове». Мария, готовившаяся стать матерью, обиделась и показала директору лицея фривольное послание поэта. В нем юный шалопай убеждал молодую женщину не бояться «завистливой тени» почившего «вечным сном» супруга, а смело обрести счастье в объятьях очередных любовников.

Теме любви, причем любви чувственной, посвящены многие юношеские стихотворения поэта, наполненные описаниями эротических сцен. Свое понимание любви Пушкин выразил в страстных, искренних и прелестных строках:

Любовь одна – веселье жизни хладной,
Любовь одна – мучение сердец.
Она дарит один лишь миг отрадный,
А горестям не виден и конец.
Стократ блажен, кто в юности прелестной
Сей быстрый миг поймает на лету;
Кто к радостям и неге неизвестной
Стыдливую преклонит красоту!

Для лицеистов были открыты многие дома Царского Села. Большой популярностью пользовались вечера у барона Теппера де Фергюссона, образованного и оригинального хозяина. Здесь лицеисты пили чай, болтали, занимались пением и музыкой. Устраивались и литературные состязания, на которых неизменно первенствовал Пушкин, привлекая тем самым женское внимание. Однако молодые люди ходили не только в почтенные дома. Они посещали так же гусаров, которые были расквартированы в Царском Селе. Сначала по билетам в праздники, потом в будни, а затем уже без всякого спроса проводили там целую ночь. Вечером, после классных часов, когда остальные лицеисты бывали у директора или в других семейных домах, Пушкин, ненавидевший всякое стеснение, пировал с офицерами лейб-гусарского полка. Такие известные повесы как Каверин, Молоствов, Сабуров, Юрьев стали его постоянными напарниками ночных приключений. «Вместе с ними, – вспоминает Комовский, – тайком от своего начальства, он любил приносить жертвы Бахусу и Венере, волочась за хорошенькими актрисами графа Толстого и за субретками приезжавших туда на лето семейств; причем проявлялись в нем вся пылкость и сладострастие африканской породы».

Можно с уверенностью сказать, что именно в это время поэт перешел от платонической влюбленности к удовлетворению своего «безумства бешеных желаний». Юноша стал мужчиной. Как сразу изменилась его лирика, как возмужала. Герой очередного любовного стихотворения «Письмо к Лиде» отнюдь не робкий обожатель античной красоты, но вполне земной, нетерпеливый и страстный любовник. Фактически это поэтическое описание первых опытов настоящей сексуальной жизни юного поэта.

И я в обители твоей…
По скорой поступи моей,
По сладострастному молчанью,
По смелым трепетным рукам,
По воспаленному дыханью

И жарким, ласковым устам
Узнай любовника – настали
Восторги, радости мои!
О Лида, если б умирали
С восторгов пламенной любви!

4

Переполненный чувствами и впечатлениями от новых сексуальных удовольствий, юный поэт неожиданно для него самого перенес свой эротический пыл на женщину, которая напомнила ему и своим возрастом, и своим обаянием, и почти материнской заботой о нем тех женщин, которые окружали его в детстве. Пушкин как ребенок влюбился в жену известного историка и сентиментального писателя Н. М. Карамзина. Он даже написал ей любовную записку. По словам П. И. Бартенева, Екатерина Андреевна, разумеется, показала ее мужу. Оба расхохотались, и, призвав Пушкина, стали делать ему серьезные наставления. Все это было бы довольно смешно, если бы не было так грустно для молодого и чувствительного сердца поэта.

Графиня Эдлинг писала в своем дневнике, что «Карамзина (жена историка) – предмет первой и благородной привязанности Пушкина». Об этом упоминала и А. П. Керн в своих воспоминаниях. Скорее всего это так и было. Ю. Н. Тынянов, знаток творчества и жизни поэта, уверен в том, что Е. А. Карамзина – «безыменная любовь» Пушкина, то есть та женщина, которая скрывается в «Донжуанском списке» под буквами NN. Каждый исследователь волен делать свои предположения и доказывать верность своей гипотезы. Однако любовь Пушкина к Карамзиной была совсем другого свойства, чем любовное увлечение Бакуниной или Кочубей.

Екатерина Андреевна была старше поэта на 20 лет. Правда, она была в 1816 году еще достаточно красивой и молодой. Умная, хорошо разбирающаяся в литературе, хотя и с несколько нервным характером, она вызвала у поэта не любовь-страсть, скорее любовь-привязанность. Лишенный материнской ласки и заботы, Пушкин, влюбляясь в женщин старше его (а это с ним часто случалось в жизни), как бы стремился получить ту женскую материнскую теплоту, которую он не имел в детском возрасте. Как известно из психоанализа, в нормальной любовной жизни человека иногда проявляется влияние материнского прообраза на выбор объекта увлечения. У Пушкина, выросшего в женском обществе, воспитанного няней и не знавшего материнской ласки, инстинктивное влечение к матери, постоянно вытесняемое из сознания, после наступления половой зрелости обращало его подсознательную сексуальность на женщин «бальзаковского возраста». Мы еще увидим, как поэт в течение всей своей жизни, постоянно искал утешения в любви зрелых женщин, которые относились к нему, как к сыну, будучи пылкими и беззаветно

преданными возлюбленными. Знакомство с Карамзиной продолжалось и после окончания Лицея.

В 1824 году в письме к А. И. Тургеневу он интересуется жизнью двух женщин, которые были старше его по возрасту и к которым он питал удивительные матерински-любовные чувства: «Целую руку Е. А. Карамзиной и княгине Голициной…» Позднее А. О. Смирнова отмечала в своем дневнике особенное отношение Пушкина к уже стареющей Екатерине Андреевне: «Я наблюдала также за его обращением с г-жей Карамзиной: это не простая почтительность к женщин уже старой, – это нечто более ласковое. Он чрезвычайно дружески почтителен с княгиней Вяземской, m-me Хитрово, но его обращение с Карамзиной совсем не то».

Мы еще узнаем об «отношениях» Пушкина и Вяземской, Пушкина и Хитрово (дочери Кутузова), которые также были старше поэта и также опекали его, и любили его как матери, и как стареющие женщины, которые искали необузданных, «африканских» наслаждений.

Когда Пушкин женился, Карамзина приняла деятельное участие в его личной и творческой жизни, желая поэту и его жене счастья. Авторитет Карамзиной, как придирчивого и доброжелательного оценщика новых произведений поэта, всегда был важен для Пушкина. Жуковский, Вяземский, Карамзина – вот к кому постоянно обращался поэт за советом, к кому он постоянно бегал, живя в творческой лихорадке. Любовные нити, связавшие на какое-то время молодого, излучавшего бурную сексуальность юноши и 36-летней женщины, видимо знавшей до этого только спокойную, размеренную, благородную, и оттого пресную любовь, не разорвались навсегда, а переросли в долгую дружбу. Муж Екатерины Андреевны, Николай Михайлович Карамзин, автор знаменитой «Истории государства Российского» в 12 книгах, видимо почувствовал какие-то любовные флюиды, исходящие от Пушкина и жены. Между ними, видимо, произошел серьезный разговор, Пушкин даже плакал. П. И. Бартенев пересказал рассказ некоего г-на Блудова, которому Н. М. Карамзин показывал место в своем кабинете, «облитое слезами Пушкина». С этого времени отношения между Карамзиным и Пушкиным испортились, хотя по настоянию Екатерины Андреевны он принял самое деятельное участие в смягчении участи поэта, которому в 1820 году грозила ссылка в Сибирь или на Соловки.

Е. А. Карамзина была первой зрелой женщиной в любовной жизни Пушкина, объект «инцестуального» воплощения бессознательных сексуальных желаний поэта. Как и в детстве, Пушкина ждало разочарование. Его еще детское желание

перенести на объект нежной любви также и сексуальные требования были осмеяны. Запреты, которые накладывали взрослые на сексуальные стремления мальчика к близким ему женщинам, вновь проявились в юношеском возрасте. Чувственность поэта была уже развита, а удовлетворение ее было запрещено по отношению к объектам его любовных мечтаний.

В результате таких «инцестуальных» запретов любовная жизнь Пушкина была разделена на две составляющие: «чувственную» и «чувствительную». Причем чувственная составляющая вынуждена постоянно скрываться за чувствительной. Когда Пушкин любил чувствительно (нежно) – он не желал обладания, а когда желал чувственно, то не мог уже нежно любить объект своего желания. С этого момента половая жизнь поэта стала капризной, подвижной, легко нарушаемой, часто неправильно функционирующей. Пушкин начал искать только таких женщин, которых не надо было любить, и чтобы своими чертами они не напоминали объекты «инцестуального» запрета и он мог бы с ними полностью высвободить свою сексуальную энергию. Чувственная составляющая Пушкинского «либидо» постоянно избегала слияния с его «чувствительной» составляющей. По мнению Фрейда, такие люди не обладают достаточно тонким любовным чувством (что отмечали современники поэта); «у них сохранились половые ненормальности, неудовлетворение которых ими ощущается как определенное понижение удовольствия, а удовлетворение возможно только с приниженными, мало оцениваемыми половыми объектами».

Неудивительно, что первыми женщинами на его пути были гризетки, актрисы и веселые девицы, т. е. женщины, на которых общество смотрело, как на источник удовольствия, но к которым нельзя испытывать чувство любви. Но именно им отдал Пушкин всю свою нарождающуюся, бурную, выливающуюся через край сексуальную энергию юности.

Глава IV
«Любви не ведая страданий…» (После Лицея)

В 1817 году Пушкин оканчивает Лицей. «Неволя мирная, шесть лет соединенья» остались позади. Брат Лев рассказывает: «По выходе из Лицея Пушкин вполне воспользовался своею молодостью и независимостью. Его по очереди влекли к себе то большой свет, то шумные пиры, то закулисные тайны».

«Пушкин числился в иностранной коллегии, не занимаясь службой, – писал в своем «Дневнике» умный и наблюдательный Ф. Ф. Вигель. – Сие кипучее существо, в самые кипучие годы жизни, можно сказать, окунулось в ее наслаждения… Он был уже славный муж по зрелости своего таланта и вместе милый, остроумный мальчик, не столько по летам, как по образу жизни и поступкам своим. Он умел быть совершенно молод в молодости, т. е. постоянно весел и беспечен».

«Служба в министерстве иностранных дел, а всего более – родственные и общественные связи отца открыли молодому Пушкину вход в лучшие кружки большого света, – отмечал П. И. Бартенев. – Сюда относятся родственные отношения и знакомства его с графами Бутурлиными и Воронцовыми, с князьями Трубецкими, графами Лаваль, Сушковым и проч. Так, известно по преданию, что в эту пору своей жизни Пушкин появляется на блестящих вечерах и балах у графа Лаваля. Супруга сего последнего, любительница словесности и всего изящного, с удовольствием видала у себя молодого поэта, который однако и в то время уже тщательно скрывал в большом обществе свою литературную известность и не хотел ничем отличаться от обыкновенных светских людей, страстно любя танцы и балы».

Господствующий тон в обществе совпадал с приобретенными еще в лицее наклонностями поэта. Предприимчивое удальство и молодечество, необыкновенная раздражительность, происходившая от ложного понимания своего достоинства, и бывшая источником многих ссор; беззаботная растрата ума, времени и жизни на знакомства, похождения и связи всех родов – вот что составляло основной характер жизни Пушкина, как и многих его современников. Жизнь поэта протекала, до словам барона Корфа, немного, правда, резким, «с беспрестанными историями, частыми дуэлями, в тесном знакомстве со всеми трактирщиками, б****** и девками». Пущин постоянно говорил:

«Что тебе, любезный друг, возиться с этим народом, ни в одном не найдешь сочувствия».

Но Пушкина это мало трогало. Молодой, дорвавшийся до свободы юнец, играл в карты, беспрестанно влюблялся, шокировал великосветское общество своими странностями – длиннющими ногтями, небрежной одеждой, мыслями вслух. Вся его жизнь до 1820 года кажется пронизанной каким-то вихрем. Он отдыхает и предается серьезному литературному труду только когда бывает болен. Истерический характер Пушкина, его обостренная сексуальность толкала его все на новые и новые приключения.

В 1818 г. девятнадцатилетний богач камер-юнкер Никита Всеволожский и офицер лейб-гвардии Павловского полка Я. Н. Толстой основали общество «Зеленая лампа». Собирались каждые две недели в доме Всеволожского на Екатерингофском проспекте, против Большого театра. Преобладала гвардейская офицерская молодежь – гусары, уланы, егеря. Но были и штатские, в их числе Пушкин и Дельвиг, которые, как и дилетанты-офицеры читали свои стихи, обменивались мнениями и спорили о театральных постановках, – все члены кружка были страстные театралы. Происходили разговоры и на политические темы, отражавшие тогдашнее всеобщее оппозиционное настроение.

Заседания эти обычно кончались веселыми попойками – по-видимому, с участием актрис и веселых девиц, а затем, повесничая на улицах, отправлялся молодой поэт вместе с гусарами в веселые дома. Времяпрепровождение кружка Пушкин описывал в своем послании к Я. Толстому:

Горишь ли ты, лампада наша,
Подруга бдений и пиров?
Кипишь ли ты, златая чаша,
В руках веселых остряков?
Все те же ль вы, друзья веселья,
Друзья Киприды и стихов?
Часы любви, часы похмелья
По-прежнему ль летят на зов
Свободы, лени и безделья?..

Основную жизнь кружка составляло эпикурейское наслаждение жизнью, самозабвенный разгул, не считавшийся со стеснительными рамками светских приличий, картежная игра, «набожные ночи с монашенками Цитеры»:

Здорово, рыцари лихие

Любви, свободы и вина!
Для нас союзники младые,
Надежды лампа зажжена!
Здорово, молодость и счастье,
Заздравный кубок и бордель,
Где с громким смехом сладострастье
Ведет нас пьяных на постель!

Так приветствовал Пушкин члена «Зеленой лампы» лейб-гвардии улана красавца «Дон-Жуана» Юрьева; таким же настроением проникнуты его послания и к другим членам кружка – к Всеволожскому, Щербинину, Мансурову.

Свобода от светских приличий и стеснения, «страстей единый произвол» – вот что подразумевалось под свободой в кружке «Зеленая лампа». Именно тут, в компании Кавериных, Щербининых, Мансуровых и прочих прославленных кутил и повес, промелькнул для поэта бурный период бешеного разгула и упоения чувственными радостями, столь характерный для послелицейской жизни Пушкина в Петербурге. Наиболее яркое свое отражение это время нашло как раз в посланиях поэта к членам «Зеленой лампы», и именно этот кружок имел Пушкин в виду, когда впоследствии вспоминал в «Евгении Онегине»;

И я, в закон себе вменяя
Страстей единый произвол,
С толпою чувства разделяя,
Я музу резвую привел
На шум пиров и буйных споров,
Грозы полуночных дозоров:
И к ним в безумные пиры
Она несла свои дары
И, как вакханочка, резвилась,
За чашей пела для гостей,
И молодежь минувших дней
За нею буйно волочилась,
А я гордился меж друзей
Подругой ветреной моей.

Каверин был самым ярким представителем той разгульной петербургской молодежи, в кругу которой вращался Пушкин после окончания лицея. Он очень нравился поэту как лихой гусар и повеса; молодежь, окружавшая Каверина, старалась подражать ему, повторяла за ним его любимые поговорки. Каверин

пользовался огромным успехом у женщин, щеголял, слыл безрассудным забиякой и дерзким озорником. Вот как вспоминал герой-гусар в своем дневнике о веселых пирушках с участием молодого Пушкина: «Щербинин, Олсуфьев, Пушкин – у меня в П-бурге ужинали – шампанское в лед было поставлено за сутки вперед – случайно тогдашняя красавица моя (для удовлетворения плотских желаний) мимо шла – ее зазвали – жар был несносный – Пушкина просили память этого вечера в нас продолжить стихами – вот они – оригинал у меня.

27 мая 1819

Веселый вечер в жизни нашей
Запомним, юные друзья;
Шампанского в стеклянной чаше
Шипела хладная струя —
Мы пили – и Венера с нами
Сидела прея за столом,
Когда ж вновь сядем вчетвером
С б******, вином и чубуками.

Поручик лейб-гвардии конно-егерского полка, член «Зеленой лампы» Мансуров, являлся непременным участником дружеских попоек. Будучи большим любителем театра, он ухаживал за молоденькой воспитанницей театрального училища Крыловой. По этому поводу Пушкин написал ему несколько грубоватое, в духе цинизма гусарской молодежи стихотворение:

Мансуров, закадышный друг,
Надень венок терновый!
Вздохни и рюмку выпей вдруг
За здравие Крыловой.
Поверь, она верна тебе,
Как девственница Ласси,
Она покорствует судьбе
И госпоже Казасси.
Но скоро счастливой рукой
Набойку школы скинет,
На бархат ляжет пред тобой
И ноги врозь раскинет.

Ласси – французская актриса, отказавшая сватавшемуся за нее актеру Яковлеву. Г-жа Казасси – главная надзирательница

театрального училища, очень строгая и чинная дама, державшая своих девочек под замком и разрешая только из форточки любоваться проходящими мимо бравыми молодцами.

В 1819 г. Мансуров уехал в командировку по военным поселениям. Пушкин писал ему туда: «Здоров ли ты, моя радость? Весел ли ты, моя прелесть?.. Мы не забыли тебя и в семь часов с половиной каждый день поминаем в театре рукоплесканьями, вздохами – и говорим: свет-то наш Павел. Что-то делает он теперь? Завидует нам и плачет о Крыловой (разумеется, нижним членом. Каждое утро крылатая дева летит на репетицию мимо окон нашего Никиты (Всеволожского), по-прежнему подымаются на нее телескопы и х**, но увы: ты не видишь ее, она не видит тебя, – оставим элегию, мой друг. Исторически буду говорить тебе о наших; все идет по-прежнему; шампанское, слава Богу, здорово, актрисы также, то пьется, а те е***ся – аминь, аминь, так и должно. У Юрьева х**, слава Богу, здоров, а у меня открывается маленький, и то хорошо».

Вот так проходило обучение поэта всем прелестям жизни тогдашней золотой молодежи, совмещавшей в себе по словам В. В. Вересаева: «беззаботно-веселое сожительство венерических болезней с ненавистью к деспотизму».

Князь П. А. Вяземский, поэт и литератор, и А. И. Тургенев – большие друзья молодого Пушкина, постоянно переписывались между собой и аккуратно осведомляли друг друга о «Сверчке» – самом младшем и многообещающем из поэтов литературного общества «Арзамас», которое было более литературным и менее беспутным, чем общество «Зеленая лампа». На собрания этого общества приходили Карамзин и Жуковский. Однако поэт предпочитал скучным собраниям общества «Арзамас» веселым похождениям. Вот о чем писали Тургенев и Вяземский друг другу, отмечая немало любопытных штрихов, касающихся тогдашнего времяпрепровождения Пушкина.

«Пушкина-Сверчка я ежедневно браню за его леность и нерадение о собственном образовании. К этому присоединились и вкус к площадному волокитству, и вольнодумство, также площадное, восемнадцатого столетия. Где же пища для поэта? Между тем он разоряется на мелкой монете! Пожури его».(А. И. Тургенев – В. А. Жуковскому, 12 ноября 1817 г.)

«Праздная леность, как грозный истребитель всего прекрасного и всякого таланта, парит над Пушкиным… Пушкин по утрам рассказывает Жуковскому, где он всю ночь не спал; целый день делает визиты б*****, мне и кн. Голицыной, а ввечеру иногда играет в банк… Третьего дня ездил я к Карамзиным в Царское Село. Там долго и сильно доносил я на Пушкина. Долго

спорили меня, и он возвращался, хотя тронутый, но вряд ли исправленный». (А. И. Тургенев – кн. П. А. Вяземскому, 4-го сент. 1818 г.)

«Сверчок прыгает по бульвару и по б*****, – писал Тургенев Вяземскому 18 декабря 1818 года. – Но при всем беспутном образе жизни он кончает четвертую песнь поэмы (имеется в виду «Руслан и Людмила» – *А. Л.*). Если еще два или три х**, так и дело в шляпе. Первая х**** болезнь была и первою кормилицей его поэмы».

Пушкин был совершенно неутомим в своих похождениях. Ничто не могло остановить его, ни недостаток средств, весьма неохотно отпускавшихся скупым отцом, ни благие советы друзей, подобных Жуковскому и Карамзину, ни постоянная опасность стать «жертвой вредной красоты» и живым подобием вольтеровского Панглосса. Как метко сказал сам поэт:

И то-то, братец, будешь с носом,
Когда без носа будешь ты.

Часто в его лирике послелицейского периода звучат мотивы наслаждения всеми прелестями жизни, особенно женской любовью. Одно из стихотворений Пушкина прямо посвящено некоей петербургской шлюхе Ольге Массон:

Ради резвого разврата,
Приапических затей,
Ради неги, ради злата,
Ради прелести твоей,
Ольга, жрица наслажденья,
Внемли наш любовный плач —
Ночь восторгов, ночь забвенья
Мне наверное назначь.

Постоянные венерические болезни приковывали поэта к постели. «Пушкин слег: старое пристало к новому, и пришлось ему снова за поэму приниматься», – пишет А. И. Тургенев 12 февраля 1819 года. А 22 февраля снова докладывает Вяземскому: «Венера пригвоздила Пушкина к постели и к поэме».

Должен заметить, что «Руслан и Людмила», при всей сказочности и фольклорности своего сюжета, насыщена какой-то эротической атмосферой, которая неизбежно проникала в поэму из альковов петербургских блудниц. Одно только описание любовного приключения Ратмира говорит нам о необузданной

жажде наслаждения, к которому стремился поэт.

Разостлан роскошью ковер;
На нем усталый хан ложится;
Прозрачный пар над ним клубится;
Потупя неги полный взор,
Прелестные, полунагие,
В заботе нежной и немой,
Вкруг хана девы молодые
Теснятся резвою толпой.
Над рыцарем иная машет
Ветвями молодых берез,
И жар от них душистый пашет;
Другая соком вешних роз
Усталы члены прохлаждает
И в ароматах потопляет
Темнокудрявые власы.
Восторгом витязь упоенный
Уже забыл Людмилы пленной
Недавно милые красы;
Томится сладостным желаньем;
Бродящий взор его блестит,
И, полный страстным ожиданьем,
Он тает сердцем, он горит.

Слишком много подобных ночей было и у Пушкина. Однажды, как писал А. И. Тургенев, – «он простудился, дожидаясь у дверей одной б****, которая не пускала его в дождь к себе, для того, чтобы не заразить его своей болезнью…» «…Какая борьба благородства, любви и распутства», – иронично восклицает в конце письма Александр Иванович.

Такое поведение Пушкина не должно удивлять, оно вполне естественно вписывается в его характер, сформировавшийся от различных «инцестуальных» запретов, сопровождавших его детство и юные годы. Как это ни странно звучит, но «эротизм» поэта был тесно связан с так называемой «психологической импотенцией», которая сопровождала разделение любовной сферы поэта на «чувственную» и «чувствительную» составляющие. Пушкин чувствовал себя стесненным в проявлении полового влечения к женщине, к которой он питал уважение, полноценную же потенцию и максимум сексуального удовлетворения он получал в общении с девицами, когда безудержно предавался наслаждению. Элемент определенной извращенности, полученной от знакомства с французской фривольной

литературой и вносимой им в половые отношения, Пушкин мог реализовать только с ними. Отсюда происходит его потребность в униженном половом объекте, в женщине полусвета, актрисе или гризетке, у которой нет эстетических требований, которая не знает, кто он, не ведет с ним литературных бесед, не требует к себе внимания, как к личности. «Перед такой женщиной – отмечает Фрейд, – он всего легче обнаруживает свою половую силу даже в том случае, если его нежность направлена к более высоко стоящей». И все же «чувствительная» составляющая тоже давала о себе знать, и Пушкин, утомленный от эротических забав, вновь стремился к женщинам, на облик которых был наложен «инцестуальный» запрет.

В свете прошел слух о том, что восемнадцатилетний поэт без ума от тридцатисемилетней княгини Голицыной. Опять в душе Пушкина шевельнулись неосознанные детские сексуальные чувства к почти сорокалетней женщине. Вспомним, что няне поэта, когда она начала ухаживать за ним, также было 40 лет. Созданный в подсознании сексуальный образ зрелой, доброй и ласковой женщины постоянно преследует поэта, врываясь в его сознание и подчиняя себе его романтическую, страстную и влюбляющуюся натуру.

С княгиней Евдокией Ивановной Голицыной Пушкин познакомился у Карамзиных и сразу же влюбился. Это все заметили. «Поэт Пушкин, – писал Н. Карамзин к П. Вяземскому, – у нас в доме смертельно влюбился в Пифию Голицыну и теперь уже проводит у нее вечера: лжет от любви, сердится от любви, только еще не пишет от любви». Карамзин не без иронии назвал княгиню пифией, т. е. прорицательницей, предсказательницей. Светская красавица была оригиналка. Она увлекалась философией и, особенно, математикой, вела переписку с парижскими академиками по математическим вопросам.

«Княгиня Голицына была очень красива, – писал о ней князь П. А. Вяземский, – и в красоте ее выражалась своя особенность. Она долго пользовалась этим преимуществом. Не знаю, какова была она в своей первой молодости; но и вторая, и третья молодость ее пленяли какою-то свежестью и целомудрием девственности. Черные, выразительные глаза, густые темные волосы, падающие на плечи извилистыми локонами, южный матовый колорит лица, улыбка добродушная и грациозная: придайте к тому голос, произношение необыкновенно-мягкие и благозвучные – и вы составите себе приблизительное понятие о внешности ее. Вообще, красота ее отзывалась чем-то пластическим, напоминавшим древнее греческое изваяние. В ней было что-то ясное, спокойное, скорее ленивое, бесстрастное. По

собственному состоянию своему, по обоюдно-согласованному разрыву брачных отношений, она была совершенно независима. Но эта независимость держалась в строгих границах чистейшей нравственности и существенного благоприличия. Дом ее, на Большой Миллионной, был артистически украшен кистью и резцом лучших из современных русских художников. Хозяйка сама хорошо гармонировала с такою обстановкою дома. Тут не было ничего из роскошных принадлежностей и прихотей скороизменчивой моды. Во всем отражалось что-то изящное и строгое. По вечерам немногочисленное, но избранное общество собиралось в этом салоне: хотелось бы сказать – в этой храмине, тем более, что и хозяйку можно было признать жрицею какого-то чистого и высокого служения. Вся постановка ее, вообще туалет ее, более живописный, нежели подчиненный современному образцу, все это придавало ей и кружку, у нее собиравшемуся, что-то – не скажу таинственное, но и не обыденное, не завсегдашнее. Можно было бы думать, что тут собирались не просто гости, а и посвященные».

Пушкин восхищался княгиней. Она это ценила. Как-то, будучи в Москве, сказала Василию Львовичу, что его племянник «малый предобрый и преумный» и что он «бывает у нее всякий день». Вернее было бы сказать – всякую ночь. Какая-то цыганка предсказала однажды княгине Авдотье, что она умрет ночью… Женщина суеверная, Голицына превратила ночь в день, а день в ночь, чтобы встретиться со смертью, когда она придет за ней. Лишь ночью принимала она друзей в своем великолепном салоне. За это ее прозвали «la Princess Nocturne» (княгиня ночная). Вскоре Пушкин посвятил Голицыной мадригал «Краев чужих неопытный любитель», в котором спрашивал:

Где женщина – не с хладной красотой,
Но с пламенной, пленительной, живой?
И сам же отвечал на свой вопрос:
Отечество почти я ненавидел —
Но я вчера Голицыну увидел
И примирен с отечеством моим.

В салоне «княгини Ночи» бывали друзья Пушкина – Карамзин, Жуковский, Вяземский, Александр Бестужев, Александр Тургенев.

Сердце Пушкина постоянно было в неволе – неволе любви, пиров и веселья. На все упреки родителей в излишней распущенности, которая могла иметь для него неприятные последствия, он отвечал: «без шума еще никто не выходил из

толпы».

Среди прочих увлечений поэта был и театр. Пушкин даже написал «Мои замечания о русском театре», где описывал свои впечатления от игры тех или иных актеров, рассказывал о театральной жизни той поры. Общество относилось с известным уважением, даже любовью к корифеям сцены, но к остальной артистической массе – с должным пренебрежением. Словно обитательницы большого гарема, актрисы, танцовщицы, «фигурантки» и статистки после того, как опускался театральный занавес, развлекали гвардейскую «золотую молодежь».

Театр увлек юного поэта своей яркой сценической и манящей закулисной жизнью. Пушкин охотно знакомился с актрисами и актерами, волочился за воспитанницами театрального училища. Здесь же поэт сильно увлекся Екатериной Семеновой (Катерина II) – замечательной трагической актрисой той поры. «Говоря об русской трагедии, говоришь о Семеновой, – и, может быть, только об ней», – отмечал Пушкин.

А вот как описывал ее современник: «Самое пылкое воображение живописца не могло бы придумать прекраснейшего идеала женской красоты для трагических ролей. И при этом голос чистый, звучный, приятный, при малейшем одушевлении страстей потрясающий все фибры человеческого сердца».

Она была создана для трагедии. «Одаренная талантом, красотою, чувством живым и верным, она образовалась сама собою. Семенова никогда не имела подлинника…» – восторженно писал Пушкин.

Действительно, юный поэт жил бурной, насыщенной театральной жизнью. Среди молодых гвардейских офицеров и светских денди он с надеждой поглядывал на окна третьего этажа Театральной школы, ожидая, не приоткроется ли форточка и не вылетит ли оттуда долгожданная записка, торопливо набросанная милой рукой. Старшие воспитанницы школы, которые уже давно выступали на сцене, были взрослыми девушками и притом прехорошенькими. Так что в поклонниках не было недостатка. Но известная уже г-жа Казасси воспитанниц держала в строгости и единственным местом, куда беспрепятственно пускали посторонних, была школьная церковь. Сюда ходил молодой «повеса» в надежде увидеть поближе «очаровательных актрис». Время от времени он влюблялся в какую-нибудь из них.

Однажды перед Пасхой, в страстную пятницу, Пушкин увидел прелестную шестнадцатилетнюю девушку, плачущую при выносе плащаницы. Через сестру Ольгу он передал девушке, что ему очень больно видеть ее горесть, тем более что Спаситель воскрес; о чем же мне плакать? Этой шуткой он, видимо, хотел обратить

на себя ее внимание; сам же, конечно, не мог не быть равнодушен к шестнадцатилетней девочке.

«– Вам было шестнадцать лет, когда я вас видел, – говорил он мне впоследствии. – Почему вы мне этого не сказали?

– Что же из этого? – смеялась я ему.

– То, что я обожаю этот прелестный возраст».

Пушкин всячески старался привлечь внимание хорошенькой девушки, и через некоторое время стал частым гостем в маленькой актерской квартирке. Обе Колосовы, и мать и дочь, были актрисами. Мать танцевала в балете, дочь, юная Сашенька, была актрисой драматической.

«Мы с матушкой, – пишет в своих «Воспоминаниях» младшая Колосова, – от души полюбили его. Угрюмый и молчаливый в многочисленном обществе, “Саша Пушкин”, бывая у нас, смешил своей резвостью и ребяческою шаловливостью. Бывало, ни минуты не посидит спокойно на месте; вертится, прыгает, пересаживается, перероет рабочий ящик матушки, спутает клубки гарусу в моем вышиваньи; разбросает карты в гранпасьянсе, раскладываемом матушкою… “Да уймешься ли ты, стрекоза! – крикнет, бывало, моя Евгения Ивановна, – перестань, наконец!” Саша минуты на две приутихнет, а там опять начинает проказничать. Как-то матушка пригрозилась наказать неугомонного Сашу: “остричь ему когти”, – так называла она его огромные, отпущенные на руках ногти. “Держи его за руку, – сказала она мне, взяв ножницы, – а я остригу!” Я взяла Пушкина за руку, но он поднял крик на весь дом, начал притворно всхлипывать, стонать, жаловаться, что его обижают, и до слез рассмешил нас… Одним словом, это был сущий ребенок, но истинно-благовоспитанный».

В середине декабря 1818 года на сцене Большого театра состоялся дебют Сашеньки Колосовой. Она выстудила в роли Антигоны, в той самой роли, которую с таким блеском играла Семенова. Пушкин был на спектакле и так описал игру Колосовой: «В скромной одежде Антигоны, при плесках полного театра, молодая, милая, робкая Колосова явилась недавно на поприще Мельпомены. Семнадцать лет, прекрасные глаза, прекрасные зубы (следовательно, чистая приятная улыбка), нежный недостаток в выговоре обворожили судей трагических талантов. Приговор почти единогласный назвал Сашеньку Колосову надежной наследницей Семеновой».

Театральный мир был сложным миром, где хитро переплетались любовь к искусству и зависть, уважение к талантам и интриги. И вот кому-то понадобилось поссорить поэта и актрису. Пушкину передали, что младшая Колосова смеялась

над его внешностью и назвала его мартышкой. Пушкин поверил. Он знал, что некрасив, и нелестные отзывы о его внешности больно задевали его. Сгоряча он написал на Колосову эпиграмму:

Все пленяет нас в Эсфири:
Упоительная речь,
Поступь важная в порфире,
Кудри черные до плеч,
Голос нежный, взор любови,
Набеленная рука, —
Размалеванные брови
И огромная нога!

Это была месть поэта хорошенькой девушке. Отношения их охладились и были налажены лишь много позднее.

Среди бурной жизни в кругу великосветских кутил и гусарских буянов, среди пьяного угара кутежей в доме богача Никиты Всеволожского, среди светских встреч и посещений театров – формировался истерический характер поэта, воспринятый по наследству от необычной семьи Пушкиных – Ганнибалов. Благодаря этому характеру поэт совершал различные безумства, как любовного, так и политического плана. И снова его «чувствительная» составляющая дает о себе знать. Образы женщин, на которых Пушкин направлял свои детские сексуальные стремления, подсознательно формировали платонический идеал поэта, воздействовали на выбор объекта его нового чувства. Мать, или няня, возбуждали тягу к зрелым женщинам, мягким и ласковым, образованным и умным. Нежная любовь к сестре, которая сохранилась у поэта на всю жизнь, питала его романтические увлечения. В конце концов в нем зародилось удивительное по своей глубине чувство, платоническое, горячее, трепетное.

Образ этой женщины (или девушки) вызвал из подсознания поэта всплеск огромных по своей мощи нежных чувств. Ублажая свою чувственность в объятиях доступных девиц, Пушкин не мог освободиться от преследующего его «инцестуального образа». В стихотворении «Дориде» он прямо указывает на это. В начале стихотворения поэт с необыкновенной правдивостью описывает сексуальные занятия с очередной «бабочкой», как бы гордясь своими сексуальными подвигами.

В Дориде нравятся мне локоны златые,
И бледное лицо, и очи голубые.
Вчера, друзей своих оставя пир ночной,

В ее объятиях я негу пил душой;
Восторги быстрые восторгами сменялись,
Желанья гасли вдруг и снова разгорались;
Я таял…

И вдруг, в момент наивысшего сексуального наслаждения, поэта посещают другие, «нежные» видения:

…но среди неверной темноты
Другие, милые мне виделись черты,
И весь я полон был таинственной печали,
И имя чуждое уста мои шептали.

Видимо в 1819 году поэт был под большим впечатлением от своей романтической любви. Кто была эта женщина, вызвавшая такое сильное чувство со стороны поэта? Если придерживаться хронологии «Донжуанского списка», то между Катериной II и княгиней Голицыной стоят две латинские NN, а после кн. Авдотьи в списке находится женское имя, которое пушкиноведы определили как Настасья. К сожалению, до сих пор никто не смог сопоставить с этим именем ни одну из известных женщин, с которыми поэт был знаком. А раз так, то все мучения и переживания Пушкина в этот период его Петербургской жизни, как считают пушкиноведы, надо отнести только к тем женщинам, которые известны из переписки и воспоминаний современников. Да и само имя Настасья вызывает подозрение.

Даже при первом взгляде на рукопись «Донжуанского списка» видно, что первая буква этого имени не Н, а П. Написание этой буквы совпадает с формой заглавной буквы в имени Пульхерия. Напротив, имена Наталья (Наталья I, и Наталья) в списке начинаются с заглавной буквы Н, написание которой отличается от заглавной буквы в имени Настасья (?). Думаю, что исследователям нужно уточнить имя неизвестной привязанности поэта.

Осенью 1828 года, после неудач с брачными планами, Пушкин написал в течение короткого времени поэму «Полтава». Через некоторое время он набросал в черновой тетради посвящение поэмы, несколько отличающееся от основной редакции, которое и легло в основу догадок пушкиноведов об «утаенной любви».

Тебе – но голос музы темной
Коснется ль уха твоего —

Поймешь ли ты душою скромной
Стремленье сердца моего?
Иль посвящение поэта,
Как утаенная любовь,
Перед тобою без привета
Пройдет, непризнанное вновь?
Узнай, по крайней мере, звуки,
Души, приверженной тебе,
О, думай, что во дни разлуки,
В моей изменчивой судьбе
Твоя печальная пустыня,
Твой образ, звук твоих речей,
Одно сокровище, святыня,
Для сумрачной души моей.

Перед заголовком надпись на английском языке «I love this sweet name» (Я люблю это нежное имя). Сразу возник вопрос, кто носил это «нежное» имя? Пушкин хранит полное молчание в своих рукописях и письмах. И это невероятная для поэта сдержанность (обычно он не церемонился со своими возлюбленными и сообщал о своих победах друзьям) возвращает нас к «Донжуанскому списку». Очень правдоподобно, что «Полтава» посвящена именно той, кого поэт не рискнул назвать полным именем, перечисляя объекты своих увлечений, обозначил под двумя латинскими буквами NN. Через всю лирическую поэзию Пушкина, начиная с 1819 года и до времени, когда была написана «Полтава», проходят воспоминания о какой-то сильной, глубоко затаенной и притом неудачной, неразделенной любви.

В стихотворении «Разговор книгопродавца с поэтом», написанном в 1824 году, Пушкин признается:

Одна была – пред ней одной
Дышал я чистым упоеньем
Любви поэзии святой.

Но любовь поэта не получила отклика в душе гордой красавицы:

Она отвергла заклинанья,
Мольбы, тоску души моей,
Земных восторгов излиянья,
Как божеству, не нужны ей.

Многие десятилетия лучшие пушкиноведы сталкивали копья в попытке выяснить – кто же все-таки скрывается под двумя загадочными NN? Чей образ сумел породить в неустойчивой и слишком эротичной душе поэта такое сильное, загадочное и платоническое чувство?

Существуют несколько гипотез. Каждый известный пушкиновед путем кропотливых исследований текстов и черновиков поэта предлагал в качестве героини «романтической» страсти одну из многих знакомых поэта. Гершензон утверждал, что Пушкин был влюблен в Марию Аркадьевну Голицыну, урожденную Суворову-Рымникскую, внучку генералиссимуса. Утверждение спорное, тем более что ни в переписке поэта нет намека на нее, ни биографы поэта ничего не говорят об этой «любви». Пушкин посвятил М. А. Голицыной, молодой, прелестной девушке, вышедшей замуж в 1820 году, одно из своих обычных, почтительных стихотворений.

П. Е. Щеголев, проведя огромную работу по исследованию черновых рукописей поэта, убежден, что «утаенная» любовь Пушкина – Мария Николаевна Раевская (в будущем жена декабриста Волконского). Ю. Тынянов, как мы уже говорили, связывает инициалы NN с Екатериной Андреевной Карамзиной. П. К. Губер настаивает, что это была Наталья Кочубей, предмет лицейского увлечения Пушкина, с которой поэт вновь встретился в 1818 году. В. В. Томашевский считает, что именно старшая дочь генерала Раевского, Екатерина Раевская, была «утаенной» любовью поэта, отмеченной буквами NN. И, наконец, Л. Гроссман называет имя Софьи Потоцкой, которой поэт увлекался в Петербурге в 1818–1820 годах.

При этом для подтверждения своих выводов маститые пушкиноведы используют буквально каждый стих пушкинских элегий и посвящений в период с 1819 по 1828 год, каждое незначительное упоминание в его письмах о некоей женщине, в которую он был влюблен. Все эти якобы доказательства смешиваются в одну кучу, и создается впечатление, что Пушкин был влюблен в одну «прекрасную» девушку, как Данте в Беатриче, и все помыслы его, и все стихи были направлены только к ней. Получается странная вещь, одни и те же стихи, одни и те же письменные признания Пушкина, одни и те же факты, одни и те же черновые варианты произведений поэта каждый исследователь использует в качестве доказательства, что именно его героиня была «утаенной любовью», что именно она скрывается под буквами «NN». Довольно неопределенная ситуация. Какая-то словесная эквилибристика, ничего общего не имеющая с реальностью.

Даже если и была какая-то женщина, имя которой поэт старался не упоминать, то, исходя из элементарной логики, это имя должно быть каким-то особенным. Если бы Пушкин написал это имя полностью, то «утаенная любовь» поэта была мгновенно бы раскрыта.

А теперь возьмем имена «Дон-Жуанского списка» и сравним его с именами женщин, которых пушкинисты назначают героинями этой великой любви.

Наталья Кочубей – предлагаемая Губером. Две Натальи уже есть в списке. Неужели еще одна Наталья могла вызвать у кого-то ассоциации, связанные именно с Натальей Викторовной Кочубей.

Екатерина Андреевна Карамзина, выдвинутая Ю. Тыняновым на роль «утаенной» любви поэта. В списке четыре Екатерины. Исходя их условной хронологии первого списка Катерина II может относится как к Екатерине Семеновой, так и к Екатерине Карамзиной. Есть ли смысл скрывать имя, повторяющееся четыре раза.

Мария Раевская, предлагаемая Щеголевым, и чьи доказательства убедили очень многих в истинности его предположения. Но имя Мария также встречается во втором «Дон-Жуанском списке».

С равной вероятностью поэт имел в виду или Марию Голицыну, или Марию Раевскую, на выбор.

Екатерина Раевская – это Катерина III; поэтому она просто не может быть «утаенной любовью».

Имя Софья так же присутствует во втором списке (Софья Потоцкая или Софья Пушкина), как и имя Елена (Елена Раевская).

Истерический характер Пушкина, управляющий его постоянной влюбчивостью и жаждой наслаждений, полностью опровергает теорию одной и единственной. Тем более, что сам поэт в письме к брату признается, что роль Петрарки, т. е. влюбленного в одну женщину человека ему не по нутру. Не будем вдаваться в подробности доказательств всех вышеприведенных авторов. В конце концов, не так важно, кто именно скрывается под инициалами NN. Последуем лучше логике пушкинского «либидо», его двойственной натуре, его метанию от чувственных наслаждений к чувствительной и платонической любви. Сначала юношеские увлечения Натальей Кочубей и Бакуниной, затем первые сексуальные опыты в кругу царскосельских гусар, потом «инцестуальные» привязанности к Карамзиной и к княгине Голицыной, и тут же оргии в компании Всеволожского, актрисы и публичные девки. Постоянные прыжки, постоянные метания.

В свете Пушкин часто встречал прелестных девушек, к которым он тянулся со всей силой своего необузданного

эротического чувства. Подсознательные «инцестуальные» запреты возбуждают в нем к представительницам благородных семейств самые нежные, абсолютно неэротические желания. Среди этих прелестных девиц на выданье, была, наверное, и Мария Голицына, вышедшая замуж в 1820 году, после высылки поэта. Встречался Пушкин и с предметом своего лицейского увлечения Натальей Кочубей. После долгого отсутствия, она появилась в свете в 1818 году. Юношеские чувства могли вновь всколыхнуться. Один черновой набросок того времени прямо указывает на это.

Я был свидетель умиленный
Ее младенческих забав.
Она цвела передо мною,
Ее чудесной красоты
Уже угадывал мечтою
Еще неясные черты.

Одновременно с вышеупомянутыми молодыми светскими барышнями Пушкин встречался на балах и Софьей Потоцкой, которая так же могла очаровать поэта, и так же только «платонически».

Софья и сестра ее Ольга были дочерьми знаменитой гречанки – Софьи Константиновны Глявонэ, у которой была удивительная судьба. Ее подобрал в константинопольском трактире польский посланник в Турции, привез в Варшаву, где она стала женой военного Иосифа Витта, а вскоре за тем и непременной спутницей князя Потемкина-Таврического в годы завоевания им Крыма. Получив от него обширные поместья на завоеванном полуострове, Софья Витт стала после смерти светлейшего князя женой коронного гетмана Малороссии Станислава Потоцкого.

Их дочь Софья была молода и красива. В ней, писал Вяземский, «все нездешнее, неземное, райское, небесное, и лишь взгляд ее обнаруживает искру чувственности, способную разгореться в пожар поэзии и любви. Но дева горда и неприступна; в своем томлении она остается одинокой». Гроссман считает, что именно ее имел в виду Пушкин когда писал стихотворение «Платонизм», в котором как бы подтверждаются слова Вяземского:

В уединенном упоенье
Ты мыслишь обмануть любовь.
Напрасно! – в самом наслажденье
Тоскуешь и томишься вновь.

И далее полушутливо предупреждает о том, что не следует сдерживать порывы, ибо красота не вечна.

Амур ужели не заглянет
В неосвещенный твой приют?
Твоя краса, как роза, вянет;
Минуты юности бегут.

Вряд ли увлечение Софьей Потоцкой было серьезным, как считают некоторые «пушкинисты».

Женская красота ведь всегда привлекала поэта, и ухаживание за красивой девушкой или женщиной было естественным для такого сексуального юноши, как Пушкин. Вообще-то стихотворение «Платонизм» обращено к некоей Лидиньке и довольно игриво по содержанию. В нем явно проскальзывает мысль о том, что красивой дувушке не стоит заниматься «мастурбацией», а лучше отдать себя нормальному сексу с мужчиной в браке. У Пушкина очень трудно понять, где его «романтические» чувства, а где «эротизм», прикрытый тонкими намеками и легкой иронией.

Я понял слабый жар очей,
Я понял взор полузакрытый,
И побледневшие ланиты,
И томность поступи твоей…
Твой бог не полною отрадой
Своих поклонников дарит.
Его таинственной наградой
Младая скромность дорожит.
Он любит сны воображенья,
Он терпит на дверях замок,
Он друг стыдливый наслажденья,
Он брат любви, но одинок.
Когда бессонницей унылой
Во тьме ночной томишься ты,
Он оживляет тайной силой
Твои неясные мечты…

Но, по всей видимости, именно Софья Потоцкая рассказала Пушкину старинную легенду о представительнице рода Потоцких, увезенной из Польши ханом Керим-Гиреем, который

безнадежно полюбил ее и воздвигнул необычный мавзолей из мрамора и водяных струй в память о пленнице Бахчисарайского гарема. Может быть, о сестрах Потоцких упомянул поэт в своей поэме:

Младые девы в той стране
Преданье старины узнали,
И мрачный памятник оне
Фонтаном слез именовали.

Своему другу А. А. Дельвигу, редактору альманаха «Северные цветы», Пушкин писал: «Я прежде слыхал о странном памятнике влюбленного хана. К ** очень поэтически описывала мне его, называя la fontaine des larmes» («фонтан слез»). Загадочный инициал К** означает, по мнению Леонида Гроссмана, фамилию Софьи Станиславовны до мужу: в 1821 году она вышла замуж за генерала П. Д. Киселева. Хотя историю Бахчисарайского гарема поэт мог услышать и от Натальи Кочубей, что, однако, маловероятно.

Видно, чувство, охватившее поэта, действительно было искренно и возвышенно. Л. Гроссман назвал «Бахчисарайский фонтан», сюжет которого навеян рассказом Софьи Потоцкой, «поэтической новеллой об одном из сильнейших увлечений Пушкина». Основные мотивы поэмы отвечают истории его «северной» любви – безответная страсть хана и безразличие Потоцкой к его безумному чувству. Однако не только Софья Потоцкая подтолкнула поэта разразиться «любовным бредом» в своей прелестной поэме. Еще одна милая девушка, молодая и прелестная, повлияла на написание «Бахчисарайского фонтана». Но об этом немного позже.

Глава V
«Я говорил тебе: страшися девы милой…»
(Сестры Раевские)

1

Три года Пушкин безмятежно веселился и познавал новые удовольствия. Несдержанный на остроты, цинические шутки и двусмысленные стишки, он был также несдержан и в политических высказываниях. Щеголяя своим «фрондерством», Пушкин писал резкие сатиры на императора Александра I (Noel. Сказки), подражал Радищеву в воспевании свободы (ода «Вольность»), возмущался жестокостью крепостничества («Деревня»).

Импульсивный Пушкин не мог скрывать свои взгляды, молча и полезно работая в тайных сообществах, как это делали его друзья-декабристы. Он беззаботно, не думая ни о чем, кроме удовлетворения юношеской бравады, расхаживал между кресел Большого театра в Петербурге и показывал всем портрет Лувеля – убийцы герцога Беррийского, наследника французского престола, с надписью «Урок царям». Пушкин появлялся в партере театров, фиглярствуя в удивительно нескладном фраке, и в шляпе «боливар» – с такими широченными полями, что два человека не могли разминуться в дверях, одному приходилось обязательно наклоняться. С длинными ногтями, растрепанными бакенбардами, он развлекал публику своими лицейскими выходками.

Его фрондирующие стихи вызвали высочайшее неудовольствие. Александр I приказал арестовать поэта и сослать в Сибирь или на Соловки. Удивлены были все, кто хорошо знал натуру Пушкина. Однако благодаря хлопотам его влиятельнейших друзей – Жуковского, Карамзина, Чаадаева, Гнедича – Пушкина в 1820 году переводят по службе в южные губернии, в распоряжение генерала Инзова, наместника Бессарабской области. Он легко отделался – этот импульсивный и дерзкий, остроумный и самонадеянный, порочный и заносчивый юноша. Кроме того, в последние месяцы перед отъездом Пушкин испытывал жесточайшее нервное возбуждение. В петербургском обществе распространились позорящие его слухи. Говорили, что поэт был вызван в тайную канцелярию шефом III-го отделения Бенкендорфом и там для острастки высечен. Для дворянина это являлось крайним оскорблением, а, как известно, Пушкин очень гордился своим 600-летним дворянством и обижался, когда его называли «сочинителем». Поэт был вне себя от гнева и едва не натворил непоправимых безумств.

Из Петербурга Пушкин выехал смертельно утомленный разгульной жизнью, которую он вел, и тревожимый горькими

воспоминаниями о неудачной любви. Эта любовь жила на Юге еще долго. Он постоянно говорил о ней в своих стихах, которые являются зеркалом его переживаний и любовных чувство. Пушкин прожил молдавской глуши меньше месяца, потом заболел горячкой, искупавшись в пруду и, когда в Екатеринослав прибыла из Киева проездом на Кавказские воды семья генерала Н. Н. Раевского – молодой поэт решил (а Инзов разрешил) отправиться вместе с нею якобы лечиться на Кавказ. Два месяца поэт счастливо жил в кругу прекрасного семейства, купался в теплых кисло-серных и железных водах, любовался сменяющими друг друга прекрасными и нетронутыми еще рукой человека ландшафтами.

В то время южные области России еще были дики, они недавно перешли под юрисдикцию империи. Смешение племен, оставшееся от турецкого владычества, мусульманский оттенок жизни поражал поэта. Все было интересно, даже опасности. «Хотя черкесы довольно смирны, – писал Пушкин брату Льву, – но нельзя на них положиться; в надежде большого выкупа они готовы напасть на известного русского генерала. И там, где бедный офицер безопасно скачет на перекладных, там высокопревосходительный легко может попасться на аркан какого-нибудь чеченца. Ты понимаешь, как эта тень нравится мечтательному воображению». Так он доехал до Крыма. Состояние усталости, бесчувственности, падения всех душевных и физических сил не покидало Пушкина. Его обычная впечатлительность и сексуальная агрессивность были как бы атрофированы. Ночью, плывя из Феодосии в Гурзуф, он не спал, ходил по палубе и что-то бормотал про себя. Пушкин выразил все обуревающие его чувства в элегии «Погасло дневное светило».

Я вспомнил прежних лет безумную любовь,
И все, чем я страдал, и все, что сердцу мило…

Он говорил о том, что бежал от минутных друзей, питомцев наслаждений, о том, что забыты «наперсницы порочных заблуждений», с которыми он проводил ночи без любви,

Но прежних сердца ран,
Глубоких ран любви, ничто не излечило…

Прощание с разгульной жизнью в Петербурге, прощание со светскими увеселениями и, наконец, прощание с Софьей Потоцкой, Натальей Кочубей, княгиней Авдотьей Голицыной, Е.

А. Карамзиной и, может быть, с неизвестной нам женщиной, такой недоступной и теперь еще более далекой, ввергло поэта в настоящую депрессию. Пушкин, с его ярко выраженным истерическим характером, опасался всегда не столько сексуальных связей, сколько глубоких любовных чувств. Он был совершенно открыт для постоянных сексуальных упражнений, но сердце его опасалось любить. Мы уже говорили о том, что в личности поэта обнаруживался разлад между любовью, нежными чувствами и просто половыми потребностями. Осознание собственной сексуальности у истериков, по мнению Фрейда, возможно только в двух вариантах: либо сексуальная агрессия, либо романтическая любовь. Невроз Пушкина (а то, что он постоянно испытывал неврозы на этой почве, не подлежит сомнению) состоял в несовместимости этих двух проявлений.

Сексуальная агрессия, как отмечал А. Лоуэн, становится антагонистом нежной, чувствительной, духовной стороны личности. Молодой Пушкин постоянно боялся влюбиться, хотя его пылкая натура не могла не влюбляться. Просто субъектами его чувств становились обычно девушки и женщины, которые не отвечали взаимностью на его более или менее страстную влюбленность. Постоянные разочарования терзали поэта и бросали в волны сексуальных излишеств. Любовь, оставленная в Петербурге, как бы опустошила душу поэта. Искатель новых чувств и увлечений, Пушкин уже не способен психологически переживать их. На него нашло какое-то нравственное омертвение. Ничто не радует, ничто не влечет. Как верно отметил П. К. Губер, творческая способность оставила Пушкина. Никогда более он не испытывал такого резкого и глубокого падения поэтического дара. И только на Кавказе он задумал и позже написал в Гурзуфе почти автобиографическую поэму «Кавказский пленник», которая дает ключ к пониманию его душевной жизни в Петербурге.

Главный герой поэмы – это фактически сам поэт, переживающий свой отъезд из Петербурга. Характеризуя его, Пушкин показывает нам душевную опустошенность героя, которая является результатом бурно проведенной молодости и, видимо, неразделенной любви, которая терзала его на родине. Захваченный в плен, он видит как молодая черкешенка тянется к нему. Но напрасны ее усилия:

…русский жизни молодой
Давно утратил сладострастье:
Не мог он сердцем отвечать
Любви младенческой открытой,
Быть может сон любви забытой

Боялся он воспоминать.

Когда влюбленная черкешенка признается в своих чувствах русскому пленнику, он отвечает ей словами, в которых как в зеркале отражаются все душевные переживания поэта.

Как тяжко мертвыми устами
Живым лобзаньям отвечать
И очи, полные слезами,
Улыбкой хладною встречать!
Измучась ревностью напрасной,
Уснув бесчувственной душой,
В объятиях подруги страстной
Как тяжко мыслить о другой!..
Когда так медленно, так нежно
Ты пьешь лобзания мои,
И для тебя часы любви
Проходят быстро, безмятежно;
Снедая слезы в тишине,
Тогда рассеянный, унылый
Перед собою, как во сне,
Я вижу образ вечно милый;
Его зову, к нему стремлюсь,
Молчу, не вижу, не внимаю;
Тебе в забвенье предаюсь
И тайный призрак обнимаю.
Об нем в пустыне слезы лью…

Так же как и в стихотворении «Дорида», главный герой поэмы вспоминает об отсутствующей возлюбленной, наслаждаясь в объятиях другой женщины.

2

Однако постепенно Пушкин начал успокаиваться. Ссылка, можно сказать, благотворно повлияла на него, особенно встреча с семьей генерала Раевского. Три недели, проведенные с Раевскими в Гурзуфе, были самыми светлыми, радостными и волнующими в жизни Пушкина. Вот как писал он брату, полный впечатлений от крымских переживаний.

«Там (в Гурзуфе. – ***А. Л.***) прожил я три недели. Мой друг, счастливейшие минуты жизни моей провел я посреди семейства почтенного Раевского. Я не видел в нем Героя, славу Русского войска, я в нем любил человека с ясным умом, с простой, прекрасною душою; снисходительного попечительного друга, всегда милого, ласкового хозяина. Свидетель Екатерининского века, памятник 12 года, человек без предрассудков, с сильным характером и чувствительный, он невольно привяжет к себе всякого, кто только достоин понимать и ценить его высокие качества. Старший сын его будет более нежели известен… Все его дочери – прелесть, старшая – женщина необыкновенная. Суди, был ли я счастлив: свободная, беспечная жизнь в кругу милого семейства; жизнь, которую я так люблю и которой никогда не наслаждался; счастливое полуденное небо; прелестный край; природа, удовлетворяющая воображение; – горы, сады, море; друг мой, любимая моя надежда – увидеть опять полуденный берег и семейство Раевского» (24 сентября 1820 г.).

Раевские были настоящими представителями дворянской культуры. В них было развито необыкновенное чувство чести и служебного долга, искренняя, без всякого ханжества, бытовая религиозность. Неизбалованный семейным уютом и теплом Пушкин в их семье нашел простоту и благовоспитанность, образованность и героический патриотизм. Пушкин знал сестер Раевских еще в Петербурге, но это были встречи в гостиных, где молодых девушек держали под бдительным оком старших. Надзор продолжался и в Крыму. Когда один из биографов написал, что старшая Раевская, Екатерина Николаевна, давала Пушкину в Гурзуфе уроки английского языка, она заявила, что этого не было, что по тогдашнему понятию о приличии было бы недопустимо для двадцатитрехлетней девушки заниматься с посторонним молодым человеком. Поэт был очарован и опьянен нежным очарованием девичьей стихии, он даже несколько забыл свои Петербургские печали, увлекался всеми сестрами по очереди.

«Все дочери его – прелесть…» Их было четыре сестры.

Екатерина – старшая, 23-летняя красавица, с твердым характером, но по словам Пушкина «женщина необыкновенная».

Елена – 16 лет, выделялась красотой даже среди своих сестер. Хорошо знала английский язык, потихоньку переводила Байрона и Вальтера Скотта. Однако, как писал граф Олизар, ее можно было сравнить с цветком кактуса, так как она, после пышного расцвета быстро увяла и, пораженная неизлечимой болезнью (туберкулезом. – *А. Л.*), влачила тяжелую, исполненную страдания жизнь.

Софья – младшая, 12 лет, любила читать всем нравоучения, была живым, многообещающим и красивым ребенком.

И, наконец, Мария, 15 летняя девушка, оставившая на всю жизнь большое и теплое впечатление в душе поэта. По воспоминаниям того же графа Олизара, она была некрасивым, смуглым подростком. «Лишь впоследствии она из ребенка стала превращаться с стройную красавицу, смуглый цвет лица которой находил оправдание в черных кудрях волос и пронизывающих полных огня глазах».

Пушкин увлекался всеми сестрами Раевскими, посвящал им прекрасные стихи, непринужденно болтал с ними и любовался цветущей природой Крыма. Необходимо понять, что девушки аристократических семейств готовились с детства к светской и семейной жизни; им прививались навыки литературные, они рисовали, шили, изучали исторические и политические книги, воспитывались в обстановке нравственности и должны были блюсти девственность до замужества. Все дочери генерала Раевского были непосредственны, милы, красивы и образованны. Эта была совсем другая среда, по сравнению с привычным окружением поэта – шлюхами, актрисами, горничными.

На какое-то время сексуальная агрессия Пушкина притупилась. Его романтические чувства, которые получили отказ в Петербурге, вновь загорелись и поэт, полный жаждой новой сердечной привязанности, погрузился в мир благородных и невинных чувств. Пушкин попал как бы в маленький гарем, и, окруженный прелестными «девами», легко флиртовал и играл в любовь. Нежная составляющая «либидо» взяла вверх. «Инцестуальные» запреты временно привели к новому приступу психической импотенции. Нежные чувства без всякой эротики – такие отношения успокоили поэта. В нем даже произошел душевный перелом, который сказался и на развитии его творческого гения. Романтическое увлечение сестрами Раевскими сделало его лиру более психологической, отражающей разнообразные переживания и порывы его поэтических героев. Если послелицейская поэзия Пушкина шла более от ума, то после

встречи с Раевскими его стихи создавались под чутким руководством страдающего сердца.

Поначалу, во время путешествия на Кавказ, он любовался шаловливой и непосредственной Марией, которая вместе с сестрой Софьей ехала с отцом. Что бы понять характер их отношений обратимся лучше к воспоминаниям самой Марии Николаевны Волконской (Раевской). «Как поэт, он (т. е. Пушкин) считал своим долгом быть влюбленным во всех хорошеньких женщин и девушек, – писала жена декабриста, – с которыми он встречался… Во время этого путешествия, недалеко от Таганрога, я ехала в карете с Софьей, нашей англичанкой, русской няней и компаньонкой. Завидев море, мы приказали остановиться, вышли из кареты и всей гурьбой бросились любоваться морем. Оно было покрыто волнами, и, не подозревая, что поэт шел за нами, я стала забавляться тем, что бегала за волной, а когда она настигала меня, я убегала от нее; кончилось тем, что я промочила ноги. Понятно, что я никому ничего не сказала об этом и вернулась в карету. Пушкин нашел, что эта картинка была очень грациозна, и, поэтизируя детскую шалость, написал прелестные стихи, мне было тогда лишь 15 лет.

Как я завидовал волнам,
Бегущим бурной чередою,
С любовью лечь к ее ногам!
Как я желал тогда с волнами
Коснуться милых ног устами

Позже, в поэме «Бахчисарайский фонтан», он сказал:

…ее очи
Яснее дня,
Темнее ночи».

Такое свидетельство самой Марии Николаевны, казалось, неопровержимо доказывало, что именно о ней думал Пушкин, когда писал свою элегию «Редеет облаков летучая гряда» и навеянную тем же эпизодом строфу «Евгения Онегина», что именно она вдохновила поэта и на создание «Бахчисарайского фонтана» и «Полтавы». Известный польский помещик граф Густав Олизар, впоследствии влюбленный в нее, отмечал в своих воспоминаниях, что Пушкин написал свою прелестную поэму для Марии Раевской. Более полувека назад известный пушкинист П.

Е. Щеголев предпринял кропотливые «изыскания в области биографии и текста Пушкина», нашедшие отражение в его большом исследовании «Утаенная любовь». По его мнению «утаенной любовью» поэта, является, бесспорно, Мария Раевская. Такого же мнения придерживается и Т. Г. Цявловская.

Однако Л. Гроссман отметил в своей биографии поэта, что после строк «Коснуться милых ног устами!» имеются еще следующие строфы:

Нет, никогда средь пылких дней
Кипящей младости моей
Я не желал с таким мученьем
Лобзать уста младых Армид,
Иль розы пламенных ланит,
Иль перси, полные томленья;
Нет, никогда порыв страстей
Так не терзал души моей!

«Они, со всей очевидностью, – отмечает Гроссман, – противоречат идиллической зарисовке Волконской, писавшей свои воспоминания после 30-летнего пребывания с мужам на каторге. Ярко выраженный эротизм картины столичных оргий и завершающий, полный чувственности возглас вряд ли можно отнести к 15-летней девочке». Сама княгиня Волконская поняла особенности характера Пушкина, отмечая в конце своих воспоминаний: «В сущности он обожал только свою музу и поэтизировал все, что видел». Мнение, что приведенная строфа из «Онегина» могла относиться к Марии Раевской, подтверждает своими изысканиями П. Е. Щеголев. В рукописях поэта за датой 16 августа 1822 года есть черновая стихотворная зарисовка, которая легла в основу XXXIII строфы «Онегина». В ней поэт любуется неизвестной женщиной:

За нею по наклону гор
Я шел дорогой неизвестной
И примечал мой робкий взор
Следы ноги ее прелестной —
Зачем не смел ее следов
Коснуться жаркими устами.
……
Нет никогда средь бурных дней
Мятежной юности моей
Я не желал с таким волненьем
Лобзать уста младых Цирцей

И перси, полные томленьем.

Вряд ли можно предполагать, что именно 15-летняя девушка вызвала такой сильный взрыв полуэротических, полуплатонических чувств. Несомненно, Пушкин был очарован и даже чувствительно влюблен в милого подростка. «Он встретил ее, когда уже прошел сквозь ранний, но бурный любовный опыт, – отмечает А. Тыркова-Вильямс, – уже был умудрен в науке страсти нежной, в умении не только читать в женских сердцах, но и играть ими».

Утверждения П. Е. Щеголева о том, что Мария Раевская была предметом страсти поэта, прошедшей через всю его жизнь, – просто нелогичны с точки зрения психологии Пушкина. Никакие изыскания в черновиках поэта, никакие приемы, типа «медленного чтения» его произведений (методика Гершензона), не дадут полной картины истинного отношения Пушкина к той или иной женщине. Только поняв характер поэта и его подсознательные корни, вырастающие из детской и юношеской «эдиповой» ситуации, мы можем правильно оценить все чувственные и чувствительные порывы его сердца. По правде говоря, имя Марии Раевской нигде и никогда не было упомянуто, ни в связи со стихами Пушкина, ни в связи с его любовными признаниями. Поэтому ошибочно относить только к ней многочисленные строки поэта, в которых он говорит о своей мучительной любви, «отверженной и вечной».

В последнее время появилось довольно обоснованное предположение, что во время своего путешествия Пушкин был сильно увлечен компаньонкой Марии, крестницей генерала Раевского Анной Гирей. Это увлечение завершилось близостью, к которой поэт стремился со всей жаждой своего темперамента. Воздержанность претила ему, а возвышенные чувства к Марии, еще совсем неуклюжему подростку, сочетались с сексуальными отношениями с более свободной и раскованной девушкой. Эта гипотеза была высказана еще в 1923 году Д. С. Дарским (Люсый А. «Ангел утешенья» // Октябрь. 1997. № 6. С. 171–174). Пушкину было свойственно увлекаться сразу несколькими женщинами. «Многолюбивое сердце поэта, – отмечал П. К. Губер, – было для этого достаточно просторно». Двойственное психосексуальное состояние постоянно бросало поэта от романтической влюбленности к плотским страстям, а в данном случае эти противоположные чувства были удачно совмещены. Анна Ивановна Гирей стала любовницей Пушкина на долгие годы. Поэт часто приезжал в Крым, чтобы встретиться с ней – прелестной

получеркешенкой, умной, образованной и полной южной страсти девушкой.

3

В Гурзуфе поэт познакомился со старшими дочерьми генерала Раевского Екатериной и Еленой, с которыми поэта связало литературное общение. «Пушкин часто разговаривал и спорил с старшей Раевской о литературе. – писал П. И. Бартенев, – Стыдливая, серьезная и скромная Елена Николаевна, хорошо зная английский язык, переводила Байрона и Вальтер Скотта по-французски, но втихомолку уничтожала свои переводы. Брат (Николай Раевский-младший. – *А. Л.*) сказал о том Пушкину, который стал подбирать клочки изорванных бумаг и обнаружил тайну. Он восхищался этими переводами, уверяя, что они чрезвычайно верны». Екатерина Раевская – это скорее всего Катерина III из «Донжуанского списка». Она так же заронила в сердце поэта чувство, большее, нежели простое восхищение. Позже, в стихотворении «Таврида», поэт писал

Мир вам, тревоги прошлых лет!
В ту пору мне казались нужны
Пустыни, волн края жемчужны,
И моря шум, и груды скал,
И гордой девы идеал,
И безыменные страданья…

Екатерина и вправду была горда, умна, обладала твердой волей. Поэт любил беседовать с ней, восхищался ею, но было одно обстоятельство, которое препятствовало их сближению. Екатерине было тогда 22 года, Пушкину – 21, и по тогдашним строгим понятиям общение между девушкой на выданье и совершеннолетним мужчиной не очень-то поощрялось. Вскоре после Крымской поездки к Екатерине посватался Михаил Орлов, блестящий генерал, принявший капитуляцию Парижа в 1814 году, в будущем декабрист. Сообщая Вяземскому о предстоящей их свадьбе, А. И. Тургенев напоминал: «это та самая, по которой вздыхал поэт».

Конечно, Пушкин увлекался интересной девушкой, но уже тот факт, что он в письме к Вяземскому сравнивает характер созданного им в «Борисе Годунове» образа Марины Мнишек с «Катериной Орловой», ясно говорит о простом восхищении ее сильным характером, нежели о глубокой любви. Стоит только посмотреть на портрет Екатерины Раевской, что бы понять – такая женщина не могла воспламенить чувства поэта. Для этого она

слишком холодна, разумна, горда. Выйдя замуж, Екатерина держала своего мужа, боевого генерала, в узде, как простого мальчишку. Позже, когда Орловы поселились в Кишиневе, Пушкин был частым гостем в их доме. «Пушкин больше не корчит из себя жестокого, – пишет Екатерина в письме, – он очень часто приходит к нам курить свою трубку и рассуждает или болтает очень приятно». В 1822 году она родила сына Николеньку. В дальнейшем их пути разошлись, и только изредка Екатерина Николаевна и Пушкин упоминают друг о друге в письмах к своим друзьям.

Зато болезненной, но особенно романтической Елене поэт посвящает нежные и трогательные строки:

Увы! зачем она блистает
Минутной, нежной красотой?
Она приметно увядает
Во цвете юности живой…
Увянет! Жизнью молодою
Не долго наслаждаться ей:
Не долго радовать собою
Счастливый круг семьи своей,
Беспечной милой остротою
Беседы наши оживлять
Страдальца душу услаждать…

Некоторые исследователи относят это стихотворение к Екатерине Раевской. Однако, если внимательно отметить в нем черты характера – «тихой, ясною душою», – той девушки, о которой поэт скорбит, и сравнить их с гордым характером Екатерины, то сразу станет ясно, кому посвящено данное стихотворение. Вообще следует отметить, что все произведения, написанные на Юге, в период общения поэта с девическим цветником Раевских, не заключают в себе ни любовного, ни тем более эротического смысла. Напрасно пушкиноведы ищут в них какие-то намеки на страстные чувства. Поэт старался скрыть даже тот романтический элемент влюбленности, который с неизбежностью присутствовал в общении с обаятельными и порядочными девушками.

В конце 1820 года, уже находясь в имении Раевских-Давыдовых, Каменке, Пушкин написал прелестную элегию «Редеет облаков летучая гряда». Появление «звезды печальной, вечерней звезды» – Венеры, будит в поэте воспоминания о недавнем путешествии по Крыму.

* * *

Редеет облаков летучая гряда
Звезда печальная, вечерняя звезда!
Твой луч осеребрил увядшие равнины,
И дремлющий залив и черных скал вершины.
Люблю твой слабый свет в небесной вышине,
Он думы разбудил уснувшие во мне.
Я помню твой восход знакомое светило,
Над мирною страной, где все для взоров мило:
Где стройны тополи в долинах вознеслись
Где дремлет нежный мирт и темный кипарис,
И сладостно шумят полуденные волны.
Там некогда в горах, сердечной неги полный,
Над морем я влачил задумчивую лень…

И завершает поэт свою элегию тремя строчками:

Когда на хижины сходила ночи тень,
И дева юная во мгле тебя искала,
И именем своим подругам называла.

Через три года, отправив элегию друзьям в Петербург, поэт запретил печатать последние эти строки. Однако элегия появилась в «Полярной звезде» без изменений. Это очень взволновало Пушкина, и он писал А. Бестужеву: «Посуди сам: мне случилось когда-то быть влюблену без памяти… Бог тебя простит! но ты осрамил меня в нынешней «Звезде» – напечатав три последние стиха моей элегии; черт дернул меня написать еще кстати о «Бахчисарайском фонтане» какие-то чувствительные строчки и припоминать тут же элегическую мою красавицу. Вообрази мое отчаяние, когда я увидел их напечатанными. Журнал может попасть в ее руки; что ж она подумает, видя с какой охотою беседую об ней с одним из петербургских моих приятелей?… Признаюсь, одною мыслию этой женщины дорожу я более, чем мнениями всех журналов на свете и всей нашей публики».

Кто же эта дорогая сердцу поэта женщина, в которую он когда-то был влюблен и воспетая в элегии? Конечно же, одна из дочерей Раевских. Но кто именно? Давайте обратим внимание на последнюю строку. Юная дева называет Венеру своим именем. Почему? Существуют две интересные версии: первая основывается на древнем античном мифе о превращении в звезду Елены Прекрасной, из-за которой началась Троянская война. Этот

миф могли знать и Пушкин, и Раевские, знакомые с античной мифологией по французским источникам. Образованным Раевским и самому поэту наверняка была известна строка из Горация:

…fratres Helenae, lumina sidera.
(близнец Елены, вечерняя звезда)

Вторая версия заключается в том, что в католическом мире планету Венеру называют иногда «звездой Марии». Эту версию выдвинул известный поэт-символист и знаток античности Вячеслав Иванов. Из первой версии следует, что «элегической» красавицей могла быть Елена Раевская, из второй – ее сестра Мария. И та, и другая версии лишь предположения. Очень трудно делать какие – либо выводы на столь хрупкой основе. Однако мы можем, основываясь на психологии поэта, на его понимании женского идеала, который сформировался как отрицание идеала сексуального, предположить, что «элегической красавицей» скорее всего была 16-летняя Елена Раевская, умеющая писать прекрасные стихи, обладающая тонким пониманием поэзии великих англичан, болезненная, скромная, и в тоже время высокая, стройная, с внешностью богини красавица, с привлекающими всех своими голубыми глазами. Среди замечательных дочерей генерала Раевского именно она более всего могла приковать внимание поэта, и возбудить в нем снова угасающее чувство «платонической» влюбленности.

Обычно пушкиноведы, проводя в качестве доказательств своей версии различные стихотворения поэта или его письма, очень мало внимания уделяют психологической достоверности того или иного пушкинского выражения. Все их доказательства не совсем убедительны, потому что основаны на сопоставлении имен, дат, внешних характеристик действующих лиц, каких-то не связанных между собой событий и т. д. В них нет психологической верности анализа тех или иных автобиографических стихов, разбросанных по рукописям поэта, проникновения в реальный, а не выдуманный авторомдушевный мир Пушкина.

Вчитайтесь внимательно в вышеприведенное письмо: «… одною мыслию этой женщины дорожу я более, чем мнениями всех журналов на свете и всей нашей публики». Какие мысли 14-летнего подростка (Марии Раевской) могли так привлечь Пушкина, что он дорожит ими более всех на свете? Так мог сказать только человек, влюбленный в женщину, отвечающую его «инцестуальному» идеалу. Не столько внешняя

привлекательность, сколько, прежде всего, душа ее. Эротизм поэта отступал в глубины подсознания. Духовная близость, созвучие настроения, психологическая гармония – вот что волновало поэта в этот период жизни. Пушкин испытывал душевный кризис, и печаль разлуки еще преследовала его.

Конечно, страдающий от сексуальной неудовлетворенности поэт флиртовал со всеми девушками, играл с ними в любовь, которая сопровождалась со стороны участниц бурными порывами ревности. Он был влюблен как бы во всех сразу, но по-разному. Как правильно отметил П. К. Губер, у Пушкина в Крыму завязался «курортный» роман – скорее всего с Екатериной Раевской – Катерина III «Донжуанского списка». Именно она, в силу своего возраста, могла привлечь Пушкина как новый сексуальный объект. Беседы о литературе, вечерние гулянья, а может быть и тайные встречи с элементами легкой эротики – все это могло случиться, зная нетерпеливый и неуемный сексуальный аппетит молодого человека. (Отношения с Анной Гирей здесь во внимание не принимаются, так как они были построены на чисто сексуальной основе.)

Первоначальный флирт с Марией на Кавказе был забыт. Вряд ли поэт соблазнял 14-летнюю девушку, хотя дальнейшие его поступки по отношении к 12-летней Адели, буквально через несколько месяцев после крымских влюбленностей, дают пищу и для такого предположения. Легкие ухаживания Пушкина все таки были приятны юной смуглянке с горящими глазами. И когда внимание поэта переключилось на старших сестер, то Мария начала ревновать. И к Екатерине, с которой у Пушкина наверняка установились полуинтимные отношения, и к Елене, чей образ, в чем-то близкий к образу оставленной в Петербурге Софьи Потоцкой (или Натальи Кочубей), пробудил у Пушкина вновь чувствительные и нежные любовные чувства.

Это только мое предположение, которое, как мне кажется, вполне логично и естественно. Но если внешне Пушкин проявлял какие-то элементы ухаживания за всеми сестрами, то глубинная, душевная близость установилась у него именно с Еленой. Современники не понимали состояния его «чувствительной» составляющей. Вышеупомянутый Густав Олизар считал, что «Бахчисарайский фонтан» написан для Марии Раевской, А. И. Тургенев слышал, что поэт влюблен в старшую сестру – Екатерину. Никто не говорил о Елене, потому что поэт тщательно скрывал свое отношение к прелестной девушке.

Почему Пушкин рассердился на А. Бестужева, который напечатал элегию «Редеет облаков летучая гряда» в своем журнале вместе с тремя последними строками? Ведь они вполне

невинны, в них нет никакой эротичности. Именно поэтому Пушкин и рассердился. В черновике его письма есть перечеркнутые строки: «Ты напечатал те стихи, об которых именно просил тебя не выдавать их в п. Ты не знаешь до какой степени это мне досадно. (Они относятся писаны к женщине, которая читала их)». Только женщине духовно близкой, чье печальное настроение и поэтическое восприятие жизни было созвучно его настроению, Пушкин мог прочесть свою исповедь, полную психологической напряженности. И только тонкая натура Елены Раевской могла понять чувства поэта, его страдающую лиру, его первые «чувствительные» порывы.

Что касается поэмы «Бахчисарайский фонтан», которая была написана в Кишиневе, то, следует согласиться с тем, что прообразами главных героинь: Марии Потоцкой и Заремы стали сестры Раевские и Анна Гирей. Елена – это Мария Потоцкая, нежная и печальная, в которую страстно влюблен хан Гирей.

Все в ней пленяло: тихий нрав,
Движенья стройные, живые
И очи томно-голубые.

Это описание полностью соответствует внешности и характеру Елены Раевской, которая, по словам П. И. Бартенева, была «высокая, стройная, с голубыми глазами. Ее скромность и стыдливость, увлечение поэзией, «тихую и ясную душу» поэт перенес на образ пленительной Марии Потоцкой:

Но в тишине души своей
Она любви еще не знала
И независимый досуг
В отцовском замке меж подруг
Одним забавам посвящала

Поведение и чувства главной героини поэмы, отношение к непонятным ей страстям, бушующим в сердцах Гирея и Заремы – все это психологически верно для характера Елены Раевской. Прочтите еще раз трепетные строки Пушкина, посвященные болезненной девушке:

Увы! зачем она блистает
Минутной, нежной красотой?
Она приметно увядает
Во цвете юности живой…

Увянет! Жизнью молодою
Не долго наслаждаться ей:

Почти таким же страдающим тоном и таким же стихотворным ритмом, предвидя горький конец прелестной польки, Пушкин как бы смирившись с потерей, говорит о пленнице гарема печальные слова:

Что делать ей в пустыне мира?
Уж ей пора, Марию ждут.
И небеса на лоно мира
Родной улыбкою зовут.

С другой стороны, образ Заремы, страстной и ревнивой, списан поэтом со смуглой, порывистой, живой и, видимо, так же ревнивой Анны Гирей, хотя может к этому образу примешалось и впечатление от милого черноокого подростка – Марии Раевской.

…пленительные очи
Яснее дня, чернее ночи.

Пушкин выразил в этой поэме всю силу обуревающих его воспоминаний и романтических чувств. Ревность Анны Гирей с ее южной кровью и черкесскими страстями к Елене Раевской – вот скорее всего основа сюжета «Бахчисарайского фонтана». Но поэт не хотел, чтобы прелестные сестры Раевские, а тем более их отец или братья узнали о его душевных переживаниях. Направляя для издания рукопись этой поэмы брату Льву, Пушкин писал из Одессы 25 августа 1823 года: «Так и быть, я Вяземскому пришлю “Фонтан” – выпустив любовный бред – а жаль!» «Любовным бредом» поэт назвал 10 строк поэмы, в которых отражена вся сила охватившего его безумства. Знакомясь с черновиками «Бахчисарайского фонтана», мы видим, что, тщательно скрывая свое увлечение, Пушкин во всех трех прижизненных изданиях поэмы не разрешал печатать эти десять строк.

Происхождение поэмы носит явно интимный характер. Романтические струны поэта взволнованы сильным и ярким чувством. И это возвышенное волнение и восхищение добродетельной и стойкой красотой, как бы застывшее в поэме, до сих пор сохраняет для нас бессмертную прелесть этого «любовного бреда». В том же письме к брату Пушкин приоткрыл завесу над своими глубинными чувствами: «Здесь Туманский

(чиновник на службе у графа Воронцова. – ***А. Л.***)…я прочел ему отрывки из “Бахчисарайского фонтана”, сказав, что не желал бы ее напечатать, потому что “многие места относятся к одной женщине, в которую я был долго и очень глупо влюблен, и что роль Петрарки мне не по нутру”».

Пушкиноведы до сих пор спорят, кто же была эта женщина, о которой думал поэт в период написания поэмы и чей образ преследовал его в течении нескольких лет? В послесловии к поэме, где Пушкин описывает свое посещение Бахчисарайского дворца, он дает такое реальное и автобиографическое описание своих видений и ассоциаций, что не нужно никаких изысканий и споров, что бы угадать имя той женщины. Другие так же могли легко это сделать, поэтому поэт и запретил печатать последние десять строк. Ведь фактически эти строки – признание в любви. Внимательно вчитайтесь в его стихи:

Где скрылись ханы? Где гарем?
Кругом все тихо и уныло,
Все изменилось!.. Но не тем
В то время сердце полно было:
Дыханье роз, фонтанов шум
Влекли к невольному забвенью;
Невольно предавался ум
Неизъяснимому волненью,
И по дворцу летучей тенью
Мелькала дева предо мной!
……
Чью тень, о други, видел я?
Скажите мне: чей образ нежный
Тогда преследовал меня
Неотразимый, неизбежный?
Марии ль чиста душа
Явилась мне или Зарема
Средь опустелого гарема.
Я помню столь же милый взгляд
И красоту еще земную…
Все думы сердца к ней летят;
Об ней в изгнании тоскую…
Безумец! Полно! перестань,
Не оживляй тоски напрасной
Заплачена тобою дань. —
Опомнись! Долго ль, узник томный,
Тебе оковы лобызать,
И в свете лирою нескромной

Свое безумство разглашать.

Эта строки полностью подтверждают мое предположение, что именно о Елене Раевской говорил Пушкин в своем письме, как о женщине, «в которую он был долго и глупо влюблен». Сравните выделенные мной строки в послесловии к «Бахчисарайскому фонтану» с стихотворением, посвященном Елене Раевской. Одни и те же поэтические образы, говорящие о милой, нежной прекрасной, но преждевременно уходящей из жизни девушке. Только о Елене Раевской поэт мог сказать «…и красоту еще земную». Я считаю, что весь «любовный бред» в «Бахчисарайском фонтане», все образы крымских элегий поэта, все его переживания по поводу их напечатания относятся к Елене Раевской, скромной, нежной, поэтической натуре. Пушкин, ухаживая за всеми сестрами, питал к Елене, видимо, какое-то особенное чувство, которое было известно и самой девушке, и ее сестрам.

Душевная близость между поэтом и Еленой вызывала их ревность, особенно это чувство было заметно у порывистой и юной Марии. Да и не мог Пушкин серьезно влюбиться в них, потому что их снисходительное отношение к поэту было явно заметно и ущемляло его гордость. Первый биограф Пушкина П. И. Бартенев писал: «Нам случалось беседовать с княгиней М. Н. Волконской и Ек. Н. Орловой (урожденными Раевскими). Обе они отзывались о Пушкине с улыбкой некоторого пренебрежения и говорили, что в Каменке восхищались его стихами, но ему самому не придавали никакого значения. Пушкина это огорчало и приводило в досаду». (Каменка – имение родственников Раевских, Давыдовых, где поэт гостил в начале 1821 года).

Зная необыкновенную обидчивость поэта, его крайнюю гордость, как свойство его истерического характера, вряд ли его легкий флирт с Марией и Екатериной Раевскими мог перерасти в сильное и нежное чувство. Там, быть может, поэт окончательно расстался с Еленой, но мысль о ней, жгучая и терзающая сердце «идеальная» любовь, постоянно сопровождала Пушкина. Именно в Каменке поэт написал элегию «Редеет облаков…» и стихотворение «Увы! Зачем она блистает…», как бы в прощание со своим «нежным» идеалом. А 22 февраля поэт, трагически переживая свою романтическую любовь, создает шедевр психологической лирики:

Я пережил свои желанья,
Я разлюбил свои мечты,
Остались мне одни страданья,

Плоды сердечной пустоты.

Мы увидим, как в дальнейшем Пушкин пытался вырваться из плена «чувствительности» и бросился в мир сексуальных страстей. Но какие-то волны воспоминаний постоянно накатывали на поэта. Его постоянно, в течение трех лет, терзала мысль о прекрасной девушке, чья душа была созвучна его душе, и к которой он испытал необычное для его эротического характера «петрарковское» чувство.

Почти через год после встречи с Раевскими, летом 1821 года, жгучее воспоминание о любви, перенесенной в прошлые годы, которая, скорее всего, была разделена Еленой Раевской, вновь потрясло сердце поэта. В июле 1821 года все семейство Раевских, а так же родственники его, Давыдовы, приехали в гости в Кишинев к М. Ф. Орлову, мужу Екатерины Раевской. Пушкин также встретился с любимым семейством и любимыми девушками. Через месяц, в минуты сильного возбуждения его «чувствительности» под впечатлением от новой встречи, Пушкин подряд 23 и 24 августа написал сразу две элегии, проникнутые искренними чувствами, которые удивительно правдиво описывают его встречи.

* * *
Умолкну скоро я!.. Но если в день печали
Задумчивой игрой мне струны отвечали;
Но если юноши, внимая молча мне, —
Дивились долгому любви моей мученью;
Но если ты сама, предавшись умиленью,
Печальные стихи твердила в тишине
И сердца моего язык любила страстный…
Но если я любим… позволь, о милый друг,
Позволь одушевить прощальный лиры звук
Заветным именем любовницы прекрасной!..
Когда меня навек обымет смертный сон,
Над урною моей промолви с умиленьем:
Он мною был любим, он мне был одолжен
И песен и любви последним вдохновеньем.

На следующий день поэт пишет вторую элегию:

* * *
Мой друг, забыты мной следы минувших лет

И младости моей мятежное теченье.
Не спрашивай меня о том, чего уж нет,
Что было мне дано в печаль и в наслажденье,
Что я любил, что изменило мне.
Пускай я радости вкушаю не вполне;
Но ты, невинная! ты рождена для счастья.
Беспечно верь ему, летучий миг лови:
Душа твоя жива для дружбы, для любви,
Для поцелуев сладострастья;
Душа твоя чиста; унынье чуждо ей;
Светла, как ясный день, младенческая совесть.
К чему тебе внимать безумства и страстей
Незанимательную повесть?
Она твой тихий ум невольно возмутит;
Ты слезы будешь лить, ты сердцем содрогнешься;
Доверчивой души беспечность улетит,
И ты моей любви… быть может, ужаснешься,
Быть может, навсегда… Нет, милая моя,
Лишиться я боюсь последних наслаждений,
Не требуй от меня опасных откровений:
Сегодня я люблю, сегодня счастлив я…

В этих стихах выражены с необыкновенной силой «инцестуальные» сомнения поэта. Он восхищен «чистой душой» и невинностью девушки, считает, что она «рождена для счастья» и поэтому против, чтобы ее светлая «младенческая совесть» внимала обуревающим его душу «безумствам и страстям». Поэта обуревают сильные сексуальные желания, которые возникают подсознательно, и в то же время он не может направить их на объект своего «платонического» чувства. Он боится, что его грубая чувственность возмутит ее «тихий ум». И эта чувственность смолкает, прячется в глубины «либидо», чтобы потом вырваться на свободу и проявляться постоянно в виде бесконечных любовных историй с молдавскими женами.

На следующий день после написания элегий, поэт начал сочинять «Бахчисарайский фонтан». «Я суеверно перекладывал в стихи рассказ молодой женщины», – признавался поэт год спустя в другом письме к А. Бестужеву. Не Елену ли Раевскую имел ввиду Пушкин? Воспоминания о сильной романтической нахлынули бурным потоком. Чувства руководили его пером. Елена Раевская заняла свое место в сердце поэта; может быть надолго, но не навсегда. Вряд ли она является его «утаенной любовью». «Утаенная любовь» Пушкина – это женщина, скрытая

под инициалами NN, предмет его северной, петербургской любви – прекрасная незнакомка, имя которой поэт не решился открыть даже через 10 лет.

Период жизни Пушкина с 1819 по 1821 годы оказался самым романтическим периодом в его сердечной жизни. Бурная сексуальная послелицейская жизнь сменилась всплеском возвышенных чувств, которые волнами накатили на него сначала в Петербурге, перед ссылкой, потом в Гурзуфе, после встречи с Раевскими. Фактически это была одна волна, которая сформировала у поэта устойчивый «инцестуальный» идеал высшей женщины, к которой невозможны никакие эротические устремления. Эти бесконечно возвышенные и благородные женские образы, проникшие в душу поэта, сопровождали его очень долго и водили струнами его лиры. И, как это нередко бывало у Пушкина, две прельстивших его девушки, два одновременно возникших воспоминания, перекликаются, сливаются в один, постепенно приобретая менее реальный, но еще более возвышенный облик. Через 15 лет, в 1828 году, по-прежнему встают в черновиках поэта два этих нежных образа:

И нет отрады мне – и тихо предо мной
Встают два призрака младые.
Две тени милые, – два данные судьбой
Мне ангела во дни былые.

Может быть, этими «ангелами» были Софья Потоцкая и Елена Раевская, которым поэт подарил свои романтические чувства и вдохновленные этими чувствами стихи.

Увлечение Пушкина видимо встретило ответ в душе Елены Николаевны. Она любила слушать его стихи, не отвергала осторожных признаний поэта. Но возвышенная любовь его осталась неразделенной. Поэт не мог или не хотел заразить девушку своей влюбленностью. Может быть, Пушкин понимал, что между ними не может быть никаких отношений, что болезненная Елена не жилец в этом мире (она пережила поэта), что он сам является незавидным женихом, что… и многое, многое другое. Ведь подсознательно Пушкин так боялся впасть в любовь, что всегда старался избегать встреч с возвышенными и недоступными женщинами. Однако судьба постоянно сводила его с «идеальными» представительницами прекрасного пола. Именно они – эти «ангелы», эти прекрасные девы, к которым поэт не испытывал чувственных желаний, эти полупризрачные образы легли в основу пушкинского «идеала» женщины.

Этот идеал был недоступен для физической близости, он

обладал всеми достоинствами и добродетелями, которые воспевались великими поэтами. Пушкинскому «идеалу» присущи ум, преданность, понятия о чести, скромность, верность, красота внешняя и духовная. Именно такие черты присущи всем героиням поэта, начиная с Марии Потоцкой и Татьяны Лариной. Но это был только идеал. Он влюблялся в таких женщин, восхищался ими, страдал от неразделенной любви, но постоянно бежал от них и вновь погружался в стихию бешеных сексуальных удовольствий.

Глава VI
«В красавиц он уж не влюблялся…» (Молдавия)

1

Из Крыма Пушкин вместе с Раевскими выехал на лошадях. Верхом они проехали от Гурзуфа до Кишинева. После приятнейшего путешествия по солнечной Тавриде, этот город вызвал у поэта тяжелое чувство. «Улицы тесны, переулков тьма, домов каменных мало, деревянных также, все мазанки. Дома очень малы и тесны», – так описывал Кишинев современник. Генерал Инзов, «этот добрый и почтенный человек… русский в душе», как отзывался о нем Пушкин, насколько мог, старался скрасить и облегчить поэту пребывание в ссылке. Пушкина ввел в кишиневское общество Николай Степанович Алексеев, служивший в штабе наместника Бессарабской области. Здесь оказался и М. Ф. Орлов, командир дивизии, свежеиспеченный муж Екатерины Раевской. В Кишиневе находилась небольшая, но активная ячейка тайного общества, в которую входили кроме Орлова, В. Ф. Раевский, И. П. Липранди, К. А. Охотников.

Стараясь забыть свои романтические влюбленности, Пушкин охотно принимал приглашения на все праздники и вечера. Один из лицеистов, В. П. Горчаков, находившийся в Кишиневе, отметил нервное и неустойчивое психическое состояние поэта. В начале ноября 1820 г., в кишиневском театре «…Мое внимание обратил вошедший молодой человек небольшого роста, но довольно плечистый и сильный, с быстрым и наблюдательным взором, необыкновенно живой в своих приемах, часто смеющийся в избытке непринужденной веселости, и вдруг неожиданно переходящий к думе, возбуждающей участие. Очерки лица его были неправильны и некрасивы, но выражение думы до того было увлекательно, что невольно хотелось бы спросить: что с тобой? какая грусть мрачит твою душу?»

Прекрасное время пролетело быстро, и наступили серые будни ссылки. Поэт с неподдельным чувством вспоминал свои первые шаги в светском Петербурге, неудавшуюся любовь, столичный блеск, который ему всегда нравился. При этом, отмечает Горчаков, яркую улыбку сменяла грустная дума. Прежнее бретерство, вспыльчивость, и публичное озорство вернулись к поэту. Обритый после болезни, он носил молдаванскую феску и какой-то немыслимый фрак. По-прежнему был умен, ветрен, насмешлив. «В этом расположении Пушкин отошел от нас, и, пробираясь между стульев, со всею ловкостью и изысканною вежливостью светского человека, остановился перед какой-то дамою; я невольно следил за ним и не мог не заметить, что мрачность его исчезла, ее сменил звонкий смех, соединенный

с непрерывной речью. Пушкин беспрерывно краснел и смеялся: прекрасные его зубы выказывались во всем своем блеске, улыбка не угасала».

Однако, быстро устав от провинциального Кишинева, в ноябре 1820 года Пушкин поехал погостить в Каменку – имение, принадлежащее сводным братьям генерала Н. Н. Раевского – Давыдовым. В Каменке (Киевская губерния) было два мира, разделенные, по выражению поэта, темами «аристократических обедов и демагогических споров». Первый кружок был представлен тучным и пожилым генералом в отставке Александром Львовичем Давыдовым, которого Пушкин назвал «толстым Аристиппом». В своих заметках «Table talk» поэт изобразил его «вторым Фальстафом» – «сластолюбив, трус, хвастлив, не глуп, забавен, без всяких правил, слезлив, и толст».

Полную противоположность этому миру представлял круг младшего брата – Василия. Он только что вышел в отставку, чтобы всецело заняться политической деятельностью. Сюда, кроме Михаила Орлова, приезжали известные декабристы – Якушкин и Николай Раевский – младший. Каменка была одним из центров Южного общества. Пушкин вращался в обоих кругах. С юным задором он принимал участие в оппозиционных свободолюбивых беседах членов тайного общества, хотя сам не был им и даже не подозревал о его существовании. Декабристы не торопились посвящать поэта в свои планы. Слишком ветреным и легкомысленным он им казался. Вот что писал Пушкин поэту Гнедичу 4 декабря 1820 года из Каменки: «Общество наше… разнообразная смесь умов оригинальных, людей известных в нашей России, любопытных для незнакомого наблюдателя. Женщин мало, много шампанского, много острых слов, много книг, много стихов». И хоть женщин в Каменке действительно было немного, Пушкин нашел наконец-то новый объект для реализации своей сексуальной агрессии.

Круг старшего брата – своего тезки – поэт посещал с особым желанием. Жена этого русского «Фальстафа», Аглая Антоновна Давыдова, была дочерью герцога де Граммона – французского эмигранта-роялиста. Таким образом, в жилах ее текла кровь знаменитого волокиты и самого блестящего кавалера эпохи Людовика XVI, графа де Граммона. Как отмечал П. К. Губер, Аглая Антоновна не изменила традициям галантности, связанным с именем ее предка. Ее дальний родственник, один из Давыдовых, сын известного партизана Дениса Давыдова, рассказывал, что она «весьма хорошенькая, ветреная и кокетливая, как настоящая француженка, искала в шуме развлечений средства не умереть от скуки в варварской России. Она в Каменке была магнитом,

привлекавшим к себе железных деятелей александровского времени; от главнокомандующих до корнетов все жило и ликовало в Каменке, но – главное – умирало у ног прелестной Аглаи».

Чрезмерная доступность, сделавшая ее и ее злополучного супруга настоящей притчей во языцех, вызвала со стороны Пушкина ряд едких эпиграмм.

Иной имел мою Аглаю
За свой мундир и черный ус,
Другой за деньги – понимаю,
Другой за то, что был француз.
Клеон – умом ее стращая,
Дамис – за то, что нежно пел.
Скажи теперь, мой друг Аглая,
За что твой муж тебя имел?

Несмотря на это, поэт увлекся ветреной француженкой. Вряд ли она вызвала у него сильные чувства. Об их связи, о развитии их отношений прекрасно рассказал сам поэт в стихотворении «Кокетке».

Послушайте: вам тридцать лет,
Да, тридцать лет – не многим боле.
Мне за двадцать, я видел свет,
Кружился долго в нем в неволе;
Уж клятвы, слезы мне смешны;
Проказы утомить успели;
Вам также с вашей стороны
Измены, верно, надоели;
Остепенясь, мы охладели,
Некстати нам учиться вновь.
Мы знаем: вечная любовь
Живет едва ли три недели.
Сначала были мы друзья,
Но скука, случай муж ревнивый…
Безумным притворился я,
И притворились вы стыдливой,
Мы поклялись… потом… увы!
Потом забыли клятву нашу;
Себе гусара взяли вы,
А я наперсницу Наташу.

Мужа ее Пушкин назвал как-то в «Евгении Онегине» «рогоносцем величавым», самолично принимая участие в украшении его головы ветвистым подарком. После кратковременной близости отношения Аглаи Антоновны и Пушкина стали несколько натянутыми и холодными: видимо, она надоела ищущему новых чувств поэту. Недаром он писал в том же стихотворении:

Когда мы клонимся к закату,
Оставим юный пыл страстей —
Я своему меньшому брату.
Адель Давыдова.

Старшую дочь Аглаи Давыдовны звали Адель. Ей Пушкин посвятил стихотворение «Играй, Адель…» В эту премиленькую девочку лет двенадцати Пушкин то ли влюбился, то ли притворился, что влюбился. Постоянно на нее заглядывал, шутил с ней довольно неловко. Декабрист Якушкин вспоминает один эпизод: «Однажды за обедом он (т. е. Пушкин) сидел возле меня и, раскрасневшись, смотрел так ужасно на хорошенькую девочку, что она, бледнея, не знала, что делать, и готова была заплакать; мне стало ее жалко, и я сказал Пушкину вполголоса: “Посмотрите, что вы делаете; вашими нескромными взглядами вы совершенно замучили бедное дитя”. – “Я хочу наказать кокетку, – отвечал он, – прежде она со мной любезничала, а теперь прикидывается жестокой и не хочет взглянуть на меня”».

Некоторые современные интерпретаторы Пушкина, вроде А. Мадорского, видят в поэте «заурядного соблазнителя малолетней» и создателя прообраза набоковской Лолиты. Не стоит навешивать на поэта эти психические отклонения. Пушкин был нормальным мужчиной, любителем вполне созревших девушек и женщин. Стихотворение «Адель», как отмечает Нина Забабурова, можно читать как пожелание и пророчество: (Для наслажденья / Ты рождена). Но это был тот редкий случай, когда Пушкин оказался плохим пророком. А. О. Смирнова-Россет в 1830-е годы встретилась в Париже после многих лет с сестрой Адели, Екатериной Александровной Давыдовой (1806–1882), в замужестве маркизой де Габрияк, и тут же спросила ее об Адели, потому что на память ей пришло прелестное стихотворение Пушкина. От нее она узнала, что Адель постриглась в монахини в Риме, в монастыре Тринита дель Монте.

И все-таки, как верно изобразил себя юный поэт в стихотворении «Мой портрет», написанном на французском языке:

Сущий бес в проказах,
Сущая обезьяна лицом,
Много, слишком много ветрености —
Да, таков Пушкин.

Аглая Антоновна не могла простить поэту этого публичного осмеяния их кратковременной связи. С этого времени Пушкин стал более жесток к женщинам, с которыми вступал в связь. Он старался их публично унизить, цинично описать или их любовные отношения, или их внешность. Он постоянно похабничал над ними, как бы нарочно втирая в грязь. Анатолий Мадорский называет такое поведение поэта «сатанинским зигзагом». Мол, бес вселился в поэта. Нечистая сила тут ни при чем. Поэт был невротиком, поэтому он постоянно искал для секса женщин, которых не надо было любить. Мало того, чувственность поэта могла получать наибольшее удовлетворение только при психологическом унижении женщины. Только в этом случае он получал наибольшее сексуальное удовлетворение.

Встреча и любовная связь с распутной Аглаей Антоновной, умершей от сифилиса, стал ключевым моментом в изменении отношения поэта к женщине. Фактически это была первая связь с замужней женщиной из высшего света. До этого сексуальная жизнь поэта проходила в публичных домах и за кулисами театров. Впервые Пушкин встретил женщину, полностью удовлетворяющую его сексуальную потребность как шлюха из борделя, но таковой не являющейся. Причем в дальнейшем мы увидим, что все женщины, которые вызывали у поэта сексуальное желание, были в чем-то похожи на Аглаю Антоновну.

У Пушкина, как у ярко выраженного истерика, сформировался некий «эротический» устойчивый идеал женщины, в отличие от такого же «романтического» идеала. Этот «эротический» идеал прекрасно описал Фрейд: «В нормальной любовной жизни ценность женщины определяется ее непорочностью и понижается с приближением к разряду проститутки. Поэтому странным отклонением от нормального кажется то обстоятельство, что влюбленные нашего типа относятся к женщинам именно такого разряда как к наиболее ценным объектам любви. Любовным связям с этими женщинами они отдаются всеми силами своей души, со страстью, поглощающей все другие интересы жизни. Они и могут любить только таких женщин и всякий раз предъявляют к себе требование неизменной верности, как бы часто ни нарушали ее в действительности. В этих чертах описываемых любовных

отношений чрезвычайно ясно выражен навязчивый характер этих отношений, свойственных в известной степени всякому состоянию влюбленности. Не следует, однако, полагать, на основании этой верности и силы привязанности, что одна единственная такая любовная связь заполняет всю жизнь таких людей, или она бывает только один раз в жизни. Наоборот, страстные увлечения такого рода повторяются с теми же особенностями много раз в жизни лиц такого типа как точная копия предыдущей. Больше того, в зависимости от внешних условий, например, перемены места жительства и среды, любовные объекты могут так часто сменять один другой, что из них образуется длинный ряд».

Вот такой длинный ряд сексуальных похождений испытал Пушкин, когда вновь весной 1821 года вернулся в Бессарабию.

2

Благонравный и патриархальный Инзов решает приступить к его духовному перевоспитанию своего подопечного. Он начал с того, что поселил Пушкина в своем доме, «открыв» ему свой стол, дает ему работу – переводить на французский язык текст молдавских законов, старается обратить его на путь истинный. «…В распущенном, подчас даже безумном Пушкине, – пишет П. В. Анненков, – Инзов видел более задатков будущности и морального развития, чем в ином изящном господине…»

«Иван Никитич, – отмечает другой современник, – привязал к себе Пушкина, снискал доверенность его и ни разу не раздражил его самолюбия. Впоследствии Пушкин, переселясь в Одессу, при каждом случае говаривал об Иване Никитиче с чувством сыновнего умиления».

Инзов хотел наставить юношу на «путь истинный», но опального поэта интересовало совсем другое. Кишиневская жизнь, столь яркая и своеобразная, столь непохожая на петербургскую, где сливались и уживались рядом Европа и Восток, первобытная грубость и простота нравов с внешним лоском и французским языком, пришлась вначале поэту не по вкусу. Но потом Пушкин привык. Он посещал салоны богатых молдаван, с любопытством присматривался к кишиневскому обществу, ухаживал за местными красавицами-молдаванками, гречанками, цыганками, – писал шуточные стихи и эпиграммы. О времяпрепровождении Пушкина хорошо рассказывает его лицейский товарищ, будущий канцлер Российской империи В. П. Горчаков: «Говоря о балах в Кишиневе, я должен сказать, что Пушкин охотно принимал приглашения на все праздники и вечера и все его звали. На этих балах он участвовал в неразлучных с ними занятиях – любил карты и танцы».

Как бы защищая свою психику от вторжения извне, Пушкин снова надевает на семя «броню» из внешней агрессивности – совершает необдуманные поступки, ввязывается в дуэльные истории, ссорясь из-за пустяков с офицерами и молдавскими боярами. Друзьям поэта приходилось постоянно улаживать эти конфликты, а Инзову сажать непоседливого Пушкина под домашний арест. Поэт как бы сам нарывался на неприятности. Сколько раз он стоял на краю могилы под дулом пистолета противника. Надо сказать, что поэт был смел и безразличен к своей судьбе. Он как бы сам искал смерти. «…к счастью, – отмечал А. Ф. Вельтман, – дело не доходило даже до первой крови, и после первых выстрелов его противники предлагали мир,

а он принимал его. Я не был стряпчим, но был свидетелем издали одного “поля”, и признаюсь, что Пушкин не боялся пули точно так же, как и жала критики. В то время, как в него целили, казалось, что он, улыбаясь сатирически и смотря на дуло, замышлял злую эпиграмму на стрельца и на промах». Когда поэт дрался с офицером генерального штаба Зубовым, то пришел на дуэль с черешнями и завтракал ими, пока тот стрелял. По словам его современника И. П. Липранди Пушкин «всегда восхищался подвигом, в котором жизнь ставилась на карту».

Поэт пристрастился к карточной игре, играл в бильярд, и вообще вел самый разболтанный образ жизни со всей пылкостью своего характера. Там, где танцевали, он от всей души предавался пляске; где был легкий разговор, он был неистощим в остротах; с жаром вступал в разговор, а в жарких спорах его проглядывал скорее вызов для приобретений сведений, чем просто любовь к болтовне. И все это Пушкин делал с огромной самоуверенностью и неограниченным самолюбием.

«Кишиневское общество, – пишет П. В. Анненков, – как и всякое другое, искало удовольствий и развлечений, но благодаря своему составу из помеси греко-молдаванских национальностей оно имело забавы и наклонности, ему одному принадлежащие. Многие из его фамилий сохраняли еще черты и предания турецкого обычая, что в соединении с национальными их пороками и с европейской испорченностию представляло такую смесь нравов, которая раздражала воображение и туманила рассудок, особенно у молодых людей, попадавших в эту атмосферу любовных интриг всякого рода. По внешности кишиневская жизнь ничем не отличалась от жизни губернских городов наших: те же рауты, балы, игрецкие дома, чопорные прогулки в известной части города по праздникам, беготня и поздравления начальников в торжественные дни и проч., но эта обстановка едва прикрывала своеобычные черты домашнего и нравственного быта жителей, не встречавшиеся нигде более, кроме этой местности.

С первого раза бросалось в глаза повсеместное отсутствие в туземном обществе не только моральных правил, но и просто органа для их понимания. То, что повсюду принималось бы как извращение вкусов или как тайный порок, составляло здесь простую этнографическую черту, до того общую, что об ней никто и не говорил, подразумевая ее без дальнейших околичностей. Правда, что в некоторых домах все крупные этнографические черты подобного рода стояли открыто на виду, а в других таились глубоко в недрах семей, но отыскать их там находились всегда охотники, заранее уверенные в успехе. Люди заезжие из России

употребляли на поиски этих редкостей много времени, и не очень давно встречались еще старожилы, которые признавали свою кишиневскую жизнь самым веселым временем своего существования. Пушкин не отставал от других.

Душная, но сладострастная атмосфера города, малоэстетические, но своеобразные наклонности и привычки его обитателей действовали на него как вызов. Он шел навстречу ему, как бы из “point d’honneur” (чувства чести). Картина Кишинева, которую здесь представляем, оправдывается всеми свидетельствами современников, несмотря на многочисленные их умолчания и вообще смягчающий тон. Мы не преувеличиваем ее выражения, а скорее еще не уловили вполне характера распущенности, каким отличался город в самом деле. Это подтверждается и фактами».

Особенно заметно сказывалось это соединение азиатских нравов и европейского лоска на женщинах. Молдаванки и гречанки, еще недавно по обычаю мусульман, содержавшиеся в условиях гаремного заключения, вдруг познакомились с европейской цивилизацией в образе маскарадов, балов, французских эротических романов и журналов мод. Кишиневские дамы, еще сохранившие восточный колорит во внешности и в характере, но уже по-европейски свободные в общении, были страстны, влюбчивы и доступны. 23-летний Пушкин прекрасно чувствовал себя в этом мире бездумья и легких наслаждений. «С каждого вечера, Горчаков, – Пушкин собирал новые восторги и делался новым поклонником новых, хотя и мнимых – богинь своего сердца». Пушкин с головой окунулся в мир грубых сексуальных удовольствий. Он нашел женщин, с которыми мог удовлетворить свою страсть, и которых он мог унизить, оскорбить, над которыми мог насмеяться. Его низменные инстинкты, его «чувственность» проявились в Кишиневе с новой силой.

3

Бурный роман он пережил с цыганкой по крови – Людмилой Шекорой, известной своей красотой и романическими похождениями. Шекора была женой помещика Инглези. Пушкин с первого же разу влюбился в Людмилу и с чрезвычайною ревностью скрывал от всех свои чувства. Вот как описывает современник это новое увлечение поэта.

Однажды некий Градов, кишиневский приятель Пушкина, в жаркий день заснул в небольшой подгородной роще. Голоса на опушке рощи привлекли мое внимание. Через рощицу проходили, обнявшись и страстно целуясь, Пушкин и Людмила. «Они меня не заметили, – рассказывает Градов, – и, выйдя на просеку, сели в дожидавшиеся их дрожки и уехали. После моего открытия прошло несколько дней. Был воскресный день. Я лег после обеда заснуть, вдруг в дверь раздался сильный стук. Я отворил дверь. Передо мною стоял Пушкин. “Голубчик мой, – бросился он ко мне, – уступи для меня свою квартиру до вечера. Не расспрашивай ничего, расскажу после, а теперь некогда, здесь ждет одна дама, да вот я введу ее сейчас сюда”. Он отворил дверь и в комнату вошла стройная женщина, густо окутанная черною вуалью, в которой однако я с первого взгляда узнал Людмилу. Положение мое было более, нежели щекотливое: я был в домашнем дезабилье. Схватив сапоги и лежавшее на стуле верхнее платье, я стремглав бросился из комнаты, оставив их вдвоем. Впоследствии все объяснилось.

Пушкин и Людмила гуляли вдвоем в одном из расположенных в окрестностях Кишинева садов, В это время мальчик, бывший постоянно при этих tete-a-tete настороже, дал им знать, что идет Инглези, который уже давно подозревал связь Людмилы с Пушкиным и старался поймать их вместе. Пушкин ускакал с ней с другой стороны и, чтоб запутать преследователей, привез ее ко мне. Однако это не помогло. На другой день Инглези запер Людмилу на замок и вызвал Пушкина на дуэль, которую Пушкин принял… Дуэль назначена была на следующий день утром, но о ней кто-то донес генералу. Пушкина Инзов арестовал на десять дней на гауптвахте, а Инглези вручил билет, в котором значилось, что ему разрешается выезд за границу вместе с женою на один год. Инглези понял намек и на другой день выехал с Людмилою из Кишинева. Таким образом, дуэль не состоялась. Пушкин долго тосковал по Людмиле».

В числе минутных увлечений поэта была и Мария Егоровна Эйхфельт, гречанка, чье «миловидное личико по своей

привлекательности сделалось известным от Бессарабии до Кавказа». «Обе героини, Эйхфельт и Варфоломей, имели еще по приятельнице, – писал П. В. Анненков, – из которых каждая не уступала им самим ни в красоте, ни в жажде наслаждений, ни в способности к бойкому разговору. Между этими молодыми женщинами Пушкин и тогдашний поверенный по всем делам кишиневской жизни Н. С. Алексеев, к которому он скоро переселился на житье из строгого дома генерала Инзова, и устроили перекрестную нить волокитства и любовных интриг». Пушкин и Алексеев подружились, и эта дружба сохранилась на долгие годы».

Когда поэт был уже в Москве, Алексеев писал ему из Кишинева: «С какою завистью воображаю я московских моих знакомых, имеющих случай часто тебя видеть; с каким удовольствием хотел бы я быть на их месте и с какою гордостью сказал бы им: мы некогда жили вместе; одно думали, одно часто делали и почти – одно любили: иногда ссорились, но расстались друзьями, или, по крайней мере, я так льстил себе. Как бы желал я позавтракать с тобою в одной из московских ресторациев за стаканом Бургонского пройти трехлетнюю кишиневскую жизнь, весьма занимательную для нас разными происшествиями. Я имел многих приятелей, но в обществе с тобою я себя лучше чувствовал, и мы, кажется, оба понимали друг друга; несмотря на названия: лукавого соперника и черного друга, я могу сказать, что мы были друзья-соперники, – и жили приятно!»

Мария Эйхфельт была объектом страсти, и небезответной, Николая Степановича Алексеева. Тогда и образовалась ситуация благоприятная для развития мужской дружбы: двое влюблены в одну, но не слишком; ссорятся, мирятся, уступают друг другу. «Лукавое соперничество» было увековечено не в одном стихотворении поэта. Двадцатидвухлетний Пушкин со свойственным ему самомнением поучал тридцатидвухлетнего Алексеева:

Люби, ласкай свои желанья,
Надежде и еврейке верь —
Как тень пройдут любви мечтанья,
И станешь тем, что я теперь.

Пушкин и Алексеев называли Эйхфельт «еврейкой» (за ее сходство с Ревеккой – героиней романа Вальтера Скотта «Айвенго»). Скорее всего, именно к ней обратился молодой поэт в стихотворении «Христос воскрес»:

Христос воскрес, моя Ревекка!
Сегодня следуя душой
Закону бога-человека,
С тобой целуюсь, ангел мой.
А завтра к вере Моисея
За поцелуй я, не робея,
Готов, еврейка, приступить —
И даже то тебе вручить,
Чем можно верного еврея
От православных отличить.

Своему другу-сопернику поэт посвятил несколько стихотворений. Одно так и начинается «Мой милый, как несправедливы твои ревнивые мечты…» Даже в «Гавриилиаде» можно усмотреть скрытые за евангельским сюжетом действительные события, и где, по словам Н. Эйдельмана, соперничество из-за прекрасной еврейки возведено из «кишиневского масштаба» в космический…

Совместные любовные истории настолько запомнились друзьям, что в ответном письме из Москвы Пушкин писал Алексееву: «…а я за новости кишиневские стану тебя потчевать новостями московскими. Буду тебе сводничать старых твоих любовниц… Я готов доныне идти по твоим следам, утешаясь мыслию, что орогачу друга».

Число объектов сексуальной агрессивности поэта растет необыкновенно. Как и в послелицейские годы, он словно сорвался с цепи, окунаясь в мир чувственных удовольствий и волнующих переживаний. Ночами Пушкин кутил, играл в карты, днем заваливался к себе и к знакомым на квартиру и долго, как убитый, спал на кровати. «Иногда, – вспоминает современник, – вслед за таким, недостойным его препровождением времени, на него после сна находили бурные припадки раскаяния, самобичевания и недолгой, но искренней грусти. Тогда он всю ночь напролет проводил в излияниях всякого рода и задушевных беседах с товарищем…» Во время этих разговоров Пушкин рисовал карикатуры, женские головки, ножки, а иногда, отвлекаясь мыслью, начинал писать стихи, вплоть до того, момента, когда перо само вываливалось из рук от усталости. Часто поэт сочинял крайне непристойные стихи, вслух читая их хозяину квартиры. «Непостижимо-странным является то несомненное обстоятельство, – говорит тот же современник, – что подобные произведения порнографического характера выливались у Пушкина в ту самую ночь, начало которой он

употреблял на самое искреннее раскаяние в напрасно и гнусно потраченном времени и всяких упреках себе самому». Покаявшись на словах, выплеснув на бумагу свои глубинные «либидозные» страсти, поэт вновь начинает свою эротическую карусель.

4

«Пушкин любил всех хорошеньких, и всех свободных болтуний, – вспоминает друг поэта, офицер И. П. Липранди. – Из числа первых ему нравилась Мария Петровна Шрайбер, семнадцатилетняя дочь председателя врачебной управы, но она отличалась застенчивостью. К числу вторых принадлежала Виктория Ивановна Вакар, жена подполковника этого имени… Вакарша была маленького роста, чрезвычайно жива, вообще недурна и привлекательна… Пушкин находил удовольствие с ней танцевать и вести нестесняющий разговор. Едва ли он не сошелся с ней и ближе, но, конечно, ненадолго. В этом же роде была очень миленькая девица Аника Сандулаки… Пушкин любил ее за резвость и смуглость лица».

Очень интересовался Пушкин Еленой Федоровной Соловкиной, женой командира Охотского полка. Она иногда приезжала в Кишинев к своей сестре. Но все усилия Пушкина, чтоб познакомиться в доме, были тщетны. Довольно часто поэт посещал дом вдовы молдавского боярина Смаранды Богдан. У нее каждую неделю было три приемных вечера и оживленная карточная игра. Особенно славились ее танцевальные вечера. Пушкин усиленно волочился за дочерью Богданши – красивой Марией Балш. «Она была женщина лет под тридцать, довольно пригожа, чрезвычайно остра и словоохотлива», – пишет Липранди. Пушкин постоянно вел с ней свободный разговор. Князь Долгоруков, другой свидетель кишиневской жизни поэта, более определенно говорит о его чувствах: «Пушкин, любя страстно женский пол, а в особенности, как полагают, г-жу Балш…»

«Действительно ли Пушкин имел на нее такие виды или нет, – рассказывает далее Липранди, – сказать трудно: в таких случаях он был переметчив и часто, без всяких целей, любил болтовню и материализм; но как бы то ни было, Мария принимала это за чистую монету: она озлобилась до безграничности». Роман их продолжался недолго. Скоро поэт увлекся женой генерала Альбрехта – Екатериной Григорьевной. Интересны бурная жизнь и судьба этой женщины. В 16 лет она была выдана за богатого боярина Канта, который был связан с разбойником Бушором. Во время русско-турецкой войны 1806–1812 гг. они были пойманы и казнены. Богатая, прекрасная и очень образованная Екатерина Григорьевна стала сначала женой интенданта Бологовского, а затем вышла замуж за генерала Альбрехта. Приехав из Варшавы в Кишинев, она, по словам

Липранди, была в близких отношениях с Пушкиным, но и его замучила своей ревностью, как и второго мужа.

Как-то поэт откровенно признался, что в Екатерине Альбрехт его привлекают «пылкие страсти» и ее «историческое прошлое». Мария Балш этого не стерпела и спровоцировала столкновение поэта со своим мужем Тодораки. Алексеев, постоянный спутник Пушкина, удержал руку поэта с занесенным тяжелым подсвечником. Дело дошло до дуэли, но Инзов (в который раз!) отправил Пушкина под арест, а наместник их потом помирил. Необузданная натура Пушкина доставляла много хлопот и его друзьям и его начальству.

В своих любовных похождениях Пушкин не стеснялся и одновременно ухаживал за несколькими барышнями и дамами. Однажды он назначает в одном загородном саду свидание молодой даме из кишиневской аристократической семьи. Они встретились на месте свидания. Вдруг соседние кусты раздвигаются, и оттуда выскакивает смуглая цыганка с растрепанными волосами, набрасывается на даму, сваливает ее наземь и начинает ее колотить. Пушкин бросился разнимать их, но усилия оказались тщетными. Он выхватывает из виноградника жердь и начинает колотить цыганку. Та оставила свою жертву и бросилась было на Пушкина, но, опомнившись, отшатнулась и важною поступью ушла прочь. Благодаря посторонним людям, подоспевшим к этой истории, весть о ней быстро разнеслась по городу. Пушкин целые две недели после этого не показывался в городе и заперся дома. Дама сильно заболела, и ее увезли за границу.

Поэт, по наблюдениям современников, не мог спокойно пропустить ни одного смазливого личика. Однажды, проезжая на лошади по одной из многолюдных улиц Кишинева, Пушкин увидел у окна хорошенькую головку, дал лошади шпоры и въехал на самое крыльцо. Девушка, испугавшись, упала в обморок, все переполошились, а родители ее пожаловались Инзову. Снова пришлось старому генералу улаживать неприятности после выходок своего питомца.

Женщины, женщины, женщины; Пушкин развлекался, не обращая внимания на последствия. Ему не было никакого дела до семейных трагедий любовниц, вызванных его беззастенчивым вторжением в их семейную жизнь. Только психологическое унижение своей очередной жертвы доставляло поэту исключительное удовольствие. Ему было наплевать на всех этих молдавских и греческих куконицы (боярынь), которые соперничали друг с другом из-за обладания очень сексуальным поэтом, ссорились с мужьями, заболевали от любви или от

пренебрежения. Пушкин не только не утаивал свои любовные похождения, но наоборот, выставлял их напоказ, трезвонил о них на весь Кишинев. Все эти томные дамы были для поэта как девки из борделя. В своих едких и почти непристойных эпиграммах он выставлял их в самом жалком виде.

Раззевавшись от обедни,
К Кантакази еду в дом.
Что за греческие бредни,
Что за греческий содом!
Подогнув под жопу ноги,
За вареньем, средь прохлад,
Как египетские боги,
Дамы преют и молчат.

Про свою любовницу Марию Балш и ее мужа Тодораки он написал грубые строки:

Вот еврейка с Тодорашкой.
Пламя пышет в подлеце:
Лапу держит под рубашкой,
Рыло на ее лице.
Весь от ужаса хладею:
Ах, еврейка, бог убьет!
Если верить Моисею,
Скотоложница умрет!

Синдром «любовь к проститутке», свойственный всем невротикам, приобрел у Пушкина ярко выраженный характер. Чем более унижена женщина, тем сильней удовольствие. Любовным связям с этими женщинами, осмеянными и оскорбленными, поэт отдавался со всеми силами своей души, со страстью, поглощающей все другие интересы жизни. «Чувственно» он мог любить только таких женщин. Все эти страстные увлечения повторялись потом много раз в жизни как точная копия предыдущих. Как отмечает Фрейд, «…в зависимости от внешних условий, например, перемены, места жительства и среды, любовные объекты могут так часто сменять один другой, что из них образуется длинный ряд».

5

Но, кроме кратковременных связей и мимолетных увлечений, у Пушкина в кишиневской ссылке было два относительно серьезных чувства, которые он испытал сначала к Калипсо Полихрони, а потом к Пульхерии Варфоломей. Правда, его связь с гречанкой-беженкой Калипсо (это имя носила нимфа, заворожившая Одиссея) имела скорее литературный, чем любовный оттенок. Говорили, что в 1810 году она встречалась с Байроном в Константинополе, в чьих объятиях впервые познала страсть. Пушкин решил принять эстафету от великого английского романтика не только в области поэзии. Вот как характеризует Калипсо Полихрони хороший знакомый поэта, чиновник Ф. Ф. Вигель:

«Она была невысока ростом, худощава и черты лица у нее были правильные, но природа захотела сыграть дурную шутку, посреди приятного лица ее прилепив ей огромный ястребиный нос. У нее был голос нежный, увлекательный, не только, когда она говорила, но даже когда с гитарой пела мрачные турецкие песни… Ни в обращении ее, ни в поведении не видно было ни малейшей строгости, если б она жила в век Перикла, история, верно, сохранила бы нам ее вместе с именами Фрины и Лаисы». (Фрина и Лаиса – знаменитые древнегреческие гетеры. – *А. Л.*). Пушкин посвятил Калипсо Полихрони вдохновенное послание «Гречанке»:

Ты рождена воспламенять
Воображение поэтов,
Его тревожить и пленять
Любезной живостью приветов,
Восточной странностью речей,
Блистаньем зеркальных очей
И этой ножкою нескромной…
Ты рождена для неги томной,
Для упоения страстей…

Однако он скоро охладел к ней. Мрачный характер гречанки вряд ли мог удовлетворить жизнерадостного поэта. «Пушкин никогда не был влюблен в Калипсо, – утверждал И. П. Липранди, – т. к. были экземпляры несравненно получше, но ни одна из бывших тогда в Кишиневе не могла в нем порождать ничего более временного каприза».

Одним из домов местной молдавской знати, часто посещаемых поэтом, был дом Егора Кирилловича Варфоломея, богатого купца, члена верховного совета Бессарабии. Он был радушен и гостеприимен. Свернув под себя ноги на диване, сидел он с чубуком в руках и встречал гостей всегда приветливым «просим». Дочь Варфоломея, Пульхерия, очень понравилась Пушкину, хотя она резко отличалась от страстной гречанки, была вялой и малоподвижной. Известный литератор А. Ф. Вельтман рассказывает следующее: «…Пульхерица была полная, круглая, свежая девица; она любила говорить более улыбкой, но это не была улыбка кокетства, нет, это просто была улыбка здорового, беззаботного сердца… Пушкин особенно ценил ее простодушную красоту и безответное сердце, не ведавшее никогда ни желаний, ни зависти». Красивая девушка не блистала также и особенным умом, и многие сватавшиеся к ней молодые люди очень скоро отказывались от своих исканий.

«Смотря на Пульхерию, которой по наружности было около восемнадцати лет, – продолжает Вельтман, – я несколько раз покушался думать, что она есть совершеннейшее произведение не природы, а искусства… Все движения, что она делала, могли быть механическими движениями автомата… И я присматривался к ее походке: в походке было что-то странное, чего и выразить нельзя. Я присматривался на глаза: прекрасный, спокойный взор двигался вместе с головою. Ее лицо и руки были так изящны, что мне казались натянутою лайкой…» Поэт посвятил ей стихотворение «Дева». Недолго увлекался поэт и Пульхерией Варфоломей. Правда, уже находясь в Одессе, он писал Вигелю в Кишинев: «Пульхерии Варфоломей объявите за тайну, что я влюблен в нее без памяти…» Искренние ли эти чувства поэта, или шутливая болтовня, трудно догадаться. Одно несомненно, юная молдаванка затронула сердце поэта. Это видно хотя бы из того, что Пушкин поместил ее имя в первом «Донжуанском списке».

Из других домов кишиневской знати Пушкин любил посещать семейство Ралли. Две хорошенькие девушки, Екатерина и Мариола (или Майгин), привлекали поэта своим умом, начитанностью и говорливостью. Особенно вторая – младшая дочь Ралли, девушка лет восемнадцати, приятельница Пульхерии. Мариола была, по словам И. П. Липранди, «гораздо красивее последней и лицом, и ростом, и формами, и к тому же двумя или тремя годами моложе». Пушкин очень любил с ней танцевать. Находясь в Одессе, Пушкин, видимо, получил от них письмо и в ноябре 1823 года написал ответ. Хочется привести отрывки из этого письма:

«Да, конечно, я угадал, кто они, эти две прелестные

женщины, удостоившие вспомнить об одесском, ранее кишиневском отшельнике. Я тысячу раз облобызал эти строки, напомнившие мне столько безумств, мучений, ума, грации, вечеров, мазурок, и т. д. Увы, милая Майгин, вдали от вас, раздраженный, унылый, я теряю свои способности и утратил даже талант к карикатурам… У меня одно лишь желание – снова вернуться к вашим ножкам и посвятить вам, как говаривал милейший поэт, тот кусочек жизни, который мне еще остается… Приезжайте ради бога, у нас будут, чтобы привлечь вас, бал, итальянская опера, вечера, концерты, поклонники, вздыхатели, все, что вы пожелаете. Я буду передразнивать обезьяну, злословить и нарисую вам г-жу В…… в 36 позах Аретина. (Аретино Пьетро – итальянский поэт XVI века, автор эротической поэмы «Странствующая блудница» – *А. Л.*)

Кстати, по поводу Аретина: должен вам сказать, что я стал целомудрен и добродетелен, т. е., собственно говоря, только на словах. Ибо на деле я всегда был таков. Истинное наслаждение видеть меня и слушать, как я говорю. Заставит ли это вас ускорить ваш приезд? Приезжайте, приезжайте во имя неба, и простите свободу, с которой я пишу к той, которая слишком умна чтобы быть чопорной, но которую я люблю и уважаю…

Что до вас, прелестная капризница, чей почерк заставил меня затрепетать, то не говорите, будто знаете мой нрав; если бы вы знали его, то не огорчали бы меня, сомневаясь в моей преданности и в моей печали о вас».

6

Несмотря на приключения и кутежи, жизнь в Кишиневе, тогда еще полудиком городе, с пестрым, малокультурным населением, была для поэта слишком однообразна, бедна содержанием и скучна. Об этом, как и о петербургских похождениях поэта, сплетничал А. И. Тургенев П. А. Вяземскому: «Кишиневский Пушкин ударил в рожу одного боярина и дрался на пистолетах с одним полковником, но без кровопролития. В последнем случае вел он себя, сказывают, хорошо. Написал кучу прелестей: денег у него ни гроша… Он, сказывают, пропадает от тоски, скуки и нищеты». Молдавские и греческие дамы не пользовались большим расположением Пушкина, хотя сексуальные отношения он с ними поддерживал регулярно. К тому же Пушкин переживал тогда, несомненно, один из самых бурных периодов своей жизни; свойственная его натуре живость характера, не находя выхода в окружающей обстановке, создавала ощущение общей душевной неудовлетворенности.

«Проклятый город Кишинев!» – восклицает поэт в письме к Ф. Ф. Вигелю. Скандалы и дуэли были случайным и далеко не полным психическим разрядом вечно кипевшего раздражения. «Чувственная» часть поэта практически полностью захватила его сознание. Постоянные связи то с мамочками, то с их дочками, бесцеремонное обращение с ними и чисто азиатский разврат – все это выливалось потом в создание непристойных стихов и поэм.

Нельзя сказать, что такие произведения, как сказка «Царь Никита и его сорок дочерей» и поэма, доставившая ему потом много неприятностей – «Гавриилиада», являются лишь памятником не успевшего укорениться у Пушкина, но все же знакомого ему, по словам П. К. Губера, «цинического нигилизма». Конечно, «Гавриилиада» вобрала в себя и вольтеровский сарказм «Орлеанской девственницы», и эротическую иронию поэмы Эвариста Парни «Война богов». Французская литература отложила свой отпечаток на форму и тематику многих произведений поэта. Однако не только это можно увидеть в указанных произведениях, написанных Пушкиным в 1821 году до создания «Бахчисарайского фонтана». В «Гавриилиаде» поэт снова выразил в поэтической форме подсознательные принципы своего «либидо».

Эротические картины, нарисованные в этой поэме, являются сублимацией сексуальной энергии поэта, откровенным всплеском его тайных фантазий. Уже в первых строках поэмы Пушкин представляет свой «эротический» идеал в образе молодой Марии:

Шестнадцать лет, невинное смиренье,
Бровь темная, двух девственных холмов
Под полотном упругое движенье,
Нога любви, жемчужный ряд зубов…

Вспомним, что в разговоре с актрисой Сашей Колосовой поэт признался, что 16 лет – его самый любимый возраст. 16 лет было и Елене Раевской. Подсознание поэта скорее всего вступило во внутренний конфликт. Столкнулись две его половинки – «чувствительная» и «чувственная». «Инцестуальный» образ, который накладывал запрет на выбор сексуального объекта, постоянно проникает в сознание Пушкина и приводит в смятение его душевные струны, которые натянуты так, что готовы лопнуть от малейшего прикосновения. Чтобы освободится от давления «эдипова» комплекса, вытолкнуть из сознания недоступную и неразделенную любовь, Пушкин должен был унизить это чувство, превратить его в простой адюльтер. Прелестная девственница, которая не знает «любви томлений», соблазняется тремя мужчинами – дьяволом, архангелом Гавриилом и Богом.

Откровенно эротические картины в поэме сменяют одна другую, и, в конце концов, Мария из бесконечно чистой, божественной девы превращается в обычную девицу вольного поведения. Идеал повергнут и изничтожен. «Чувственность» поэта побеждает. Долой любые нежности и «платонизм». Презрительное отношение к женщине выражено в «Гавриилиаде» в полной мере. Пушкин, зная уловки многих дам, которые бросались в его объятия, дает в поэме уничтожающую характеристику женскому коварству, предательству и распущенности.

О женщины, наперсницы любви,
Умеете вы хитростью счастливой
Обманывать вниманье жениха
И знатоков внимательные взоры,
И на следы приятного греха
Невинности набрасывать уборы…
От матери проказливая дочь
Берет урок стыдливости покорной
И мнимых мук, и с робостью притворной
Играет роль в решительную ночь;
Встает бледна, чуть ходит, так томна.
В восторге муж, мать шепчет: слава богу!
А старый друг стучится у окна.

Однако борьба «чувственного» и «чувствительного» начала в подсознании поэта еще не закончена. В течение 1821 и 1822 годов поэт постоянно вспоминал свою неудавшуюся любовь. Образы Крыма печалят его душу, он не может забыть прекрасных дней, проведенных там. В элегии «Желание» он спрашивает:

Скажите мне: кто видел край прелестный,
Где я любил, изгнанник неизвестный?

В неоконченном наброске «Таврида» поэт вновь возвращается к мучающим его воспоминаниям:

Какой-то негой неизвестной,
Какой-то грустью полон я!
Одушевленные поля,
Холмы Тавриды, край прелестный,
Тебя я посещаю вновь,
Пью жадно воздух сладострастья.
Везде мне слышен тайный глас
Давно затерянного счастья.

«Бахчисарайский фонтан» стал последним всплеском «чувствительности» поэта. Всю силу своих романтических чувств Пушкин вложил в эту поэму. Он как бы освободился от тяжелой ноши. Роль «Петрарки» надоела ему. Сексуальные желания поэта не могли более выдерживать давление «инцестуальных» запретов и «платонических» увлечений.

Глава VII
«Моей любви безумное волненье…» (Одесса)

1

Наконец в середине 1823 года Пушкину удалось при помощи своих петербургских друзей перевестись на службу в Одессу, куда он давно стремился, в канцелярию вновь назначенного тогда новороссийского генерал-губернатора и наместника Бессарабской области графа М. С. Воронцова. Последний считался человеком просвещенным, окружен был образованными людьми. 25 августа 1823 года поэт радостно писал брату: «Здоровье мое давно требовало морских ванн, я насилу уломал Инзова, чтоб он отпустил меня в Одессу – я оставил мою Молдавию и явился в Европу – ресторация и итальянская опера напомнили мне старину и ей богу обновили мне душу. Между тем приезжает Воронцов, принимает меня ласково, объявляет мне, что я перехожу под его начальство, что остаюсь в Одессе».

Одесса была гораздо культурнее молдавско-греческого Кишинева, и жизнь складывалась здесь с несравненно большим разнообразием. Итальянская опера хорошие рестораны, казино, западноевропейские газеты и книжные новинки: здесь было много образованных и любезных семейств иностранных и полуиностранных купцов, а в доме Воронцовых поэт попадал снова в тот большой свет, который он любил еще с Петербурга. Пушкин поселился в гостинице коммерсанта Рено, на верхнем этаже, в угловой комнате с балконом, с которого поэт любовался морем. Почти на глазах у него был знаменитый одесский театр, далее размещалось казино, о котором поэт упоминает в «Онегине», и которое любил посещать. Его соседом по гостинице был чиновник М. С. Воронцова – Ф. Ф. Вигель, человек умный, хотя и гомосексуальной направленности. «Но, Вигель, пощади мой зад», – иронически писал Пушкин в стихотворном послании к своему новому другу. Вигель был очень наблюдательным человеком, и его воспоминания дают нам ценную информацию о психологических мотивах многих поступков поэта. «Разговор Пушкина, – вспоминал Вигель о первых встречах, – как бы электрическим прутиком касаясь моей черными думами отягченной главы, внезапно порождал в ней тысячу мыслей, живых, веселых, молодых, и сближал расстояние наших возрастов. Беспечность, с которою смотрел он на свое горе, часто заставляло меня забывать и собственное… Бывало, посреди пустого, забавного разговора, из глубины души его или сердца вылетит светлая, новая мысль, которая покажет и всю обширность его рассудка. Часто со смехом, пополам с презрением, говорил он мне о шалунах-товарищах его в петербургской жизни, с нежным

уважением о педагогах, которые были к нему строги в лицее. Мало-помалу открыл весь закрытый клад его правильных и благородных помыслов, на кои накинута была замаранная мантия цинизма».

Но, несмотря на все разочарования и удары по самолюбию, Пушкин стремился вновь в гущу веселья, удовольствий и аристократического времяпрепровождения. Дочь предводителя местного дворянства М. М. Кирьякова вспоминает: «Каждый понедельник были назначены у нас танцевальные вечера. Пушкин был у нас непременным посетителем. Он любил потанцевать… Пылкий, живой и впечатлительный, Пушкин не мог быть кунктатором в делах сердечных. Особенно неравнодушие его выражалось по отношению к двум девицам нашего круга – Зинаиде и Елене Бларамберг». Одесское общество было так же пестро, как и кишиневское, но более европеизировано. Очень хорошо описал его чиновник и довольно посредственный поэт В. И. Туманский, сблизившийся с Пушкиным:

«Большая часть нашего общества занята либо службою, либо торговлею и торговыми оборотами. Довольно этого одного обстоятельства, дабы почувствовать, что все они ищут в обществе отдохновения, а не нового труда. Следовательно, каждый поступает по-своему, не принуждая себя к строгому порядку столичных гостиных… Наши деловые господа сообразуются с принятыми обыкновениями во всем, что требуется благопристойностью, только не в старании скучать самому себе и наскучить другим.

Недостаток светского образования гораздо чувствительнее в светских дамах. Замужние наши женщины (выключая прекрасную и любезную госпожу Ризнич) дичатся людей, скрывая под личиной скромности или свою простоту, или свое невежество. Девушки в обхождении совсем не умеют стать на настоящую точку: одни дики или грубы; другие слишком веселы и слишком рано постигают вещи, которые не заботятся скрывать. Впрочем, в общей массе, все это составляет вещь оригинальную и приятную… Конечно, девушка вольного обращения гораздо занимательнее дикой провинциальной барышни или безмолвной, жеманно-скромной дамы. Особливо гречанки меня утешают. Недавно еще покинув землю, где женский пол не имеет общественного существования, они вдруг хотят насладиться всею свободой оного… Некоторые из них очень пригожи и имеют прекрасные способности; но воспитание, воспитание!..»

Пушкин еще во время своей службы в Кишиневе несколько приезжал в Одессу. Он быстро обжился на новом месте, стал завсегдатаем итальянской оперы и ресторации. Шумные забавы в

холостой компании, отчасти похожие его столичные проказы снова возобновились. С друзьями Пушкин обедал в ресторане Цезаря Отона, который относился к нему с большим уважением. Когда веселая компания занимала столик, Отон спешил обслужить его сам и даже отпускал Пушкину в долг. Иногда поэт сиживал в казино или ресторации в своем кишиневском архалуке и феске, но на улице показывался в черном сюртуке и в фуражке или черной шляпе, и с тою же железной палицей. Сюртук его постоянно был застегнут, и из-за галстука не было видно воротничков рубашки. Волосы у него и здесь были подстрижены под гребешок или даже обриты. (Никто, впрочем, из тех, которые знали Пушкина в Кишиневе и в Одессе и с которыми мы имели случай говорить, не помнят его больным.) Говорят еще, что на руке носил он большое золотое кольцо с гербовой печатью. В Одессе, так же, как в Кишиневе, Пушкин по утрам читал, писал, стрелял в цель, гулял по улицам. Здесь поэт написал три первые главы «Онегина», горячо взявшись за него и каждый день им занимаясь. Пушкин просыпался рано и писал обыкновенно несколько часов, не вставая с постели. Приятели часто заставали его то задумчивым, то умирающим со смеху над строфою своего романа. Одесская осень благотворно действовала на его занятия.

Год пребывания в Одессе явился самым примечательным в истории сексуальной жизни Пушкина. Можно считать, что только в этом году окончательно погасли и стали безболезненными столь мучительные прежде воспоминания о «северной» любви, что частично потускнели прелестные образы сестер Раевских. Правда, образ «платонической» красавицы навсегда сохранился в памяти поэта, но уже не мешал ему жить и чувствовать со всею возможной полнотой сексуального раскрепощения. Первым следствием вновь обретенной свободы души были три пережитых в Одессе страстных увлечения, которые принадлежат к числу самых ярких и ранящих душу, какие только случалось испытывать Пушкину. Можно даже заметить, что слово «увлечение» является не достаточным для выражения чувств, пережитых поэтом. Впервые со времени своей ссылки на юг Пушкин полюбил настоящей, страстной, сопровождаемой муками ревности любовью. Кажется удивительным, что любовь эта разделилась на три таких не похожих чувства, сопровождаемые различными безумствами, и предметом которой служили три женщины, не сходные ни по внешности, ни характеру, но объединенные одним общим – ревностью поэта. Конкретные факты, которые мы можем положить в основу этого тройного увлечения по большей части остались неизвестными. Но мы попытаемся на основе некоторых данных восстановить те мотивы, которые двигали поэтом, и те

женские образы, которые возбудили его и заставили пережить страстное, бурное и полубезумное чувство.

2

Инцестуальные» запреты полностью скомкали и нарушили неустойчивую психику Пушкина. Взлет «чувствительности» в 1819–1820 годах сменился безалаберным сексуальным разгулом во время кишиневской ссылки. Невротические реакции стали все сильнее проявляться в поведении поэта. Огромное значение для понимания поведения поэта дает психоаналитический анализ любовной жизни невротиков, который сделал Зигмунд Фрейд. Проведя лечение нескольких пациентов, он сделал вывод о том, что подобное же поведение в этой области можно наблюдать также у среднего здорового человека и даже у выдающихся людей. Я хочу дать слово самому великому психоаналитику, потому что выводы его так точно описывают поведение поэта, как будто бы Пушкин самолично приходил на его сеансы.

«Один такой мужской тип выбора объекта я хочу описать, – говорит Фрейд в работе «Очерки по психологии сексуальности», – потому что он отличается рядом таких “условий любви”, сочетание которых непонятно, даже странно, и, вместе с тем, этот тип допускает простое психологическое объяснение.

1. Первое из этих “условий любви” можно было бы назвать специфическим; если оно имеется налицо, следует уже искать и другие отличительные признаки этого типа. Его можно назвать условием “пострадавшего третьего”. Сущность его состоит в том, что лица, о которых идет речь, никогда не избирают объектом своей любви свободной женщины, а непременно такую, на которую предъявляет права другой мужчина: супруг, жених или друг. Это условие оказывается в некоторых случаях настолько роковым, что на женщину сначала не обращают никакого внимания, или она даже отвергается до тех пор, пока никому не принадлежит. Но человек такого типа влюбляется тотчас же в ту же самую женщину, как только она вступит в одно из указанных отношений к какому-нибудь другому мужчине.

2. Второе условие, быть может, уже не такое постоянное, однако столь же странное. Этот тип выбора объекта пополняется только благодаря сочетанию этого условия с первым, между тем как первое условие само по себе, кажется, встречается очень часто. Второе условие состоит в том, что чистая, вне всяких подозрений, женщина никогда не является достаточно привлекательной, чтобы стать объектом любви, привлекает же в половом отношении только женщина, внушающая подозрение, – верность и порядочность которой вызывают сомнения. Эта последняя особенность может дать целый ряд переходов, начиная

с легкой тени на репутации замужней женщины, которая не прочь пофлиртовать, до открытого полигамического образа жизни кокотки или жрицы любви. Но представитель нашего типа не может отказаться хотя бы от какой-нибудь особенности в таком роде. Это условие с некоторым преувеличением можно назвать “любовью к проститутке”.

Подобно тому, как первое условие дает удовлетворение враждебным чувствам по отношению к мужчине, у которого отнимают любимую женщину, второе условие – причастность женщины к проституции – находится в связи с необходимостью испытывать чувство ревности, которое, очевидно, является потребностью влюбленных этого типа. Только в том случае, если они могут ревновать, страсть их достигает наибольшей силы, женщина приобретает настоящую ценность, и они никогда не упускают возможности испытать это наиболее сильное чувство. Удивительно то, что ревнуют не к законному обладателю любимой женщины, а к претендентам, к чужим, в близости к которым ее подозревают. В резко выраженных случаях любящий человек не проявляет желания быть единственным обладателем женщины и, по-видимому, чувствует себя хорошо в таком “тройственном союзе”»…

Все известные нам любовные истории поэта походили на описанные Фрейдом «условия». Все три женщины, возбудившие в Пушкине исключительно страстную любовь, относились именно к такому типу, у них были любовники, к которым поэт ревновал, выражая свои бурные чувства в проникновенных стихотворениях. Пушкиноведы в своих исследованиях не всегда правы, выбирая какую то одну возлюбленную поэта, как «единственную и неповторимую», и убеждая нас в том, что Пушкин именно ее любил больше всех, что именно ей посвятил большинство своих лирических стихотворений Одесского периода жизни. На самом деле поэт просто не мог в силу своего истерического характера долго быть влюбленным в одну женщину. Еще находясь в Молдавии, Пушкин постоянно рвался в Одессу, находя различные предлоги и уламывая старика Инзова отпустить его «погулять». Первый биограф поэта Анненков отметил, что «недаром отпрашивался Пушкин у добродушного Инзова и в Одессу так часто, там у него были новые любовные связи».

3

Увлечение оперой сблизило Пушкина с директором городского театра, «коммерции советником» Иваном Степановичем Ризничем. Ризнич вел обширную торговлю в портах Средиземного, Черного и Азовского морей. Вскоре Ризнич представил поэта своей молодой жене – болезненной красавице. Ее звали Амалия, родом она была из Флоренции, в России жила несколько месяцев и русским языком не владела. «Она была дочь одного венского банкира, по фамилии Рипп, – пишет ее современник, – полунемка и полуитальянка, с примесью, быть может, и еврейского в крови… Г-жа Ризнич была молода, высока ростом, стройна и необыкновенно красива. Особенно привлекательны были ее пламенные очи, шея удивительной формы и белизны, и черная коса, более двух аршин длиною. Только ступни у нее были слишком велики. Потому, чтобы скрыть недостаток ног, она всегда носила длинное платье, которое тянулось по земле. Она ходила в мужской шляпе и одевалась в наряд полуамазонки. Все это придавало ей оригинальность и увлекало молодые и немолодые головы и сердца».

Скорее всего, Пушкин познакомился с Амалией Ризнич в оперном театре. В «Евгении Онегине» он дает прелестную зарисовку этого события:

Но уж темнеет вечер синий,
Пора нам в оперу скорей:
Там упоительный Россини,
Европы баловень – Орфей.
Не внемля критике суровой,
Он вечно тот же, вечно новый,
Он звуки льет – они кипят,
Они текут, они горят,
Как поцелуи молодые,
Все в неге, в пламени любви,
Как закипевшего Аи
Струя и брызги золотые…
А только ль там очарований?
А разыскательный лорнет?
А закулисные свиданья?
А prima donna? а балет?

А ложа, где красой блистая,
Негоциантка молодая,

Самолюбива и томна,
Толпой рабов окружена?
Она и внемлет, и не внемлет
И каватине, и мольбам,
И шутке с лестью пополам…
А муж в углу за нею дремлет,
Впросонках фора закричит,
Зевнет – и снова захрапит.

Амалия Ризнич страстно любила играть в карты и была душой окружающего ее общества. Естественно, поэт бывал у нее, играл, и по-своему обыкновению волочился за хозяйкой. Время проходило весело и шумно, в непрерывных званых обедах, собраниях и пикниках. Красавица пользовалась огромным успехом у мужского общества и была предводительницею во всех развлечениях. Муж всегда оставался в стороне. Пушкин быстро поддался обаянию прелестной и эксцентричной иностранки и, по-видимому, сумел обратить на себя ее внимание. Но как назло, у него появился серьезный соперник – богатый польский помещик Исидор Собаньский. Все были увлечены красавицей, «но ее вниманием пользовался только Пушкин и Собаньский. На стороне поэта была молодость, на стороне его соперника – золото», – вспоминает современник.

Пушкин все более и более увлекался Амалией Ризнич. В его романической биографии это было довольно сильное переживание, обогатившее его «опытом ужасным». В начале знакомства повторилось отчасти впечатление, пережитое за три года перед тем в Гурзуфе от встречи с Еленой Раевской – восхищение лихорадочной и хрупкой прелестью обреченного молодого существа. Смерть как бы витала над прекрасной «негоцианткой», и восхищение Пушкина переросло в сильное чувство. По словам одного современника, Сречковича: «Ризнич внимательно следил за поведением своей жены, заботливо оберегая ее от падения. К ней был приставлен верный его слуга, который знал каждый шаг жены своего господина и обо всем доносил ему. Пушкин страстно привязался к г-же Ризнич. По образному выражению Ризнича, Пушкин увивался за нею, как котенок (по-сербски као мече), но взаимностью не пользовался: г-жа Ризнич была к нему равнодушна».

Вспоминая об одесском увлечении, Пушкин записал в черновиках «Путешествия Онегина»:

Я вспомню речи неги страстной,
Слова тоскующей любви,

Которые в минувши дни
У ног Амалии прекрасной
Мне приходили на язык,
От коих я теперь отвык.

На основании этих сообщений многие пушкинисты пришли к выводу, что у Пушкина был бурный роман с Амалией Ризнич, и будто бы ей он посвятил большинство своих элегий того периода (осень 1823 года). Однако следует заметить, что 1 января 1824 года у супругов Ризнич родился сын Александр. Следовательно, осенью 1823 года Амалия, будучи в положении, вряд ли могла быть любовницей Пушкина. Чувство поэта к прекрасной флорентийке разгорелось летом 1823 года. Именно ее портреты проходят чередой по рукописям Пушкина со времени переезда в Одессу, т. е. с конца июля до начала августа 1823 года. Не мог Пушкин не зарисовать этой эффектной красавицы. Опираясь на приведенное описание ее внешности и на стих Пушкина «Мадам Ризнич с римским носом», можно угадать знакомые очертания среди многочисленных рисунков поэта.

Амалия Ризнич находилась еще на втором или третьем месяце беременности. Физическая близость была возможна, и Пушкин не замедлил этим воспользоваться. Соперничество с Исидором Собаньским приносило поэту муки ревности. Ревность – это ущемленное самолюбие, и потому Пушкин постоянно страдал от ревности, как мазохист, потому что сам подсознательно выбирал себе любовницу, окруженную «толпой поклонников». Ревность только усиливала его страсть, которая достигает предела. Брат поэта, Лев Сергеевич, вспоминает: «Любовь овладела сильнее его душою. Она предстала ему со всею заманчивостью интриг, соперничества и кокетства. Она давала ему минуты и восторга, и отчаяния. Однажды, в бешеной ревности, он пробежал пять верст с обнаженной головой под палящим солнцем в 35-градусную жару». В том же «Онегине» поэт посвящает этому опустошающему душу чувству прекрасные строки:

Да, да, ведь ревности припадки —
Болезнь, так точно, как чума,
Как черный сплин, как лихорадки,
Как повреждение ума.
Она горячкой пламенеет,
Она свой жар, свой бред имеет,
Сны злые, призраки свои.
Помилуй бог, друзья мои

Мучительней нет в мире казни
Ее терзаний роковых!
Поверьте мне: кто вынес их,
Тот уж, конечно, без боязни
Взойдет на пламенный костер
Иль шею склонит под топор.

Лишь к октябрю, когда сексуальные контакты с Ризнич прекратились, Пушкин, не вынося длительного воздержания, переключил свое любвеобильное внимание на другую женщину, тем более что ревновать уже было не к кому. Опальный поэт все более влюблялся в Каролину Собаньскую, польскую аристократку, с которой он впервые познакомился в Киеве 21 января 1821 года.

4

Мимолетнее знакомство с прекрасной полькой заронило чувство в сердце Пушкина, но вынужденная двухлетняя разлука мало способствовала его развитию. Но оно резко вспыхнуло, лишь поэт вновь повстречался с Собаньской в Одессе. Она как раз переехала туда. Ее салон был одним из самых блестящих. Ф. Ф. Вигель передает в «Воспоминаниях», что был «ослеплен ее привлекательностью». «Какая стройность, – восхищается он, – что за голос, что за манеры».

«Каролина Розалия Текла Собаньская, рожденная графиня Ржевуская, – пишет М. Яшин в книге «Итак, я жил тогда в Одессе…», – родилась в 1794 году в семействе знаменитом, принадлежавшем к знатнейшему польскому роду. Ее отец Адам Лаврентий Ржевуский до Отечественной войны 1812 года был киевским губернским предводителем дворянства, позднее – тайным советником и сенатором». Юной девушкой Каролину выдали за пятидесятилетнего подольского помещика Гиеронима Собаньского, по некоторым сведениям, человека дурно воспитанного, нетрезвого, невежду и развратника. От этого неудачного брака родилась дочь Констанция. Воспользовавшись временным нездоровьем, Каролина сумела получить от Подольской Римско-католической консистории в 1816 году разрешение, впредь до выздоровления, жить отдельно от мужа. В 1825 году, после смерти отца, она добилась развода. Как отмечал Ф. Ф. Вигель, «высокое светское образование Каролина получила в Вене, у родственницы своей Розалии Ржевуской. Салон этой Розалии некогда слыл первым в Европе по уму, любезности и просвещению его посетителей. Нашей Каролине захотелось нечто подобное завести в Одессе, и ей несколько удалось». В салоне своем «вообще из мужского общества собирала она все отборное». В числе прочих Собаньская принимала там Александра Пушкина и Александра Раевского, младшего сына генерала Н. Н. Раевского и брата знаменитых сестер. Этот молодой человек сыграл важную роль во всех любовных историях поэта, вызвав у него безумное чувство ревности. Чтобы понять психологическое состояние Пушкина и его вспышки бешеной ревности, мы расскажем поподробнее о его «злом» гении – Александре Раевском, который сыграл очень недобрую роль в интимной жизни поэта в период его пребывания в Одессе.

У Пушкина были с Александром Раевским давние отношения, зародившиеся, быть может, еще в Петербурге и укрепившиеся во время пребывания (с семейством Раевских) на Северном Кавказе,

а затем в Каменке, в Киеве и, наконец, в Одессе. Впечатлительный и восприимчивый ко всему новому поэт быстро подпал под влияние скептически настроенного Александра. Язвительный Раевский в самом прямом смысле подавил волю Пушкина. Вот как рассказывает об этом хорошо знававший и Пушкина и Раевского адъютант Николая Раевского-младшего: «В Одессе в одно время с ним (Пушкиным. – *А. Л.*) жил Александр Раевский, старший брат Николая. Он был тогда настоящим «демоном» Пушкина, который изобразил его в известном стихотворении очень верно. Этот Раевский действительно имел в себе что-то такое, что придавливало душу других. Сила его обаяния заключалась в резком и язвительном отрицании:

Неистощимой клеветою
Он Провиденье искушал;
Он звал прекрасное мечтою,
Он вдохновенье презирал.
Не верил он любви, свободе,
На жизнь насмешливо глядел,
И ничего во всей природе
Благословить он не хотел!

Я испытал это обаяние на самом себе. Впоследствии, в более зрелых летах, робость и почти страх к нему ослабели во мне, и я чувствовал себя с ним уже как равный с равным. Пушкин в Одессе хаживал к нему обыкновенно по вечерам, имея позволение тушить свечи, чтоб разговаривать с ним свободнее впотьмах… Пушкин сам вспоминал со смехом некоторые случаи подчиненности своему демону, до того уже комические, что мне даже казалось, что он пересаливает свои россказни. Но потом я проверил их у самого Раевского, который повторил мне буквально то же».

Раевский был очень некрасив, но внешность у него была оригинальная, бросающаяся в глаза и остающаяся в памяти. Граф П. И. Капнист очень выпукло передает образ пушкинского «демона»: «Высокий, худой, даже костлявый, с небольшой круглой и коротко обстриженной головой, с лицом темно-желтого цвета, с множеством морщин и складок, – он всегда (я думаю, даже когда спал) сохранял саркастическое выражение, чему, быть немало способствовал его очень широкий, с тонкими губами рот. Он по обычаю двадцатых годов был всегда гладко выбрит носил очки, но они ничего не отнимали у его глаз, которые очень характеристичны: маленькие, изжелта-карие, они блестели наблюдательно живым и смелым взглядом и напоминали глаза

Вольтера».

Раевский унаследовал у отца своего резкую морщину между бровей, которая никогда не исчезала. Вообще он был скорее безобразен, но это было безобразие типичное, породистое, много лучше казенной и приторной красоты иных бесцветных красавчиков. Раевский одевался обыкновенно несколько небрежно и даже в молодости своей не был щеголем, что, однако не мешало ему иметь всегда заметное положение в высшем обществе. Он был человек замечательно тонкого, острого ума и той образованности, которая так отличала в свое время среду декабристов». Что касается моральной стороны, то, как сообщает Ф. Ф. Вигель: «В Молдавии, в самой нежной молодости, говорят, успевал он понапрасну опозоривать безвинных женщин; известных по своему дурному поведению не удостаивал он своего внимания: как кошка, любил он марать только все чистое, все возвышенное, и то, что французы делали из тщеславия, делал он из одной злости».

Отношения Пушкина и Раевского основывались не только на спорах «впотьмах», но имело место определенное содружество в любовных похождениях, сопровождаемое соперничеством. В Кишиневе Пушкин выбирал сексуальные объекты со своим напарником по «амурным» делам – Н. С. Алексеевым. Они даже влюблялись в одну и ту же «жертву», уступая друг другу любвеобильных молдаванок. С Раевским у Пушкина сложились несколько иные отношения. Здесь явно проскальзывало соперничество. В черновом письме 22 октября 1823 года поэт называет Раевского «милейший Иов Ловелас» и шутливо просит у него разрешения на определенные поступки, «так как вы – мой неизменный учитель в делах нравственных». Кишиневские приключения Александра Раевского видимо производили на поэта впечатление, хотя сам Пушкин был уже не мальчик.

Осень 1823 года явилась для Пушкина временем наиболее сильного и страстного увлечения Собаньской. Может быть, именно ей признавался поэт еще летом в письме, черновой набросок которого сохранился без адресата: «Не из дерзости пишу я вам, но я имел слабость признаться вам в смешной страсти и хочу объясниться откровенно. Не притворяйтесь, это было бы недостойно вас – кокетство было бы жестокостью, легкомысленной и, главное, совершенно бесполезной, – вашему гневу я также поверил бы не более – чем могу я вас оскорбить; я вас люблю с таким порывом нежности, с такой скромностью – даже ваша гордость не может быть задета…

Будь у меня какие-либо надежды, я не стал бы ждать кануна вашего отъезда, чтобы открыть свои чувства. Припишите мое

признание лишь восторженному состоянию, с которым я не мог более совладать, которое дошло до изнеможения и глупости. Я не прошу ни о чем, я сам не знаю, чего хочу, – тем не менее я вас…»

1823 год – начало взлета творческой и телесной потенции поэта. Он ознаменовался циклом поэтических произведений, отражающих любовные переживания поэта в их переходах от безнадежности к надежде и снова к безысходности. Эти стихи изумительны по силе выражения новой, рождающейся страсти. Глубина и сила чувства к Каролине Собаньской наиболее ярко выразились в стихотворении, которое Пушкин написал в это время, но, как это бывало часто, не опубликовал при жизни:

Как наше сердце своенравно!
…томимый вновь,
Я умолял тебя недавно
Обманывать мою любовь,
Участьем, нежностью притворной
Одушевлять свой дивный взгляд,
Играть душой моей покорной,
В нее вливать огонь и яд.
Ты согласилась, негой влажной
Наполнился твой томный взор;
Твой вид задумчивый и важный,
Твой сладострастный разговор,
И то, что дозволяешь нежно,
И то, что запрещаешь мне,
Все впечатлелось неизбежно
В моей сердечной глубине.

В это же время было написано и другое замечательное стихотворение «Ночь», проникнутое страстным любовным порывом и радостью обладания.

Мой голос для тебя, и ласковый и томный,
Тревожит позднее молчанье ночи темной.
Близь ложа моего печальная свеча
Горит; мои стихи, сливаясь и журча,
Текут, ручьи любви: текут, полны тобою.
Во тьме твои глаза блистают предо мною,
Мне улыбаются – и звуки слышу я;
Мой друг, мой нежный друг… люблю… твоя…

Это стихотворение было написано Пушкиным, скорее всего,

26 октября 1823 года в ожидании приезда Собаньской в Одессу, в период наиболее сильного увлечения. Возникающая любовь постепенно перерастала в страсть, но Собаньская относилась к Пушкину равнодушно, так же как и ко многим другим поклонникам своей красоты, с наследственной надменностью, гордостью и властностью представительницы старинной польской знати. Это было характерно для дочерей графа Ржевуского, автора политических трактатов, друга энциклопедистов, который вел переписку с самим Вольтером. Как известно, сестра Каролины Эвелина Ганская была любовницей великого Бальзака и принесла ему много страданий.

После кратковременной связи отношения поэта с капризной полькой несколько охладели, хотя и не совсем прервались. Прекрасной графиней Собаньской увлекался также Адам Мицкевич, который приехал в Одессу лишь несколькими месяцами спустя после отъезда из нее Пушкина. Напрасны были усилия Пушкина и Мицкевича покорить сердце Собаньской. Не эти знаменитые поклонники интересовали ее. В 1819 году граф Витт, польский аристократ, находящийся на русской службе, сошелся здесь с прекрасной Каролиной и жил с ней открыто, устраивая роскошные балы и маскарады. Известный сплетник Ф. Ф. Вигель писал о них в своих воспоминаниях: «Причиною особого ко мне благоволения Витта была незаконная связь его с одною женщиною и ею мне оказываемая приязнь. Каролина Адамовна Собаньская, урожденная графиня Ржевуская, разводная жена, составила с ним узы… Как бы гордясь своими слабостями, чета сия выставляла их на показ целому миру».

«Витт был богат, расточителен и располагал огромными казенными суммами, – отмечал далее Вигель, – Собаньская никакой почти собственности не имела, а наряжалась едва ли не лучше всех и жила чрезвычайно роскошно – следственно не гнушалась названием наемной наложницы, которые иные ей давали… В этом унизительном положении какую твердость она умела показывать и как высоко подыматься над преследующими ее женщинами! Мне случалось видеть в гостиных, как, не обращая внимания на строгие взгляды и глухо шумящий женский ропот негодования, с поднятой головой она бодро шла мимо всех прямо не к последнему месту, на которое садилась, ну право, как бы королева на трон. Много в этом случае помогали ей необыкновенная смелость (ныне ее назвал бы я наглостию) и высокое светское образование».

Граф Витт также не вызывал особой симпатии у окружающих. Даже великий князь, брат царя, осуждал его за некоторые непорядочные поступки: «Граф Витт есть такого рода человек,

который не только чего другого, но недостоин даже, чтобы быть терпиму в службе, и мое мнение есть, что за ним надобно иметь весьма большое и крепкое наблюдение… Граф Витт такой негодяй, каких свет еще не производил: религия, закон, честность для него не существует. Словом, это человек, как выражаются французы, достойный виселицы».

Современные исследования доказывают, что граф Витт был австрийским шпионом, а Каролина Собаньская известна как верная и ловкая помощница в провокаторской деятельности графа Витта. Вигель писал, что «почувствовал от нее отвращение», когда узнал впоследствии, «что Витт употреблял ее и сериозным образом, что она служила секретарем сему в речах столь умному, но безграмотному человеку и писала тайные его доносы, что потом из барышей поступила она в число жандармских агентов. О недоказанных преступлениях, в которых ее подозревали, не буду и говорить. Сколько мерзостей скрывалось под щеголеватыми ее формами!».

Пушкин всего этого не знал. Для него Собаньская – нежная, прекрасная, и, может быть, легкомысленная полька, у которой есть богатый любовник. В глазах поэта она представлялась чем-то вроде содержанки. Желание отбить Каролину у графа Витта стало на какое-то время навязчивой идеей Пушкина. Как человек с истерическим характером, он ревновал не к мужу, а к любовнику, а близость Собаньской с графом подогревала желание поэта обладать этой женщиной еще больше.

Может быть, Собаньской посвятил поэт свою знаменитую элегию «Простишь ли мне ревнивые мечты», а которой Белинский видел одно из «лучших, задушевнейших созданий лирической музы» великого поэта. Это одна из самых автобиографичных его элегий, хотя уместно тут привести слова биографа Пушкина П. И. Бартенева: «Князь Вяземский журил нас, что мы в каждом произведении Пушкина ищем черт биографических, тогда как многое писал Пушкин, вовсе забывая о себе лично». Хочется привести эту элегию целиком.

Простишь ли мне ревнивые мечты,
Моей любви безумное волненье?
Ты мне верна: зачем же любишь ты
Всегда пугать мое воображенье?
Окружена поклонников толпой,
Зачем для всех казаться хочешь милой,
И всех дарит надеждою пустой
Твой чудный взор, то нежный, то унылый?
Мной овладев, мне разум омрачив,

Уверена в любви моей несчастной,
Не видишь ты, когда, в толпе их страстной,
Беседы чужд, один и молчалив,
Терзаюсь я досадой одинокой;
Ни слова мне, ни взгляда… друг жестокой!
Хочу ль бежать: с боязнью и мольбой
Твои глаза не следуют за мной.
Заводит ли красавица другая
Двусмысленный со мною разговор:
Спокойна ты; веселый твой укор
Меня мертвит, любви не выражая.
Скажи еще: соперник вечный мой
Наедине застав меня с тобой,
Зачем тебя приветствует лукаво?…
Что ж он тебе? Скажи, какое право
Имеет он бледнеть и ревновать?…
В нескромный час меж вечера и света,
Без матери, одна, полуодета,
Зачем его должна ты принимать?…
Но я любим… Наедине со мной
Ты так нежна! Лобзания твои
Так пламенны! Слова твоей любви
Так искренно полны твоей душою!
Тебе смешны мучения мои,
Но я любим, тебя я понимаю.
Мой милый друг, не мучь меня, молю:
Не знаешь ты, как сильно я люблю,
Не знаешь ты, как тяжко я страдаю.

Слова «соперник вечный мой», скорее всего, относятся к Александру Раевскому, который постоянно вставал на пути поэта в его любовных увлечениях.

Кому бы ни была посвящена эта элегия, Амалии Ризнич или Каролине Собаньской, реальны ли образы этого стихотворения или они есть плоды лирического гения Пушкина, можно сказать одно. Как поэт Пушкин вырос, и намного. Грубая кишиневская жизнь несколько упростила и опошлила его лиру. Теперь любовь к замечательной женщине разбудила в Пушкине более возвышенные и страстные чувства, которые подарили нам прекрасные образцы любовной лирики поэта. Творчество поэта питалось его чувствами, его необычными эротическими пристрастиями. Именно в Одессе был закончен «Бахчисарайский фонтан» и написаны первые главы «Евгения Онегина».

Через 7 лет, в 1830 году, встретившись с Собаньской в Петербурге, Пушкин написал ей письмо, где вспоминает о прежнем своем увлечении. Поэт называет Каролину Собаньскую Элленорой (по имени героини романа Бенжамена Констана «Адольф», любовные переживания главного героя которого очень напоминали собственные

«Дорогая Элленора, – пишет Пушкин, – [было время, когда ваш голос, ваш взгляд опьяняли меня] вы знаете, <…> я испытал на себе все ваше могущество. Вам обязан я тем, что познал все, что есть самого судорожного и мучительного в любовном опьянении, также как и все, что в нем есть самого ошеломляющего…» И далее он с нежной грустью вспоминает былые встречи с Собаньской: «А вы, между тем, по-прежнему прекрасны, так же как и в день переправы, или же на крестинах, когда ваши влажные пальцы коснулись моего лба – это прикосновение я чувствую до сих пор – прохладное, влажное». Пушкин вспомнил важное для него событие; 11 ноября 1823 года – день крестин сына и наследника графа М. С. Воронцова и его жены Елизаветы Ксаверьевны. В этот день Собаньская была особенно прекрасна и, по-видимому, безразлична к чувствам поэта. В этот день Пушкин и написал свою замечательную элегию «Простишь ли мне ревнивые мечты». «Удивительное совпадение», – отмечает М. Яшин. Это письмо к Собаньской, где Пушкин вспоминает, как жестокая красавица «посмеялась над ним», во многом уточняет и дополняет историю одесских отношений с «жестоким другом». Когда она обратилась к первому поэту России за автографом в самом начале 1830 года, Пушкин записал в ее альбоме мадригал, который начал с вопроса:

Что в имени тебе моем?
Оно умрет, как шум печальный
Волны, плеснувшей в берег дальний,
Как звук ночной в лесу глухом.
Оно на памятном листке
Оставит мертвый след, подобный
Узору надписи надгробной
На непонятном языке.
Что в нем? Забытое давно
В волненьях новых и мятежных,
Твоей душе не даст оно
Воспоминаний чистых, нежных.
Но в день печали, в тишине,
Произнеси его, тоскуя;
Скажи: есть память обо мне,

Есть в мире сердце, где живу я…

После непродолжительной связи с поэтом ветреная полька, видимо, отвергла его любовь. Пушкин, Мицкевич, А. Н. Раевский и многие другие интересные и умные мужчины были лишь сиюминутными фаворитами, а по-настоящему Собаньская была влюблена лишь в графа Витта. Убедившись в своих бесплодных переживаниях и просьбах, поэт еще 22 октября говорит в письме к Александру Раевскому: «Г-жа Собаньская еще не вернулась в Одессу, следовательно, я еще не мог пустить в ход ваше письмо; во-вторых, так как моя страсть в значительной мере ослабела, а тем временем я успел влюбиться в другую, я раздумал».

Кто же это была другая, о которой мельком упомянул поэт?

5

В первые дни ноября, только что закончив главу первую «Онегина», поэт пишет вторую, пишет «с упоеньем», «что уж давно со мной не было», признается он в черновике письма к Вяземскому. И, видимо, в этот момент перед ним возникает облик Элизы Воронцовой, жены графа Воронцова, которая вновь появилась в одесском обществе после рождения сына. Пушкин рисует ее полуфигуру – в открытом платье, с локонами надо лбом и около ушей. Постоянно в рукописях поэта возникает ее профиль, или голова ее с милой улыбкой, иногда поясной портрет. П. В. Анненков писал: «…предания той эпохи упоминают еще о третьей женщине, превосходящих всех других по власти, с которой управляла мыслию и существованием поэта. Пушкин нигде о ней не упоминает, как бы желая сохранить про одного себя тайну этой любви. Она обнаруживается у него только многочисленными профилями прекрасной женской головы спокойного, благородного, величавого типа, которые идут по всем его бумагам из одесского периода жизни». На полях своих рукописей поэт часто изображал и Амалию Ризнич и Каролину Собаньскую и множество других женщин, которые будоражили его чувственность. Рисунки Пушкина – целая портретная галерея его современников, в особенности женщин, которые волновали его воображение и на которых он останавливал свои сексуальные предпочтения.

Графиня Елизавета Ксаверьевна Воронцова, полька по отцу (урожденная графиня Браницкая), по матери приходилась внучатой племянницей князю Потемкину-Таврическому. Поэт познакомился с ней еще в сентябре 1823 года, когда она переехала на постоянное жительство в Одессу. Вот как рисует ее облик Ф. Ф. Вигель: «Ей было уже за тридцать лет, а она имела все права казаться еще самою молоденькою. Со врожденным польским легкомыслием и кокетством желала она нравиться, и никто лучше нее в том не успевал. Молода была она душою, молода и наружностью. В ней не было того, что называют красотою, но быстрый, нежный взгляд ее миленьких глаз пронзал насквозь; улыбка ее уст, которой подобной я не видал, казалось, так и призывает поцелуи». К тому же она, по словам К. К. Эшлимана, «не отличалась семейными добродетелями и, так же как и ее муж, имела связи на стороне».

Постоянно бывает Пушкин в доме у Воронцовых (она и муж ее принимают гостей каждый у себя), ежедневно обедает у них. Образ ее преследует его, и Пушкин хочет удержать ее черты и в

памяти своей, и на бумаге. Лицо, голова, профили, плечи с ожерельем на шее… обаяние ее женственности. По интонации его стихов («Онегинские» строфы) можно предположить, что это первое выражение новой влюбленности, и оно связано с той женщиной, портрет которой так настойчиво рисует вслед за двустишием:

Но узнаю по всем приметам
Болезнь любви в душе моей.

Позже поэт включит его в стихотворение «Признание», посвященное А. И. Осиповой, но пока оно отражает его теперешнее состояние души. Амалия Ризнич была на сносях, Собаньская охладела к поэту. Пушкин лихорадочно искал новое увлечение, и новая страсть постепенно охватывала его. А пока, для удовлетворения своих сексуальных потребностей Пушкин продолжает вести такой же беспечный и несколько аморальный образ жизни, подобный его Петербургскому времяпрепровождению. «У нас холодно и грязно, – сообщает он Ф. Ф. Вигелю в ноябре 1823 года, – обедаем славно. Я пью, как Лот Содомский, и жалею, что имею с собою ни одной дочки. Недавно выдался нам молодой денек – я был президентом попойки; все перепились и потом поехали по б****».

И все же светская жизнь продолжала тянуть поэта. Зимой 1823-24 года Пушкин продолжал искать встречи с Елизаветой Ксаверьевной. 12 декабря у Воронцовых – большой бал, 25 декабря – большой обед, 31 декабря – маскарад, 6 января – маскарад у Ланжеронов. 13 января – благотворительный маскарад в театре, устроенный Воронцовой и Ольгой Нарышкиной. 12 февраля – второй маскарад у Воронцовых. Пушкин бывает, вероятно, на всех этих вечерах. Сердце поэта колеблется между тремя красавицами. С кем из них можно продолжить любовную игру? Пушкин все более влюбляется в Воронцову и, если верить его стихам, тогда же достиг взаимности, не порвав в то же время с Амалией Ризнич.

Психологически поэт снова решает задачу противоречия «чувственности» и «чувствительности». Его тянет к Воронцовой, но она может напомнить ему «инцестуальный» образ и тогда «психическая» импотенция вновь принесет телесные и душевные страдания. Пушкину надо унизить объект своей нарождающейся страсти. Что он делает? Пишет письмо своим кишиневским приятельницам (письмо к Майгин), в котором обещает «нарисовать m-m Vor… в 36 позах Аретина». Воронцова унижена, и теперь она становится сексуально привлекательной для поэта.

И это не должно удивлять нас. Пушкин всегда был таков. «Он как бы принуждал себя к цинической усмешке, – отмечал П. К. Губер, – немедленно вслед за минутами чистейшего лирического воодушевления».

После тяжелых родов Амалия Ризнич находилась в болезненном состоянии, и Пушкин, не получая сексуального удовлетворения, через какое-то время перестал надоедать ей своей ревностью и своими страданиями. Произошел разрыв между ними, который вылился в грустные поэтические строки:

Все кончено: меж нами связи нет.
В последний раз обняв твои колени,
Произносил я горестные пени.
Все кончено, – я слышу твой ответ.
Обманывать себя не стану <вновь>,
Тебя тоской преследовать не буду,
Прошедшее, быть может, позабуду —
Не для меня сотворена любовь.
Ты молода: душа твоя прекрасна.
И многими любима будешь ты.

Это стихотворение написано в начале февраля, а 8 февраля Пушкин ужинает у Воронцовой. Это событие знаменовало какой-то этап отношений Пушкина с нею. Сердце поэта забилось. На другой день после второго маскарада у Воронцовых приехал в Одессу кишиневский приятель Пушкина Липранди, редко туда наезжавший, на этот раз вместе с другим кишиневским другом Пушкина, напарником по любовным похождениям, Н. С. Алексеевым. «В час мы нашли Пушкина еще в кровати, – вспоминал Липранди, – с поджатыми по обыкновению ногами и что-то пишущим. Он был очень не в духе от бывшего маскарада…» Пушкин находился в депрессии – все волновало и печалило его – и холодный, презрительный тон Воронцова с ним, и разрыв с болеющей Ризнич, и непонятное, полулюбовное, полупрохладное отношение к нему графини. Трудно на глазах всего одесского общества встречаться с супругой наместника края. Поэт искал более интимных встреч, и это ему, по видимому, удавалось – муж нередко отлучался из Одессы по служебным делам.

Однако из Киева вернулся Александр Раевский (12 февраля). Влюбленный в Елизавету Ксаверьевну, он свободно входил в ее дом в качестве родственника – «демон» Пушкина приходился Воронцовой троюродным племянником.

Раевский сам увлекался Воронцовой, может и состоял с ней в

интимных отношениях. Прикрывая свое собственное увлечение Воронцовой, он по иезуитски направлял на Пушкина ревнивые подозрения мужа. Пушкин полностью подпал под власть этого скептика. Его впечатлительная и восприимчивая душа не могла отторгнуть змеиные нашептывания «друга». Мы знаем, какую роль он сыграл в отношениях Пушкина и Собаньской, постоянно подстегивая влюбчивого поэта. Язвительный Раевский в самом прямом смысле подавил волю Пушкина, который постоянно советовался с ним, рассказывал о своих успехах у женщин, переписывался с ним. Именно Раевский направил сексуальную энергию поэта в сторону легкомысленной Воронцовой.

Вот что рассказывает об отношениях А. Н. Раевского и Елизаветы Ксаверьевны Ф. Ф. Вигель: «В уме Раевского была твердость, но без всякого благородства. Голос имел он сам нежный. Не таким ли сладогласием в Эдеме одарен был змий, когда соблазнял праматерь нашу… Я не буду входить в тайну связей его с графиней Воронцовой, но, судя по вышесказанному, могу поручиться, что он действовал более на ее ум, чем на сердце и чувства. Он поселился в Одессе и почти в доме господствующей в ней четы. Но так терзалось его ужасное сердце, имея всякий день перед глазами этого Воронцова, славою покрытого, этого счастливца, богача, которого вокруг него все превозносило, восхваляло… При уме у иных людей как мало бывает рассудка. У Раевского был он помрачен завистью, постыднейшею из страстей. В случае успеха, какую пользу, какую честь мог он ожидать для себя? Без любви, с тайной яростью устремился он на сокрушение супружеского счастья Воронцовых. И что же? Как легкомысленна женщина – Воронцова долго не подозревала, что в глазах света фамильярное ее обхождение с человеком ей почти чуждым его же стараниями истолковывается в худую сторону. Когда же открылась истина, она ужаснулась, возненавидела своего мнимого искусителя и первая потребовала от мужа, чтобы ему было отказано от дома…

Козни его, увы, были пагубны для другой жертвы. Влюбчивого Пушкина нетрудно было привлечь миловидной Воронцовой, которой Раевский представил, как славно иметь у ног своих знаменитого поэта… Известность Пушкина во всей России, хвалы, которые гремели ему во всех журналах, превосходство ума, которое внутренне Раевский должен был признавать в нем над собою, все это тревожило, мучило его. Он стихов его никогда не читал, не упоминал ему даже об них: поэзия была ему дело вовсе чуждое, равномерно и нежные чувства, в которых видел он одно смешное сумасбродство. Однако же он умел воспалять их в других, и вздохи, сладкие

мучения, восторженность Пушкина, коих один он был свидетелем, служили ему беспрестанной забавой. Вкравшись в его дружбу, он заставил его видеть в себе поверенного и усерднейшего помощника, одним словом, самым искусным образом дурачил его. Еще зимой, чутьем слышал я опасность для Пушкина, не позволял себе давать ему советов, но раз шутя сказал ему, что по африканскому происхождению его все мне хочется сравнить его с Отелло, а Раевского – с неверным другом Яго. Он только что засмеялся».

К слову заметить, опальный поэт везде находил себе напарника по «амурным» делам. В Кишиневе это Н. С. Алексеев, верный друг поэта и хранитель многих его рукописей, в Одессе – пресловутый А. Н. Раевский, в Тригорском – А. Н. Вульф. Далее можно будет проследить эту линию «ловеласов». Раевский – «учитель нравственности» для Пушкина, а сам Пушкин – учитель в «делах любовных» Алексея Вульфа.

Роман с Воронцовой приобретал все более четкие очертания. Ревность к Раевскому снова начала тяготить поэта, сопровождая его очередное увлечение. Ведь иначе поэт просто не мог любить. Добиться любви женщины, у которой есть любовник, или, по крайней мере, друг сердца – основная задача Пушкина, решаемая на подсознательном уровне. Интимные отношения между Пушкиным и Воронцовой окружены глубочайшею тайной. Скорее всего, Раевский, так зорко следивший за графиней, ничего не знал наверное и был вынужден ограничиваться лишь смутными догадками.

В то же самое время поэт иногда посещал свою прошлую любовь – Амалию Ризнич. Состояние ее постоянно ухудшалось. Роды сильно подорвали здоровье болезненной итальянки. Весной 1824 года ее муж писал П. Д. Киселеву: «После родов ей становится все хуже и хуже. Изнурительная лихорадка, непрерывный кашель, харканье кровью внушили мне самое острое беспокойство. Едва пришла весна, припадки сделались сильнее. Тогда доктора объявили, что категорически, не теряя времени, она должна оставить этот климат, так как иначе они не могли бы поручиться за то, что она переживет лето. Само собой, я не мог выбирать и стремительно решился на отъезд».

В первых числах мая 1824 года Амалия Ризнич, больная и совсем уставшая от жизни, покинула Россию. Она уехала за границу, без мужа, со своим ребенком… Вместе с ней уехал за границу и соперник Пушкина, Исидор Собаньский. Он настиг ее на пути, недалеко за русскою границею, провожал до Вены и вскоре потом оставил ее навсегда. Через несколько месяцев, по всей вероятности, в начале 1825 года, г-жа Ризнич умерла. Не

думаю, что смерть бывшей любовницы нанесла поэту существенную рану, как всегда он потосковал чисто поэтически. Весть о ее смерти Пушкин получил в Михайловском. Под впечатлением этого поэт пишет элегию «Под небом голубым страны своей родной…», в которой честно признается, что с равнодушием отнесся к вести о смерти женщины, так бурно вошедшей в его жизнь в дни одесской ссылки:

Так вот кого любил я пламенной душой
С таким тяжелым напряженьем,
С такою нежною, томительной тоской,
С таким безумством и мученьем!
Где муки, где любовь? Увы! в душе моей
Для бедной, легковерной тени,
Для сладкой памяти невозвратимых дней
Не нахожу ни слез, ни пени.

И все же Пушкин, остыв и успокоившись в Михайловской глуши, помнил прекрасную женщину и не мог не восхищаться ею. В ненапечатанной XVI главе «Онегина», написанной в Михайловском в ноябре 1826 года, поэт горько пишет:

Я не хочу пустой укорой
Могилы возмущать покой;
Тебя уж нет, о ты, которой
Я в бурях жизни молодой
Обязан опытом ужасным
И рая мигом сладострастным.
Как учат слабое дитя,
Ты душу нежную, мутя,
Учила горести глубокой,
Ты негой волновала кровь,
Ты воспаляла в ней любовь
И пламя ревности жестокой;
Но он прошел, сей тяжкий день.
Почий, мучительная тень.

«Страсть к Ризнич, – пишет П. Е. Щеголев, – оставила глубокий след в сердце Пушкина своею жгучестью и муками ревности». Это была не любовь, а именно неутоленная страсть, рожденная «чувственной» натурой поэта и его огромным самолюбием.

Однако жизнь продолжалась. Не успела прекрасная

негоцианткa сесть на корабль, как Пушкин снова у ног прелестной Воронцовой. Настойчивые ухаживания поэта раздражали графа, который не был жалким ревнивцем, но как любой аристократ понимал разницу между собой и своими служащими. В нем, по воспоминаниям Б. А. Маркевича, воспитанном в Англии чуть не до двадцатилетнего возраста, была «вся английская складка, и так же он сквозь зубы говорил», так же был сдержан и безукоризнен во внешних приемах своих, так же горд, холоден и властен, как любой из сынов аристократической Британии. Наружность Воронцова поражала своим истинно барским изяществом. Высокий, сухой, замечательно благородные черты, словно отточенные резцом, взгляд необыкновенно спокойный, тонкие, длинные губы с вечно игравшею на них ласково-коварною улыбкою. Чем ненавистнее был ему человек, тем приветливее обходился он с ним. Чем глубже вырывалась им яма, в которую собирался он пихнуть своего недоброхота, тем дружелюбнее жал он его руку в своей. Тонко рассчитанный и издалека заготовляемый удар падал всегда на голову жертвы в ту минуту, когда она менее всего ожидала такового.

С другой стороны Воронцов был весьма храбрым человеком. Ему было двадцать один год, когда он, при штурме крепости во время русско-турецкой войны вынес с боя своего раненого товарища. В 1812 году он храбро воюет с французами, по приказу Кутузова форсирует Дунай и принуждает неприятеля к отступлению. При Бородине он проливает свою кровь за отечество. Получив образование в Англии, Михаил Семенович, будучи царским наместником на Юге России проявил себя грамотным и хорошим организатором, совершил много полезного для устройства новых российских земель. Слишком импульсивные и публичные действия поэта вызвали неудовольствие сиятельнейшего супруга. Дадим слово все тому же Ф. Ф. Вигелю: «Несмотря на скромность Пушкина, нельзя было графу не заметить его чувств. Он не унизился до ревности, но ему казалось обидно, что ссыльный канцелярский чиновник дерзает подымать глаза на ту, которая носит его имя. И боже мой Поэтическая страсть всегда бывает так не опасна для предметов, ее возбуждающих: она скорее дело воображения и производит неловкость, робость, которые уничтожают возможность успеха. Как все люди с практическим умом, граф весьма невысоко ценил поэзию; гениальность самого Байрона ему казалась ничтожной, а русский стихотворец в глазах его стоял едва ли выше лапландского. А этот водворился в гостиной жены его и всегда встречал его сухими поклонами, на которые, впрочем, он никогда не отвечал.

Негодование возрастало, да и Пушкин, видя явное к себе презрение начальника, жестоко тем обижался и, подстрекаемый Раевским, в уединенной с ним беседе часто позволял себе эпиграммы. Не знаю как, но, кажется, через Франка все они доводимы были до графа».

То же самое подтверждает другой современник поэта: «Мрачное настроение духа Ал. Сергеевича, – вспоминал И. П. Липранди, – породило множество эпиграмм, из которых едва ли не большая часть была им только сказана, но попала на бумагу и сделалась известной. Эпиграммы эти касались многих и из канцелярии графа. Стихи его на некоторых дам, бывших на бале у графа, своим содержанием раздражали всех. Начались сплетни, интриги, которые еще более тревожили Пушкина. Говорили, что будто бы граф через кого-то изъявил Пушкину свое неудовольствие, и что это было поводом злых стихов о графе. Услужливость некоторых тотчас распространила их. Граф не показал вида какого-либо негодования; по-прежнему приглашал Пушкина к обеду, по-прежнему обменивался с ним несколькими словами».

Тот град эпиграмм, что обрушил на него поэт, и которые мы так тщательно заучивали в школе, были вызваны более обиженным самолюбием Пушкина, чем действительными придирками графа. «Он (т. е. Пушкин. – *А. Л.*) хотел, – пишет А. Мадорский, – чтобы его гениальный дар признавался правом на совершенно исключительное положение во всем и всюду. И к тому же невзирая на любое поведение. Мол, мне все дозволено, ничего не возбраняется. А удел окружающих – восхищаться мною при всяком моем поступке, пусть и осудительном для кого бы то ни было».

Ведь поначалу граф Воронцов принял ссыльного Пушкина ласково. Он снисходительно, почти как старик Инзов, относился к совершенному бездельничанью поэта, хотя тот числился чиновником, и должен был хоть немного времени проводить на работе, а не в гостиных прекрасных дам. Пушкин зачитывался книгами в прекрасной библиотеке графа, столовался у него, ухаживал за его женой. Все это прощалось. Но когда Воронцов послал поэта вместе с другими чиновниками в степь на борьбу с саранчой, Пушкин рассвирепел истинно по-африкански. «Через несколько дней по приезде моем в Одессу, – вспоминает Вигель, прибывший из Кишинева в ночь на 16 мая 1824 года, – встревоженный Пушкин вбежал ко мне сказать, что ему готовится величайшее неудовольствие. В это время несколько самых низших чиновников из канцелярии генерал-губернаторской, равно как и из присутственных мест, отряжено было для возможного еще

истребления ползающей по степи саранчи; в число их попал и Пушкин. Ничего не могло быть для него унизительнее; сим ударом надеялся граф Воронцов поразить его гордыню. Для отвращения сего добрейший Казначеев медлил исполнением, а между тем тщетно ходатайствовал об отмене приговора. Я тоже заикнулся было на этот счет; куда тебе. Он (граф Воронцов. – *А. Л.*) побледнел, губы его задрожали, и он сказал мне: “любезный Ф. Ф., если вы хотите, чтобы мы остались в приязненных отношениях, не упоминайте мне никогда об этом мерзавце”, а через полминуты прибавил: “также и о достойном друге его Раевском”. Последнее меня удивило и породило во мне много догадок».

Резкий всплеск эмоций Воронцова на попытку Вигеля заступиться за Пушкина, так же как и самое решение послать Пушкина в эту унизительную поездку, были вызваны, конечно, настойчивыми ухаживаниями поэта за его женой, и, следовательно, ревностью мужа, которого хотят украсить очередными рогами. Или доброхоты донесли что-нибудь своему начальнику, или от него самого, быть может, не укрылось что-то новое во взаимоотношениях жены его и любвеобильного поэта. Пушкин был в гневе, но все же поехал на борьбу с саранчой, опять же по совету своего «любезного друга» Александра Раевского. Поэт отнюдь не был исполнительным и дисциплинированным чиновником. Вернувшись из командировки, Пушкин написал письмо, где жаловался на болезнь (аневризм), на мизерное жалование, 700 рублей в месяц, и вообще на неуютную и неустроенную жизнь.

Между тем Пушкин и графиня постепенно все более тянулись друг к другу. Лишь урывками они встречались наедине, и, наконец, Воронцова поддалась настойчивым ухаживаниям поэта. Пушкин рассказывал о своих ночных свиданиях с ней Вере Федоровне Вяземской, с которой связывала его нежная дружба. Свидания в доме Воронцовых становятся, видимо, небезопасными, и влюбленные ищут уединения в пещере на берегу моря:

Приют любви, он вечно полн
Прохлады сумрачной и влажной,
Там никогда стесненных волн
Не умолкает гул протяжный.

Часто эти свидания происходили в присутствии Вяземской. За это ей строго выговаривал граф Воронцов. В июне 1824 года она писала мужу из Одессы: «… иногда у меня не хватает

храбрости дожидаться девятой волны, когда она слишком приближается, тогда я убегаю от нее, чтобы тут же воротиться. Однажды мы с гр. Воронцовой и Пушкиным дожидались ее, а она окатила нас настолько сильно, что пришлось переодеваться». Не исключено, что XXXII строфа «Онегина» посвящена графине Воронцовой. «Вот строфа, которой я вам обязан», – пишет поэт Вяземской, видимо намекая на то, что заботливая Вера Федоровна организовывала встречи поэта и Елизаветы Ксаверьевны.

Недолго длились их интимные отношения. То ли написанная Пушкиным на графа Воронцова резкая эпиграмма «Полу-милорд, полу-купец…», то ли сексуальное неприятие поэта Елизаветой Ксаверьевной тому причиной, но в их отношениях появилась трещина. Сын Вяземских, Павел Петрович, много слышавший о Пушкине от своих родителей, сообщает, что причиной неистового гнева поэта против Воронцова было «паче всего одурачение ловеласа, подготовившего свое торжество». Этого и следовало ожидать. С Пушкиным начали обходиться очень сухо, хотя по-прежнему поэт посещал дом Воронцовых. Поэт злился на неудачу в отношениях с Елизаветой Ксаверьевной, к которой питал сильную страсть. Поэтому он язвил, дергался, мог совершить различные безумства. Вот что рассказывает П. И. Бартенев: «Перед каждым обедом, к которому собиралось по несколько человек, княгиня-хозяйка обходила гостей и говорила каждому что-нибудь любезное. Однажды она прошла мимо Пушкина, не говоря ни слова, и тут же обратилась к кому-то с вопросом: “Что нынче дают в театре?” Не успел спрошенный раскрыть рот для ответа, как подскочил Пушкин и, положа руку на сердце (что он делывал, особливо, когда отпускал остроты), с улыбкою сказал: “La sposa fedele», contessa!” Та отвернулась и воскликнула: “Quelle impertinence!” (Какая наглость!».

«La sposa fedele» – «Верная супруга» – опера-буфф композитора Джованни Пачини (1796–1867). Пушкин, видимо, намекнул на неверность Воронцовой, как бы публично демонстрируя свои с ней отношения.

14 июня графиня Воронцова на корабле уезжает в Крым в сопровождении светских своих знакомых. В те же дни граф Воронцов, которого допек беспардонный в своем поведении Пушкин, терзает письмами министра иностранных дел Нессельроде с просьбой отозвать поэта и даже отправить его в ссылку. Пушкин остается один наедине со своими чувствами и переживаниями. «Пушкин скучает более чем я, – пишет мужу княгиня Вяземская, – три женщины, в которых он влюблен, недавно уехали». Вера Федоровна имела в виду Каролину

Собаньскую, Амалию Ризнич и графиню Воронцову.

6

Княгиня Вера Федоровна Вяземская, жена писателя и близкого друга Пушкина Павла Андреевича Вяземского, принадлежала к числу искренних друзей поэта. Будучи старше его на девять лет, она, несомненно, вносила в свои отношения к Пушкину чувство нежной материнской заботливости о нем. Этим она отчасти напоминает некоторых других «старших подруг» Пушкина, как П. А. Осипова или Е. М. Хитрово. Княгиня приехала в Одессу со своими сыновьями на отдых. Встречаясь с Пушкиным в Одессе в 1824 году, Вера Федоровна принимает близкое участие в его неприятностях с Воронцовым, старается образумить поэта, хотя с другой стороны помогала ему встречаться с ветреной графиней, можно сказать сводничала их. Ф. Ф. Вигель пишет о ней: «Не будучи красавицей, она гораздо более их нравилась… Небольшой рост, маленький нос, огненный пронзительный взгляд, невыразимое пером выражение лица и грациозная непринужденность движений долго молодили ее. Смелое обхождение с ней казалось не наглостью, а остатком детской резвости. Чистый и громкий хохот ее в другой казался бы непристойным, а в ней восхищал; ибо она скрашивала и приправляла его умом, которым беспрестанно искрился ее разговор. Такие женщины иногда родятся, чтобы населять сумасшедшие дома…»

С Пушкиным у ней установились доверительные отношения. С материнской нежностью, приправленной каким-то легким оттенком эротизма, она заботится о поэте, сообщая мужу подробности их одесского житья. Вначале они настороженно отнеслись друг к другу. В письме к брату Пушкин сообщает 13 июня 1824 года: «Сюда приехала кн. Вера Вяземская, добрая и милая баба, но мужу был бы я больше рад». А сама Вера Федоровна написала мужу: «Я ничего тебе не могу сказать хорошего о племяннике Василия Львовича. Это мозг совершенно беспорядочный, над которым никто не сможет господствовать; недавно он снова напроказил, вследствие чего подал прошение об отставке; во всем виноват он сам… Я сделаю все, что могу, чтоб успокоить его голову; я браню его и от твоего имени, уверяя, что, конечно, ты первый обвинил бы его, так как его последние прегрешения истекают из легкомыслия. Он постарался выставить в смешном виде лицо, от которого зависит, и сделал это; это стало известно, и, вполне понятно, на него уж не могут больше смотреть благосклонно. Он мне, в самом деле, причиняет беспокойство, но никогда я не встречала столько ветрености и

склонности к злословию, как в нем; вместе с этим я думаю, что у него доброе сердце и много мизантропии; не то чтобы он избегал общества, но он боится людей; может быть, это следствие несчастия и несправедливостей его родителей, которые сделали его таким».

Но после более близкого знакомства отношение княгини к опальному поэту изменилось. Можно почувствовать это изменение тона в ее письмах:

(16 июня). «Каждый день у меня бывает Пушкин. Я его усердно отчитываю».

(20 июня). «Я начинаю думать, что Пушкин менее дурен, чем кажется».

(23 июня). «Какая голова и какой хаос в этой бедной голове! Часто он меня ставит в затруднение, но еще чаще вызывает смех».

Поэт, влюбленный в Воронцову, относился к княгине, как к старшей сестре, играл с ее сыном Николаем, обучая его заодно всяким пакостям. «Будь он постарше, – возмущалась княгиня, – я бы вас до него не допустила». Ветреный, нервический, жадный до удовольствий, поэт часто пропадал в различных компаниях, где сутками пил и кутил. Вернувшись, он делился с Верой Федоровной своими проблемами. Постепенно она стала относиться к нему как к сыну:

(4 июля).» Я стараюсь держаться с ним, как с сыном, – вновь сообщает княгиня подробности своей жизни мужу, – но он непослушен, как паж; если бы он был менее дурен собою, я назвала бы его Керубином: действительно он совершает только ребячества, но именно это свернет ему шею, – не сегодня, так завтра».

(7 июля). «С Пушкиным мы в очень хороших отношениях; он ужасно смешной. Я его браню, как будто бы он был моим сыном. Ты знаешь, что он подал в отставку?»

Такие напускные отношения в мать и сына не могли продолжаться долго. Ведь от поэта постоянно исходил «эротический» дух, тем более он постоянно делился с Верой Федоровной своими похождениями и сексуальными победами. Вера Федоровна постоянно присутствует на свиданиях поэта с Воронцовой, устраивая их то ли из чувства какого-то сексуального одиночества, то ли от желания быть вместе с поэтом и наслаждаться его ярко выраженными чувствами. «Желание нравиться было заметно в ней сильнее, чем в других, – пишет Вигель, – Но все влюбленные казались ей смешны; страсти, ею производимые, в глазах ее были не что иное, как сочиненные ею комедии, которые перед нею разыгрывались и забавляли». Здесь

же возникла другая ситуация. Пушкин был влюблен в другую. Невольно сексуальная агрессивность поэта передалась и Вере Федоровне. Тон писем ее меняется. В них начинает проскальзывать нотки какого другого, более нежного чувства.

(17 июля). «Я даю твои письма Пушкину, который всегда смеется, как сумасшедший. Я начинаю дружески любить его. Думаю, что он добр, но ум его ожесточен несчастиями; он мне выказывает дружбу, которая меня чрезвычайно трогает… Он доверчиво говорит со мною о своих неприятностях, равно как и о своих увлечениях…»

Близкие друзья поэта считали, что кн. В. Ф. Вяземская летом 1824 г. в Одессе увлеклась Пушкиным. Кратковременное увлечение это впоследствии сменилось чувством искренней дружбы. И снова некоторое «инцестуальное» чувство увлекает поэта. Отсутствие материнской ласки, понимания, сочувствия, так необходимые Пушкину в настоящий момент, дают толчок сексуальному влечению. Это очень тонкая грань – между дружбой с женщиной и любовной связью с нею же. Какое-то время княгиня Вяземская уже не может обходиться без присутствия рядом возбужденного, переживающего и страстного молодого человека.

(18 июля). «Единственный человек, которого я вижу, это Пушкин, а он влюблен в другую, это меня очень ободрило, и мы с ним очень добрые друзья; большую роль в этом играет его положение; он, действительно, несчастен».

(19 июля). Пушкин так настойчиво просит меня доставить ему удовольствие читать твои письма, что, несмотря на твои сальности, я их даю ему с условием, что он будет читать их тихо, но когда он смеется, я до слез смеюсь вместе с ним. Ты сочтешь меня бесстыдной…»

В июле Пушкин подал в отставку на высочайшее имя, мотивируя просьбу слабостью здоровья. Обстановка для поэта становилась тяжелой. Он весь во власти слухов. «Мы продолжаем ничего не знать о судьбе Пушкина, – пишет Вяземская мужу 27 июля. – Даже графиня, она знает, как и ты, что он должен покинуть Одессу». И вот 29 июля его вызывает к себе градоначальник Одессы граф Гурьев и объявляет ему об отставке и о том, что его высылают в Псковскую губернию, в деревню к матери. Пушкин был ошеломлен. Он даже хотел бежать из Одессы, причем и Вяземская, и Воронцова поддерживали поэта в этих планах, достали ему денег. Об этом узнал новороссийский губернатор. «Воронцов желал, чтобы сношения с Вяземскою прекратились у графини, – писал А. Я. Булгаков брату, – он очень сердит на них обеих, особливо на княгиню, за Пушкина, шалуна-поэта, да и поделом. Вяземская хотела способствовать его бегству

из Одессы, искала для него денег, старалась устроить ему посадку на корабль».

Но постепенно все улеглось, и 1 сентября 1824 года Пушкин выехал из Одессы в Михайловское. Каково было психологическое состояние поэта видно из письма все той же Вяземской, нежно влюбленной в поэта, и, с одной стороны переживающей за него, а, с другой, подсознательно желающей избавиться от несколько необычного и неудобного для ее возраста увлечения. Написано это письмо 1 августа:

«Приходится начать письмо с того, что меня занимает сейчас более всего, – со ссылки и отъезда Пушкина, которого я только что проводила до верха моей огромной горы, нежно поцеловала и о котором я плакала, как о брате, потому что последние недели мы были с ним совсем как брат с сестрой. Я была единственной поверенной его огорчений и свидетелем его слабости, так как он был в отчаянии от того, что покидает Одессу, в особенности из-за некоего чувства, которое разрослось в нем за последние дни, как это бывает. Не говори ничего об этом, при свидании мы потолкуем об этом менее туманно, есть основания прекратить этот разговор. Молчи, хотя это очень целомудренно, да и серьезно лишь с его стороны. Он умоляет тебя не писать ему, дело в том, что один человек оказался скомпрометированным из-за того, что наш друг написал на чужом письме, обращенном к нему, его адрес, и хотя он с этим человеком совершенно не был знаком, последнего допрашивали о его отношениях с нашим другом. Я уверена, что ты не покинешь его в несчастии, но пиши и изъясняйся в своих письмах так, как если бы ты был его худшим недругом; ты всегда считал себя слишком бесхитростным, чтобы это делать, но принеси эту жертву дружбе, потому что единственная радость, которая останется бедному Пушкину, похороненному в глуши возле уездного города Порхова в Псковской губернии, это получать изредка известия, чтобы не умереть окончательно нравственной смертью. Полюбопытствуй, хорошо ли приняли его родители: упрекать его в чем-либо было бы бессмысленно; в чем, впрочем, можно было бы упрекнуть его, раз он не знает за собой иной вины, как то, что он подал в отставку? Я обещала изредка писать ему. Я проповедую ему покорность судьбе, а сама не могу с ней примириться, он сказал мне, покидая меня, что я была единственной женщиной, с которой он расстается с такою грустью, притом что никогда не был в меня влюблен. Это обрадовало меня, потому что я тоже испытываю к нему дружбу, тем более нежную, что он несчастен, а это особенно на меня действует; хотелось бы, чтобы это подействовало так же и на его мать…

Теперь ты чувствуешь мое одиночество. Ни одна живая душа не заглянет ко мне. У нас сложились совсем простые отношения с графиней Воронцовой, и я постараюсь, чтобы это и дальше шло так же, потому что она очаровательна. Вот что ты можешь сказать Булгакову…

У меня сплин, не знаю, что такое, но эта высылка, преследования неизвестно с чьей стороны, с чего и почему, переполняют меня смутной тревогой и черными мыслями до такой степени, что я не нахожу себе места. Да хранит нас бог, и да избавит он нас от несчастий этой жизни, к которой ты, кажется, получил отвращение, судя по двум твоим последним письмам».

Говоря о «некоем чувстве» со стороны поэта, имела ли княгиня в виду Елизавету Ксаверьевну, или же для поэта это было новое увлечение, неизвестно. Но только Пушкин сказал Вяземской, что она была «единственной женщиной, с которой он расстается с такою грустью», причем не будучи влюбленным в нее. Что здесь правда, что ложь! Но в октябре 1824 года он пишет ей из Михайловского: «Прекрасная, добрейшая княгиня Вера, душа прелестная и великодушная! Не стану благодарить Вас за ваше письмо, слова были бы слишком холодны и слишком слабы, чтобы выразить вам мое умиление и признательность… Вашей нежной дружбы было бы достаточно для всякой души менее эгоистичной, чем моя; каков я ни есть, она одна утешила меня во многих горестях и одна могла успокоить бешенство скуки, снедающей мое нелепое существование». Отношения с Верой Федоровной на всю жизнь остались у Пушкина очень теплые и нежные, с налетом легкой эротичности, от которой княгиня не могла избавиться до самой смерти поэта.

7

Однако в Михайловском поэт постоянно вспоминает о Воронцовой, запечатывая письма своим перстнем, с вырезанными на камне старинными каббалистическими письменами. Это был подарок Елизаветы Ксаверьевны. До конца своих дней поэт не расставался с перстнем. Сестра Пушкина Ольга Павлищева, рассказывала, что, когда приходило ему письмо с такой же печатью, как на его перстне, он запирался в своей комнате, никуда не выходил, никого не принимал. Своему перстню поэт посвятил прекрасное стихотворение:

Храни меня, мой талисман,
Храни меня во дни гоненья,
Во дни раскаянья, волненья:
Ты в день печали был мне дан.
Когда подымет океан
Вокруг меня валы ревучи,
Когда грозою грянут тучи —
Храни меня, мой талисман.
В уединеньи чуждых стран,
На лоне скучного покоя,
В тревоге пламенного боя
Храни меня, мой талисман.
Священный сладостный обман,
Души волшебное светило…
Оно сокрылось, изменило…
Храни меня, мой талисман.
Пускай же ввек сердечных ран
Не растравит воспоминанье.
Прощай, надежда, – спи, желанье;
Храни меня, мой талисман.

В октябре 1824 года Пушкин, вероятно, получает от Воронцовой письмо. В нем заключались, по-видимому, очень важные, неожиданные и приятные для поэта вести. Елизавета Ксаверьевна сообщала, что у ней будет ребенок от Пушкина. Правда это или нет, но под рукой поэта появляются строки, многократно перечеркиваемые:

Моей таинственной любви
Я не скажу тебе причины.

* * *

Прощай, дитя моей любви,
Я не скажу тебе причины
И клевета неверно ей
Быть может, образ мой опишет,
О том, кто
Она со временем услышит.

Но все эти откровенные, описывающие реальные события, строки отбрасываются, и появляется прекрасная миниатюра – «Младенцу»:

Дитя, не смею над тобой
Произносить благословенья,
Ты взором, мирною душой
Небесный ангел утешенья,
Да будут ясны дни твои,
Как милый взор твой ныне ясен.
Меж лучших жребиев земли
Да будет жребий твой прекрасен.

Впервые гипотезу о том, что у Воронцовой был ребенок от Пушкина, выдвинул известный писатель И. А. Новиков, когда писал свои знаменитые романы «Пушкин в Одессе» и «Пушкин в Михайловском». Софья Воронцова родилась в апреле 1825 года. В портретах ее, находящихся в Алупкинском дворце, проскальзывают арабские черты; она одна из всей семьи Воронцовых была смуглой и черноволосой. О том, что у Пушкина был ребенок от прекрасной графини, рассказала и правнучка поэта Наталья Сергеевна Щепелева, узнавшая об этом от Анны Александровны, дочери старшего сына Пушкина. «Я считаю, – добавляет Наталья Сергеевна, – что жизнь Пушкина не надо утаивать, и не вижу ничего дурного в том, что у него мог быть внебрачный ребенок».

Хочется отметить, что усилиями многих пушкинистов была создана легенда о «великой» любви Пушкина к Амалии Ризнич и графине Воронцовой. Эту любовь поэт якобы пронес через всю свою жизнь, и даже образ Татьяны вроде бы навеян Елизаветой Ксаверьевной. Что может быть нелепее этого утверждения? Легкомысленная полька и верная своей любви и своему долгу провинциальная барышня – как-то несовместимы эти два образа. Как вы сами видели, с Амалией Ризнич поэт встречался лишь за

карточным столом, в театре, или в гостиной негоциантского дома, а с Воронцовой, в основном, в доме ее мужа, на даче или на балах, да еще в присутствии Александра Раевского или княгини Вяземской. Неудовлетворенная страсть к самолюбивой итальянке и легкий светский флирт с «кокетливой» графиней, возможно и сдобренный некоторой порцией чувственности – вот и все, что держало в напряжении любовный пыл Пушкина в одесский год его Южной ссылки.

Не буду подробно вдаваться в тему опровержения «великой» любви Пушкина к Воронцовой. Это вы найдете в книге А. Макогоненко «Творчество А. С. Пушкина в 1830-е годы». Я хочу сделать одно небольшое уточнение, которое касается письма А. Н. Раевского от 21 августа 1824 года, присланного поэту в Михайловское. Раевского не было в Одессе, когда Пушкин уехал в деревню, поэтому старый друг и поверенный поэта в любовных делах решил выказать свое сочувствие и напомнить еще раз о братской дружбе, которую он к нему питал. А затем Раевский пишет: «Сейчас расскажу о Татьяне. Она приняла живейшее участие в вашем несчастии; она поручила мне сказать вам об этом, я пишу вам с ее согласия. Ее нежная и добрая душа видит лишь несправедливость, жертвою которой вы стали; она выразила мне это со всей чувствительностью и грацией, свойственной характеру Татьяны». Как правило, на этом обрывают цитату из письма. И на основании этих строк и П. К. Губер, и Н. О. Лернер в статье «Пушкин в Одессе», и Т. Г. Цявловская в работе «Храни меня, мой талисман…» делают вывод о том, что под Татьяной, несомненно, нужно подразумевать Е. К. Воронцову.

Макогоненко правильно заметил, что дальнейшие строки решительно противоречат этой гипотезе. Прочтем письмо до конца. «Даже ее прелестная дочка, – пишет далее Раевский, – вспоминает о вас, она часто говорит со мной о сумасбродном г-не Пушкине и о тросточке с собачьей головкой, которую вы ей подарили». Интересно, сколько же лет должно быть девочке, которая «часто говорит… о сумасбродном… Пушкине»? Макогоненко утверждает, что делать такие выводы под силу девочке старше шести-семи лет. А дочери Воронцовой тогда было лишь три с половиной года. Так кто же мог быть этой женщиной, если не Воронцова? Ответа Макогоненко не дает. Однако по прочтении очень интересной статьи Михаила Яшина «Итак, я жил тогда в Одессе», в которой автор исследует взаимоотношения Пушкина и Каролины Собаньской, я пришел к выводу, что «Татьяна» из письма А. Раевского – это есть Каролина Собаньская. Хотя чисто психологически трудно сопоставить образ простой русской девушки с аристократической красавицей-полькой.

Видимо, это только мнение современников и друзей поэта. На самом деле образ Татьяны – это поэтически осознанный «инцестуальный» идеал Пушкина, который постоянно направлял сексуальную энергию поэта на поиск женщин, не соответствующих ему.

Но тот факт, что в вышеприведенном письме А. Раевского речь идет не о графине Воронцовой, а о Каролине Собаньской, подтверждается фактами ее биографии.

Выданная замуж за пятидесятилетнего помещика Гиеронима Собаньского еще юной девушкой, она родила от него дочь Констанцию. А в 1816 году получила разрешение жить отдельно от мужа, который оказался неотесанным мужланом, пьяницей и развратником. В 1824 году Каролине Собаньской исполнилось тридцать. Следовательно, ее дочери должно было быть от 8 до 12 лет. Это первое, главное, основание для моего вывода. А во-вторых, сам Александр Раевский был знаком с Каролиной Собаньской, о чем свидетельствует черновые письма Пушкина к нему, датированные октябрем 1823 года. Таким образом, мы установили, что «нежная и добрая душа», сочувствавшая опальному поэту, – это Каролина Собаньская, предмет страстного увлечения Пушкина осенью 1823 года. Как мы уже знаем, гордая полька отвергла любовь поэта, но теплое, дружеское отношение к нему у «Виттовой любовницы» сохранилось на долгие годы.

Пушкин в жизни и Пушкин в поэзии – это совершенно разные личности. Весь возвышенный, нежный, мечтательный и страстный тон его лирики, его музыкальная стройность – все это мир его поэтического гения, определенного психического настроя, в котором преломлялись земные страсти и его необузданная чувственность, а порою и вовсе непристойное отношение к любви. Как тут не вспомнить мудрые слова Гоголя: «Даже в те поры, когда он метался сам в чаду страстей, поэзия была для него святыня, – точно какой-то храм. Не входил он туда неопрятный и неприбранный; ничего не вносил он туда необузданного, опрометчивого из собственной жизни своей; не вошла туда нагишом растрепанная действительность. А между тем все там до единого есть история его самого. Но это ни для кого незримо».

Глава VIII
«В крови горит огонь желанья…» (Михайловское)

1

9 августа 1824 года Пушкин прибыл в Псковскую губернию, в имение своей матери – Михайловское, наследственное владение Ганнибалов. Пушкины ютились в старом барском доме, одноэтажном, деревянном, на каменном фундаменте. Устраивал и обставлял дом в половине XVIII века самый грозный из Ганнибалов – прадед Пушкина Осип Абрамович. Настроение поэта было ужасное. Неудачные любовные связи в Одессе, попытки побега за границу, преследования графа Воронцова – все это резко ударило по психике поэта. И без того неустойчивая и возбудимая, она находилась на грани взрыва. Тем более, что за поступками и поведением поэта взялся наблюдать его отец, Сергей Львович, с которым у Пушкина были напряженные отношения.

В октябре между ними произошла резкое столкновение, о чем рассказывает сам поэт в своем письме к Жуковскому: «…отец, испуганный моею ссылкою, беспрестанно твердил, что его ожидает та же участь; Пещуров, назначенный за мною смотреть, имел бесстыдство предложить моему отцу должность распечатывать мою переписку, короче, быть моим шпионом… Отец начал упрекать брата в том, что я преподаю ему безбожие… Наконец, желая вывести себя из тягостного положения, прихожу к отцу, прошу его позволения объясниться откровенно. Отец осердился… Отец призывает брата и повелевает ему не знаться с этим чудовищем, с этим выродком-сыном… Голова моя закипела. Иду к отцу, нахожу его с матерью и высказываю все, что имел на сердце целых три месяца… Отец мой, воспользуясь отсутствием свидетелей, выбегает и всему дому объявляет, что я его «бил, хотел бить, замахнулся, мог прибить».

Главная основа семейного раздора Пушкина с отцом коренилась в полной их отчужденности. П. А. Осипова, отлично знавшая семью Пушкиных, верно заметила: «Причина вечных между ними несогласий есть страшная мысль, которая, не знаю от чего, вселилась с обеих сторон в их умах. Сергей Львович думает, и его ничем нельзя разуверить, что сын его не любит, а Александр уверен, что отец к нему равнодушен и будто бы не имеет попечения об его благосостоянии».

Семейная склока завершилась полным разрывом отношений отца и сына, и надолго. В сущности, у Пушкина никакого сближения с отцом и не произошло. Так продолжалось до поздней осени 1824 года, когда семейство Пушкиных уехало в Петербург, оставив Александра одного в Михайловском. Поэт

остался один; его раздраженные нервы немного успокоились. Он писал своему одесскому знакомому Шварцу (9 декабря 1824 г.): «Вот уже 4 месяца, как нахожусь я в глухой деревне – скучно, да нечего делать; здесь нет ни моря, ни неба полудня, ни итальянской оперы. Но зато нет – ни саранчи, ни милордов Воронцовых. Уединение мое совершенно – праздность торжественна. Соседей около меня мало, я знаком только с одним семейством и то вижу его довольно редко – целый день верхом – вечером слушаю сказки моей няни…» Этим семейством, с которым у поэта в дальнейшем завязались самые тесные отношения, была семья помещицы – вдовы Прасковьи Александровны Осиповой, жившей в селе Тригорское, в трех верстах от Михайловского.

За исключением сына хозяйки, Алексея Николаевича Вульфа остальное население состояло из барышень и молодых дам. Настоящее женское царство, так любимое поэтом. Владелица поместья, двукратная вдова Прасковья Александровна Осипова, урожденная Вындомская, по первому мужу Вульф; ее дочери от первого брака – Анна Николаевна и Евпраксия Николаевна; ее падчерица – Александра Ивановна Осипова, ее племянницы – Анна Ивановна Вульф и Анна Петровна Керн – таков был состав этого женского «монастыря», если не считать обеих младших дочерей П. А. Осиповой, бывших еще совсем маленькими девочками. Барышни то уезжали, то приезжали, но постоянно слышался щебет их провинциальной возни.

«Не одна хозяйка Тригорского, искренне привязанная к Пушкину, следила за его жизнью, – повествует П. Анненков, собиравший сведения о поэте, когда следы его пребывания были еще совсем свежи в Псковской губернии. – С живописной площадки одного из горных выступов, за которым расположено было поместье, много глаз еще устремлялось на дорогу в Михайловское, видную с этого пункта, – и много сердец билось трепетно, когда по ней, огибая извивы Сороти, показывался Пушкин или пешком, в шляпе с большими полями и с толстой палкой в руке, или верхом на аргамаке, а то и просто на крестьянской лошаденке. Пусть же теперь читатель представит себе деревянный длинный одноэтажный дом, наполненный всей этой молодежью, весь праздный шум, говор, смех, гремевший в нем круглый день с утра до ночи, и все маленькие интриги, всю борьбу молодых страстей, кипевших в нем без устали. Пушкин был перенесен из азиатского разврата Кишинева прямо в русскую помещичью жизнь, в наш обычный тогда дворянский, сельский быт, который он так превосходно изображал потом. Он был теперь светилом, вокруг которого вращалась вся эта жизнь, и

потешался ею, оставаясь постоянно зрителем и наблюдателем ее, даже и тогда, когда все думали, что он плывет без оглядки вместе с нею. С усталой головой являлся он в Тригорское и оставался там по целым суткам и более, приводя тотчас в движение весь этот мир».

Но необходимо отметить, что в первые месяцы пребывания в Михайловском Пушкин удалялся в Тригорское не потому, что его уж так влекло туда, а, скорее всего по причине тяжелых отношений с родителями. Он спасался в Тригорском от следившего за ним отца, и поэту, погруженному в свои думы и переживания, было не до молодых провинциальных барышень. Позже он постепенно привыкнет к их простому русскому быту, к их наивным подчас забавам и неуклюжему поведению. Когда его сексуальная агрессия вновь восстановится, Пушкин заведет романы почти со всеми, и с хозяйкой, и ее дочерью, и с племянницами и падчерицей. Но пока он скучает и смеется над ними в своих письмах.

«Бешенство скуки пожирает мое глупое существование, – жалуется Пушкин княгине Вяземской в октябре 1824 года. – Все, что напоминает мне о море, вызывает у меня грусть, шум фонтана буквально доставляет мне страдание; я думаю, что ясное небо заставило бы меня заплакать от бешенства, но слава богу: небо у нас сивое, а луна – точная репа. Что до моих соседей, то мне пришлось только постараться оттолкнуть их от себя с самого начала; они мне не докучают; я пользуюсь у них репутацией Онегина, и вот – я пророк в своем отечестве. Я вижу часто только добрую старую соседку (П. А. Осипову. – *А. Л.*), слушаю ее патриархальные разговоры; ее дочери, довольно непривлекательные во всех отношениях, играют мне Россини, которого я выписал. Лучшего положения для окончания моего поэтического романа нельзя и желать, но скука – холодная муза, и поэма не подвигается». В декабре он пишет своей любимой сестре Ольге: «Твои троегорские приятельницы – несносные дуры, кроме матери. Я у них редко. Сижу дома да жду зимы».

В черновой рукописи «Онегина» поэт вдоволь насмеялся над провинциалками:

Но ты – губерния Псковская,
Теплица юных дней моих,
Что может быть, страна глухая,
Несносней барышень твоих?
Ни тонкой вежливости знати,
Ни ветрености милых шлюх.
Я, уважая русский дух,

Простил бы им их сплетни, чванство,
Фамильных шуток остроту,
Пороки зуб, нечистоту,
И непристойность, и жеманство,
Но как простить им модный бред
И неуклюжий этикет?

Дни поэта проходили однообразно. Он, как Онегин, встав поутру, погружался в холодную ванну и брал книгу или перо; потом садился на коня и скакал несколько верст, слезая, уставший ложился в постель и брал снова книги и перо; в минуты грусти перекатывал шары на бильярде или призывал старую няню рассказывать ему про старину, про Ганнибалов, потомков арапа Петра Великого. В ситуации вынужденного бездействия Пушкина посещали грустные думы и воспоминания о прошлых любовных встречах – о прелестных дочерях генерала Раевского, об аристократичных и страстных иностранках Одессы – Собаньской, Ризнич и Воронцовой, наполнявших сердце поэта любовью и ревностью. Здесь, в Михайловском, поэт узнал о смерти Амалии Ризнич, затем получил сообщение, что у графини Воронцовой будет ребенок. Целая вереница вновь нахлынувших образов заполнила его сознание. Михайловское уединение дало возможность Пушкину осмыслить свою прежнюю жизнь, что-то принять, что-то отбросить, но прежнего отношения к действительности у него уже не было. Особенно по отношению к женщинам.

«Платоническая» влюбленность и создание некоего идеала добродетельной девы, бурная и ревнивая страсть, истощающая телесные и душевные силы – все это поэт хочет забыть, как бы упрятать в глубь подсознания, и начать новую жизнь. Что-то перевернулось у него в душе. Сексуальная агрессивность снизилась, пыл охладел, пора юношеских влюбленностей и страданий закончилась. Рассудок поэта взял вверх над сердцем. Истерия Пушкина вошла в спокойное русло. До поры до времени, но пока он сам признается в произошедших изменениях, да еще поэтически:

В начале жизни мною правил
Прелестный, хитрый, слабый пол;
Тогда в закон себе я ставил
Его единый произвол.
Душа лишь только разгоралась,
И сердцу женщина являлась
Каким-то чистым божеством.

Владея чувствами, умом,
Она сияла совершенством.
Пред ней я таял в тишине:
Ее любовь казалась мне
Недосягаемым блаженством.
Жить, умереть у милых ног —
Иного я желать не мог.
То вдруг ее я ненавидел,
И трепетал, и слезы лил,
С тоской и ужасом в ней видел
Созданье злобных, тайных сил;
Ее пронзительные взоры,
Улыбка, голос, разговоры —
Все было в ней отравлено,
Изменой злой напоено,
Все в ней алкало слез и стона,
Питалось кровию моей…
То вдруг я мрамор видел в ней,
Перед мольбой Пигмалиона
Еще холодный и немой,
Но вскоре жаркий и живой.

* * *

Словами вещего поэта
Сказать и мне позволено:
Темира, Дафна и Лилета —
Как сон забыты мной давно.
Но есть одна меж их толпою…
Я долго был пленен одною —
Но был ли я любим, и кем,
И где, и долго ли?.. зачем
Вам это знать? не в этом дело!
Что было, то прошло, то вздор;
А дело в том, что с этих пор
Во мне уж сердце охладело,
Закрылось для любви оно,
И все в нем пусто и темно.

* * *

Дознался я, что дамы сами,
Душевной тайне изменя,
Не могут надивиться нами,
Себя по совести ценя.
Восторги наши своенравны

Им очень кажутся забавны;
И, право, с нашей стороны
Мы непростительно смешны.
Закабалясь неосторожно,
Мы их любви награду ждем,
Любовь в безумии зовем,
Как будто требовать возможно
От мотыльков иль от лилей
И чувств глубоких и страстей!

И далее поэт подводит итог своей жизни, оценивает ее и твердо решает начать новую жизнь, в которой «чувствительности» не будет места, а страсти уже не возмутят его холодную рассудочность:

Страстей мятежные заботы
Прошли, не возвратятся вновь!
Души бесчувственной дремоты
Не возмутит уже любовь.
Пустая красота порока
Блестит и нравится до срока.
Пора проступки юных дней
Загладить жизнию моей!

2

С отъездом семьи Пушкин остался в Михайловском один, хотя хозяйством не занимался. Землей и мужиками ведал крепостной староста, Михаил Калашников. Усадьбой и домом занималась его старая няня, Арина Родионовна. Комнатка Пушкина была маленькая, жалкая. Полы, окна, двери, давно не крашенные, облупились. Обои оборвались. Стояли в ней простая кровать деревянная с двумя подушками, одна кожаная, и валялся на ней халат, стол был ломберный, ободранный; на нем он писал свои стихи, причем не из чернильницы, а из банки для помады. «Я один-одинешенек; – пишет поэт князю Вяземскому, – живу недорослем, валяюсь на лежанке и слушаю старые сказки да песни». (25 января 1825 г.).

Няня не только рассказывала поэту сказки и истории о жизни его предков, она создала вокруг Пушкина домашний уют, окружила его заботой и любовью. Ведь для Арины Родионовны он был не только барин, но и близкий ее сердцу воспитанник, за которым она умела ухаживать, не нарушая его привычек, как это делали отец и мать. Как ни странно, но ему никогда не было скучно с этой семидесятилетней неграмотной женщиной, которую он называл не иначе как «подругой».

Няня прекрасно понимала нервную натуру своего воспитанника, его беспокойную психику и обостренную сексуальность. Арина Родионовна отвлекала Пушкина от мрачных дум не только своими сказками и песнями. Она хозяйничала так же в девичьей, где сидели крепостные швеи – девушки от 14 до 27 лет. Шум, возня, смешки и разговоры, доносившиеся из девичьей, привлекали поэта. Ему необходима была разрядка. В зимнем одиночестве нетопленого барского дома эротическое внимание Пушкина потянулось через коридор в комнату няни, к пяльцам, над которыми мелькали руки крепостных рукодельниц, и избрало одну из дворовых девушек. Видимо, она показалась Пушкину достойной его постоянного вожделения.

Лицейский друг Пушкина, Пущин, навестил ссыльного поэта в Михайловском в январе 1825 года и подметил это увлечение поэта. После первых восторгов радостной встречи друзья обнялись и пошли в дом. Пущин вспоминает: «Вошли в нянину комнату, где собрались уже швеи. Я тотчас заметил между ними одну фигурку, резко отличавшуюся от других, не сообщая, однако, Пушкину моих заключений. Я невольно смотрел на него с каким-то новым чувством, порожденным его исключительным положением: оно высоко ставило его в моих глазах, и я боялся

оскорбить его каким-нибудь неуместным замечанием. Впрочем, он тотчас прозрел шаловливую мою мысль, улыбнулся значительно. Мне ничего больше не нужно было; я, в свою очередь, моргнул ему, и все было понято без всяких слов. Среди молодой своей команды няня преважно разгуливала с чулком в руках. Мы полюбовались работами, побалагурили и возвратились восвояси. Настало время обеда. Алексей (человек Пущина. – *А. Л.*) хлопнул пробкой, начались тосты за Русь, за лицей, за отсутствующих друзей и за „нее». Незаметно полетела в потолок и другая пробка. Попотчевали искрометным няню, а всех других хозяйской наливкой. Все домашние несколько развеселились, кругом нас стало пошумней, праздновали наше свидание».

Девушка эта, удовлетворяющая чувственность поэта, была Ольга Калашникова (имя это встречается в «Донжуанском списке» Пушкина»), 19-летняя дочь приказчика села Михайловское, Михаила Калашникова. В январе 1825 года он был назначен управляющим села Болдино, нижегородского имения Пушкиных, и отношения поэта с девушкой могли развиваться более спокойно. Страстный темперамент Пушкина, бешенство желаний, невероятные взрывы ревности – все это осталось позади. Никогда чувственная жизнь Пушкина не протекала в столь нормальных условиях, как в этот год – в 1825-й. Роман развивался в отсутствие отца, а покровительницей романа была, как указывает П. Е. Щеголев, конечно, няня поэта. Она жила в таком близком общении со своим воспитанником, что никак не могла не заметить, на кого направлены вожделеющие взоры ее любимца. Ее «простые речи, и советы, и укоризны, полные любви» утешали поэта.

«Сквозь обволакивающий ее образ идеалистический туман, – пишет П. Е. Щеголев, – видятся иные черты. Верноподданная не за страх, а за совесть своим господам, крепостная раба, мирволящая, потакающая барским прихотям, в закон себе поставившая их удовлетворение! Ни в чем не могла она отказать своему неуимчивому питомцу». «Любезный друг, я цалую ваши ручки с позволения вашего сто раз, и желаю вам то, чего и вы желаете», – читаем в ее письме, которое писали под ее диктовку в Тригорском. Семидесятилетняя старушка любила молодежь, любила поболтать, порассказать о старине, не прочь была выпить бокал вина на молодой пирушке. Помните, как писал поэт:

Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей!
Выпьем с горя; где же кружка?
Сердцу будет веселей!

Конечно, только при покровительстве няни могла длиться связь Пушкина с молодой девушкой: старушка понимала бурную сексуальную натуру своего питомца, и в маленьком доме его желания не могли укрыться от ее внимательного взгляда.

В конце февраля в начале марта случилась история, которая, по всей видимости, имеет отношение к интимным делам Пушкина. Он писал в это время брату: «У меня произошла перемена в министерстве: Розу Григорьевну (экономку, назначенную матерью) я принужден был выгнать за непристойное поведение и слова, которых я не должен был вынести. А то бы она уморила няню, которая начала от нее худеть. Я велел Розе подать мне счеты… Велел перемерить хлеб и открыл некоторые злоупотребления… Впрочем, она мерзавка и воровка. Покамест я принял бразды правления». Конечно, воровство Розы играло последнюю роль, а главное – слова, которые Пушкин не должен был вынести, и обида няне. Поэт удалил нежелательную свидетельницу своего романа. В доме остались сам барин, няня и девушка.

Конечно, Пушкин вряд ли имел крепостной гарем, как его друг и напарник по амурным делам А. Н. Вульф, который ввел позже в своем имении право первой ночи. Но сексуальные отношения с Ольгой Калашниковой, а может быть и не только с ней – как – то не вяжутся с несколько напыщенной патетикой его «политических» стихов. Описывая «крепостничество» в «Деревне» Пушкин восклицал:

Не видя слез, не внемля стона,
На пагубу людей избранное судьбой,
Здесь барство дикое, без чувства, без закона
И труд, и собственность, и время земледельца.
Склонясь на чуждый плуг, покорствуя бичам,
Здесь рабство тощее влачится по браздам
Неумолимого владельца.
Здесь тягостный ярем до гроба все влекут,
Надежд и склонностей в душе питать не смея;
Здесь девы юные цветут
Для прихоти развратного злодея…

Таким «развратным злодеем» оказался он сам. И как всегда бывало с поэтом, он искренно выражал в стихах свои эротические переживания. Впервые он вступил в связь с девушкой, пусть и крепостной. До этого Пушкин общался со шлюхами и опытными в

любовных делах женщинами. Соблазнение девственницы – это новый шаг в его сексуальной жизни. «В 4-й песне Онегина я изобразил свою жизнь», – признавался Пушкин Вяземскому:

Прогулки, чтенье, сон глубокий,
Лесная тень, журчанье струй,
Порой белянки черноокой
Младой и свежий поцелуй,
Узде послушный конь ретивый,
Обед довольно прихотливый,
Бутылка светлого вина,
Уединенье, тишина:
Вот жизнь Онегина святая…

Тема обольщения невинной девушки, вошедшая в обиход новых сексуальных вкусов Пушкина, описана им с интимными подробностями в «Сцене из Фауста». Фауст у Пушкина – герой скучающий и размышляющий: соблазнив молодую девушку, он, как известно, спокойно смотрел на ее гибель. В один из моментов благородных мечтаний Фауст вспомнил чистое пламя любви и чудесный сон первой встречи, но Мефистофель беспощадно разрушает иллюзию Фауста:

Не я ль тебе своим стараньем
Доставил чудо красоты?
И в час полуночи глубокой
С тобою свел ее?
Когда красавица твоя
Была в восторге, в упоенье,
Ты беспокойною душой
Уж погружался в размышленье
(А доказали мы с тобой,
Что размышленье – скуки семя),
И знаешь ли, философ мой,
Что думал ты в такое время,
Когда не думает никто?
Ты думал: агнец мой послушный!
Как жадно я тебя желал!
Как хитро в деве простодушной
Я грёзы сердца возмущал!
Любви невольной, бескорыстной
Невинно предалась она…
Что ж грудь моя теперь полна
Тоской и скукой ненавистной?..

На жертву прихоти моей
Гляжу, упившись наслажденьем,
С неодолимым отвращеньем…

Роман с Ольгой начался, по свидетельству Пущина, в январе 1825 года или даже в декабре 1824 года, и закончился беременностью девушки. Пушкину пришлось принять меры. В начале мая 1826 года поэт отправил подругу к князю Вяземскому, другу и приятелю, со следующей запиской: «Письмо это тебе вручит очень милая и добрая девушка, которую один из твоих друзей неосторожно обрюхатил. Полагаюсь на твое человеколюбие и дружбу. Приюти ее в Москве и дай денег, сколько ей понадобится, а потом отправь в Болдино (в мою вотчину, где водятся курицы, петухи и медведи). Ты видишь, что тут есть о чем написать, целое послание во вкусе Жуковского о попе, но потомству не нужно знать о наших человеколюбивых подвигах. При сем с отеческой нежностью прошу тебя позаботиться о будущем малютке, если то будет мальчик. Отсылать его в воспитательный дом мне не хочется, а нельзя ли его покамест отдать в какую-нибудь деревню, хотя бы в Остафьево. Милый мой, мне совестно, ей-богу… но тут уж не до совести!»

Ответ Вяземского на это письмо последовал 10 мая, но не получив оный, поэт снова шлет новое послание, в котором спрашивает у Вяземского: «Видел ли ты мою Эду? Вручила ли она тебе мое письмо? Не правда ли, что она очень мила?» Пушкин решил избавиться от беременной девушки с помощью друзей. Его совсем не взволновала ее дальнейшая судьба. Да и зачем! Он был уже во власти новых увлечений, новых любовных интрижек. Вяземский оказался более рассудительным и порядочным. Он ответил:

«Сей час получил я твое письмо, но живой чреватой грамоты твоей не видал, а доставлено оно мне твоим человеком. Твоя грамота едет завтра с отцом своим и семейством в Болдино, куда назначен он твоим отцом управляющим. Какой же способ остановить дочь здесь и для какой пользы? Без ведома отца ее сделать этого нельзя, а с ведома его лучше же ей быть при семействе своем. Мой совет – написать тебе полулюбовное, полураскаятельное, полупомещичье письмо блудному твоему тестю, во всем ему признаться, поручить ему судьбу дочери и грядущего творения, но поручить на его ответственность, напомнив, что некогда волею божиею ты будешь его барином и тогда сочтешься с ним в хорошем или дурном исполнении твоего

поручения. Другого средства не вижу, как уладить это по совести, благоразумию и к общей выгоде».

Пушкин внял советам друга. 27 мая он писал Вяземскому из Пскова: «Ты прав, любимец муз, – воспользуюсь правами блудного зятя и грядущего барина и письмом улажу все дело. Должен ли я тебе что-нибудь или нет? Отвечай. Не взял ли с тебя чего-нибудь мой человек, которого я отослал от себя за дурной тон и за дурное поведение?»

Пушкин называет Ольгу Калашникову именем героини поэмы Баратынского «Эда», которая была напечатана в 1825 году и очень понравилась Пушкину. Сюжет поэмы был созвучен его чувствам и его связи. Эда Баратынского – финка, «отца простого дочь простая», блиставшая красой лица, души красой. Герой романа – русский офицер. Эда любит гусара, но боится его, боится ему отдаться. Поэма представляет собой психологическую историю обольщения Эды главным героем, который, не любя, увлекает Эду к падению. «Что за прелесть эта Эда! – писал Пушкин Дельвигу 20 февраля 1827 года. – Оригинальности рассказа наши критики не поймут. Но какое разнообразие! Гусар, Эда и сам поэт – всякий говорит по-своему. А описания финляндской природы! А утро после первой ночи! А сцена с отцом! – чудо!»

3

Любовные отношения с крестьянской девушкой в тихом, уединенном домике вернули Пушкина к прежнему ощущению сексуальной недостаточности. Истерический характер не позволял ему долго жить с одной женщиной. Недостаток разнообразия начинало тревожить поэта. Его «либидозная» энергия рвалась наружу и не находила применения своей мощи. Пушкину вновь нужно было испытывать страсть сразу к нескольким сексуальным объектам. Ближе к весне 1825 года поэт вновь зачастил в Тригорское, где ждало его женское царство различных возрастов. Можно было выбирать, а можно было и совмещать сразу несколько любовных увлечений. Осенью 1824 года поэт еще только проникался этой атмосферой мимолетных встреч: «Дела мои все в том же порядке, – писал он брату Льву, – я в Михайловском редко. Annette (Вульф) очень смешна; сестра расскажет тебе мои новые фарсы… Я ревную и браню тебя, – скука смертная везде».

Тригорские барышни видели в Пушкине и его молодом брате потенциальных женихов. Поговаривали даже о скорой женитьбе Пушкина на Евпраксии Вульф. Может, поэтому сбежал поэт из этого цветника, что бы не обременять себя брачными разговорами и намерениями. «Платоническая» возня с милыми, но простыми девушками лишь возбуждала его «чувственность», не давая удовлетворения. Однако теперь, после удовлетворения своей чувственности со смиренной Ольгой Калашниковой, которая, по словам поэта, «послушная, как агнец полевой», Пушкин бросился в мир новых приключений. В конце концов, он простил тригорским барышням все их недостатки и со всем примирился. По правде сказать, они действительно были очень милы. Иначе, несмотря на всю скуку заточения, Пушкин вряд ли проводил бы так много времени в их обществе.

А сама хозяйка Тригорского стала верным другом Пушкина с самых первых томительных дней Михайловской ссылки и до последних часов его жизни. Поэт ценил в ней не только женщину, несомненно и искренно преданную ему. Он видел в ней также человека умного и образованного, человека со вкусом и убеждениями. П. А. Осипова была старше Пушкина лет на пятнадцать. «Она, кажется, никогда не была хороша собой, – вспоминает период ее молодости одна из ее племянниц, Анна Петровна Керн, – рост ниже среднего, гораздо, впрочем, в размерах; стан выточенный, кругленький, очень приятный; лицо продолговатое, довольно умное; нос прекрасной формы, волосы

каштановые, мягкие, шелковистые; глаза добрые, карие, но не блестящие; рот ее только не нравился никому: он был не очень велик и не неприятен особенно, но нижняя губа так выдавалась, что это ее портило. Я полагаю, что она была бы просто маленькая красавица, если бы не этот рот. Отсюда раздражительность ее характера. Она являлась всегда приятной, поэтически настроенной. Много читала и училась. Она знала языки: французский порядочно и немецкий хорошо… Согласитесь, что, долго живучи в семье, где только думали покушать, отдохнуть, погулять и опять что-нибудь покушать… большое достоинство было женщине каких-нибудь двадцати шести-двадцати семи лет сидеть в классной комнате, слушать, как учатся, и самой читать и учиться». В домашних отношениях Прасковья Александровна проявляла себя с довольно деспотической стороны: старших детей воспитала очень строго, хозяйством правила не особенно умело, но самовластно, а когда ревность или самолюбие ее бывали затронуты, – оказывалась способной к весьма крутым и решительным мерам.

Познакомился с ней Пушкин, конечно, еще в первое свое пребывание в Михайловском по окончании лицея, но оценил ее и дружески сошелся в августе 1824 г. После столкновения с отцом только ночевал дома, а все дни проводил в Тригорском. Осипова относилась к нему с неизменной заботой и лаской, она и ее семья скрашивали одиночество и хандру ссыльного Пушкина. И в последующие годы Осипова с радостной готовностью исполняла всевозможные поручения, которые давал ей поэт, проявляя по отношению к нему любовь и чисто материнскую нежность.

«С нетерпением ожидаю от вас вестей, – пишет Пушкин Прасковье Александровне летом 1825 года из Михайловского в Ригу, – пишите мне, умоляю. Излишне говорить вам о моей признательности».

«…Поверьте, – говорит он в другом письме от 8 августа 1825 г., – что на свете нет ничего более верного и отрадного, нежели дружба и свобода. Вы научили меня ценить всю прелесть первой».

«…Ваши письма приводят меня в восторг в такой же мере, в какой великодушные заботы ваши меня трогают. Не знаю, что ждет меня в будущем, но знаю, что чувства, которые я к вам питаю, останутся навеки неизменными…» (11 августа 1825 г.)

Отношения Пушкина с Прасковьей Александровной были сложные, в них присутствовала и материнская нежность и страсть незамужней женщины к сексуально одаренной натуре поэта. Слишком многое остается недосказанным в дошедших до нас свидетельствах и документах. По словам Анненкова: «П. А.

Осипова была женщиной очень стойкого нрава и характера, но Пушкин имел на нее почти безграничное влияние».

Многие современники указывали на интимные отношения между ними. Психологически это вполне понятно. «Инцестуальный» образ матери постоянно преследовал поэта, и в трудную минуту он успокаивался в объятиях женщин, старше его по возрасту, которые любили его и могли дать ему двойное успокоение – душевное и сексуальное. В своем письме к П. В. Анненкову А. П. Керн отмечает: «Это была далеко не пошлая личность – будьте уверены, и я очень понимаю снисходительность и нежность к ней Пушкина». Некоторые намеки на то, что Прасковья Александровна питала к поэту чувства более чем нежные, усматриваются и в «Дневнике» ее сына Алексея Николаевича Вульфа и в письмах ее дочери Анны Николаевны, безумно влюбленной в поэта. «Вчера у меня была очень бурная сцена с моей матерью из-за моего отъезда. – пишет Анна Николаевна в апреле 1826 года. – Она сказала перед всеми моими родными, что решительно оставляет меня здесь, что я должна остаться и она никак не может меня взять с собою, ибо уезжая устроилась так, чтобы оставить меня здесь. Если бы вы знали, как я опечалена! Я право думаю, как и А. К., что она одна хочет одержать над вами победу и что она из ревности оставляет меня здесь».

Из приведенного выше письма старшей дочери Осиповой мы видим, что Прасковья Александровна была по-женски увлечена Пушкиным и даже старалась всячески отстранить от него возможных соперниц. Прасковья Александровна действительно питала к Пушкину сильное чувство. С глубокой и искренней нежностью, она называет его «мой дорогой и всегда любимый Пушкин», «сын моего сердца». – «Целую ваши прекрасные глаза, которые я так люблю», – постоянно пишет она ему в письмах.

На протяжении десятка лет Пушкин и П. А. Осипова переписывались из разных мест и при разных обстоятельствах, и каждый раз в их письмах ощущаются искренние и доверительные отношения, поражающие ровностью, любезностью и дружеским участием к делам друг друга. При этом Прасковья Александровна проявляет исключительную заботливость о нем – устраивает его земельные и хозяйственные дела, тщательно исполняет его поручения, заботится о его доходах, дает ему практические советы и указания. Недаром в одном из писем она сообщает: «Я охотно сделаюсь вашей управительницей». Как бы извиняясь за невозможность постоянно видеться с ней и ее семейством, Пушкин в одном из писем (1830 год), говорит, что слово «всегда» «может быть лишь выражением и девизом» его чувств к ней и ко

всему ее семейству.

Многое в письмах Пушкина к П. А. Осиповой свидетельствует о том, что он ценил в ней не только женщину ему преданную и искренне его любящую, но и человека образованного, умного, начитанного. Прасковье Александровне поэт посвятил несколько стихотворений. Это прежде всего знаменитый цикл «Подражание Корану», стихотворение «Быть может, уж недолго мне…» и одну из своих прелестнейших миниатюр, очень трогательную и поэтическую:

Цветы последние милей
Роскошных первенцев полей.
Они унылые мечтанья
Живее пробуждают в нас,
Так иногда разлуки час
Живее сладкого свиданья.

Каковы бы ни были интимные отношения между поэтом и Прасковьей Александровной, главное место занимала все-таки искренняя дружба. Глава многочисленной и разной по возрасту семьи, Осипова сумела создать в ней атмосферу культа Пушкина, самого непосредственного и острого интереса к его творчеству и его личности. Это теплое, радушное, и даже восторженное любование великим поэтом помогало Пушкину перенести годы ссылки, скрасить угнетенное состояние его душевных сил. Вся семья старалась не только скрасить однообразную жизнь поэта, но и несколько утолить его сексуальную жажду, подарив ему частицу своей любви и чувственности.

Кроме пожилой Осиповой в Тригорском было много молодых, свежих барышень. О романах Пушкина с ними – да чуть ли не со всеми – рассказывают все биографы поэта. Это, прежде всего, дочери Прасковьи Александровны – двадцатипятилетняя Анна Николаевна, по словам П. Е. Щеголева, сентиментальная, тоскующая, страдающая, болтливая и неглубокая, с растрепанными височками, которые не шли к ее круглому лицу, – и пятнадцатилетняя Евпраксия, на глазах Пушкина расцветавшая из подростка в прелестную женщину, с тонкой талией, в золотистых кудрях на полных склонах белых плеч – любви приманчивый фиал, как назвал ее поэт. В сети неутомимого Пушкина попалась и девятнадцатилетняя падчерица П. А. Осиповой Александра Ивановна, Алина, девушка пылких чувств и легко возбуждающегося воображения, и одна из племянниц, Анна Ивановна, Нетти, нежная, томная, истеричная, и, наконец, другая племянница, Анна Петровна Керн, разведенная жена старого

генерала, о которой столько было сказано и написано.

Все эти девушки Тригорского в разное время были влюблены в Пушкина. Однако поэт, выбирая одну из них как очередной сексуальный объект, не горел романтикой чувств, а как бы снисходя к их романтическим увлечениям, оставаясь холодным наблюдателем. Если попытаться внести хронологию в любовную историю Тригорского, то надо, кажется, разбить ее, по словам П. Е. Щеголева, на следующие периоды. Любовные фарсы, потехи падают на первый период – на 1824 год: больше смеха, чем пылких чувств. Нетти занимает воображение Пушкина в марте 1825 года, летом поэт без ума от Анны Керн, в начале 1826 года Пушкин влюбил в себя Анну Николаевну, летом 1826 года предметом невинных стихов стала Евпраксия, и, где-то посредине, «путешествие в Опочку и речи в уголку вдвоем» с пылкой и страстной Сашенькой Осиповой. Поэт влюблялся по очереди то в одну, то в другую, влюблял в себя некоторых из них, вел оживленную любовную переписку, писал много лирических стихотворений. В биографии поэта теплым и ярким солнечным пятном выделяется прославленное Тригорское с его милыми обитательницами.

Вы, любимицы златой моей зари,
Вы, барышни с открытыми плечами,
С висками гладкими и томными очами… —

писал впоследствии успокоенный и насладившейся каждой их них Пушкин об этом замечательном цветнике девушек.

Начав рассказ о романах, которые были у поэта почти со всеми юными особами, трудно придерживаться хронологического порядка. Но главное не в хронологии, а в том, каковы были интимные отношения поэта с девушками, каким образом Пушкин реализовывал свое новое кредо «цинического волокиты». В «Онегине» он фактически описал самого себя:

В красавиц он уж не влюблялся,
А волочился как-нибудь;
Откажут – мигом утешался;
Изменят – рад был отдохнуть.
Он их искал без упоенья,
А оставлял без сожаленья,
Чуть помня их любовь и злость.

Пушкин был истинным гением «в науке страсти нежной», и

эту науку он не только применил в своих тригорских романах, но и передал молодому напарнику и последователю, а иногда и сопернику – Алексею Николаевичу Вульфу, сыну Прасковьи Александровны Осиповой от первого брака. В 1822 г. А. Вульф поступил студентом в Дерптский (Рижский) университет, а 1826 г. некоторое время жил в Петербурге, пристроиться на службу. В январе 1829 г. поступил в гусарский полк, принимал участие в турецкой компании и подавлении польского восстания, в июле 1833 г. вышел в отставку штабс-ротмистром. Пушкин сблизился с Вульфом в 1824 году, когда прибыл в Михайловское.

Вульф в это время проводил летние каникулы в имении своей матери Тригорском. 19-летний студент, только что вступавший в жизнь, не мог не покориться обаянию личности Пушкина. Пушкину так же понравился веселый и непринужденный молодой человек. И если А. Н. Раевский был наставником поэта в «делах нравственных», то здесь все получилось с точностью наоборот. Поэт для студента стал образцом во многих отношениях и прежде всего оказался его учителем и наставником в «науке страсти нежной», в привычках и нравах любовного обхождения.

Изучение любовной науки не было только теоретическим, тут же происходили и практические упражнения при участии всех барышень Тригорского. Ученик ни в чем не отставал от своего учителя и даже успешно конкурировал с ним. Начав самостоятельную жизнь, он говорил себе, что он «напитан мнениями Пушкина и его образом обращения с женщинами». Чтобы понять характер отношений между поэтом и тригорскими девушками, лучше обратиться к «Дневнику» Алексея Вульфа, в котором подробно описана его интимная жизнь. В нем Вульф рассказывает с нескромными подробностями о многих своих романах.

«С этой стороны, – пишет П. Е. Щеголев, – дневник Вульфа – произведение совершенно исключительное в русской литературе значение его для истории нравов, для истории любовного быта 20-х годов не подлежит сомнению. Любовные переживания Вульфа не были патологическими, они носят на себе печать эпохи и общественного круга, к которому он принадлежал. Если бы Вульф был исключением, то его дневник не представлял бы общего интереса. Но дело в том, что рядом с Вульфом и за ним стояли ему подобные, что в круг его переживаний втягивались девушки и женщины его общественной среды, что в этом общественном круге его любовные переживания не казались выходящими из порядка вещей. С этой точки зрения дневник Вульфа – целое откровение для истории чувства и чувственности среднего русского дворянства 1820-30-х годов».

Без «Дневника» Вульфа трудно было бы представить характер сексуальных отношений с женщинами и девушками в этой среде. И мы с полным основанием можем применить методику обольщения, использованную учеником Вульфом, к его учителю Пушкину. Как сказал Леонардо да Винчи: «Плох тот ученик, который не превосходит своего учителя». У Вульфа есть прямые свидетельства, которые дают нам в известной мере право на такое отожествление. Следуя советам Пушкина, Вульф всю свою жизнь стремился исключить живую страсть из своих увлечений. «Мне было бы приятно ей понравиться, – записывал в дневнике Вульф, – но никак не желал в ней родить страсть: это скучно. Я желаю только явиться, занимать женщин, а не более: страсти отнимают только время, хорошо, ежели не имеют дурных последствий».

О сущности любовной практики Вульф делает следующее признание. Будучи уже в военной службе, Вульф приволокнулся за хозяйкой трактира. «Молодую красавицу трактира, – записывает он, – вчера начал я знакомить с техническими терминами любви; потом. по методу Мефистофеля (Пушкина. – *А. Л.*), надо ее воображение занять сладострастными картинами; женщины, вкусив однажды этого соблазнительного плода, впадают во власть того, который им питать может их, и теряют ко всему другому вкус; им кажется все постылым и вялым после языка чувственности. Для опыта я хочу посмотреть, успею ли я просветить ее, способен ли я к этому. Надо начать с рассказа ей любовных моих похождений».

Вульф говорит, что Пушкин знал женщин, как никто, и женщина не могла отказать ему в своих ласках. У Алексея Вульфа, как и у Пушкина, было много романов со своими Тригорскими кузинами – причем он не доводил их до конца, но также не довольствовался и романтическими отношениями. Система его заключалась в том, чтобы «незаметно от платонической идеальности переходить к эпикурейской вещественности, оставляя при этом девушку добродетельной, как говорят обыкновенно». Вульф старательно следует советам Пушкина, которые заключались в том, что следует «постепенно развращать женщину, врать ей, раздражать ее чувственность». Вот как он описывает отношения свои с Лизой Полторацкой, своей кузиной, сестрой А. П. Керн: «Я провел ее постепенно через все наслаждения чувственности, которые только представлялись роскошному воображению, однако не касаясь девственности. Это было в моей власти, и надобно было всю холодность моего рассудка, чтобы в пылу восторгов не перейти границу, ибо она сама, кажется, желала быть совершенно моею и, вопреки моим

уверениям, считала себя такою».

Подобные отношения у Вульфа были и со своей сводной сестрой Александрой Осиповой. Между прочим, такая практика сексуальных контактов была вызвана определенными моральными нормами русского дворянства той эпохи. Девушка должна была строго блюсти девственность до замужества, зато в браке, она могла иметь связи на стороне. (Кстати, в крестьянской среде было все наоборот – девка могла свободно гулять до замужества, но уж потом верность мужу считалась нерушимым законом). Именно такую практику пытался применить с Тригорскими девственницами вечно сексуально озабоченный Пушкин.

Осень 1824 года за внимание Тригорских барышень соперничали Пушкин, Алексей Вульф и Левушка, брат поэта. Все трое были молоды и полны энергией. Все трое любовались молоденькой, изящной, симпатичной и смешливой «Зизи» – так называли младшую дочь Прасковьи Александровны – Евпраксию Николаевну Вульф. Кокетничала она и со Львом, и с Александром, хохотала до упаду, забавно изображая из себя «хозяйку пиров», разливая по чашам серебряным ковшиком сваренную ею жженку. Вскоре после отъезда Льва Сергеевича из Михайловского, осенью 1824 года Пушкин писал ему шутливо: «Кстати о талии: на днях я мерился поясом с Евпраксией, и тальи наши нашлись одинаковыми. Следует из двух одно: или я имею талью 15-летней девушки, или она талью 25-летнего мужчины. Евпраксия дуется и очень мила».

Осенью 1824 года поэт приглашает А. Вульфа, уехавшего в Дерпт, приехать на каникулы вместе с поэтом Языковом. Языков приехал и веселые «пирушки» вновь возобновились, непременным участником которых по-прежнему была «Зизи». В V главе «Онегина», написанной в 1826 году, есть строки:

…За ним строй рюмок узких, длинных,
Подобно талии твоей,
Зизи, кристалл души моей,
Предмет стихов моих невинных.
Любви приманчивый фиал,
Тот, от кого я пьян бывал!

В этих строчках запечатлены и шумные пикники, и пьяные пирушки, и легкое увлечение молоденькой девушкой, которое впоследствии стало более интимным. Атмосфера «минутной влюбленности» была характерна для Тригорского той поры, наполненного барышнями, живущими беззаботной жизнью

поместья средней руки. Всем известно, что нравы, быт и характеры обитателей Тригорского нашли отражение в романе Пушкина «Евгений Онегин». «Сами Тригорские барышни, – пишет Анненков, – считали себя прототипами героинь “Онегина”… Причем образ печальной Татьяны отождествлялся с Анной Николаевной, а бойкая и веселая Ольга – это Зизи, всеобщая любимица». Поначалу взор поэта обратился было на 15-летнюю Евпраксию Вульф (Зизи), но брачные разговоры несколько охладили его пыл. Она была почти на десять лет моложе Пушкина. Скорее всего, это было легкое увлечение, небольшой флирт, чуть возбуждающий, но вполне невинный. Избалованная ухаживаниями, она позволяла себе капризничать, рвала стихи, которые ей писали оба поэта. Пушкин сообщал брату: «Евпраксия дуется и очень мила», – а самой ей писал:

Вот, Зина, вам совет: играйте,
Из роз веселых заплетайте
Себе торжественный венец —
И впредь у нас не разрывайте
Ни мадригалов, ни сердец.

Через полтора года после отъезда из Михайловского Пушкин прислал Евпраксии экземпляр только что вышедших четвертой и пятой глав «Онегина» с надписью: «Евпраксии Николаевне Вульф от автора. Твоя от твоих». Но дальше «чистого хмеля» и веселых пирушек, дальше простых дружеских, шутливо-влюбленных мадригалов не шли отношения поэта и обаятельной Зизи. Однако П. А. Анненков сообщает, что, по слухам, Пушкин был неравнодушен к Евпраксии Николаевне. Алексей Вульф говорил М. И. Семевскому, что Пушкин был «всегдашним и пламенным обожателем» ее. Недаром ее имя идет в первом «Донжуанском списке», сразу же после Елизаветы Ксаверьевны Воронцовой. Любовь, вернее сказать, сильное сексуальное влечение к Евпраксии поэт испытал позже, когда закончилась его ссылка и он вернулся в Петербург.

Другой прелестной девушкой, умной и образованной, была двоюродная сестра Евпраксии, Анна Ивановна Вульф. Пушкин обратил на нее внимание уже вскоре по приезде в Михайловское из Одессы. В марте 1825 г. он писал брату; «Я влюбился и миртильничаю. Знаешь кузину Анны Николаевны, Анну Ивановну Вульф? Ecce femina (Вот женщина)!». Вскоре он вступил с ней в нежную переписку, адресуя письма в Тригорское на имя подростка Евпраксии. Горячо любившая Пушкина Анна Николаевна Вульф весной 1826 г. с горечью писала ему: «Я была

бы довольна вашим письмом, если бы не помнила, что вы в моем присутствии писали такие же, и даже нежнее, Анне Петровне Керн и даже Нетти». И в другом письме: «Получив мое письмо, вы восклицаете: “Ах, Господи, что за письмо, как будто от женщины!” и бросаете его, чтобы читать глупости Нетти». Увлечение Пушкина Нетти продолжалось года четыре, но не было серьезным. Как отмечал В. В. Вересаев, Пушкин приедет в деревню, увидит Нетти – и влюбится. Уедет – забудет.

Легкий флирт, поцелуи, ласки – все это раздражало, конечно же, девическую чувственность. Но дальше дело не шло. Пушкин по-настоящему жил только с Ольгой Калашниковой и видно, иногда позволял интимные отношения с П. А. Осиповой, которая только как год похоронила мужа и нуждалась в мужской ласке. Можно сказать, что в любовной жизни Пушкина наблюдалось некоторое затишье. Душа его жаждала более страстных отношений. Страсти, совмещенной с ревностью, женщины, принадлежащей другому, очарования порока – вот чего не хватало поэту. Кого он мог сначала возвысить в своих стихах, а потом унизить, чтобы получить еще более полное удовлетворение? Увы, обитательницы Тригорского не подходили для такой роли. Помог случай.

Поэт уже давно предвкушал общение с племянницей П. А. Осиповой – Анной Петровной Керн, в девичестве Полторацкой. Сведения о ней постоянно поступали к поэту через дочь Прасковьи Александровны, Анну Николаевну. Пушкин уже в мечтах представлял себе образ Анны Керн, как сексуальный объект, подсознательно привлекательный и вызывающий приятные и волнующие чувства. Если мы обратимся к воспоминаниям Анны Петровны, ее письмам к поэту, и, в особенности, к письмам Пушкина к Анне Керн, мы увидим такую огромную и страстную историю борьбы «чувствительности» и «чувственности», которой не встретишь во всей мировой истории любовных увлечений.

Воспоминания А. П. Керн о Пушкине в общем весьма правдивы и искренни; самое большее, она позволила себе кое-какие умолчания в наиболее щекотливых положениях. Нельзя ее винить за это, тем более что сексуальные отношения обычно прикрываются паутиной романтических вздохов и платонических историй. Анне Петровне Керн шел двадцать седьмой год, когда она приехала в Тригорское. В ее жизни уже много было различных приключений и любовных историй. Какая-то скандальная слава исходила от нее, и Пушкин не мог оставаться равнодушным к ней.

Анна Петровна родилась в Орле, в доме своего деда Ивана

Петровича Вульфа. Ее мать, Екатерина Ивановна, приходилась сестрой первому мужу П. А. Осиповой, и сама была замужем за Петром Марковичем Полторацким. Будущая мадам Керн получила довольно беспорядочное воспитание. Родные с материнской стороны лелеяли и баловали ее. Напротив, отец – человек беспокойный, самодур и прожектер, много мудрил над нею. «Батюшка начал воспитывать меня еще с пеленок, – рассказывала она впоследствии, – и много я натерпелась от его методы воспитания… Он был добр, великодушен, остроумен по-вольтеровски, достаточно, по-тогдашнему, образован и весь проникнут учением энциклопедистов: но у него было много забористости и самонадеянности. побуждавших его к капризному своеволию над всеми окружающими. Оттого и обращение со мною доходило до нелепости».

Детство Анны Петровны прошло частью в городе Лубнах Полтавской губернии, где ее отец состоял уездным предводителем дворянства, частью в Бернове – тверском поместье Вульфов. Здесь, еще совсем маленькой девочкой, она познакомилась и очень близко сошлась с Прасковьей Александровной и с ее старшей дочерью Анетой Вульф, своей ровесницей. «Анна Николаевна не была так резва, как я, – вспоминала Анна Петровна, – она была серьезнее, расчетливее и гораздо меня прилежнее… Но я была горячее, даже великодушнее в наших дружеских излияниях». С детства Анна Полторацкая приобрела чисто истерический характер, такой же, как у Пушкина.

Психоаналитик Фенихель в основу истерического характера кладет те же противоречия, из которых развивается истерия. Рассматривая механизм развития истерии, следует ожидать, что проявятся свойства, «вырастающие из противоречия между сильным страхом перед сексуальными отношениями и не менее сильными, но подавленными сексуальными устремлениями». В «Анализе характера» другой психоаналитик, Вильгельм Райх, писал: «Кровосмесительные желания подавляются, но не замещаются догенитальными порывами, а, будучи бессознательными, сохраняют всю свою силу». Мы уже говорили, что на взрослые сексуальные отношения истерический характер переносит бессознательное детское отношение, в котором присутствуют элементы «эдипова» комплекса. Поэтому, первым объектом неосознанных сексуальных устремлений младенца-девочки является ее отец. Однако этот поток либидо направляется на взрослого мужчину только после полного установления у ребенка половой функции, то есть примерно в двухлетнем-трехлетнем возрасте. До того стремление к объекту идет на

уровне инфантильного Эго с его сильными оральными, нарциссическими потребностями.

«В возникновении эдиповой ситуации, – отмечает А. Лоуэн, – многое зависит от роли отца в детстве и юности девочки. Строгий, деспотичный отец пробудит в малышке страх перед мужчинами. В таком случае не только будет подавляться сексуальное желание, но и гнев, возникающий в результате фрустрации, будет блокироваться, а позже тоже подавляться». Строгое воспитание отца, его оригинальное представление о понятиях добра и зла, а также выбор воспитательницы, воздействовало на подсознательные инстинкты молодой девушки. Анну воспитывала некая мадемуазель Бенуа, по традициям, выписанная из Англии.

Чтение романов сделалось любимым развлечением молоденькой девушки. «У нас была маленькая библиотека с г-жою Жанлис, Дюкре-Дюмениль и другими тогдашними писателями… Встречая в читанном скабрезные места, мы оставались к ним безучастны, так как эти места были нам непонятны. Мы воспринимали из книг только то, что понятно сердцу, что окрыляло воображение, что согласно было с душевной нашей чистотой, соответствовало нашей мечтательности и создавало в нашей игривой фантазии поэтические образы и представления». Как отмечает П. К. Губер, «педагогическая система m-lle Бенуа дала достойные плоды. В Анне Николаевне Вульф безудержно развилась истерическая сентиментальность, а Анну Петровну инстинкты более здоровой и пылкой натуры увлекли впоследствии далеко по дороге галантных похождений».

В средине 1812 года П. М. Полторацкий взял дочь обратно к себе в Лубны. Здесь образование ее было совсем заброшено. «В Лубнах я прожила в родительском доме до замужества, учила братьев и сестер, мечтала в рощах и за книгами, танцевала на балах, выслушивала похвалы посторонних и порицания родных и вообще вела жизнь довольно пошлую, как и большинство провинциальных барышень. Батюшка продолжал быть строгим со мною, и я девушкой его так же боялась, как и в детстве».

Когда Анне Петровне было тогда всего семнадцать лет, отец выбрал для нее жениха, не спрашивая ее мнения и не заботясь об ее чувствах. «Тогда стоял у нас Егерский полк, – вспоминает А. П. Керн, – и офицеры его, и даже командир, старик Экельн, были моими поклонниками. Но родители мои не находили никого из них достойным меня. Но явился дивизионный генерал Керн, – начальник дивизии, в которой состоял тот полк, – и родители нашли его достойным меня, стали поощрять его поклонение и

старческие ухаживания, столь невыносимые, и сделались со мною ласковы. От любезничаний генеральских меня тошнило, я с трудом заставляла себя говорить с ним и быть учтивою, а родители все пели хвалы ему. Имея его в виду, они отказывали многим, искавшим моей руки, и ждали генеральского предложения с нетерпением. Ожидание их продолжалось недолго. Вскоре после знакомства генерал Керн прислал ко мне одну из живших у нас родственниц с просьбой выслушать его. Зная желание родителей, я отвечала ему, что готова его выслушать, но прошу только не долго и не много разговаривать. Я знала, что судьба моя решена родителями, и не видела возможности изменить их решение… Его поселили в нашем доме и заставили меня почаще быть с ним. Но я не могла преодолеть отвращения к нему и не умела скрыть этого… Батюшка сторожил меня. как евнух, ублажая в пользу противного генерала, и следил за всеми, кто мог открыть мне глаза на предстоявшее супружество… Он употреблял всевозможные старания, чтобы брак мой не расстроился, и старался увенчать его успехом».

Ермолай Федорович Керн был грубым солдафоном. Типичный строевой военный тех времен, дослужившийся до генеральского чина, он был неумен, груб, постоянно курил, был откровенно злопамятен и примитивен. Семейная жизнь Анны Петровны с самого начала была противна ей и носила характер принуждения. В течение двух лет Анна Петровна много разъезжала, побывала в Киеве, в Москве, в Липецке и в начале 1819 года попала в Петербург, куда переехал ее муж. «Я приехала в Петербург, – рассказывает она, – с мужем и отцом, который, между прочим, представил меня в дом его родной сестры Олениной. Тут я встретила двоюродного брата моего Полторацкого, с сестрами которого я была еще дружна в детстве. Он сделался моим спутником и чичероне в кругу незнакомого для меня большого света. Мне очень нравилось бывать в доме Олениных, потому что там не играли в карты; хотя там и не танцевали по причине траура при дворе, но зато играли в разные занимательные игры и преимущественно в шарады». Именно здесь произошла первая встреча с Пушкиным. Видимо, судьба постаралась. Вот как рассказывает сама Анна Петровна об этом событии:

«На одном из вечеров у Олениных я встретила Пушкина, и не заметила его: мое внимание было поглощено шарадами, которые тогда разыгрывались, и в которых участвовали Крылов, Плещеев и другие… После этого мы сели ужинать. У Олениных ужинали на маленьких столиках, без церемоний и, разумеется, без чинов… За ужином Пушкин уселся с братом позади меня и старался обратить на себя мое внимание льстивыми возгласами, как,

например: “Est il per-mis d’etre aussi jolie!” (Можно ли быть такой хорошенькой). Потом завязался между ними шутливый разговор о том, кто грешник и кто нет, кто будет в аду и кто попадет в рай. Пушкин сказал брату: “Во всяком случае в аду будет много хорошеньких, там можно будет играть в шарады. Спроси у m-me Керн, хотела бы она попасть в ад?” Я отвечала серьезно и несколько сухо, что в ад не желаю. “Но как же ты теперь, Пушкин?” – спросил брат. “Je me ravise, – ответил поэт, – я в ад не хочу, хотя там и будут хорошенькие женщины”… Скоро ужин кончился, и стали разъезжаться. Когда я уезжала и брат сел со мной в экипаж, Пушкин стоял на крыльце и провожал меня глазами…»

Весной 1819 года генерал Керн получил служебное назначение в Дерпт, куда уехал с женой. Истерическая Анна влюбилась в какого-то егерского офицера, которого в откровенных письмах к своей тетке Ф. П. Полторацкой она называла сначала L’Eglantine (шиповник), то Immortelle (Бессмертник). Пошлые романтические чувства как бы заменяли в представлении молодой женщины ее формирующуюся сексуальность. Вскоре она забеременела от мужа, что привело ее в отчаяние.

«Что может быть горестнее моего положения? – жалуется она своей тетушке в одном из писем. – Не иметь около себя ни души, с кем бы могла излить свое сердце, поговорить и вместе поплакать. Несчастное творение я! Сам Всемогущий, кажется, не внемлет моим молитвам и слезам… Он, (т. е. Е. Ф. Керн, ее муж) обещал отпустить меня к вам, по усиленным просьбам моим, вскоре по приезде в Старый Быхов, – теперь опять отговаривается и хочет, чтобы я пробыла там до отъезда его в Петербург, что не прежде будет, как в конце октября». Анна Керн испытывает почти полное отвращение к своему мужу. Желание вырваться на свободу все сильнее укрепляется в ней. «Впрочем, – заканчивает она письмо, – это последнее время совсем заставило меня потерять терпение, и я бы в ад поехала, лишь бы знала, что там его не встречу. Вот состояние моего сердца».

Подсознательная сексуальность боролась в ней с подсознательным чувством боязни сексуальных контактов. «Инцестуальное» чувство к отцу, ненависть к старому и грубому мужу – все это вылилось в твердое намерение бросить его и начать устраивать свою личную жизнь. Анне Петровне удалось порвать с мужем и переехать к родителям и в Лубны. Она провела в Полтавской губернии несколько лет. В 1824 г. она была уже возлюбленной Аркадия Гавриловича Родзянко, полтавского помещика, эротического поэта и приятеля Пушкина.

Родзянко, весьма посредственный стихотворец, был большим поклонником таланта последнего и передал свое поклонение Анне Петровне, которая постоянно переписывалась с Анной Николаевной Вульф и от нее узнала о приезде Пушкина в Михайловское. Немного спустя Анна Николаевна сообщила своей кузине, что Пушкин до сих пор помнит встречу в доме Олениных, которая оставила в нем сильное впечатление. Таким образом, мимолетно завязавшееся знакомство возобновилось снова, хотя только по переписке. Образ женщины, покинувшей мужа и живущей со своим любовником, постоянно тревожит поэта. Тригорские барышни, непосредственные, блеклые, несексуальные, не могут возбудить в Пушкине страстные чувства. Только униженная женщина, имеющая связь на стороне, желанна и может удовлетворить несколько охладевшие желания поэта. Как обычно, Пушкин начинает с унижения своей очередной жертвы. Переписываясь с Родзянко, он не преминул на словах, в который раз, высказать свое истинное, подсознательно оформленное отношение к своему «эротическому» идеалу.

«Милый Родзянко, – пишет поэт, – твой поклон меня обрадовал; не решишься ли ты, так как ты обо мне вспомнил, написать мне несколько строчек? Они бы утешили мое одиночество. Объясни мне, милый, что такое А. П. К…, которая написала много нежностей обо мне своей кузине? Говорят, она премиленькая вещь – но славны Лубны за горами. На всякий случай, зная твою влюбчивость и необыкновенные таланты во всех отношениях, полагаю дело твое сделанным или полусделанным. Поздравляю тебя, мой милый: напиши на это все элегию или хоть эпиграмму».

Называя А. П. Керн вещью, Пушкин тем самым проявляет свои скрытые инстинкты презрительного отношения к сексуальному идеалу, сравнивая женщину, свободную в сексуальном отношении, с вещью, которую можно использовать, а потом, за выбросить ненадобностью. Далее поэт разбирает в иронической форме три поэмы – Родзянки, Баратынского и свою поэму «Цыгане», удивляясь, почему в качестве героинь этих поэм были выбраны простые девушки из низших сословий. «Ай да героини! – восклицает поэт – Ай да честная компания! Воображаю, Аполлон, смотря на них, закричит: зачем ведете мне не ту? А какую же тебе надобно, проклятый Феб? Гречанку? Итальянку? Чем их хуже Чухонка или Цыганка? П**** одна – в***** их всех, т. е. оживи лучом вдохновения и славы». И дальше снова проявляет, как ни в чем ни бывало, свой интерес к Анне Петровне: «Если А. П. так же мила, как сказывают, то, верно, она моего мнения: справься с нею об этом». Родзянко медленно

собирался для ответа и, если не Анна Петровна, то ждать Пушкину письма еще долгое время. Наконец 10 мая 1825 года они вместе состряпали Пушкину веселое и фривольное письмо:

«Виноват, сто раз виноват пред тобой, любезный, дорогой мой Александр Сергеевич, не отвечая три месяца на твое неожиданное и приятнейшее письмо. Излагать причины моего молчания и не нужно, и лишне: лень моя главною тому причиною, и ты знаешь, что она никогда не переменится, хотя Анна Петровна ужасно как моет за это выражение мою грешную головушку; но невзирая на твое хорошее мнение о моих различных способностях, я становлюсь в тупик в некоторых вещах, и, во-первых, в ответе к тебе. Но сделай милость, не давай воли своему воображению и не делай общее моей неодолимой лени; скромность моя и молчание в некоторых случаях должны стоять вместе обвинителями и защитниками ее. Я тебе похвалюсь, что благодаря этой же лени я постояннее всех Амадисов, и польских, и русских. Итак, одна трудность перемены и искренность моей привязанности составляют мою добродетель: следовательно, говорит Анна Петровна, немного стоит добродетель ваша; а она соблюдает молчание знак согласия, и справедливо. Скажи, пожалуй, что вздумалось тебе так клепать на меня? За какие проказы? За какие шалости? Но довольно, пора говорить о литературе с тобой, нашим Корифеем».

Далее рукою А. П. Керн написано: «Ей-богу, он ничего не хочет и не намерен вам сказать (Насилу упросила). Если бы вы знали, чего мне это стоило! Самой безделки: придвинуть стул, дать перо и бумагу и сказать – пишите. Да спросите, сколько раз повторить это должно было. Repetitio est mater studiorum» (Повторенье – мать ученья).

«Зачем же во всем требуют уроков, а еще более повторений? – продолжает Родзянко. – Жалуюсь тебе, как новому Оберону: отсутствующий, ты имеешь гораздо более влияния на нее, нежели я со всем моим присутствием. Письмо твое меня гораздо более поддерживает, нежели все мое красноречие».

Рукою А. П. Керн: «Je vous proteste qu'il n'est pas dans rnes fers…» (Уверяю вас, что он мною не пленен). «А чья вина? – продолжает Родзянко. – Вот теперь вздумала мириться с Ермолаем Федоровичем: снова пришло давно остывшее желание иметь законных детей, и я пропал. – Тогда можно было извиниться молодостью и неопытностью, а теперь чем? Ради бога, будь посредником». Рукою А. П. Керн написано: «Ей-богу, я этих строк не читала!» «Но заставила их прочесть себе 10 раз. Тем-то Анна Петровна и очаровательнее, что со всем умом и чувствительностью образованной женщины, она изобилует

такими детскими хитростями». Письмо заканчивается стихотворным гимном поэтическому дарованию Пушкина.

Поэт так же ответил стихотворением, причем настолько откровенным и фривольным по отношению А. П. Керн, что диву даешься. Это письмо было вручено красавице через месяц, когда она приехала в гости к своей тетке Прасковье Александровне.

Ты обещал о романтизме,
О сем Парнасском афеизме,
Потолковать еще со мной.
Полтавских муз поведать тайны,
А пишешь лишь о ней одной.
Нет, это ясно, милый мой,
Нет, ты влюблен, Пирон Украйны!
Ты прав: что может быть важней
На свете женщины прекрасной?
Улыбка, взор ее очей
Дороже злата и честей,
Дороже славы разногласной;
Поговорим опять о ней.
Хвалю, мой друг, ее охоту,
Поотдохнув, рожать детей,
Подобных матери своей…
И счастлив, кто разделит с ней
Сию приятную заботу:
Не наведет она зевоту.
Дай Бог, чтоб только Гименей
Меж тем продлил свою дремоту!
Но не согласен я с тобой.
Не одобряю я развода:
Во-первых, веры долг святой,
Закон и самая природа…
А, во-вторых, замечу я,
Благопристойные мужья
Для умных жен необходимы:
При них домашние друзья
Иль чуть заметны, иль незримы.
Поверьте, милые мои,
Одно другому помогает,
И солнце брака затмевает
Звезду стыдливую любви!

Пушкин никогда не отличался скромностью по отношению к женщине, а в этом письме он как бы нарочно иронизирует и

насмехается над поведением Анны Петровны. Перед его глазами стоял образ молоденькой, видимо, сексуальной молодой генеральши, доступной каждому и пикантной в постели. Но вот наступил момент встречи, который оказался настолько неожиданным для обоих, что простой адюльтер, на который рассчитывал поэт, приобрел какое-то благородное и поэтическое воплощение. Как отметил П. К. Губер, «гений чистой красоты проглянул под довольно банальными чертами легкомысленной барыни».

Керн приехала в Тригорское в средине июня, совершенно неожиданно для Пушкина. Она была в полном расцвете блистательной красоты своей и казалась всем выбившейся на свободу, рвущейся к любви женщиной. Прекрасные глаза ее смотрели с «терзающим» и сладострастным выражением, она кружила голову и Пушкину, и Алексею Вульфу, и помещику Рокотову. Поэт целиком был захвачен любовью к ней. Это была не легкая, игристо-веселая любовь; она налетела, как вихрь – сложная, с самыми противоположными переживаниями.

Как произошла их встреча, лучше пусть расскажет сама Анна Петровна: «Мы сидели за обедом и смеялись… Вдруг вошел Пушкин с большою, толстою палкой в руках. Он после часто к нам являлся во время обеда, но не садился за стол, он обедал у себя гораздо раньше и ел очень мало. Приходил он всегда с большими дворовыми собаками chien-loup. Тетушка, подле которой я сидела, мне его представила; он очень низко поклонился, но не сказал ни слова: робость видна была в его движениях. Я тоже не нашлась ничего ему сказать, и мы не скоро ознакомились и заговорили. Да и трудно было с ним вдруг сблизиться: он был очень неровен в обращении, – то шумно весел, то грустен, то робок, то дерзок, то нескончаемо любезен, то томительно скучен, – и нельзя было угадать, в каком он будет расположении духа через минуту… Вообще надо сказать, что он не умел скрывать своих чувств, выражал их всегда искренно… Когда же он решался быть любезным, то ничто не могло сравниться с блеском, остротой и увлекательностью его речи…» Пушкин профессионально начал осаду новой своей жертвы, используя все приемы опытного волокиты. Поначалу явно выраженная робость, чтобы привлечь внимание уставшей от грубых ухаживаний красавицы. Затем наступает очередь усиления давления на женщину, используется весь арсенал средств – обаяние, остроумие, неровность настроения, любезность, даже некоторая дерзость в обращении. Пушкин как бы психологически прощупывал Анну Керн, стараясь понравиться, постепенно вовлекая ее в романтический разговор и возбуждая ее своим

присутствием.

С этой первой встречи, в течение месяца, они виделись почти каждый день. Не переставая рассыпать перед красавицей каскады остроумия и шуток, Пушкин понимал, что внимание Анны Петровны он может привлечь в основном своим поэтическим талантом. «Однажды, – продолжает свой рассказ А. П. Керн, – явился он в Тригорское со своей большою, черною книгой, на полях которой были начерчены ножки и головки, и сказал, что принес ее для меня. Вскоре мы уселись вокруг него, и он прочитал нам своих “Цыган”. Впервые мы слушали эту чудную поэму, и я никогда не забуду того восторга, который охватил мою душу. Я была в упоении, как от текучих стихов этой чудной поэмы, так и от его чтения, в котором было столько музыкальности, что я истаевала от наслаждения…

Через несколько дней после этого чтения тетушка предложила нам всем после ужина прогулку в Михайловское. Пушкин очень обрадовался этому, – и мы поехали. Погода была чудесная, лунная июльская ночь дышала прохладой и ароматом полей. Мы ехали в двух экипажах: тетушка с сыном в одном, сестра (Анна Николаевна Вульф). Пушкин и я – в другом. Ни прежде, ни после я не видела его так добродушно веселым и любезным. Он шутил без острот и сарказмов, хвалил луну, не называл ее глупою, а говорил: “J’aime la lune, quand elle eclaire un beau visage” (Люблю луну, когда она освещает прекрасное лицо). Хвалил природу и говорил, что он торжествует, воображая в ту минуту, будто Александр Полторацкий остался на крыльце у Олениных, а он уехал со мною. Приехавши в Михайловское, мы не вошли в дом, а пошли прямо в старый, запущенный сад, “Приют задумчивых дриад”, с длинными аллеями старых дерев, корни которых, сплетаясь, вились по дорожкам, что заставляло меня спотыкаться, а моего спутника – вздрагивать. Тетушка, приехавши туда вслед за нами, сказала: “Mon cher Pouchkine, faites les honneurs de votre jarden a madam” (Дорогой Пушкин, будьте же гостеприимны и покажите госпоже ваш сад). Он быстро подал мне руку и побежал скоро, скоро, как ученик, неожиданно получивший позволение прогуляться. Подробностей разговора нашего не помню; он вспоминал нашу первую встречу у Олениных, выражался о ней увлекательно, восторженно и в конце разговора сказал: “Vous aviez un air si virginal; n’est ce pas, que vous aviez sur vous quelque chose, comme une croix”. (Вы выглядели такой невинной девочкой; на вас было тогда что-то вроде крестика, не правда ли).

На другой день я должна была уехать в Ригу вместе с сестрою Анной Николаевной Вульф. Он пришел утром и на прощание

принес мне экземпляр II главы “Онегина”, в неразрезанных листках, между которыми я нашла вчетверо сложенный лист бумаги со стихами:

Я помню чудное мгновенье…
и проч., и проч.

Когда я собиралась спрятать в шкатулку поэтический подарок, он долго на меня смотрел, потом судорожно выхватил и не хотел возвращать; насилу выпросила я их опять; что у него мелькнуло тогда в голове, не знаю…»

В этом известном всем стихотворении поэт выразил и историю своих встреч с А. П. Керн, начиная с далекого вечера у Олениных, и романтическое настроение, возникшее после вечерней прогулки, и чувственное влечение к очаровательной и кокетливой женщине. Банальное ухаживание с целью затащить в постель не отличавшуюся добродетелью молодую женщину переросло за этот месяц в бурную страсть. Он уже испытывал подобное в Одессе. Правда, пыл его несколько поутих в деревенской глуши, но желание полового контакта породило, по словам Анненкова, «мгновенный порыв». Этот порыв был настолько силен и ярок, переливаясь всеми оттенками чувств, что часть энергии «либидо», бьющей через край, воплотился в прекрасных, нежных, хотя чуть сумбурных поэтических строках. Пушкин весь пылал страстью, и его пламя все настойчивей возбуждало чувственность Анны Петровны. Взаимное сексуальное влечение двух истерических характеров вот-вот могло закончиться полным и всепоглощающим контактом.

Но тут вмешалась Прасковья Александровна Осипова и настояла на немедленном отъезде всего семейства, вместе с Анной Петровной, в Ригу. Анненков говорит, что Прасковья Александровна увезла «красивейшую из своих племянниц» «во избежание катастрофы». Ревнивая вспышка Прасковьи Александровны, которая воспользовалась случаем, чтобы устранить молодую и обольстительную соперницу, приоткрыла настоящие отношения между ней и Пушкиным. За предыдущие месяцы нежные чувства, питаемые стареющей женщиной к молодому, сильному в сексуальном отношении поэту, никак не проявлялись. И вот резкая вспышка ревности, которая имела веские основания. Пушкин настолько сильно увлекся Анной Петровной Керн, что, видимо, прекратил всякие интимные контакты с Прасковьей Александровной. Романтическая прогулка, о которой рассказывает Анна Петровна, состоялась 18 июля, а 19 числа Осипова-старшая уехала вместе с племянницей и старшей

дочерью. Алексей Вульф должен был вскоре последовать за нею.

Пушкин остался в одиночестве, которое начинало уже сильно тяготить его. Однообразная сексуальная жизнь с крепостной красавицей давила на его психику. Необходимое ему разнообразие чувств и полового удовлетворения исчезло вместе с уехавшими обитательницами Тригорского. Остались только сильные эротические воспоминания, будоражившие его воображение. От них поэту трудно избавиться. Мысли постоянно возвращаются к Анне Керн. С кем бы он ни переписывался, обязательно упоминает о своем несбывшемся адюльтере.

Переписываясь с Прасковьей Александровной, он не может не упомянуть свое новое увлечение: «Хотите знать, что такое m-me Керн? У нее гибкий ум; она все понимает, она легко огорчается и так же легко утешается; она застенчива в манерах, смела в поступках, но чрезвычайно привлекательна». Видимо, ему очень хотелось поговорить с кем-либо о предмете своей страсти. Но с Прасковьей Александровной можно было касаться этой темы лишь весьма осторожно. Поэтому Пушкин выбрал себе более спокойную слушательницу – влюбленную в него Анну Николаевну Вульф. Письмо, написанное ей, по-настоящему предназначалось для А. Керн, которой, и Пушкин это знал, ее чувствительная кузина непременно покажет его послание.

«Все Тригорское поет: не мила ей прелесть ночи, и у меня от этого сжимается сердце; вчера Алексей и я говорили 4 часа подряд. Никогда у нас еще не было такой долгой беседы. Угадайте, что нас вдруг так соединило? скука? сходство наших чувств? Не знаю, право. Каждую ночь я прогуливаюсь у себя по саду; я повторяю себе: она была здесь; камень, о который она споткнулась, лежит у меня на столе возле увядшего гелиотропа. Я пишу много стихов – все это, если угодно, очень похоже на любовь, но, клянусь вам, что никакой любви нет. Если б я был влюблен, то в воскресенье со мною сделались бы судороги от бешенства и ревности, а я был только слегка уколот. И однако мысль, что я для нее ничто, что, пробудив и заняв ее воображение, я только потешил ее любопытство, что воспоминание обо мне ни на минуту не сделает ее более рассеянной среди ее триумфов, ни более мрачной в дни печали; что ее прекрасные глаза остановятся на каком-нибудь рижском фате с тем же выражением, мучительным и сладострастным – нет, эта мысль для меня нестерпима; скажите ей, что я от этого умру; нет, не говорите ей этого: она будет смеяться над этим, восхитительное создание! Но скажите ей, что если в ее сердце нет ко мне тайной нежности, меланхолического, таинственного влечения, то я ее презираю, слышите ли? Да, я ее презираю,

несмотря на все удивление, которое должно у нее вызвать это чувство, столь для нее новое… Проклятое посещение, проклятый отъезд».

Пушкин находился еще в состоянии любовного опьянения, и его неудавшаяся попытка соблазнения лишь усиливала его чувство, которое сопровождалось по обыкновению сильной ревностью, которую, как вы, наверно, догадались, поэт испытывал к своему товарищу по волокитству – Алексею Вульфу, рижскому студенту. Ревность эта имела веское основание. Вульф уже начал ухаживать за своею двоюродной сестрой и успел обаять ее, может даже более чем Пушкин – своей молодостью, приятной наружностью и несколько более холодным ухаживанием. Еще больше пугали поэта те новые знакомства, которые ожидали Анну Петровну в Риге.

Как женщина истерического характера, Анна Петровна была во власти поиска свежих чувств и сексуального удовлетворения. Такие женщины, как отмечает А. Лоуэн, бессознательно ищут обстоятельств, которые их возбуждали бы и увеличивали бы их внутреннюю заряженность. Именно так можно объяснить их кокетство, флирт. Подавленное желание мешает напрямую подойти к мужчине. Явно сексуальные жесты и мимика, включая легкое покачивание бедрами и игру глазами, служат для провоцирования мужчины на решительные действия. Дальнейшие взаимоотношения развиваются по типичной схеме, ведущей к подчинению и покорности женщины, поскольку именно к этому она и стремилась бессознательно с самого начала. Выказываемое ею иногда сопротивление подавляется силой.

«Под внешней покорностью, – анализирует поведение истерической женщины А. Лоуэн, – скрывается агрессивность, ведущая к сексуальной разрядке. Ухаживания мужчины должны залечить рану, нанесенную детскому нарциссизму девочки отцовским отказом принять ее сексуальное стремление к нему. Точно так же, как мужчина-невротик полагает свои действия завоеванием, женщина с истерическим характером считает такими же и свое поведение, и его результаты. Покорность в сексуальных отношениях восстанавливает эдипову ситуацию, но в благоприятном для женщины варианте».

Анне Петровне, как и Пушкину, была свойственна двойственность осознания сексуальности. Либо романтическая любовь, либо сексуальная покорность. (У мужчины – сексуальная агрессия.) Их невроз и состоял в антагонизме двух проявлений одного и того же эротического импульса. Этими же причинами объясняются те многочисленные любовные связи, которые сопровождали Анну Керн всю ее долгую и интересную жизнь.

Ничего нет удивительного, что она благосклонно восприняла ухаживания Алексея Вульфа.

Через четыре дня, 25 июля, Пушкин пишет уже самой Анне Петровне: «Я имел слабость попросить позволения писать к вам и вы – легкомыслие или кокетство позволить это. Переписка ни к чему не ведет, я это знаю; но я не имею силы противостоять желанию получить хоть слово, написанное вашей хорошенькой ручкой. Ваш приезд оставил во мне впечатление более сильное и более мучительное, нежели то, которое произвела некогда наша встреча у Олениных. Самое лучшее, что я могу сделать в глуши моей печальной деревни, это постараться не думать более о вас. Вы должны были бы сами желать для меня этого, если б в душе вашей была хоть капля жалости ко мне, – но ветреность всегда жестока, и вы, женщины, кружа головы кому ни попало, всегда бываете рады узнать, что чья-то душа страдает в честь и во славу вам. Прощайте, божественная, я бешусь, и я у ваших ног. Тысячу нежностей Ермолаю Федоровичу и поклон г-ну Вульфу. Вновь берусь за перо, ибо умираю от скуки и могу заниматься только вами. – Я надеюсь, что вы прочитаете это письмо тайком. – Спрячете ли вы его у себя на груди? Пришлете ли мне длинный ответ? Напишите мне все, что придет вам в голову, заклинаю вас. Если вы боитесь моей нескромности, если вы не хотите компрометировать себя, измените почерк, подпишитесь вымышленным именем, мое сердце сумеет вас узнать. Если ваши слова будут так же ласковы, как ваши взгляды, я, увы, постараюсь им поверить, или обмануть самого себя, что все равно. – Знаете ли вы, что, перечитывая эти строки, я стыжусь их сентиментального тона: что скажет Анна Николаевна? Ах, вы, чудотворка или чудотворица! Знаете что? – пишите мне!»

Оставшись наедине со своими любовными проблемами, Пушкин, однако, не впал в ревнивое отчаяние. Удивительно сочетание тона его писем к Анне Керн, таких блистательных, полных любви, страсти, остроумия, с той массой обыденных дел, которые он успел закончить в своем затворничестве. «Я в совершенном одиночестве, – пишет Пушкин в конце июня Н. Н. Раевскому, – единственная соседка, которую я посещал, уехала в Ригу, и у меня буквально нет другого общества, кроме моей старой няни и моей трагедии («Борис Годунов»); последняя продвигается вперед, и я доволен ею… Я пишу и думаю… Я чувствую, что духовные силы мои достигли полного развития и что я могу творить».

Через посредство матери и друзей, главным образом Жуковского, – он хлопочет перед властями о разрешении въезда в столицу или, по крайней мере, о том, чтобы ему позволили

отправиться в Ригу для операции аневризма. На самом деле в операции не было ни малейшей нужды (у поэта аневризма никакого не было, только варикозное расширение вен на одной ноге). Пушкин хотел попасть в Ригу лишь потому, что оттуда легче было бы пробраться тайком за границу. Таким образом, мечты о побеге вновь овладели Пушкиным и казались теперь ближе к осуществлению, нежели когда-либо. Алексей Вульф, по словам Анненкова, сделался поверенным поэта в его замыслах об эмиграции. Он сам собирался за границу и предлагал Пушкину увести его под видом слуги. Забот было много, (по собственному выражению поэта в письме к Н. А. Полевому: «хлопоты всякого рода не давали ему покоя ни на минуту»), одиночество немного успокаивало, но какое-то постоянное чувство неудовлетворенной страсти без конца терзает его сердце и ум.

Пушкин постоянно направляет Анне Керн письма, в которых сообщает целый ворох новостей, читает ей мораль, рассыпает комплименты, выказывает ревность, но вряд ли большую и искреннюю любовь, как считала сама Анна Петровна, и некоторые восторженные пушкиноведы. А тем более со стороны мадам Керн речь не могла идти о всепоглощающей страсти. Романтическая любовь не зародилась в ее сердце, а сексуальное удовлетворение она получала от менее восторженных, менее профессиональных, но более нахальных и симпатичных мужчин. Однако поэт продолжал писать все новые и новые письма и непонятно, что толкало его на это, скорее всего психологическое переживание в воображении несостоявшейся победы и частично горечь от неудовлетворенного самолюбия. Все эти признаки проявляются в его письмах. Мы отметим их курсивом. Ведь все комплименты, которые раздаривает поэт Анне Петровне, настолько безупречны и выражены в столь явно усилительной форме, что не могут быть искренними, идущими от сердца. Этот роман в письмах создан сочетанием холодного рассудка соблазнителя и стихающей страстью влюбленного юноши. В нем сильно выражены так же и подсознательные «инцестуальные» особенности восприятия женщины, которую поэт хочет заполучить в качестве любовницы, ибо она соответствует его «эротическому» идеалу.

Пушкин получил ответ А. П. Керн около 14 августа и немедленно вновь написал к ней: «Я перечитываю ваше письмо вдоль и поперек и говорю: милая! прелесть! божественная!.. и затем: ах, мерзкая! – простите, прекрасная и нежная, но это так. Нет никакого сомнения в том, что вы божественны, но порою вам не хватает здравого смысла; простите еще раз и утешьтесь, ибо от этого вы еще прелестнее. Что, например, хотите сказать вы, упоминая о печати, которая должна быть прилична для вас и вам

нравиться (счастливая печать!), и которую я должен для вас придумать? Если тут нет какого-нибудь скрытого смысла, то я не понимаю, чего вы от меня хотите. Требуете ли вы, чтобы я сочинил для вас девиз? Это было бы совсем во вкусе Нетти… Что ж, сохраните и впредь слова: не скоро, а здорово, лишь бы они не послужили девизом для вашего путешествия в Тригорское, и поговорим о другом… Вы утверждаете, что я не знаю вашего характера? Что мне за дело до вашего характера? Очень я о нем забочусь – и разве красивые женщины должны иметь характер? Самое существенное для них – глаза, зубы, руки и ноги (я прибавил бы сюда сердце, но ваша кузина слишком злоупотребляла этим словом); вы утверждаете, что вас легко знать, – то есть полюбить, – хотите вы сказать? Я того же мнения и сам служу доказательством его правильности; – я вел себя с вами, как ребенок 14 лет – это недостойно, но с тех пор как я больше не вижу вас, я мало-помалу приобретаю вновь утраченное сознание превосходства и пользуюсь им, чтобы бранить вас. Если мы когда-нибудь опять увидимся, обещайте мне… Нет, я не хочу ваших обещаний; и, кроме того, всякое письмо так холодно; мольба, посланная по почте, не имеет ни силы, ни чувства, а в отказе нет ни грации, ни сладострастия. Итак, до свидания, и поговорим о другом. Как поживает подагра вашего супруга? Надеюсь, что у него был хороший припадок через день после вашего приезда. Поделом ему! Если б вы знали, какое отвращение, смешанное с почтением, испытываю я к этому человеку! Божественная, во имя неба, сделайте так, чтобы он играл в карты и болел подагрой; подагра! это моя единственная надежда.

Перечитывая еще раз ваше письмо, я нахожу одно ужасное «если», которого сперва не заметил: если моя кузина (Анна Николаевна) останется в деревне, то я приеду нынче осенью и т. д. Во имя неба, пусть она останется! Постарайтесь занять ее, нет ничего легче. Прикажите какому-нибудь офицеру вашего гарнизона влюбиться в нее, а когда настанет время отъезда, сделайте ей неприятность, отбив ее вздыхателя; это еще легче. Но не показывайте ей ваших намерений; она способна из упрямства сделать как раз обратное тому, что нужно. Что вы сделали из вашего кузена? Расскажите мне, но откровенно. Отошлите его поскорее в университет; не знаю почему, но я не люблю этих студентов, совершенно так же, как г-н Керн. Весьма достойный человек этот г-н Керн, человек степенный, благоразумный и т. д. У него только один недостаток – он ваш муж. Как можно быть вашим мужем? Я не могу представить себе этого так же, как не могу представить себе рая…

Это было написано вчера. Сегодня почтовый день; не знаю почему, я забрал себе в голову, что получу письмо от вас; этого не случилось, и я в собачьем настроении, хотя это весьма несправедливо с моей стороны: я должен был бы быть признателен за прошлый раз, я это помню; но, что хотите, это так: Умоляю вас, божественная, снизойдите к моей слабости, пишите ко мне, любите меня, и я тогда постараюсь быть милым. Прощайте, дайте ручку».

Это письмо, второе из известных нам писем Пушкина к А. П. Керн, в действительности было по счету третьим. Между 1 и 14 августа он написал еще одно письмо, которое вложил по ошибке в пакет, предназначавшийся для Прасковьи Александровны. Та распечатала его, прочитала и нашла нужным уничтожить письмо, не показывая его племяннице. По этому поводу между обеими женщинами произошла ссора, дошедшая до открытого разрыва.

В двадцатых числах августа Пушкин получил новое послание от Анны Петровны и тотчас же ответил: «Вы несносны, я совсем собрался писать к вам о разных дурачествах, которые заставили бы вас помирать со смеху; и вот является ваше письмо, чтобы расстроить меня в самом разгаре моего воодушевления. Постарайтесь отделаться от этих спазм, которые делают вас такой интересной, но которые ни черта не стоят, предупреждаю вас об этом. Почему должен я все время бранить вас? Не следовало писать ко мне, если рука у вас на перевязи; какая бестолковая голова!

Скажите, однако, что он вам сделал, этот бедный муж? Уж не ревнует он случайно? Что ж! клянусь вам, он был бы в этом прав; вы не умеете или (что еще хуже) не хотите щадить людей. Красивая женщина вправе… иметь любовников. Боже мой, я не собираюсь проповедовать мораль, но все же должно выказывать уважение к мужу, иначе никто не захочет быть мужем. Не презирайте этого ремесла; оно необходимо по условиям света. Слушайте, я говорю вам от чистого сердца: на расстоянии 400 верст вы ухитрились возбудить мою ревность; что же было бы в четырех шагах? (Хотел бы я знать, почему двоюродный ваш братец выехал из Риги лишь 15 числа текущего месяца и почему его имя три раза оказалось на конце вашего пера в письме ко мне? Нельзя ли узнать это, не будучи нескромным?). Простите, божественная, если я так откровенно говорю с вами. Это доказательство моего истинного участия к вам; я вас люблю больше, нежели вы думаете. Постарайтесь же примириться хоть немного с этим проклятым г-ном Керном. Я хорошо понимаю, что это не великий гений, но, наконец, это все же и не совсем дурак. Кротость, кокетство (и прежде всего, во имя неба, отказы, отказы

и отказы) бросят его к вашим ногам – место, которому я завидую от глубины души, но что делать. Я в отчаянии вследствие отъезда Анеты; что бы там ни было, вы безусловно должны приехать нынче осенью сюда или хоть в Псков. В виде предлога можно указать болезнь Анеты, как вы думаете? Отвечайте мне, умоляю, и ничего не говорите А. Вульфу. Вы приедете? – не правда ли? – до тех пор ничего не решайте относительно мужа. Вы молоды, вся ваша жизнь впереди, а он… Наконец, будьте уверены, что я не из тех, которые никогда не советуют прибегать к решительному образу действий; иногда это бывает необходимо, но сперва надобно все обсудить и не делать бесполезного шума.

Прощайте! Уже ночь, и ваш образ является мне, грустный и сладострастный; мне кажется, будто я вижу ваш взгляд, ваш полуоткрытый рот. Прощайте. Мне кажется, будто я у ног ваших, сжимаю их, чувствую ваши колени, – я отдал бы всю кровь мою за одну минуту такой действительности. Прощайте и верьте моему бреду; он смешон, но искренен».

Несколько дней спустя Пушкин узнал, что одно из его писем было распечатано Прасковьей Александровной. Произошла ссора, после которой разгневанная П. А. Осипова возвращается обратно к себе в Тригорское, а А. П. Керн остается в Риге с мужем. 28 августа Пушкин отправил к Анне Петровне два письма. Одно на имя самой Анны Петровны и другое якобы для Прасковьи Александровны. Но в действительности и второе письмо также предназначалось А. П. Керн. Пушкин был уверен, что Анна Петровна вскроет его и тем самым рассчитается со своей любопытной тетушкой, которая присвоила себе право надзора за ее перепиской.

«Вот письмо для вашей тетушки. Вы можете оставить его у себя, если случайно ее нет уже больше в Риге. Скажите, можно ли быть такой опрометчивой? Каким образом письмо, написанное к вам, попало в другие руки? Но так как это случилось, то поговорим о том, что нам делать.

Если ваш супруг вам слишком наскучил, бросьте его. Но знаете как? Вы оставляете там все семейство, вы берете почтовых лошадей по дороге на Остров и приезжаете… куда? В Тригорское? Ничего подобного: в Михайловское. Вот великолепный план, который уже в течение четверти часа дразнит мое воображение; можете ли вы себе представить, как буду я счастлив? Вы мне скажете: “А шум, а скандал?” Какого черта! Скандал будет уже налицо, лишь только вы оставите мужа; прочее ничего не значит или очень мало. Но согласитесь, что проект мой весьма романтический? Сходство характеров, ненависть к препятствиям, резко выраженный орган воровства и т. д., и т. д. Можете ли вы

представить изумление вашей тетушки? Конечно, последует разрыв. Вы будете видеться с вашей кузиной тайком, и это сделает дружбу менее скучной, а когда умрет Керн, вы станете свободны, как воздух. Ну, что же вы об этом скажете? Не прав ли был я, когда говорил, что способен преподать совет внушительный и смелый! Поговорим серьезно, т. е. хладнокровно: увижу ли я вас? Мысль, что нет, заставляет меня содрогаться. Вы мне скажете: утешьтесь. Отлично! Но как? Влюбиться? Невозможно. Сперва надо забыть ваши спазмы. – Бежать за границу? удавиться? жениться? Со всем этим связаны большие затруднения, которые мне претят. – Да! а кстати, ваши письма, – каким образом я буду получать их? Ваша тетушка не хочет этой переписки, такой целомудренной, такой невинной (да и какой она может быть… на расстоянии 400 верст). Весьма возможно, что наши письма будут перехватываться, читаться, комментироваться и потом подвергаться торжественному сожжению. Постарайтесь изменить ваш почерк, и я посмотрю, что из этого выйдет. Но пишите мне, и много, вдоль и поперек, и по диагонали (геометрический термин). И прежде всего дайте мне надежду вновь вас увидеть. Если это невозможно, я в самом деле постараюсь влюбиться в кого-нибудь другого. Да, я забыл! Я написал Нетти письмо, очень нежное и очень смиренное. Я без ума от Нетти. Она наивна, а вы нет. Почему вы не наивны? Не правда ли, я гораздо любезнее по почте, нежели лицом к лицу? Ну так вот, если вы приедете, я обещаю быть чрезвычайно милым, я буду весел в понедельник, экзальтирован во вторник, нежен в среду, а в пятницу, субботу и воскресенье буду таков, как вам будет угодно, и всю неделю буду находиться у ног ваших. Прощайте!

Не распечатывайте прилагаемого письма. Это нехорошо. Ваша тетушка рассердится. Но подивитесь, как милосердный Бог все перепутал: г-жа О. распечатывает письмо, посланное к вам, вы распечатываете письмо к ней, я распечатываю письмо Нетти, и все мы находим кое-что для себя поучительное. Поистине это одно волшебство».

Само собой разумеется, что Анна Петровна немедленно распечатала прилагаемое письмо. И вот что она там прочитала.

«Да, сударыня, да будет стыдно тому, кто об этом дурно подумает. Как злы люди, которые полагают, что переписка может повести к чему бы то ни было! Уж не по опыту ли они это знают? Но я их прощаю, сделайте то же самое и будем продолжать.

Ваше последнее письмо (писанное в полночь) очаровательно; я смеялся от всего сердца; но вы слишком суровы к вашей милой племяннице; правда, она опрометчива, но запаситесь терпением:

еще десятка два лет, и она исправится, обещаю вам это. Что до ее кокетства, то вы совершенно правы, оно нестерпимо. Почему не довольствуется она тем, что имеет счастье нравиться повелителю господину Керну? Нет, ей нужно еще кружить голову вашему сыну, ее двоюродному брату. По прибытии в Тригорское ей приходит на ум пленить г-на Рокотова и меня; это не все: по прибытии в Ригу она видит в тамошней проклятой крепости проклятого арестанта; она становится кокетливым провидением этого негодного каторжника! Но и это еще не все: от вас я узнаю, что в дело замешано еще несколько мундиров! Нет, право, это слишком: г-н Рокотов узнает об этом, и мы осмотрим, что он скажет. Но, сударыня, неужели вы серьезно думаете, что она кокетничает с полнейшим равнодушием? Она говорит что нет; и мне хотелось бы этому верить; но еще более меня утешает то, что не у всех одна и та же манера ухаживать, и мне нужно лишь, чтобы все другие были почтительны, застенчивы и деликатны. Благодарю вас, сударыня, за то, что вы не передали моего письма; оно было слишком нежно, и при нынешних обстоятельствах это показалось бы смешно с моей стороны. Я напишу ей другое, с дерзостью, меня отличающей, и решительно порву с нею, да не скажут, что я старался внести смуту в семейные недра, что Ермолай Федорович имел право обвинять меня в отсутствии принципов и что его жена смеялась надо мной. Как мило с вашей стороны находить портрет схожим: „смела в поступках» и т. д. Не правда ли? Она опять говорит, что нет; но, конечно, я ей больше не верю. Прощайте сударыня, вашего возвращения я ожидаю с большим нетерпением; мы позлословим насчет северной Нетти, по поводу которой я всегда буду сожалеть, зачем я ее увидел, и еще более, зачем я… Простите это несколько слишком откровенное признание тому, который любит вас очень нежно, хотя и совершенно иначе».

В этом письме Пушкин вспомнил свою «северную» любовь, которая постоянно возникала перед его взором и будоражила подсознательное стремление к нежности, зафиксированное в детстве на образах сестры и няни. От этих волнующих его память романтических чувств поэт давно отказался. И через все письма поэта, если вы внимательно их читали, постоянно проходит одна мысль, одна идея, волнующая взбудораженный мозг Пушкина. Это мысль о «спасении» объекта своего страстного увлечения. Пушкин как бы убежден, что без него Анна Петровна может потерять свою нравственную опору и быстро опуститься до уровня женщины, которую передают из рук в руки первые встречные волокиты.

Психологически, как описывает это состояние Фрейд,

мужчина спасает ее тем, что не оставляет ее. В выделенных курсивом строках постоянно звучит обеспокоенность тем, что любимая женщина подвергается опасности со стороны мужчин (Алексей Вульф, помещик Рокотов, уланы) из-за своей склонности к непостоянству и неверности, что было действительно свойственно Анне Керн. Ревнивые интонации Пушкина, моральные проповеди о любви и уважении к мужу, переходящие в предложение бросить все и приехать к нему в Михайловское, упреки в кокетстве – все это является выражением стремления влюбленного поэта «уберечь ее от опасности, охраняя ее добродетель и противодействуя ее дурным наклонностям».

Эти мотивы спасения любимой женщины являются необъемлемой частью сексуальной жизни невротиков. Они усиливают эротическое удовольствие, возбуждая фантазию подсознательно ощущаемой «эдиповой» ситуацией спасения матери от притязаний (вполне законных) отца.

Отправив эти письма в Ригу, Пушкин какое-то время спустя спохватился, что второе послание, предназначенное П. А. Осиповой, могло бы поссорить его с владелицей Тригорского. И он снова пишет мадам Керн: «Во имя неба, не посылайте г-же Осиповой письма, которое вы нашли у вас в пакете, – просил он 22 сентября. – Разве вы не видите, что оно было написано единственно для вашего поучения? Сохраните его для себя, или вы нас поссорите. Я взялся установить мир между вами, но готов впасть в отчаяние после ваших последних оплошностей… Кстати, вы мне клянетесь вашими великими богами, что ни с кем не кокетничаете, и в то же время говорите “ты” вашему кузену, вы ему говорите: я презираю твою мать, это ужасно; следовало сказать: вашу мать, и даже ничего не следовало говорить, ибо фраза произвела дьявольский эффект. Ревность в сторону, я советую вам прервать эту переписку, советую как друг, который вам истинно предан, без фраз и притворства. Я не понимаю, с какой целью вы кокетничаете с молодым студентом (который к тому же не поэт) на столь почтительном расстоянии. Когда он был около вас, я находил это вполне естественным, ибо надо быть рассудительным. Итак, решено! Не правда ли? Никакой переписки. – Я вам ручаюсь, что он останется по-прежнему влюбленным. Серьезно ли вы говорите, будто одобряете мой план? Аннета совсем перетрусила, а у меня голова закружилась от радости. Но я не верю в счастье, и это весьма простительно. Не хотите ли вы, ангел любви, переубедить душу, неверующую и увядшую? Но приезжайте, по крайней мере, в Псков; это будет вам легко. Мое сердце бьется, в глазах темнеет, я впадаю в истому при одной этой мысли. Не одна ли это пустая надежда, подобно

стольким другим… Но к делу; прежде всего нужен предлог: болезнь Аннеты, что вы об этом скажете? Или не предпринять ли вам путешествие в Петербург… Вы меня известите, да? Не обманывайте меня, прекрасный ангел! Как я вам буду признателен, если смогу расстаться с жизнью, познав счастье! Не говорите мне о восхищении: это не то чувство. Говорите мне о любви: я ее жажду: но прежде всего не говорите мне о стихах… Ваш совет написать к его величеству тронул меня, как доказательство того, что вы думаете обо мне; благодарю на коленях, но не могу последовать этому совету. Надо, чтобы судьба определила дальнейшее; я не хочу в это вмешиваться… Надежда вновь увидеть вас прекрасной и юной только и дорога мне. Еще раз, не обманывайте меня.

Завтра день именин вашей тетушки; итак, я буду в Тригорском; ваша мысль выдать замуж Аннету, чтобы иметь приют, восхитительна, но я ничего не сказал ей об этом. Отвечайте, умоляю вас, по главным пунктам этого письма и я поверю, что мир еще стоит того, чтобы жить в нем».

Ко всем переживаниям поэта примешивается чувство ревности, постоянный спутник его сексуальных влечений. Постоянное упоминание об Алексее Вульфе – молодом и удачном сопернике болью отзывается в сердце Пушкина. Искренно переживаешь за поэта, когда думаешь, что письма его читались красавицей из тщеславия, а ласки свои, которых так бешено жаждал поэт, она расточала другому.

Вскоре в Тригорское вернулась П. А. Осипова, которая помирилась с Пушкиным, что вполне естественно для ее отношения к нему, и с Анной Керн, которая в начале октября вторично посетила свою тетку, на этот раз с мужем. Супруги Керн провели в Тригорском всего несколько дней и вернулись в Ригу.

А. П. Керн, видимо следуя совету Пушкина, хотела помириться с мужем. Но ей не удалось к этому себя принудить. Она настолько привыкла к свободной жизни и частой смене сексуальных партнеров, что роль послушной и верной супруги, да еще в провинциальном городе, вызывала у ней вполне сознательное чувство протеста. Она решила переехать в Петербург. «Уезжая из Риги, – рассказывает она, – я послала ему (Пушкину) последнее издание Байрона, о котором он так давно хлопотал, и получила еще письмо, чуть ли не самое любезное из всех прочих: так он был признателен за Байрона».

«Я совсем не ожидал, волшебница, что вы меня вспомните, – писал Пушкин в этом письме 8 декабря 1825 года. – Благодарю вас от всей глубины души. Байрон получил в глазах моих новое очарование; все его героини облекутся в моем воображении в

черты, которые нельзя забыть. Я буду видеть вас в Гюльнаре и в Лейле. Идеал самого Байрона не может быть более божественным. Значит, как и прежде, судьба посылает вас, чтобы населить чарами мое одиночество. Вы ангел утешения, а я просто неблагодарный человек, так как продолжаю роптать. Вы отправляетесь в Петербург, и мое изгнание меня гнетет более чем когда-либо. Быть может, перемена, имеющая совершиться, приблизит меня к вам, но не смею надеяться. Не будем верить надежде, это всего-навсего красивая женщина, которая обращается с нами, словно со старыми мужьями. Что поделывает ваш муж, мой кроткий ангел? Знаете ли вы, что с его чертами я воображаю себе врагов Байрона, в том числе и его жену». И далее:

«Вновь беру перо, дабы сказать вам, что я у ног ваших, что молю вас, как всегда, что я вас порой ненавижу, что третьего дня я говорил о вас ужасные вещи, что я целую ваши прекрасные руки, целую вновь и вновь в ожидании лучшего, что я не могу больше, что вы божественны и т. д.»

Это «чуть ли не самое любезное» и наименее чувственное письмо оказалось, однако, самым последним из дошедших до нас. Разлука, заботы, новые увлечения загасили любовь, которая и существовала, быть может, только в воображении поэта. К первым месяцам 1826 года относится начало его романа с Анной Николаевной Вульф. А мадам Керн, поселившись в Петербурге, завязала тесную дружбу с Ольгой Сергеевной, любимой сестрой поэта. Многих мужчин она привлекала своим кокетством и чувственностью. У ее ног побывали и Лев, брат Пушкина, и его отец Сергей Львович, старый влюбчивый «селадон». Связь с Алексеем Вульфом продолжалась. Она стала постоянной гостьей в доме барона Дельвига, подружившись с его женой Софьей Михайловной, которая так же страстно желала интимных отношений с молодым Вульфом, постоянно ведя с ним любовную игру.

Сам будучи блудодеем, Пушкин воспринимал блудодейство женщин с какой-то горечью, хотя именно такие женщины могли удовлетворить его постоянно возбужденное состояние. Узнав об увлечениях мадам Керн, поэт в письмах своих довольно грубо и цинично отзывается о предмете своей недавней и такой «возвышенной», судя по приведенным выше письмам, страсти. «Что делает вавилонская блудница Анна Петровна? – ревниво спрашивал он Алексея Вульфа в мае 1826 года. – Говорят, что Болтин очень счастливо метал против почтенного Ермолая Федоровича. Мое дело сторона, но что же скажете вы?».

Да, любовь прошла безвозвратно и уступила место какому-то циничному раздражению. Поэт злился и на себя за неудавшийся

роман, и на Анну Керн, меняющую объекты своих сексуальных предпочтений, за то, что по словам П. К. Губера, увидел гений чистой красоты в образе «вавилонской блудницы», насильно выданной за дивизионного генерала. «Пленительный кумир был снова – в который раз – разоблачен и лишен окутывавшего его покрывала иллюзии, и за этим последним, как всегда, открылся безобразный призрак убогой действительности. Пушкин стыдился своего былого самообмана; впрочем, может быть, он был немножко сердит и на самое Анну Петровну, которая, такая сговорчивая с другими, отвергла его домогательства или если даже уступила им, то слишком поздно, когда рассеялся без остатка душный, сладкий туман страсти и уцелела одна только обнаженная, прозаическая похоть».

После своего возвращения из Михайловской ссылки, Пушкин встречался с Анной Керн в доме своего отца и у Дельвигов. Отношения их стали обычными, страстное чувство давно угасло. Имея в виду дальнейшую жизнь Анны Петровны, прошедшую в окружении литературных и музыкальных знаменитостей России – Жуковского, Глинки, Веневитинова, Никитенко, ее муж, простой солдафон, писал в 1837 году, что жена его «предалась блудной жизни и, оставив его более десяти лет тому назад, увлеклась совершенно преступными страстями своими…»

4

В ноябре 1825 года скончался император Александр I, сославший поэта на четыре года. В начале декабря Пушкин задумывает тайно съездить в Петербург, чтобы переговорить с друзьями и братом о своем положении ссыльного и о дальнейшей судьбе. 15 декабря приходит известие о восстании на сенатской площади. Пушкин находился в Тригорском, у П. А. Осиповой; он страшно побледнел и заговорил о тайном обществе. Все его друзья и знакомые: Пущин, Раевский, Михаил Орлов – муж Екатерины Раевской, Николай Тургенев, муж Марии Раевской – князь Сергей Волконский, Василий Давыдов – все они в большей или меньшей степени были декабристами, участниками Северного и Южного тайных обществ. Со свойственной ему решительностью поэт начал собираться в дорогу. Однако с резкой порывистостью желаний у Пушкина сочеталась и резкая переменчивость настроения. Вот и сейчас на пол дороге он изменил свое решение и вернулся в Михайловское. Необходимо было выждать и трезво оценить ситуацию. Он ничем не помог бы восставшим, а себя погубил бы. Пушкин принял правильное решение, говорящее о его зрелости и осторожности. Свободолюбивые идеи, волнующие молодого поэта, постепенно отошли на задний план. Когда восстание 14 декабря закончилось поражением и начались аресты, Пушкин продолжал свою привычную жизнь.

В Татьянин день, 12 января, справили именины Евпраксии Вульф. Снова веселые девушки, вино, смех, проказы. Женское общество постоянно влечет поэта. Роман с П. А. Осиповой себя постепенно изживает, беременная Ольга Калашникова уже не возбуждает поэта своей молодостью, свежестью и неопытностью. Жажда новых романов и разнообразных сексуальных удовольствий направляет внимание Пушкина на старшую дочь, Анну Николаевну, которая давно и страстно была влюблена в него. Он же поначалу увлекся немного безрасчетно и безоглядно полюбившей его Анной Николаевной. Вот отрывок из письма Пушкина Анне Вульф, написанного в июле 1825 года. «Итак, вы уже в Риге? одерживаете ли победы? Скоро ли выйдете замуж? застали ли уланов? Сообщите мне обо всем этом подробнейшим образом, так как вы знаете, что несмотря на мои злые шутки, я близко принимаю к сердцу все, что вас касается… Что до нравоучений и советов, то вы их получите. Слушайте хорошенько: 1) ради бога, будьте легкомысленны только с вашими друзьями (мужеского рода), они воспользуются этим лишь для себя, между

тем как подруги будут вредить вам… 2) носите короткие платья, потому что у вас хорошенькие ножки и не взбивайте волосы на височках, хотя бы это и было модно, так как у вас, к несчастью, круглое лицо…» и все в таком же духе. Много иронии, холодного интереса, пустой вежливости, при полном отсутствии чувства, страсти или простого увлечения. Пушкин как-то со свойственной ему циничностью написал на Анну Вульф ироническое стихотворение:

Увы, напрасно деве гордой
Я предлагал свою любовь!
Ни наша жизнь, ни наша кровь
Ее души не тронет твердой!
Одним страданьем буду сыт,
И пусть мне сердце скорбь расколет.
Она на щепочку нассыт,
Но а понюхать не позволит.

В январе-феврале 1826 года завязался их роман, самый скучный и самый пошлый из всех, что были в жизни поэта. Ни романтического ореола, ни сексуальной привлекательности не было в этой сентиментальной, слезливой девушке. Пушкин всегда потешался над ней, хотя отношения их были дружескими. «Победа над ее беззащитным сердцем, – отмечает П. К. Губер, – не представляла для него никакого труда и даже не обещала триумфа его самолюбию. И все-таки он не счел нужным отказаться от этой победы. Это был как бы его реванш. Прекрасная и обольстительная А. П. Керн ускользнула от него. Зато бедная Анна Николаевна досталась ему в жертву. Кто знает, быть может, в своем незлобливом смирении она рада была, в конце концов, даже этой возможности».

Новое, пусть не такое бурное, как в случае с мадам Керн, чувство дало толику разнообразия скучающему Пушкину. О характере их отношений дает представление «Дневник» Алексея Вульфа, в особенности его сексуальная связь с Лизой Полторацкой. Развращение уже немолодой по понятиям того времени девушки (Анна была ровесницей поэта), происходило одновременно с периодическими интимными контактами с ее матерью.

В феврале 1826 года Пушкин с Анной Николаевной и Прасковьей Александровной был в Пскове. Там они «совершенно помирились». Затем поэт уехал в Михайловское, а мать увезла Анну к тетке в имение Малинники Тверской губернии. Видимо, она догадалась о характере их отношений и решила держать дочь

подальше от поэта. Из Малинников Анна Николаевна пишет Пушкину письма – задушевные, трогательные, говорящие о глубокой, страдальческой любви девушки к легкомысленному поэту:

«Вы должны быть теперь в Михайловском и уже давно – вот все, что я наверное знаю относительно вас. Я долго колебалась, написать ли к вам прежде получения письма от вас. Но так как размышление мне никогда ни к чему не служит, я кончила тем, что уступила желанию написать к вам. Но как начать и что я вам скажу? Я боюсь и не могу дать воли моему перу; Боже, почему я не уехала раньше, почему – но нет, мои сожаления ни к чему не послужат – они будут, быть может, лишь торжеством для вашего тщеславия; весьма возможно, что вы уже не помните последних дней, которые мы провели вместе… Знаете ли вы, что я плачу, когда пишу к вам? Это меня компрометирует, я это чувствую; но это сильнее меня; я не могу с собою сладить…

Вы видите, что вы сами во всем виноваты: должна ли я проклинать или благословлять Провидение, пославшее вас на моем пути в Тригорском? Если еще вы будете на меня сердиться за то, что я осталась здесь, вы будете чудовищем после этого – слышите, сударь? Я сделаю все возможное, чтобы не остаться, даю вам слово, и если не буду иметь успеха, верьте, что это будет не моя вина. Не думайте, однако, что я действую так потому, что у меня здесь никого нет; напротив: я нашла очаровательного кузена, который меня страстно любит и не желает ничего лучшего, как доказать это по вашему примеру, если бы я захотела. Это не улан, как, может быть, вы готовы предположить, но гвардейский офицер, очаровательный молодой человек, который ни с кем мне не изменяет; слышите ли? Он не может примириться с мыслью, что я провела столько времени с вами, таким страшным развратником. Но увы! я ничего не чувствую при его приближении: его присутствие не вызывает во мне никаких чувств. Я все время ожидаю письма от вас. Какой радостью это было бы для меня! Однако, я не смею просить вас об этом, я даже боюсь, что не смогу к вам писать, ибо не знаю, смогу ли скрывать свои письма от кузин, и затем что могла бы я вам сказать? Я предпочитаю совсем не получать от вас писем, нежели иметь подобные тем, которые вы писали в Ригу…»

Что это был за пример доказательства любви Пушкина к Анне Вульф, мы уже знаем из «Дневника» Алексея Вульфа, где он подробно рассказывает о своих сексуальных контактах с Лизой Полторацкой. Анна Николаевна простодушно пытается вызвать ревность у поэта, извещая его о пикантном предложении некоего гвардейского офицера. И дальше впадает в обиду из-за тона

письма Пушкина, в котором она угадывала отсутствие любви к ней, любви романтической, всепоглощающей, страстной. Она не скрывает своих, не находящих у Пушкина отклика, чувств:

«Я говорю о вас как можно меньше, но я печальна и плачу, и однако это очень глупо, ибо я уверена, что, поскольку дело касается вас, вы думаете уже обо мне с величайшим равнодушием и, быть может, говорите про меня ужасные вещи, между тем как я!.. Прощайте, я вам делаю гримасу». Хочется отметить, что «роман» поэта с А. П. Керн, развивавшийся одновременно с его «романом» с Анною Николаевной, нимало не беспокоил последнюю, хотя она настороженно и ревниво относилась к другим женщинам – своей кузине Анне Ивановне Вульф (Нетти) и даже к матери своей, Прасковье Александровне.

«Вчера у меня была очень оживленная сцена с матерью по поводу моего отъезда. – пишет Анна Николаевна в марте 1826 года из Малинников. – Она сказала перед всеми моими родными, что решительно оставляет меня здесь, что я должна остаться и что она не может взять меня с собой, ибо, уезжая, все устроила так, чтобы оставить меня здесь. Если бы вы знали, как я опечалена. Я, право, думаю, подобно А. К., что она хочет одна покорить вас и оставляет меня здесь из ревности. Надеюсь, однако, что это продлится только до лета: тетя поедет тогда в Псков, и мы вернемся вместе с Нетти. Но сколько перемен может произойти до тех пор: быть может, вас простят, быть может, Нетти вас сделает совсем другим. – Очень непредусмотрительно будет с моей стороны вернуться с нею; я, однако, готова рисковать, и надеюсь, что у меня хватит самолюбия не жалеть о вас. – А. К. должна тоже приехать сюда; однако, между нами не будет соперничества, кажется, каждая довольна своим жребием. Это делает вам честь и доказывает нашу суетность и доверчивость. Евпраксия пишет мне, будто вы ей сказали, что забавлялись в Пскове – уж не со мною ли? что вы за человек тогда, и какой дурой была я! Боже, если я получу письмо от вас, как я буду довольна; не обманывайте меня, во имя неба, скажите, что вы меня совсем не любите, тогда, быть может, я буду спокойнее. Я взбешена на мать. Что за женщина, в самом деле! В конце концов, в этом вы тоже виноваты. Прощайте…»

Письма Анны Вульф замечательны не менее писем поэта к А. Керн по сильному порыву страсти, пронизывающей их, по искренности душевных переживаний, в которых таятся и ревность, и чувство неразделенной любви, и милые хитрости, которыми девушка хочет вернуть к себе потухший интерес поэта.

Однако Пушкин не торопится с ответом. Во второй половине марта Анна Николаевна написала ему вторично: «Если вы

получили мое письмо, во имя неба разорвите его. Я стыжусь моего безумия; никогда я не посмею поднять глаза на вас, если вас вновь увижу. Мама уезжает завтра, а я остаюсь здесь до лета; так, по крайней мере, я надеюсь. Если вы не боитесь компрометировать меня в глазах сестры (как вы это делаете, судя по ее письму), я усиленно прошу вас не делать этого при маме. Сегодня она шутила над нашим прощанием в Пскове, которое она находит весьма нежным; он, говорит она, думал, что я ничего не замечаю (как вам это покажется?). В конце концов, вам нужно лишь проявить себя таким, каковы вы и есть на самом деле, чтобы разуверить ее и доказать, что вы даже не замечаете моего отсутствия. Какое наваждение околдовало меня! Как вы умеете притворяться! Я согласна с моими кузинами, что вы очень опасный человек, но постараюсь стать рассудительнее».

Несмотря на настойчивые просьбы, Пушкин письма не разорвал. Зато он наконец-то сочинил ответ, к сожалению не сохранившийся, и который вновь вызвал в сердце Анны Николаевны гамму страстных переживаний:

«Боже! какое чувство испытала я, читая ваше письмо, и как была бы я счастлива, если бы письмо сестры не примешало горечи в мою радость… Я была бы довольна вашим письмом, если бы не помнила, что вы писали такие же письма, и даже более нежные, в моем присутствии А. К., а также Нетти. Я не ревнива, верьте мне, если б я была ревнива, моя гордость скоро бы восторжествовала над чувством; и, однако, я не могу не сказать вам, как сильно меня оскорбляет ваше поведение». Бедная влюбленная девушка никак не могла понять, что Пушкин не был «джентльменом» по отношению к женщине. Зубоскалить, насмехаться, трезвонить об их чувствах к нему – все это было естественным для поэта. Хотя Анна Николаевна была одной из немногих, кто правильно понимала поэта и психологически верно оценивала его неэтичные поступки, и его волокитство; но понимание шло более от разума, а сердце говорило совсем другое:

«Ах, Пушкин, вы не стоите любви, и я была бы счастливее, если бы раньше оставила Тригорское, и если бы последнее время, которое я провела там с вами, могло изгладиться из моей памяти. Как вы не поняли, почему я не хотела получать от вас писем вроде тех, которые вы писали в Ригу. Этот слог, который задевал тогда только мое тщеславие, растерзал бы теперь мое сердце; тогдашний Пушкин не был для меня тем, к которому я пишу теперь. Разве вы не чувствуете этого различия? Это было бы очень унизительно для меня; я боюсь, что вы меня не любите так, как должны были бы любить, вы раздираете и раните сердце, цены

которому не знаете; как бы я была счастлива, если бы обладала той холодностью, которую вы предполагаете во мне! Никогда в жизни я не переживала такого ужасного времени, как нынче; никогда я не чувствовала душевных страданий, подобных тем, которые я теперь испытала, тем более, что я должна скрывать все муки в моем сердце. Как я проклинала мою поездку сюда! Признаюсь, что последнее время, после писем Евпраксии, я хотела сделать все возможное, чтобы попытаться забыть вас, так как я очень на вас сердилась. Не беспокойтесь относительно кузена; моя холодность оттолкнула его и, кроме того, явился другой соискатель, с которым он не смеет мериться силами и которому вынужден уступить место: это Анреп, который провел здесь последние дни. Нужно признаться, что он очень красив и очень оригинален; я имела честь и счастье покорить его. О, что до него, то он вас даже превосходит, чему я никогда бы не могла поверить, – он идет к цели гигантскими шагами; судите сами: я думаю, что он превосходит вас даже в наглости. Мы много говорили о вас; он, к моему большому удивлению, повторил несколько ваших фраз, например, что я слишком умна, чтобы иметь предрассудки. Чуть ли не в первый день он хватает меня за руку и говорит, что имеет полное право поцеловать ее, так как я ему очень нравлюсь. Заметьте, сударь, прошу вас, что он не ухаживал и не ухаживает здесь ни за кем другим и не повторяет мне фраз, сказанных другой женщине; напротив, он ни о ком не заботится и следует за мной повсюду; уезжая, он сказал, что от меня зависит заставить его вернуться. Однако, не бойтесь: я ничего не чувствую по отношению к нему, он не произвел на меня никакого эффекта, тогда как одно воспоминание о вас меня волнует.

Мама обещала прислать за мною в июне, если тетя не приедет к нам летом. Должна ли я просить вас сделать все возможное, чтобы она сделала это поскорей? Я очень боюсь, что вы совсем не любите меня; вы чувствуете лишь преходящие желания, которые столько других испытывают не хуже вас. – Вы говорите, что ваше письмо пошло, потому что вы меня любите: какая нелепость! Особенно для поэта: что, как не чувство, делает нас красноречивыми…; Еще раз прощайте, я вам делаю гримасу, так как вы это любите. Когда мы увидимся? Я не буду жить до этой минуты».

Это письмо датировано 2 апреля. Следующее сохранившееся письмо Анны Николаевны относится уже ко 2 июня.

«Наконец я получила ваше письмо. Трейер сам мне принес его, и я не могла удержаться от восклицания, увидя его. Как это вы мне не писали так долго? Почему вы не могли сделать этого

скорее? Ваши вечные отговорки очень плохи. Все, что вы мне говорите об Анрепе, мне чрезвычайно не нравится и обижает меня двояким образом: во-первых, предположение, что он сделал что-то большее, кроме поцелуя руки, оскорбительно для меня с вашей стороны, а слова это все равно обижают меня в другом смысле. Я надеюсь. вы достаточно умны, чтобы почувствовать, что этим вы выказываете свое равнодушие ко всему, происшедшему между мною и им. Это не особенно мило. Я заметила, что он превосходит вас в смысле наглости не по его поведению со мной, но по его манере держаться со всеми и по его разговору в обществе…

Я нахожу, что А. К. очаровательна, несмотря на ее большой живот; это выражение вашей сестры. Вы знаете, что она осталась в Петербурге, чтобы родить, и затем предполагает приехать сюда… Пожалуйста, пишите ко мне почаще: ваши письма мое единственное утешение, вы знаете, я очень печальна. Как я желаю и как я боюсь возвращения в Тригорское! Но я предпочитаю ссориться с вами, чем оставаться здесь: здешние места очень несносны и, нужно признаться, что среди уланов Анреп лучше всех, и весь полк немного стоит, а здешний воздух совсем мне не полезен, так как я все время больна. Боже, когда я вас увижу!»

Пушкин равнодушно реагировал на сентиментальные послания Анны Николаевны, на ее сообщения об ухаживаниях некоего Анрепа, на ее бесконечные слезы, причитания, жалобы. Это и понятно. Сексуальное внимание поэта вновь привлекла повзрослевшая Нетти, чье имя ревниво упоминает его корреспондентка. Прошел год, как Пушкин увлекся красивой девушкой. И вот снова в отсутствие Прасковьи Александровны и ее дочери он пытается (а может, и получается у него) пошалить с Нетти и привить ей любовь к тем сексуальным удовольствиям, которые, доставляя не менее наслаждения, чем простой коитус, оставляли девушек нетронутыми. Во второй части «Донжуанского списка» находятся сразу три Анны, героини его тригорских романов: Анна Петровна Керн, Анна Николаевна и Анна Ивановна Вульф (Нетти).

Для поэта Тригорское становилось домом, в котором он старался полностью удовлетворить свою безмерную сексуальность. И не одна Анна Керн являлась предметом вожделения и обладания как для Пушкина, так и для его ученика-соперника по «амурным делам» Алексея Вульфа. В доме П. А. Осиповой вместе с ее детьми жила и росла ее падчерица, дочь ее второго мужа И. С. Осипова, Александра Ивановна. В семье звали ее и Алиной и Сашенькой. Когда в Тригорском появился Пушкин, ей было двадцать лет, возраст самого расцвета. Пушкину она

понравилась (как и остальные милые девушки), и был период, когда он усердно ухаживал за ней.

Александра Ивановна (Алина) была пылкой, романтически настроенной, артистической натурой с характером, странно сочетавшем бурную порывистость, импульсивность и явное умение обуздывать свои страсти. И как это ни странно, обычная интрижка вдохновила Пушкина на создание замечательного лирического произведения, в некотором роде шедевра стихотворного признания в любви. Оно так и называется – «Признание».

Я вас люблю, хоть я бешусь,
Хоть это труд и стыд напрасный,
Но в этой глупости ужасной
У ваших ног я признаюсь.
Мне не к лицу и не по летам…
Пора, пора мне быть умней!
Но узнаю по всем приметам
Болезнь любви в душе моей.
Без вас мне скучно, я зеваю,
При вас мне грустно, я терплю;
И мочи нет, сказать желаю,
Мой ангел, как я вас люблю!
Когда я слышу из гостиной
Ваш легкий шаг и платья шум,
Иль голос девственный, невинный,
Я вдруг теряю весь свой ум.
Вы улыбнетесь – мне отрада;
Вы отвернетесь – мне тоска;
За день мучения – награда
Мне ваша бледная рука.
Когда за пяльцами прилежно
Сидите вы., склонясь небрежно,
Глаза и кудри опустя,
Я в умиленье, молча, нежно,
Любуясь вами, как дитя!
Сказать ли вам мое несчастье,
Мою ревнивую печаль,
Когда гулять, порой, в ненастье,
Вы собираетеся вдаль
И ваши слезы в одиночку,
И речи в уголку вдвоем.
И путешествие в Опочку,
И фортепьяно вечерком?

Алина! Сжальтесь надо мною,
Не смею требовать любви:
Быть может за грехи мои,
Мой ангел, я тебя не стою!
Но притворитесь! Этот взгляд
Все может выразить так чудно!
Ах, обмануть меня нетрудно!
Я сам обманываться рад!

Это стихотворение написано Пушкиным, уже два года проведшим в Михайловской ссылке. Это стихотворение наполнено целой гаммой разнообразных чувств. Тут есть все: и напряженная, грустная нежность, и страстная потребность в любви, и ревность к счастливому сопернику, с которым Сашенька ведет «речи в уголку вдвоем», и в то же время стихотворение довольно шутливо по тону, несколько наигранно и легкомысленно, точно так же, как легкомыслен был и роман Сашеньки Осиповой и Саши Пушкина.

Анне Николаевне Вульф пришлось как-то жаловаться на воспитательную систему своей матери. Речь шла (в письме к сестре Евпраксии) о воспитании младших сестер, совсем молоденьких. «Как ей (т. е. матери) не стыдно и не совестно, право, их так воспитывать. Неужели ей мало, что наши все судьбы исковеркала. У нас, по крайней мере, был Пушкин, который был звездой добра и зла для Сашеньки (курсив мой. – *А. Л.*». Эта не совсем ясная фраза говорит об огромном значении, которое имел Пушкин в жизни Сашеньки Осиповой.

Сексуальная жизнь Сашеньки, видимо, началась в Тригорском при общении с ее сводным братом Алексеем Вульфом. Потом вмешался Пушкин, который на короткое время отодвинул в сторону удачливого студента. Но так как последний бывал в Тригорском только на каникулах, поэт имел возможность включить импульсивную девушку в перечень своих любовных побед. Способная ученица, Сашенька переняла от поэта умение наслаждаться, которое вкупе с романтическими вздохами и «гуляньем под луной» сделало из нее страстную и влюбчивую женщину.

После отъезда поэта из Михайловского она завязала роман с Алексеем Вульфом, проводя время в «в спокойных наслаждениях». В середине декабря 1827 года они расстались. Вульф уехал на службу в Петербург. Новые петербургские увлечения, связь с Анной Керн, и, в особенности, роман с ее сестрой, Лизой Полторацкой, заставили его забыть о Сашеньке. Забыл о ней и

Пушкин, как всегда ветреный, непостоянный и жаждущий новых удовольствий.

5

Развлекаясь в Тригорском и в Михайловском, Пушкин, однако, взрослел умом, закалялся политически, созревал как поэт и драматург. В Михайловском был написан «Борис Годунов», создан практически весь «Евгений Онегин», написаны лучшие лирические стихотворения. Как ни переживал поэт свое заточение в глухом уголке Псковской губернии, как ни стремился всячески вырваться оттуда, однако можно полностью согласиться со словами его проницательного арзрумского знакомого М. В. Юзефовича: «Эта высылка была для него несомненно благодетельна, удалив его от столичной пустой жизни и дав ему досуг и время войти в самого себя и довершить свое умственное и поэтическое развитие».

Расправа с декабристами сильно повлияла на состояние и мировоззрение поэта. Он уже не тот Пушкин, который бравировал антиправительственными лозунгами и вольнолюбивыми стихами. И если он и не смирился, то поумнел. «Каков бы ни был мой образ мыслей, и политический и религиозный, – писал поэт В. А. Жуковскому в 1826 году, – я храню его про самого себя и не намерен безумно противоречить необходимости». А Вяземскому он откровенно признается: «Бунт и революция мне никогда не нравились, это правда; но я был в связи почти со всеми и в переписке со многими из заговорщиков». Декабристов Пушкин назвал заговорщиками! Недаром в декабристских кругах не раз говорилось об опасности приема Пушкина в общество – что он «легкомыслен», чересчур общителен, к тому же находится под наблюдением властей. Вот известные строки И. Пущина:

«Я страдал за него, и, подчас, мне опять казалось, что, может быть, тайное общество сокровенным своим клеймом поможет ему повнимательней и построже взглянуть на самого себя, сделать некоторые изменения в ненормальном своем быту. Я знал, что он иногда скорбел о своих промахах, обличал их в близких наших откровенных беседах, но, видно, не прошла еще пора кипучей его природе угомониться. Как ни вертел я все это в уме и сердце, кончил тем, что сознал себя не вправе действовать по личному шаткому воззрению, без полного убеждения в деле, ответственном пред целию самого союза».

Для декабристов (особенно для членов Южного общества) было характерно особенно строгое, пуританское воззрение на свою деятельность и нормы человеческой, гражданской этики. Их высокие «идеологические построения», вера в свое предназначение освободителей России от рабства и

самодержавия – подразумевали также и стойкие моральные качества. Распущенность в быту, легкомыслие и фанфаронство, свойственные Пушкину, Дельвигу и другим членам «арзамасского братства», отрицательно оценивалось многими корифеями декабризма – Рылеевым, Муравьевым-Апостолом, Бестужевым-Рюминым – членами Верховной Думы Южного общества. Вот что вспоминал декабрист И. П. Горбачевский:

«… Нам от Верховной Думы было даже запрещено знакомиться с Александром Сергеевичем Пушкиным, когда он жил на Юге. И почему: прямо было сказано, что он по своему характеру и малодушию, по своей развратной жизни сделает донос тотчас правительству о существовании Тайного общества. Мне рассказывали Муравьев-Апостол и Бестужев-Рюмин про Пушкина такие на Юге проделки, что уши и теперь краснеют». Горбачевский – декабрист редкой стойкости, честный и мужественный человек. При этом он ссылается на мнение повешенных – священные для «декабризма» имена. Несколько резкое высказывание; ведь Пушкин никогда не был подлецом, и все ошибки совершал по легкомыслию.

Годы ссылки и разгром декабрьского восстания немного отрезвили поэта, повернули его в русло лояльности существующей власти. Летом 1826 года он пишет покаянное письмо Николаю I, а на отдельном листе заявляет: «Я, нижеподписавшийся, обязуюсь впредь никаким тайным обществам, под каким бы они именем ни существовали, не принадлежать; свидетельствую при сем, что я ни к какому тайному обществу таковому не принадлежал и не принадлежу и никогда не знал о них». 10-го класса Александр Пушкин.

Глава IX
«Я новым идолам несу свои мольбы…»
(Брачная лихорадка)

1

Пушкин хотел вырваться из ссылки и готов был покаяться во всем. И вот 28 августа 1826 года последовало высочайшее повеление о вызове Пушкина в Москву.

С невероятной быстротою, через специального фельдъегеря, оно было передано в Псков, а оттуда Пушкину. Посланный прибыл к нему ночью, едва дал поэту время собраться и, к великому ужасу няни, а затем и семейства Осиповых-Вульф, тотчас увез его. Согласно воле императора, записанной начальником штаба генералом Дибичем, Пушкин ехал «в своем экипаже, свободно, под надзором фельдъегеря, но не в виде арестанта…» «Зная за собою несколько либеральных выходок, – отмечает декабрист Н. Лорер, – Пушкин убежден был, что увезут его прямо в Сибирь». Поэт был в большом волнении. Он сжег письма декабристов и свои «Записки», в которых отмечал события своей бурной молодости.

Выехав из Михайловского в ночь с 3 на 4 сентября, Пушкин утром 8 сентября 1826 года уже привезен был в Москву. «Всего покрытого грязью, меня ввели в кабинет императора, – вспоминает поэт, – который сказал мне: – “Здравствуй, Пушкин, доволен ли ты своим возвращением?” Я отвечал, как следовало. Государь долго говорил со мною, потом спросил: – «Пушкин, принял ли бы ты участие в 14 декабря, если б был в Петербурге?» – «Непременно, государь, все друзья мои были в заговоре, и я не мог бы не участвовать в нем. Одно лишь отсутствие спасло меня, за что я благодарю бога!» – «Довольно ты подурачился, – возразил император, – надеюсь, теперь будешь рассудителен, и мы более ссориться не будем. Ты будешь присылать ко мне все, что сочинишь; отныне я сам буду твоим цензором». Государь (император Николай I) долго разговаривал с поэтом, убеждал его больше не заниматься политикой; в результате поэт поверил ласковым словам императора, выйдя из «его кабинета бодрым, веселым, счастливым», «со слезами радости на глазах». Царь принял Пушкина под свое покровительство, взяв с него обещание «сделаться другим» и помириться с правительством.

Московское общество встретило освобожденного изгнанника восторженно. Пушкин был уже давно любим, признан и известен по всей России. «Приезд Пушкина в Москву в 1826 г. произвел сильное впечатление, не изгладившееся из моей памяти до сих пор, – вспоминает молодой князь Вяземский, сын Веры Федоровны. – “Пушкин, Пушкин приехал!” – раздалось по нашим

детским, и все, – дети, учителя, гувернантки, – все бросились в верхний этаж, в приемные комнаты, взглянуть на героя дня… И детская комната, и девичья с 1824 года (когда княгиня Вяземская жила в Одессе и дружила там с Пушкиным) были неувядающим рассадником легенд о похождениях поэта на берегах Черного моря».

«Когда Пушкин, только что возвратившийся из изгнания, – сообщает в своих «Записных книжках» Н. Путята, – вошел в партер Большого театра, мгновенно пронесся по всему театру говор, повторявший его имя: все взоры, все внимание обратилось на него… Он стоял тогда на высшей ступени своей популярности».

А в это время в Малинниках бедная Анна Николаевна, узнав о вызове Пушкина в Москву, написала новое, жалостливое письмо: «Что сказать вам и как начать это письмо? И однако, я испытываю потребность написать к вам, потребность, не позволяющую мне слушать доводов разума. Я стала совсем другим человеком, узнав вчера новость о том, что вас забрали. Бог небесный! что же это будет? Ах, если б я могла спасти вас, рискуя собственной жизнью, с каким наслаждением я пожертвовала бы ею и просила бы у неба. как единственной милости, случая видеть вас за одно мгновение перед смертью…

Судите, каким неожиданным ударом должна была быть для меня новость о вашем отъезде в Москву… Вы, пожалуй, очень изменились за последние месяцы: оно может даже показаться вам неуместным. Признаюсь, что эта мысль для меня ужасна, но в эту минуту я могу думать только об опасностях, которые вам угрожают, и оставляю в стороне все другие соображения… Прощайте. Какое счастье, если все кончится хорошо, иначе я не знаю, что со мною станется. Моя кузина Анета Керн выказывает живой интерес к вашей участи. Мы говорим только о вас; она одна меня понимает, и только с нею я могу плакать. Мне очень трудно притворяться, а я должна казаться счастливой, когда душа моя растерзана».

11 сентября она пишет второе письмо: «Нетти очень тронута вашей участью. Да хранит вас небо. Вообразите, что я буду чувствовать по приезде в Тригорское. Какая пустота и какая мука! Все будет напоминать мне о вас. С совсем иными чувствами я думала приближаться к этим местам; каким милым сделалось мне Тригорское: я думала, что жизнь моя начнется там снова; как горела я желанием туда вернуться, а теперь я найду там лишь мучительные воспоминания. Почему я оттуда уехала? Увы! Но я слишком откровенно говорю с вами о моих чувствах. Прощайте! Сохраните хоть немного привязанности ко мне. Моя

привязанность к вам этого стоит. Боже, если бы увидеть вас довольным и счастливым!».

Узнав вскоре, что поэт ласково принят царем, что общество чествует его, Анна Николаевна обрадовалась, и огорчилась. «Во мне достаточно мало эгоизма, – пишет она, – чтобы радоваться вашему освобождению и с живостью поздравлять вас, хотя вздох вырывается у меня невольно, когда я пишу это, и хотя я много дала бы, чтоб вы были в Михайловском. Все порывы великодушия не могут заглушить мучительное чувство, которое я испытываю, думая, что не найду вас более в Тригорском, куда призывает меня в настоящую минуту моя несчастная звезда; чего не дала бы я, чтобы никогда не уезжать оттуда и не возвращаться теперь… Скажите, прошу вас, почему вы перестали мне писать: что это – равнодушие или забывчивость? Какой вы гадкий'. Вы не стоите, чтобы вас любили; мне много надо свести с вами счетов, но скорбь при мысли, что я вас больше не увижу, заставляет меня обо всем позабыть…» Она хорошо понимала, что человек, любимый ею, потерян для нее навсегда. Последний тригорский роман подошел к концу.

Пушкин не ответил на ее письмо, а также дал понять Прасковье Александровне, что теперь он будет в Михайловском редким гостем, предлагая ей дружбу и хорошие, теплые, но больше не интимные отношения. И понятно, почему!

Пушкин отдался всем удовольствиям столичной жизни, которых так долго был лишен: светским собраниям, товарищеским кутежам, картам, увлечениям женщинами. Его жизнь в это время была несколько похожа на ту, какую он вел по выходе из Лицея, но носила едва ли не еще более страстный, напряженный и бурный характер. Тогда это было просто непосредственное веселье едва узнавшего свет, жизнерадостного юноши; теперь – желание найти исход накопившимся жизненным силам и жажда забвения от той поневоле пустой, полусвободной и полузависимой жизни, которая предписана была ему в Михайловской ссылке. Во всех гостиных, на всех балах, первое внимание устремлялось на Пушкина. В танцах дамы выбирали поэта беспрерывно… Общество аплодировало поэту, чуть ли не на руках его носило. Первые недели после возвращения Пушкин как бы насыщается снова пряным воздухом светских встреч. Он посещает дома княгини Зинаиды Волконской, князя Вяземского, бывшего министра Дмитриева и прокурора Жихарева. Особенно нравилось поэту бывать в салоне Зинаиды Волконской, который являлся «общим центром для литераторов и вообще для любителей всякого рода искусств, музыки, пения, живописи».

«Эта замечательная женщина, – пишет современник, – с

остатками красоты и на склоне лет, писала и прозою, и стихами. Все дышало грацией и поэзией в необыкновенной женщине, которая вполне посвятила себя искусству. По ее аристократическим связям, собиралось в ее доме самое блестящее общество первопрестольной столицы; литераторы и художники обращались к ней, как бы к некоторому меценату. Страстная любительница музыки, она устроила у себя не только концерты, но и итальянскую оперу, и являлась сама на сцене в роли Танкреда, поражая всех ловкою игрою и чудным голосом: трудно было найти равный ей контральто.

В великолепных залах Белосельского дома оперы, живые картины и маскарады часто повторялись во всю эту зиму, и каждое представление обставлено было с особенным вкусом, ибо княгиню постоянно окружали итальянцы. Тут же, в этих салонах, можно было встретить и все, что только было именитого на русском Парнасе». Пушкин посвятил З. Волконской несколько милых мадригалов. Он с удовольствием принимал участие в различных играх, шарадах, литературных беседах.

Царица муз и красоты,
Рукою нежной держишь ты
Волшебный скипетр вдохновений,
И над задумчивым челом,
Двойным увенчанным венком,
И вьется и пылает гений.
Певца, плененного тобой,
Не отвергай смиренной дани,
Внемли с улыбкой голос мой,
Как мимоездом Каталани
Цыганке внемлет кочевой.

Новая старая жизнь увлекла Пушкина с головой. Прежние привычки вернулись, вместе с ними возвратились душевное беспокойство, физическая неустроенность, чувство неопределенности бытия. Жить Пушкину приходилось исключительно на холостую ногу, без всякого семейного уюта и без малейших удобств, то в гостиницах и трактирах, то у приятелей, типа С. А. Соболевского, у которого он поселился в Москве. Соболевский, внебрачный сын богатого помещика, был камер-юнкером, числился в Архиве иностранных дел, слыл весельчаком, остряком, гулякой, что не мешало ему быть начитанным и образованным, иметь богатую библиотеку, картины, статуи. Пушкина и Соболевского сближала и любовь к книгам, и общая привычка к кутежам, картам и цыганам. У

Соболевского днями и ночами толпились гости, пили, пели, болтали, играли в карты. «Наша съезжая в исправности, – пишет Пушкин П. П. Каверину в феврале 1827 года, – частный пристав Соболевский бранится и дерется по-прежнему, шпионы, драгуны, бл*** и пьяницы толкутся у нас с утра до вечера».

Получая огромные гонорары от Смирдина, Пушкин постоянно нуждался в деньгах. Его страсть к игре снова разгорелась. Он много играл в карты и почти всегда несчастливо. «Во Пскове, вместо того, чтобы писать седьмую главу «Онегина», я проигрываю в штосе четвертую: не забавно», – сообщал он в конце 1826 года князю Вяземскому. – «Вчерашний день был для меня замечателен, – записывал поэт 15 октября 1827 года. – Приехав в Боровичи в 12 часов утра, застал я проезжего в постели. Он метал банк гусарскому офицеру. Между тем я обедал. При расплате не хватало мне 5 рублей; я поставил их на карту. Карта за картой, проиграл 1600. Я расплатился довольно сердито, взял взаймы 200 руб. и уехал очень не доволен сам собой». Первые недели вихря светских удовольствий пролетели незаметно. Наступили дни, когда первое впечатление от вернувшегося поэта загасло, и снова зависть, контроль со стороны правительства, светские интриги и постоянное неустройство омрачают поначалу радостное настроение поэта.

Судя по всему, что я здесь слышу и видел, – отмечал современник в 1827 году, – Пушкин здесь на розах. Его знает весь город, все им интересуются; отличнейшая молодежь собирается к нему, как древле к великому Аруэту (Вольтеру) собирались все, имевшие хоть немного здравого смысла в голове. Со всем тем Пушкин скучает! Так он мне сам сказал… Пушкин очень переменился наружностью: страшные, черные бакенбарды придали лицу его какое-то чертовское выражение; впрочем, он все тот же – так же жив, скоро и по-прежнему в одну минуту переходит от веселости и смеха к задумчивости и размышлению».

Михайловская ссылка наложила новый отпечаток на облик Пушкина. Душа его состарилась раньше крепкого и спортивного тела (поэт хорошо плавал, много ходил, прекрасно фехтовал). Вынужденное бездействие, скука, отсутствие разнообразия – все это психологически давило на импульсивный, истерический характер поэта. Творчески он достиг огромных высот, но психическое состояние его внушало тревогу. К. Полевой, младший брат Н. Полевого, литературного поверенного Пушкина, описал свое впечатление от посещения квартиры Соболевского:

«Перед конторкой стоял человек, немного превышавший эту конторку, худощавый, с резкими морщинами на лице, с широкими бакенбардами, покрывавшими нижнюю часть его щек и

подбородка, с кучею кудрявых волос. Ничего юношеского не было в этом лице, выражавшем угрюмость, когда оно не улыбалось… Прошло еще несколько дней, когда однажды утром я заехал к нему. Он временно жил в гостинице, бывшей на Тверской в доме князя Гагарина… Там занимал он довольно грязный нумер в две комнаты, и я застал его, как обыкновенно заставал его потом утром в Москве и Петербурге, в татарском серебристом халате, с голою грудью, не окруженного ни малейшим комфортом». «Досадно, – отмечал у себя в дневнике М. П. Погодин, – что свинья Соболевский свинствует при всех. Досадно, что Пушкин в развращенном виде пришел при Волкове».

Чтобы как-то отдохнуть от шумной и неспокойной жизни у Соболевского, поэт часто навещает Вяземских, где находит удовольствие в общении со своим другом и поверенной в его любовных делах, милой и несколько влюбленной в него Верой Федоровной. Как и в Одессе, Пушкин возился с ее сыном Павлом, учил его играть в карты, боксировать на английский манер, в общем приучал последнего к прелестям светской жизни.

2

Неустроенная и внешне растрепанная жизнь начала тяготить Пушкина, хотя по-прежнему нравилась свобода, кутежи, карты. Шумные и бурные развлечения, сексуальные связи с разными женщинами и девицами, дуэли, ссоры – все это наложило тяжелый отпечаток на душевный мир поэта. Психологически в нем произошел перелом, который выразился в страстном желании жениться. Почему столь беспокойная натура, как Пушкин решила найти умиротворение в семейной жизни? Ведь характер его не изменился, сексуальные пристрастия остались те же.

По всей видимости, психическая раздвоенность его эротического мира на «чувствительность» и «чувственность» очень болезненно воспринималась поэтом. Пушкин не мог понять особенности своего «инцестуального» выбора. Либо милые и нежные девушки, к которым он питает любовь нежную и возвышенную, либо сексуальная агрессия к свободным и доступным женщинам, которые унижены, оскорблены им, имеют любовников и испытывают какое-то животное желание к нему. Как объединить эти два идеала: идеал «платонический» и идеал «эротический», любовь Небесную и любовь Земную?

Сексуальное влечение к девушке, вызывающей нежные чувства, может возникнуть лишь в браке. Только брак, как законом освященное действо, может разрушить истерическую раздвоенность интимной жизни поэта. Пушкин надеялся, и скорее всего, подсознательно, что психическая импотенция прекратится в супружеской постели. Он хотел преодолеть «инцестуальный» запрет на те образы, к которым он не мог испытывать влечения. Это был прежде всего образ сестры, столь нежно любимой им. Все молодые, красивые, образованные девушки из хороших семейств, с которыми поэт знакомился на протяжении 10 лет, были сексуально недоступны для него. Подсознательно Пушкин хочет разорвать этот замкнутый круг. Свое сексуальное влечение, требующее все новых и новых объектов, он хочет направить в одно русло, соединить чувствительную и чувственную составляющие своего «либидо», что обычно и происходит у нормальных людей.

В нормальной жизни «инцестуальные» фиксации нежности на матери или сестре с наступлением половой зрелости переключаются на других женщин, в которых первичные кровосмесительные образы не так заметны. На них переходит и нежность, и сексуальное влечение. У Пушкина этого не

произошло. У его возлюбленных оказываются ясно выраженные черты матери или сестры. И если материнский «инцестуальный» запрет на сексуальные отношения Пушкин старался разрушить путем психологического унижения своих любовниц, то «инцестуальный» образ сестры был столь силен, что поэт никак не мог загнать его в глубины своего подсознания. Этот образ руководил его романтическими чувствами, препятствуя нормальным сексуальным отношениям с выбранными поэтом девушками, такими как Наталья Кочубей, Софья Потоцкая, сестры Раевские. В поисках идеала, свободного от «инцестуального» запрета Пушкин влюбляться направо и налево. Именно в 1826 году поэт написал про себя:

Каков я ране был, таков и ныне я;
Беспечный, влюбчивый. Вы знаете, друзья,
Могу ль на красоту взирать без умиленья,
Без робкой нежности, без тайного волненья.
Уж мало ли любовь играла в жизни мной?
Уж мало ль бился я, как ястреб молодой
В обманчивых сетях, раскинутых Кипридой.
А не исправленный стократною обидой,
Я новым идолам несу свои мольбы.

Все эти «идолы», все эти невесты, которых Пушкин намечал себе в эти годы, относятся к одному и тому же типу молоденьких барышень из хорошего московского или петербургского общества. Они красивы, образованны, хорошо воспитаны, некоторые даже умны, в отличие от тригорских девиц. Но вместе с тем, это еще совсем юные существа, девственные, чистые, занятые собой и своими платоническими чувствами. Психологически они еще дети, личность их только на пути к формированию. Может, им и придется еще пройти путь к обаятельной, свободной, раскованной и умеющей любить светской женщине. Но пока они невинны и непосредственны. Можно сказать, что в эти годы Пушкин собирался жениться не потому, что влюблялся, а влюблялся потому, что хотел жениться. Ведь еще в мае 1826 года он писал Вяземскому по поводу женитьбы Баратынского в обычной своей развязной манере: «Законная б**** – род теплой шапки с ушами. Голова вся в нее уходит… Брак холостит душу».

Однако уже осенью, поселившись в Москве, Пушкин знакомится со своей дальней родственницей Софьей Федоровной Пушкиной. Эта девушка была необычайно привлекательна. Высокая, стройная, со строгим греческим профилем, выразительными глазами, черными как смоль кудрями, Софья

Пушкина считалась в 20-х годах позапрошлого века одной из красивейших девушек Москвы.

Увидев ее на балу и плененный ее красотою, Пушкин нарисовал ее портрет:

Нет, не черкешенка она, —
Но в долы Грузии от века
Такая дева не сошла
С высот угрюмого Казбека.
Нет, не агат в глазах у ней, —
Но все сокровища Востока
Не стоят сладостных лучей
Ее полуденного ока.

Между тем поэт знал, что ею увлекается скромный молодой человек В. Панин. Поэтому Пушкин вел себя довольно застенчиво и неловко. Намерения у него были самые серьезные. Однако 1 ноября Пушкин уехал в Михайловское, которое тянуло его своим спокойствием и возможностью развеять накопившуюся усталость. Как всегда поэт делился своими проблемами с княгиней Вяземской.

«С. П. – мой добрый ангел; но другая – мой демон; это совершенно некстати смущает меня в моих поэтических и любовных размышлениях. Прощайте, княгиня, – еду похоронить себя среди моих соседок. Молитесь за упокой моей души». Кто эта «другая» – трудно сказать. Может, Анна Керн, а может, какая-то московская светская красавица. Собираясь уезжать, Пушкин 1 ноября 1826 года вручил Софье Федоровне листок со стихами, написанными несколько ранее и по другому поводу:

Зачем безвременную скуку
Зловещей думою питать,
И неизбежную разлуку
В унынье робком ожидать?
И так уж близок день страданья!
Один, в тиши пустых долей,
Ты будешь звать воспоминанья
Потерянных тобою дней!
Тогда изгнаньем и могилой,
Несчастный! будешь ты готов
Купить хоть слово девы милой,
Хоть легкий шум ее шагов.

«Возвращайтесь к 1 декабря», – передала ему Софья Пушкина. Однако поэт задерживался в дороге. Из Пскова он пишет письмо Зубкову, женатому на сестре Софьи Федоровны, Анне, миловидной, светлой, веселой женщине, за которой поэт приударял со свойственной ему любвеобильностью. В этом письме у Пушкина проявляется уже несколько иной взгляд на жизнь.

«Дорогой Зубков, вы не получили письма от меня, и вот этому объяснение: я сам хотел 1-го декабря, т. е. сегодня, прилететь к вам, как бомба, так что выехал тому 5–6 дней из моей проклятой деревни на перекладной ввиду отвратительных дорог. Псковские ямщики не нашли ничего лучшего, как опрокинуть меня. У меня помят бок, болит грудь, и я не могу двигать рукою. Взбешенный, я играю и проигрываю. Но довольно: как только мне немного станет лучше, буду продолжать мой путь почтой.

Ваши два письма прелестны. Мой приезд был бы лучшим ответом на размышления, возражения и т. д. Но так как я, вместо того, чтобы быть у ног Софи, нахожусь на постоялом дворе в Пскове, то поболтаем, т. е. станем рассуждать.

Мне 27 лет, дорогой друг. Пора жить, т. е. познать счастье. Вы мне говорите, что оно не может быть вечным: прекрасная новость! не мое личное счастье меня тревожит, – могу ли я не быть самым счастливым человеком с нею, – я трепещу, лишь думая о судьбе, быть может, ее ожидающей, – я трепещу перед невозможностью ее сделать столь счастливой, как это мне желательно. Моя жизнь, такая доселе кочующая, такая бурная, мой нрав – неровный, ревнивый, обидчивый, раздражительный и, вместе с тем, слабый – вот что внушает мне тягостное раздумье.

Следует ли мне связать судьбу столь нежного, столь прекрасного существа с судьбою до такой степени печальною, с характером до такой степени несчастным… Дорогой друг, постарайтесь изгладить дурное впечатление, которое мое поведение могло на нее произвести. Скажите ей, что я разумнее, чем имею вид… Что, увидев ее, нельзя колебаться, что, не претендуя увлечь ее собою, я прекрасно сделал, прямо придя к развязке; что, полюбив ее, нет возможности полюбить ее сильнее, как невозможно впоследствии найти ее еще прекраснее, ибо прекраснее быть невозможно… Ангел мой, уговори ее, упроси ее, настращай ее скверным Паниным и жени меня».

К сожалению, Пушкин вернулся в Москву лишь 19 декабря. Красавица не стала ждать. Гениальному, но нерешительному поэту она предпочла молодого человека, занимавшего скромную должность смотрителя московского Вдовьего дома. Пушкина это не очень расстроило. Он продолжает с неутомимой энергией

искать свой романтический идеал. Потребность в женском обществе становится какой-то патологической. Он усердно знакомится с домами, где есть молодые девушки – все они потенциальные объекты воплощения его новой страсти. Пушкин часто посещает дома Урусовых, Ушаковых, Римских-Корсаковых, известные своим гостеприимством.

Почти каждый день у Урусовых собирался тесный кружок друзей и знакомых, преимущественно молодых людей. Весною 1827 г. Пушкин, проводя почти каждый день у князя Урусова, бывал весьма весел, остер и словоохотлив в рассказах, импровизациях, неистощим в шутках и каламбурах. Здесь возникло его легкое увлечение одной из трех сестер Урусовых – Софьей, которая считалась «царицей московских красавиц». Ей поэт посвятил четверостишие:

Не веровал я троице доныне,
Мне бог тройной казался все мудрен:
Но вижу вас и верой одарен,
Молюсь трем грациям в одной богине.

Однако увлечение это не было ни сильным, ни долгим. Софья Урусова была не только красивой, но и достаточно глупой, чтобы внушить поэту страстное чувство. В 1826 году она стала фрейлиной императрицы. Император Николай I выбрал ее в качестве очередной жертвы своих сексуальных аппетитов. Чуть позже Софья Урусова вышла замуж за князя Радзивилла.

Александра Александровна Римская-Корсакова. Рисунок А. С. Пушкина

Другим домом, в котором любил бывать поэт, был дом Римских-Корсаковых. «Мария Ивановна Римская-Корсакова, – вспоминает князь Вяземский, – должна иметь почетное место в преданиях хлебосольной и гостеприимной Москвы. Она жила открытым домом, давала часто обеды, вечера, балы, маскарады… Красавицы дочери ее были душою этих собраний». Одна из них писала, перечисляя все посещения свои: «В субботу танцевали до пяти утра у Оболенских, в понедельник до трех – у Голицына, в четверг предстоит костюмированный бал у Рябининой, в субботу вечер у Оболенских, в воскресенье званы к гр. Толстому на завтрак, после которого будут танцы, а вечером в тот же день придется плясать у Ф. Голицына».

Марья Ивановна была женщина энергичная. Она прикладывала много сил для устройства своих дочерей, наседая на женихов с требованием сделать предложение. Пушкин сильно увлекался младшей дочерью, Александрой, высокой, стройной, с

бархатными глазами красавицей, обладающей к тому же твердым характером. Именно ее имел в виду поэт, когда писал в «Евгении Онегине»:

У ночи много звезд прелестных,
Красавиц много на Москве.
Но ярче всех подруг небесных
Луна в воздушной синеве.
Но та, которую не смею
Тревожить лирою моею,
Как величавая луна
Средь жен и дев блестит одна.
С какою гордостью небесной
Земли касается она!
Как негой грудь ее полна!
Как томен взор ее чудесный!..
Но полно, полно; перестань;
Ты заплатил безумству дань.

Когда в мае 1827 года Александра уехала вместе с матерью на Кавказ, Пушкин дал ей письмо для брата, в котором шутливо писал: «…прошу не влюбиться в дочь».

Всю зиму и почти всю весну Пушкин пробыл в Москве. Московская его жизнь была непрерывным рядом веселых забав и торжеств по разным поводам. Поэт вставал поздно после балов и долгих вечеров, проводимых накануне. В городской жизни, в ее шуме и волнении Пушкин находил удовлетворение для души и возможность для выхода своей огромной энергии. Софья Урусова не подошла поэту своей глупостью. Что-что, но глупость Пушкин не любил, даже скрытую под красивой наружностью. С Александрой Римской-Корсаковой отношения не сложились. Но зато наиболее долгими и какими-то «весело-беззаботными и светло-интимными», по словам В. Вересаева, среди всех этих увлечений являются его отношения с сестрами Ушаковыми.

3

Познакомился он с Ушаковыми в театре, где все лорнеты дам и девиц были направлены на гордость русской поэзии. В доме Ушаковых Пушкин стал бывать с зимы 1826–1827 годов. Родители сестер занимали видное положение в московском обществе. Интеллигентная семья занимала большой двухэтажный дом на Пресне, где в компании молодых людей девушки приятно музицировали и хорошо пели. В доме Ушаковых часто собирались московские литераторы и музыканты. Конечно, эти собрания не шли ни в какое сравнение с аристократизмом салона Зинаиды Волконской, но милые и веселые сестры Ушаковы и их родители умели создавать уют и интерес для гостей. Вскоре Пушкин сделался там своим человеком.

«Пушкин, – записывает Н. С. Киселев, – езжал к Ушаковым часто, иногда во время дня заезжал раза три… Охотно беседовал Пушкин со старухой Ушаковой и часто просил ее диктовать ему известные ей русские народные песни и повторять и напевы. Еще более находил он удовольствия в обществе ее дочерей. Обе они были красавицы, отличались живым умом и чувством изящного». Обе сестры – восторженные почитательницы Пушкина. Младшая, шестнадцатилетняя Елизавета, была влюблена в полковника Киселева и вскоре вышла за него замуж. Поэт к ней относился по-дружески, хотя, может быть, и была между ними какая-то влюбленность. Ведь Пушкину нравились шестнадцатилетние девушки. Это его любимый возраст, возраст расцвета, полового созревания, появления в девушках повадок и желаний взрослых женщин. Елизавете поэт написал в альбом прелестные стихи:

Вы избалованы природой;
Она пристрастна к вам была,
И наша вечная хвала
Вам кажется докучной одой.
Вы сами знаете давно,
Что вас любить немудрено,
Что нежным взором вы Армида,
Что легким станом вы Сильфида,
Что ваши алые уста,
Как гармоническая роза…
И наши рифмы, наша проза
Пред вами шум и суета.
Но красоты воспоминанье
Нам сердце трогает тайком —

И строк небрежных начертанье
Вношу смиренно в ваш альбом.
Авось на память поневоле
Придет вам тот, кто вас певал
В те дни, как Пресненское поле
Еще забор не заграждал.

Пушкин преподнес Елизавете Николаевне эти стихи без подписи. Она спросила, почему он не подписал своего имени. Пушкин, как будто оскорбленный, воскликнул:

– Так вы находите, что под стихами Пушкина нужна подпись? Проститесь с этим листком: он недостоин чести быть в вашем альбоме.

И хотел разорвать листок. Елизавета Николаевна кинулась к Пушкину и стала отнимать. Произошла борьба. В конце концов, листок остался в руках Елизаветы Николаевны, совершенно измятый, с оторванным углом. Она заставила Пушкина подписаться под стихами, причем для верности держала листок обеими руками. До нас дошел этот измятый и порванный листок с подписью Пушкина, сделанной другими чернилами.

Понемногу ухаживая за Елизаветой, Пушкин в основном увлекался старшей, семнадцатилетней Екатериной (Катерина IV). «Екатерина Ушакова, – отмечает П. И. Бартенев, – была в полном смысле красавица: блондинка с пепельными волосами, темно-голубыми глазами, роста среднего, густые косы нависли до колен, выражение лица очень умное. Она любила заниматься литературою. Много было у нее женихов; но по молодости лет она не спешила замуж…»

Она была резвая, шаловливая, лукаво-насмешливая девушка, «ни женщина, ни мальчик», – назвал ее Пушкин в надписи на поднесенном ей экземпляре своих стихов. На четыре года, до самой помолвки Пушкина, семья Ушаковых стала для него одной из самых близких в Москве. Уже в первую зиму их знакомства в Москве заговорили, что Пушкин неравнодушен к старшей. Одна московская девица писала в своем дневнике: «Вчерась мы обедали (у Ушаковых), а сегодня ожидаем их к себе. Меньшая очень, очень хорошенькая, а старшая чрезвычайно интересует меня, потому, что, по-видимому, наш поэт, наш знаменитый Пушкин, намерен вручить ей судьбу жизни своей, ибо уж положил оружие свое у ног ее, т. е., сказать просто, влюблен в нее. Это общая молва. Еще не видавши их, я слышала, что Пушкин во все пребывание свое в Москве только и занимался, что (Ушаковою): на балах, на гуляниях он говорил только с нею, а когда случалось, что в

собрании (Ушаковой) нет, то Пушкин сидит целый вечер в углу задумавшись, и ничто уже не в силах развлечь его!.. Знакомство же с ними удостоверило меня в справедливости сих слухов. В их доме все напоминает о Пушкине: на столе найдете его сочинения, между нотами – “Черную шаль” и “Цыганскую песню”, на фортепианах – его “Талисман”… в альбоме его картины, стихи и карикатуры, а на языке бесспорно вертится имя Пушкина».

Зима 1826–1827 годов была, может быть, самой счастливой в жизни Екатерины Ушаковой. Пушкин ездил чуть ли не всякий день, они читали стихи, слушали музыку, дурачились и заполняли бесконечными карикатурами и стихотворными подписями альбомы Екатерины и Елизаветы. Екатерина Николаевна любила Пушкина, поэт отвечал ей взаимностью. В апреле 1828 года он записал в ее альбоме:

Но ты, мой злой иль добрый гений,
Когда я вижу пред собой
Твой профиль и глаза, и кудри золотые,
Когда я слышу голос твой
И речи резвые, живые, —
Я очарован, я горю
И содрогаюсь пред тобою…

Однако в мае Пушкин уезжает в столицу. Екатерина не мыслит себе жизни без него. «Он уехал в Петербург, – пишет она брату, – может, он забудет меня; но, нет, нет, будем лелеять надежду, он вернется, он вернется безусловно!» Перед отъездом поэт записал в ее альбоме стихотворение:

В отдалении от вас
С вами буду неразлучен,
Томных уст и томных глаз
Буду памятью размучен;
Изнывая в тишине,
Не хочу я быть утешен,
Вы ж вздохнете обо мне,
Если буду я повешен?

Пушкин искренно надеялся, что его любовь к Ушаковой в разлуке лишь окрепнет, но можно ли было ожидать такого постоянства от легкомысленного, истерического поэта. Перед отъездом он был мрачен и невесел, последняя строка стихотворения не только шутливая, но скорее печальная,

выражала беспокойство и по поводу чувств самой Екатерины Николаевны. Влюбленность – влюбленностью, но брачные планы поэта, видимо, не осуществились. Пушкин никак не мог сделать решающего шага. Что-то останавливало его, и он в самый важный момент признания исчезал. Было желание, была влюбленность, но, видимо, подсознательный «романтический» идеал не находил опоры в этих прекрасных и даже влюбленных в поэта девушках. На этот раз Пушкин так же остановился на полпути и в мае 1827 года уехал в Петербург.

4

Покинем и мы на время гостеприимную семью Ушаковых, белокаменную «фамусовскую» Москву и перенесемся вместе с Пушкиным в Петербург. «Северная столица» встретила поэта новыми увеселениями, новыми светскими знакомствами. «Тотчас по приезде, – вспоминает Анна Керн, – он усердно начал писать, и мы его редко видели. Он жил в трактире Демута, родители – на Фонтанке, у Семеновского моста… Мать его, Надежда Осиповна, горячо любившая детей своих, гордилась им и была очень рада и счастлива, когда он посещал их и оставался обедать. Она заманивала его к обеду печеным картофелем, до которого Пушкин был большой охотник. В год возвращения его из Михайловского именины свои (2 июня) праздновал он в доме родителей в семейном кружку, и был очень мил».

Пушкин любил веселую компанию молодых людей. У него было много приятелей между подростками и юнкерами. В Петербурге водил он знакомство с гвардейскою молодежью и принимал деятельное участие в кутежах и попойках. Однажды пригласил он несколько человек в тогдашний ресторан Доминика и угощал их на славу. Входит граф Завадовский и, обращаясь к Пушкину, говорит: «Однако, Александр Сергеевич, видно, туго набит у вас бумажник!» – «Да ведь я богаче вас, – отвечает Пушкин, – вам приходится иной раз проживаться и ждать денег из деревень, а у меня доход постоянный с тридцати шести букв русской азбуки.

Поэт редко бывает дома, Соболевский снова возит его по трактирам, кормит и поит за свой счет. В гостинице Демута было неуютно, поэтому Пушкин все дни проводит в компаниях за игрой в карты. Обычно игра шла среди знакомых, хотя попадались и случайные игроки. Поэту не везло в игре; он редко выигрывал, а проигрывал суммы приличные. Практически все его доходы от изданий поэм и стихотворений уходили на карточные долги. Как беспечно, с какой-то молодецкой удалью он шел на дуэль, так же беззаботно и по-детски Пушкин играл. Азарт в картах, азарт в любви, азарт в жизни и смерти. Испытывать сильные психологические встряски было в характере поэта. Князь П. А. Вяземский, промотавший в игре не одно состояние, писал Пушкину: «Слышу от карамзинских дам жалобы на тебя, что ты пропал без вести, а несется один гул, что играешь не живот, а на смерть. Правда ли? Ах, голубчик, как тебе не совестно?»

Какую-то маниакальную карточную игру Пушкина обсуждали и в Москве, и в Петербурге. Говорили, что поэт проиграл за раз

17000 рублей. «Должники мне не платят, – жаловался он богатому И. Я. Яковлеву, – и дай Бог, чтоб они вовсе не были банкроты, а я (между нами) проиграл уже около 20 т. Во всяком случае, ты первый получишь свои деньги». О карточной игре, любимом после секса занятии, Пушкин откровенно писал:

…Страсть к банку…
Ни любовь к свободе,
Ни Феб, ни дружба, ни пиры,
Не отвлекли б в минувши годы
Меня от карточной игры…

Ксенофонт Полевой, несколько неприязненно относившийся к поэту, оставил верную характеристику его образа и поведения в Петербурге: «Он жил в гостинице Демута, где занимал бедный нумер, состоявший из двух комнаток, и вел жизнь странную. Оставаясь дома все утро, начинавшееся у него поздно, он, когда был один, читал, лежа в своей постели, а когда к нему приходил гость, он вставал, усаживался за столик с туалетными принадлежностями и, разговаривая, обыкновенно чистил, обтачивал свои ногти, такие длинные, что их можно назвать когтями. Иногда я заставал его за другим столиком – карточным – обыкновенно с каким-нибудь неведомым мне господином, и тогда разговаривать было нельзя.

Известно, что он вел довольно сильную игру и всего чаще продувался в пух. Жалко было смотреть на этого необыкновенного человека, распаленного грубою и глупою страстью. Зато он бывал удивительно умен и приятен в разговоре, касавшемся всего, что может занимать образованный ум. Многие его суждения и замечания невольно врезывались в память. Говоря о своем авторском самолюбии, он сказал мне: “Когда читаю похвалы моим сочинениям, я остаюсь равнодушен: я не дорожу ими; но злая критика, даже бестолковая, раздражает меня”… Самолюбие его проглядывало во всем. Он хотел быть прежде всего светским человеком, принадлежащим к высоко аристократическому кругу. Он ошибался, полагая, будто в светском обществе принимали его, как законного сочлена; напротив, там глядели на него, как на приятного гостя из другой сферы жизни, как на артиста, своего рода Листа или Серве. Светская молодежь любила с ним покутить и поиграть в азартные игры, а это было для него источником бесчисленных неприятностей, так как он вечно был в раздражении, не находя или не умея занять настоящего места…

В 1828 году Пушкин был уже далеко не юноша, тем более,

что после бурных годов первой молодости и после тяжких болезней он казался по наружности истощенным и увядшим; резкие морщины виднелись на его лице, но все еще хотел казаться юношей. Раз как-то, не помню, по какому обороту разговора, я произнес стих его, говоря о нем самом:

Ужель мне точно тридцать лет?

Он тотчас возразил: “Нет, нет у меня сказано: ужель мне скоро тридцать лет. Я жду этого рокового термина, а теперь еще не прощаюсь с юностью”. Надо заметить, что до рокового термина оставалось несколько месяцев. Кажется, в этот же раз я сказал, что в сочинениях его встречается иногда такая искренняя веселость, какой нет ни в одном из наших поэтов. Он отвечал, что в основании характер его грустный, меланхолический, и если он иногда бывает в веселом расположении, то редко и не надолго».

Именно грусть и меланхолия, охватившие Пушкина по приезде в Петербург, привели его и в дом Елизаветы Михайловны Хитрово, любимой дочери фельдмаршала Кутузова. Первый муж ее, граф Тизенгаузен, погиб при Аустерлице, второй муж, генерал Н. Ф. Хитрово, был посланником в Неаполе и вскоре умер. Вдова осталась почти без средств. Старшая дочь ее, графиня Екатерина Федоровна Тизенгаузен, замуж не вышла. Младшая, Дарья Федоровна, или Долли, как ее называли, вышла семнадцати лет за дипломата, графа Карла-Людвига Фикельмона. Он был в это время австрийским посланником во Флоренции, а затем – с 1829 по 1839 год – в Петербурге.

Елизавета Михайловна с дочерьми только что вернулась в Петербург из почти десятилетнего пребывания в Италии. Ее салон был одним из самых модных в Петербурге. «В летописях Петербургского общежитья, – вспоминал об Елизавете Михайловне князь П. А. Вяземский, – имя ее осталось так же незаменимо, как было оно привлекательно в течение многих лет. Утра ее (впрочем, продолжавшиеся от часу до четырех пополудни) и вечера дочери ее, графини Фикельмон, неизгладимо врезаны в памяти тех, которые имели счастие в них участвовать. Вся животрепещущая жизнь, европейская, русская, политическая, литературная и общественная, имела верные отголоски двух родственных салонах».

Самой хозяйке шел уже пятый десяток лет. Она была очень полная, некрасивая, похожая лицом на своего отца-фельдмаршала. Но глубоко была уверена в неотразимой красоте своих плеч и спины, поэтому обнажала их до последних пределов приличия. За это ее прозвали «Лизой голенькой». Существовала даже эпиграмма, приписываемая Пушкину, высмеивающая эту привычку стареющей женщины:

Лиза в городе жила
С дочкой Долинькой.
Лиза в городе слыла
Лизой голенькой.
Нынче Лиза en gala
У австрийского посла,
Не по-прежнему мила,
Но по-прежнему гола.

«Она никогда не была красавицей, – вспоминает граф В. А. Соллогуб, – но имела сонмище поклонников, хотя молва никогда и никого не могла назвать избранником, что в те времена была большая редкость. Елизавета Михайловна даже не отличалась особенным умом, но обладала в высшей степени светскостью, приветливостью самой изысканной и той особенной всепрощающей добротой, которая только и встречается в настоящих больших барынях. В ее салоне, кроме представителей большого света, ежедневно можно было встретить Жуковского, Пушкина, Гоголя, Нелединского-Мелецкого и двух-трех других тогдашних модных литераторов. По этому поводу молва, любившая позлословить, выдумала следующий анекдот. Елизавета Михайловна поздно просыпалась, долго лежала в кровати и принимала избранных посетителей у себя в спальне; когда гость допускался к ней, то, поздоровавшись с хозяйкой, он, разумеется, намеревался сесть; г-жа Хитрово останавливала: “Нет, не садитесь на это кресло, это Пушкина, – говорила она, – нет, не на диван – это место Жуковского, нет, не на этот стул – это стул Гоголя, – садитесь ко мне на постель, это место всех”.».

С Елизаветой Михайловной отношения Пушкина были довольно запутанные. Редкостная доброта ее к любому из друзей, доброта до самоотвержения, удесятерялась, если дело касалось Пушкина. Перед ним преклонялась она и как перед поэтом, и как перед человеком. Она жаждала служить ему. Мало того, Елизавета Михайловна воспылала к поэту “языческой”, как шутил Вяземский, любовью. Полюбила восторженно, страстно, самоотверженно, горестной любовью стареющей женщины, не ждущей и не смеющей ждать ответного чувства. Пушкин поддался на эту страсть.

Пожилые женщины привлекали его материнской заботой, дарили ему неполученные в детстве ласки. Детские сексуальные фантазии Саши, направленные на близких ему женщин, которые не реализовывались в раннем возрасте из-за запрета взрослых, теперь как бы возобновлялись с женщинами 40–45 лет (возраст

няни во времена детства поэта). Поначалу они сблизились, но потом Пушкин пожалел об этом. Елизавета Михайловна, по словам Н. М. Смирнова, «… преследовала его несколько лет своею страстью. Она надоедала ему несказанно, но он никогда не мог решиться огорчить ее, оттолкнуть от себя, хотя, смеясь, бросал в огонь не читая, ее ежедневные записки». Поэт не отличался вежливостью и тактом в отношении к женщинам. А тем более к женщинам, влюбленным в него. Постоянное желание унизить предмет своей любви было слишком сильно и не осознавалось поэтом. В 1828 году, после получения от мадам Хитрово какого-то письма с упреками, Пушкин пишет свой знаменитый ответ, где выражает свою философию отношения к женщине и твердое убеждение в ее правильности:

«Боже мой, сударыня, бросая слова на ветер, я был далек от мысли вкладывать в них какие-нибудь неподобающие намеки. Но все вы таковы, и вот почему больше всего на свете боюсь порядочных женщин и возвышенных чувств. Да здравствуют гризетки! С ними гораздо удобнее.

Я не прихожу к вам, потому занят, могу выходить из дому ли вечером, и мне надо повидать тысячу людей, которых я все же не вижу.

Хотите, я буду совершенно откровенен. Может быть, я и изящен и благовоспитан в моих писаниях, но сердце мое самое обычное и наклонности отменно мещанские.

Вы не будете на меня сердиться за откровенность? Не правда ли? Простите же мне мои слова, лишенные смысла, а главное – не имеющие к вам никакого отношения».

«И еще письмо от нее (тоже не сохранившееся) вызывает следующий ответ: «Откуда, черт возьми, вы взяли, что я сержусь? У меня хлопот выше головы. Простите мой лаконизм и якобинский слог». Елизавета Михайловна не понимала характера поэта, его беспокойной сексуальной натуры. Пушкину чаще нужны были женщины-самки, а не романтические чувства, которыми с избытком одаривала поэта дочь Кутузова.

«Вам слишком хорошо известна моя беспокойная, судорожная нежность. – пишет Хитрово Пушкину. – При вашем благородном характере вам не следовало бы оставлять меня без известий о себе. Запретите мне говорить о себе, но не лишайте меня счастья быть вашим поверенным… Несмотря на мою кротость, безобидность и смирение по отношению к вам (что возбуждает ваше нерасположение), подтверждайте хотя бы изредка получение моих писем. Я буду ликовать при виде одного лишь вашего почерка. Хочу еще узнать от вас самого, мой милый Пушкин, неужели я осуждена на то, чтобы увидеть вас только

через несколько месяцев.

Как много жестокого, [даже] раздирающего в одной этой мысли! А все-таки у меня есть внутреннее убеждение, что, если бы вы знали, до какой степени мне необходимо вас увидеть, вы пожалели бы меня и вернулись бы на несколько дней! Спокойной ночи – я ужасно устала».

Елизавета Михайловна основательно надоедала Пушкину изъявлениями нежности, чем и объясняются его шутливые или даже иронические упоминания о ней в письмах к П. А. Вяземскому и другим друзьям.

«Если ты можешь влюбить в себя Элизу, то сделай мне эту божескую милость, – пишет поэт Вяземскому. – Я сохранил свою целомудренность, оставя в руках у нее не плащ, а рубашку (справься у княгини Мещерской), а она преследует меня и здесь письмами и посылками. Избавь меня от Пентефреихи».

И только узнав о сватовстве Пушкина к Наталье Гончаровой, Елизавета Михайловна сдержала свою страсть, написав поэту очень печальное, можно сказать, прощальное любовное письмо:

«…Отныне мое сердце, мои сокровенные мысли станут для вас непроницаемой тайной, а письма мои будут такими, какими им следует быть, – океан ляжет между вами и мною, – но рано или поздно вы всегда найдете во мне для себя, для вашей жены и ваших детей друга, подобного скале, о которую все будет разбиваться. Рассчитывайте на меня на жизнь и на смерть, располагайте мною во всем без стеснения. Обладая характером, готовым для других пойти на все, я драгоценный человек для своих друзей: я ни с чем не считаюсь, езжу разговаривать с высокопоставленными лицами, не падаю духом, еду опять, время, обстоятельства – ничто меня не пугает. Усталость сердца не отражается на моем теле – я ничего не боюсь, а многое понимаю, и моя готовность услужить другим является в такой же мере даром небес, как и следствием положения в свете моего отца и чувствительного воспитания, в котором все было основано на необходимости быть полезной другим!

Когда я утоплю в слезах мою любовь к вам, я все же останусь тем же страстно любящим, кротким и безобидным существом, которое готово пойти за огонь и в воду, ибо так я люблю даже тех, люблю мало!»

Как видно из писем, ума Елизавета Михайловна была ограниченного, но доброты неисчерпаемой. Редкостное, самоотверженное и ласковое отношение к любому из друзей ее, удесятерялось, когда дело касалось Пушкина, Перед ним она преклонялась и как перед поэтом, и как перед человеком. Она служила гению – иногда с излишним шумом, но трогательно и

неизменно. Вероятно, именно эти искренние пламенные чувства и побуждали Пушкина постоянно бывать у нее, особенно во второй половине 1828 года. Кроме того, перед ним была дочь человека, чей образ всегда вызывал у поэта преклонение и патриотические чувства. Дружба из благодарности, дружба вынужденная хороша, когда человек свободен.

5

«Однако с весны 1828 года Пушкин снова во власти брачной лихорадки. Молодые девушки аристократических семейств вновь становятся объектом его внимания. Одной их них была Александра Осиповна Россет, фрейлина императрицы Александры Федоровны, жены Николая I. А. Россет была невысокого роста, красоты выдающейся и оригинальной. У нее были правильные, строгие черты смугло-румяного лица; очень образованная и умная, с острым язычком, она никому не давала пощады. Отец ее был француз, мать, Н. И. Лорер (сестра декабриста), – полунемка, полугрузинка. «От Россетов, – писал один из ее биографов, – она унаследовала французскую живость, восприимчивость ко всему и остроумие, от Лореров – изящные привычки, любовь к порядку и к музыке, от грузинских своих предков – лень, пламенное воображение, глубокое религиозное чувство, восточную красоту и непринужденность в обращении».

Познакомившись с Россет на балу у Е. М. Хитрово, Пушкин вступил в ряды ее поклонников. Правда, отношения их все же оставались далекими, несмотря на ее дружбу со многими литературными знаменитостями. «Ни я не ценила Пушкина, ни он меня, – вспоминала впоследствии Александра Осиповна (по мужу Смирнова). – Я смотрела на него слегка, он много говорил пустяков, мы жили в обществе ветреном. Я была глупа и не обращала на него особенного внимания». Однако уже на балу у Карамзиных, увидев уходящего Пушкина, она сказала: «Пойдемте со мною танцевать, но так как я не особенно люблю танцы, то в промежутках мы поболтаем». Пушкину понравилось, что среди высшего круга Александра Россет хорошо и выразительно говорила по-русски. С этого дня началось их сближение.

Ее красота, столько раз воспетая поэтами, – не величавая и блестящая красота Софьи Урусовой (Россет была очень невысокого роста), а южная красота тонких, правильных линий смуглого лица и черных, бодрых, проницательных глаз, вся оживленная блеском острой мысли, ее пытливый, свободный ум и искреннее влечение к искусству, поэзии, знанию, скоро создали ей при дворе и в свете исключительное положение. Дружба с Плетневым и Жуковским свела ее с Пушкиным, и скромная фрейлинская келья на четвертом этаже Зимнего Дворца сделалась местом постоянного сборища всех знаменитостей тогдашнего литературного мира.

«Жуковский прозвал ее небесным дьяволенком. – вспоминал князь П. А. Вяземский. – Кто хвалил ее черные глаза, иногда

улыбающиеся, иногда огнестрельные; кто – стройное и маленькое ушко, кто любовался ее красивою и своеобразною миловидностью. Несмотря на светскость свою, она любила русскую поэзию и обладала тонким и верным поэтическим чутьем. Она угадывала (более того, она верно понимала) и все высокое, и все смешное. Обыкновенно женщины худо понимают плоскости и пошлости; она понимала их и радовалась им, разумеется, когда они были не плоско-плоски и не пошло пошлы. Вообще увлекала она всех живостью своею, чуткостью впечатлений, остроумием, нередко поэтическим настроением. Прибавьте к этому, в противоположность не лишенную прелести, какую-то южную ленивость, усталость. Вдруг она расшевелится или теплым сочувствием всему прекрасному, доброму, возвышенному, или ощетинится скептическим и язвительным отзывом на жизнь людей. Она была смесь противоречий, но эти противоречия были как музыкальное разнозвучие, которые под рукою художника сливаются в странное, но увлекательное созвучие.

Сведения ее были разнообразные, чтения поучительные и серьезные, впрочем, не в ущерб романам и газетам. Даже богословские вопросы, богословские прения были для нее заманчивы… Прямо от беседы с Григорием Назианзином или Иоанном Златоустом влетала она в свой салон и говорила о делах парижских с старым дипломатом, о петербургских сплетнях, не без некоторого оттенка дозволенного и всегда остроумного злословия, с приятельницею, или обменивалась с одним из своих поклонников загадочными полусловами, т. е. по-английски “flirtation”».

«И вся была из противоречий, – отмечает В. Вересаев. – То бойкая, неугомонная “егоза”, как назвал ее Пушкин, то вся охваченная прелестной южной ленивостью и неподвижностью: то сердечная, отзывчивая на всякое горе, приходящая в восхищение от всего доброго, то колючая, язвительная, со скептической усмешкой глядящая на жизнь и людей; ее глаза то искрились весельем и радостью, то смотрели с глубокой тоской». Светски воспитанная, прекрасно знавшая по-французски, Александра Россет любила говорить по-русски в обществе, где разговорным был язык Вольтера и Дидро, и смело употребляла такие выражения, как «к черту», «втюрилась», «как бишь его» и т. п. Бойкая и очень привлекательная, она в то же время хорошо умела держать поклонников в узде, – «придворных витязей гроза», писал о ней Пушкин.

Однажды, когда влюбленный в нее В. А. Перовский попробовал ее обнять, она дала ему пощечину; но, когда хотела,

она умела ослабить узду и доходить до самой опасной черты.

Обстановка при дворе не была очень строгой, и молоденькая Россет неизбежно становилась объектом пошлых ухаживаний и сексуальных домогательств. С. Т. Аксаков писал своему сыну: «Недоступная атмосфера целомудрия, скромности, это благоухание, окружающее прекрасную женщину, никогда ее не окружало, даже в цветущей молодости». С таким же чувством непонимания и внутреннего возмущения вспоминал о Смирновой-Россет и его сын И. С. Аксаков.: «Я не верю никаким клеветам на ее счет, но от нее иногда веет атмосферою разврата, посреди которого она жила. Она показывала мне свой портфель, где лежат письма, начиная от государя до всех почти известностей включительно. Есть такие письма, писанные к ней чуть ли не тогда, когда она была еще фрейлиной, которые она даже посовестилась читать мне вслух – столько мерзостей и непристойностей. Много рассказывала про всех своих знакомых, про Петербург, об их образе жизни, и толковала про их гнусный разврат и подлую жизнь равнодушным тоном привычки, не возмущаясь этим».

Но именно эти качества и нравились Пушкину. Поэт сам любил поскабрезничать. Тот ж Аксаков писал Шевыреву: «С неделю тому назад, завтракал я с Пушкиным, Мицкевичем, и другими у Погодина. Первый вел себя ужасно гадко, отвратительно; второй – прекрасно. Посудите, каковы были разговоры, что второй два раза принужден был сказать: «г.г… порядочные люди и наедине и сами с собой не говорят о таких вещах». Александра Осиповна вела свободный разговор и с Пушкиным. Позже, в своей «Автобиографии», она приводит свою беседу с Кисилевым. На слова ее, что «Пушкин – любитель непристойного», тот ответил: «К несчастью, я это знаю и никогда не мог себе объяснить эту антитезу перехода от непристойного к возвышенному».

Но удивляться тут не надо, зная, что разврат и непристойность – это подсознательное, неискоренимое состояние психики поэта, который таким образом унижал любую женщину, чтобы сексуальное возбуждение принимало острую и доставляющую удовольствию форму.

Поклонников у красавицы было несметное количество. Тут можно было найти и самого благонравного В. А. Жуковского, который, говорят, даже сватался за нее. Ее влюбленно воспевали князь П. А. Вяземский, В. Туманский, Хомяков, Лермонтов, Соболевский. Большим успехом пользовалась она и при дворе. Ходили слухи, что ею увлекались великий князь Михаил Павлович и сам император Николай, известный своей

пристрастием к молоденьким фрейлинам своей супруги. Видимо и сам Пушкин вступил в число поклонников прелестной А. Россет. Но она отказала поэту, как отказала многим другим.

«Не видя для себя ни успеха в брачных делах, ни возможности интимного общения с гордой Александрой Пушкин влюбляется (или делает вид, что влюблен) в Анну Алексеевну Оленину – веселую, пылкую, своенравную двадцатилетнюю девушку. Это дочь Президента Академии Художеств и директора императорской Публичной библиотеки, знатного вельможи, большого знатока и любителя русской старины и античности Алексея Николаевича Оленина. Его салон был одним из самых притягательных для Пушкина после выпуска из Лицея. Здесь он встречался с И. А. Крыловым, В. А. Жуковским, Н. И. Гнедичем, Н. М. Карамзиным. К. Н. Батюшковым. А. Н. Оленин был женат на Е. М. Полторацкой, родной тетке А. П. Керн, – и «чудное мгновенье», которое довелось пережить и навсегда запомнить в 1819 г. Пушкину, как уже знает читатель, связано именно с домом Олениных. И вот сейчас все обитатели этого гостеприимного дома радушно встретили возвратившегося из ссылки поэта.

«Кружок Олениных состоял, – вспоминают современники, – с одной стороны, из представителей высшей аристократии и писателей, – художников и музыкантов – с другой, никакого раздвоения в этом кружке не было; все жили дружно, весело, душа в душу, особенно весело проводил время оленинский кружок в Приютине, – так называлась дача Елизаветы Марковны (Олениной) около Петербурга, за Охтой; дача эта отличалась прекрасным местоположением: барский дом стоял здесь над самою рекою и прудом, окаймленным дремучими лесами. Из забав была здесь особенно в ходу игра в шарады, которая в даровитой семье оленинского кружка являлась особенно интересною; особенно уморителен был в этой игре Крылов, когда он изображал героев своих басен. Между играми тут же часто читали молодые писатели свои произведения, а М. И. Глинка разыгрывал свои произведения».

Непременной участницей и, как тогда говорили, «украшением» литературных и музыкальных вечеров в доме отца своего была младшая дочь Олениных – Анна. Хорошо образованная, очень изящная, музыкальная, она полновластно царила в интеллигентном и мужском преимущественно обществе Оленинского окружения. Ей посвящали стихи Крылов, Гнедич, Козлов и другие поэты. Ее баловали, восхищались ею, куртуазно ей поклонялись.

«Семнадцати лет Анна Алексеевна была назначена фрейлиною к императрицам; Марии Федоровне и Елизавете

Алексеевне; при дворе она считалась одною из выдающихся красавиц, выделяясь, кроме того, блестящим и игривым умом и особенною любовью ко всему изящному». Взаимоотношения поэта и Олениной прослеживаются из «Дневника» Аннеты, который отражает психологию чувств, взглядов и мировоззрения тех молодых девушек, которые составляли пушкинский «идеал» жены. О себе она говорит в дневнике в третьем лице, как бы описывая все происходящее со стороны.

«Однажды на балу у графини Тизенгаузен-Хитрово, – описывает А. Оленина первую встречу с поэтом, – Анета увидела самого интересного человека своего времени и выдающегося на поприще литературы: это был знаменитый поэт Пушкин. Он только что вернулся из шестилетней ссылки. Все, и мужчины и женщины, спешили оказать ему внимание, как это всегда делается по отношению к гению. Одни делали это, следуя моде, другие, чтобы получить от него красивые стихи и этим поднять свою репутацию, иные, наконец, из подлинного уважения к гению, но большинство, потому что он пользовался милостивым расположением императора, который был его цензором…

Встретив его на балу, она захотела отличить знаменитого поэта и выбрала его в одном из танцев; опасение, что он посмеется над ней, заставило ее, подходя, опустить глаза и покраснеть. Ее задела небрежность, с которой он спросил, где ее место. Ее задела мысль, что Пушкин может принять ее за дурочку, но она ответила просто и уже весь вечер не пыталась его выбирать. Тогда он, в свою очередь, подошел и пригласил ее на фигуру. Она подала ему руку и, чуть отвернувшись, улыбнулась. Ведь такой чести все добивались». После этого романтического знакомства проницательная девушка отметила некоторые сексуальные особенности поэта.

«Среди особенностей поэта была та, что он питал страсть к маленьким ножкам, о которых он в одной из своих поэм признавался, что предпочитает их даже красоте. Анета соединяла с непосредственной внешностью две вещи: у нее были глаза, которые порой бывали хороши, порой глупы, Но ее нога была действительно очень мала, и почти никто из ее подруг не мог надеть ее туфель. Пушкин заметил это преимущество, и его жадные глаза следили по блестящему паркету за ножками молодой Олениной».

После первой встречи поэт стал часто бывать в их доме и на даче в Приютине. Постепенно Пушкин увлекся юной красавицей чуть более серьезно. А в ответ на хвалебную оду Вяземского по поводу прекрасных глаз Александры Россет Пушкин написал очень милые стихи, посвященные своему новому увлечению:

Она мила, скажу меж нами,
Придворных витязей гроза,
И можно с южными звездами
Сравнить, особенно стихами,
Ее черкесские глаза…
Она владеет ими смело,
Они горят огня живей;
Но сам признайся, то ли дело
Глаза Олениной моей!
Какой задумчивый в них гений,
И сколько детской простоты.
И сколько томных выражений,
И сколько неги и мечты!.
Потупит их с улыбкой Леля, —
В них скромных граций торжество,
Поднимет, – ангел Рафаэля
Там созерцает божество!

Весною 1828 года Пушкин почти ежедневно встречается с нею в Летнем Саду, куда ходил гулять с Вяземским и Плетневым. «Девица Оленина, – писал Вяземский жене, – довольно бойкая штучка. Пушкин называет ее «драгунчиком» и за этим «драгунчиком» ухаживает. Чрезвычайно подвижная, бойкая, светская, с поразительно миниатюрными ножками и прелестными глазами Анна Оленина казалась поэту той самой девушкой, которая могла бы составить «счастье его жизни», стать ему верной подругой, женою. В рукописях Пушкина появляются записи: Eninelo, Etenna Eninelo – ее имя и фамилия, прочитанные с конца. Он окружает начертание милого имени виньеткой. Annette Olenine, пишет он и заменяет ее фамилию своей: Annette Pouchkine. Запись эта выдает его мечту…

Поэт посвящает ей много стихов, однажды Оленина нечаянно сказала Пушкину «ты». В следующее свое посещение поэт привез ей стихи:

Пустое *вы* сердечным *ты*
Она, обмолвясь, заменила
И все счастливые мечты
В душе влюбленной возбудила —
Пред ней задумчиво стою,
Свести очей с нее нет силы;
И говорю ей: «Как вы милы!»
И мыслю: «Как тебя люблю!»

В другом стихотворении («Зачем твой дивный карандаш…») он призывает знаменитого английского художника Доу запечатлеть вместо своего «арапского профиля» – «ее черты» – олицетворение «юности и красоты»

В первых числах июня 1828 года Пушкин услышал у Олениных привезенную с Кавказа А. С. Грибоедовым и обработанную М. И. Глинкой грузинскую мелодию. Анна Алексеевна, как показалось Пушкину, прекрасно пела ее. Тогда, 12 июня, было создано изумительное стихотворение «Не пой, красавица, при мне», записанное в альбом Анны Алексеевны:

Не пой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной:
Напоминают мне оне
Другую жизнь и берег дальный.
Увы! напоминают мне
Твои жестокие напевы
И степь, и ночь – и при луне
Черты далекой, бедной девы…
Я призрак милый, роковой,
Тебя, увидев, забываю;
Но ты поешь – и предо мной
Его я вновь воображаю.
Не пой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной:
Напоминают мне оне
Другую жизнь и берег дальный.

И снова Пушкин вспоминает свою «утаенную» любовь, черты «далекой, бедной девы». Видимо, увлечение Олениной не было особенно сильным и носило больше матримониальный и эстетический характер. Проницательный князь П. А. Вяземский писал своей жене 7 мая 1828 года: «С девицею Олениной танцевал я pot-pourri и хвалил ее кокетство… Пушкин думает и хочет дать думать ей и другим, что он в нее влюблен, и вследствие моего pot-pourri играл ревнивого…»

Сама Анна Алексеевна относилась к поэту довольно равнодушно, что видно из ее «Дневника». Мало того, ее характеристика поэта, данная в дневнике, отчасти верная, но крайне презрительная, показывает, что Аннета Оленина и не собиралась становиться женой поэта. Как человек он был ей неприятен. Повторим еще раз ее слова, приведенные в начале книги:

«Бог, даровав ему гений дивный, не наградил его

привлекательной наружностью. Лицо его было выразительно, конечно, но некоторая злоба и насмешливость затмевали тот ум, который виден был в голубых или, лучше сказать, стеклянных глазах его. Арапский профиль, заимствованный из поколения матери, не украшал лица его. Да и прибавьте к тому ужасные бакенбарды, растрепанные волосы, ногти, как когти, маленький рост, жеманство в манерах, дерзкий взор на женщин, которых он отличал своей любовью, странность нрава природного и принужденного и неограниченное самолюбие – вот все достоинства телесные и душевные, которые свет придавал русскому поэту XIX столетия.

Говорили еще, что он дурной сын, но в семейных делах невозможно все знать; что он распутный человек, но, впрочем, вся молодежь почти такова». Однако она тщательно берегла альбомы с автографами и рисунками Пушкина. Несмотря на все это, поэт с радостью посещал Оленинский дом, а в особенности дачу Елизаветы Марковны, матери Анны, в Приютине, около Петербурга. Здесь оленинский кружок весело проводил свободное время. И опять тот же П. А. Вяземский сообщает жене своей: «Ездил с Мицкевичем вечером к Олениным в деревню Приютино, верст за 17. Там нашли мы и Пушкина со своими любовными гримасами».

Время шло. Пушкин решил наконец-то посвататься и получил отказ. Олонины не желали этого брака. Много можно назвать причин этого: и политическая неблагонадежность поэта – началось следствие о «Гавриилиаде», а Алексей Николаевич был в числе разбиравших это дело, и бедность поэта, и его довольно разгульный образ жизни. Сама Анна Алексеевна не настолько любила Пушкина, чтобы идти наперекор семье. Уже позже она сказала своему племяннику о поэте: «Он был вертопрах, не имел никакого положения в обществе, и, наконец, не был богат».

Отказ Олениных оказался болезненным ударом для самолюбия поэта. 1 сентября 1828 г. Пушкин писал П. А. Вяземскому: «Я пустился в свет, потому что бесприютен». В ответ Вяземский скаламбурил: «Ты говоришь, что бесприютен; разве уж тебя не пускают в Приютино?» Поэт резко порвал с домом Олениных, и, как всегда, выплеснул свою обиду в резких стихотворных строчках. В черновых набросках к 8-й главе «Онегина» он привел сатирическое изображение семьи Олениных.

Тут… дочь его была
Уж так жеманна, так мала,
Так неопрятна, так писклива,

Что поневоле каждый гость
Предполагал в ней ум и злость.

Сатирически выведен и Оленин-старший:

Тут был отец ее пролаз,
Нулек на ножках.

Анна Оленина, как и другие современники, оказалась права. Болезненное самолюбие поэта было ущемлено. А в этом случае Пушкин не останавливался перед любым оскорблением, особенно в отношении отказавшей ему женщины. Поэтическое «мщение» состоялось. И в то же время мнение о развратном поведении поэта, о «буйной, неудержимой натуре» Пушкина, которая, по словам племянника Анны Алексеевны, не могла обеспечить тетушке «мирное благоденственное житье», было правдой. Ведь в период сватовства к Олениной у Пушкина были две любовные связи – с А. П. Керн и с Аграфеной Федоровной Закревской.

6

С Анной Петровной Пушкин вновь встретился в Петербурге осенью 1827 года в доме своих родителей. Она окончательно ушла от мужа, уехала из Риги и поселилась в столице вместе с отцом и сестрой Лизой Полторацкой. Конец 20-х – начало 30-х годов были нелегкими в судьбе А. П. Керн (необходимость самой устраивать свою судьбу, материальная зависимость от мужа), и в то же время они явились лучшими годами в ее сознательной жизни. Она вошла в круг людей, о которых мечтала, видела с их стороны внимание, дружеское участие, а подчас и восторженное поклонение. Среди ее ближайших друзей была вся семья Пушкиных, – Надежда Осиповна, Сергей Львович, Лев, которому она «вскружила голову» и, особенно, Ольга. Своим человеком была Анна Петровна у Дельвигов, некоторое время даже снимала квартиру в одном доме с ними. Дельвиг называл ее «жена номер два», а Софья Михайловна, жена А. А. Дельвига, проводила в ее обществе целые дни, делясь самым сокровенным. Анна Петровна была в курсе всех начинаний и забот пушкинско-дельвиговского кружка.

«Весь кружок даровитых писателей и друзей, группировавшихся вокруг Пушкина, – пишет Анна Керн, – носил на себе характер беспечного любящего пображничать русского барина… В этом молодом кружке преобладала любезность и раздольная, игривая веселость, блестело неистощимое остроумие, высшим образцом которого был Пушкин». Дельвиг очень любил Пушкина. Вместе им было по-прежнему хорошо и весело. Как только поэт после очередной светской встречи появлялся в квартире Антона Антоновича, то все пропитывалось веселым смехом его.

Зиму 1827-28 года Пушкин почти каждый день проводил у Дельвигов. Сидели все обычно в кабинете хозяина. Пушкин на диване, сложив ноги по-турецки, грузный Дельвиг в кресле. Они постоянно обсуждали стихи, литературные новости, делились впечатлениями. «Гостеприимный, великодушный, деликатный, изысканный, – пишет А. Керн о Дельвиге, – он умел осчастливить всех окружающих… Я никогда его не видала скучным или неприятным, слабым или неровным».

В 1825 году Дельвиг женился на 17-летней красавице Софье, которая до свадьбы увлекалась поэзией и поэтами. Особенно ей нравился Пушкин. «Мой несравненный Пушкин… – писала она подруге. – Я восторженно люблю не только его стихи, но его личность». После приезда Пушкина в Петербург семья Дельвигов

радостно встретила поэта. «Александр (Пушкин) меня утешил и помирил с собой, – пишет Дельвиг П. А. Осиповой в июне 1827 года. – Он явился таким добрым сыном, как я и не ожидал. Его приезд обрадовал меня и Сониньку. Она до слез была обрадована, я – до головной боли». Однако эта идиллическая картина была нарушена приездом в октябре 1827 года Алексея Вульфа, ученика поэта по амурным похождениям. Сексуально активная Анна Керн не преминула продолжить свою старую связь с опытным любовником.

«Вульф не изменял своей любви к Анне Петровне, – отмечает П. Е. Щеголев, – и был уверен в постоянстве нежной ее любви к нему. Но и его верность, и ее постоянство носят печать чрезвычайного своеобразия. Он был влюблен в Анну Петровну: “прощальным, сладострастным ее поцелуям удавалось иногда возбуждать его холодную и вялую чувственность”. Но связь с Анной Петровной не мешала ему одновременно вести ряд романов, “платонических” и физических, на глазах Анны Петровны, с ее знакомыми, подругами и даже с ее родной сестрой. Романы имели свое, различное течение, но верный приют любовное чувство Вульфа находило всегда у Анны Петровны. Анна Петровна знала, конечно, о любовных историях Вульфа, и это знание не мешало их взаимным наслаждениям; в свою очередь, близкие отношения к Вульфу нисколько не мешали и Анне Петровне в ее увлечениях, которых она не скрывала от него. Они не были в претензии друг на друга. В их отношениях поистине царила какая-то домашность, родственность. Вульф навсегда остался благодарен Анне Петровне за ее любовь».

Он дни и ночи проводил у Анны Петровны, хотя, в общем-то, они не мешали друг другу. Вульф не платонически развращал свою кузину Лизу Полторацкую, сестру А. П. Керн, ухаживал за женою Дельвига. Анна Петровна окружала себя молодыми прапорщиками, сблизилась с бароном Вревским, будущим мужем Евпраксии Николаевны Вульф. Она имела интимные отношения с лицейским другом Пушкина Илличевским и с тем же Соболевским. Алексей Вульф подробно описывает обстановку сексуальной атмосферы, которая царила в доме Дельвигов, и особенно свои начинающиеся отношения с Софьей Дельвиг, которую он возбуждал своими постепенными ухаживаниями.

«Между тем я познакомился в эти же дни, и у них же, с общей их приятельницею Софьей Михайловной Дельвиг, – пишет в «Дневнике» Алексей Вульф, – молодою, очень миленькою женщиною лет 20. С первого дня нашего знакомства показывала она мне очень явно свою благосклонность, которая мне

чрезвычайно польстила, потому что она была первая женщина, исключая двоюродных сестер, которая кокетничала со мной, и еще оттого, что я так скоро обратил на себя внимание женщины, жившей в свете и всегда окруженной толпой молодежи столичной. – Рассудив, что, по дружбе ее с Анной Петровной и по разным слухам, она не должна быть весьма строгих правил, что связь с женщиною гораздо выгоднее, нежели с девушкою, решился я ее предпочесть, тем более что, не начав с нею пустыми нежностями, я должен был надеяться скоро дойти до сущного. – Я не ошибся в моем расчете: недоставало только случая (всемогущего, которому редко добродетель или, лучше сказать, рассудок женщины противостоит), чтобы увенчать мои желания».

Вульф подробно рассказывает о своих действиях по соблазнению молодой женщины.

«14 октября…вечер провел с Дельвигом и Пушкиным. В 10 часов ушли они ужинать, а я остался с Анной Петровной и баронессою. Она лежала на кровати, я лег к ее ногам и ласкал их: Анна Петровна была за перегородкою; наконец вышла на минуту и София подала мне руку. Я осыпал ее поцелуями, говорил, что я счастлив, счастлив, как тогда, как в первый раз целовал эту руку. “Я не думала, чтобы она для вас имела такую цену”, – сказала она, поцеловав меня в голову. Я все еще держал руку, трепетавшую под моими лобзаниями: не в силах выдерживать мой взгляд, она закрыла лицо. Давно безделица меня столько не счастливила, – но зашумело платье, и Анна Петровна взошла». Однако Дельвиг что-то заподозрил. Он увез Софью Михайловну. Тогда Вульф начал обхаживать новую жертву – сестру Анны Керн, Лизу, симпатичную девушку с высокой грудью, грустными глазами.

«Не стану описывать, как с этих пор возрастала ее любовь ко мне до страсти, как совершенно предалась она мне, со всем пламенем чувств и воображения и как с тех пор любовью ко мне дышала. Любить меня было ее единственное занятие, исполнять мои желания – ее блаженство быть со мною – все, чего она желала. И эти пламенные чувства остались безответными! Они только согревали мои холодные пока чувства. Напрасно я искал в душе упоения! одна чувственность говорила. – Проводя с нею наедине целые дни (Анна Петровна была все больна), я провел ее постепенно через все наслаждения чувственности, которые только представляются роскошному воображению, однако не касаяся девственности. Это было в моей власти, и надобно было всю холодность моего рассудка, чтобы в пылу восторгов не переступить границу – ибо она сама, кажется, желала быть совершенно моею вопреки моим увериниям, считала себя такою».

Однако после первых наслаждений страсть Вульфа, как и страсть Пушкина, гасла. Полноценные сексуальные отношения продолжались с Анной Керн, а через год начались и с Софьей Дельвиг.

«Софья совершенно предалась своей временной страсти и, почти забывая приличия, давала волю своим чувствам, которыми никогда, к несчастью, не училась она управлять. Мы не упускали ни одной удобной минуты для наслаждения, – с женщиной труден только первый шаг, а потом она сама почти предупреждает роскошное воображение, всегда жаждущее нового сладострастия».

Попадая в атмосферу такого чувственного бытия его хороших знакомых (однажды поэт застал уединившихся Алексея Вульфа и Софью Дельвиг), Пушкин не мог не использовать возможность получить новые удовольствия. Он снова у ног Анны Керн (в прямом смысле). Постоянно видя ее у Дельвигов, он куртуазно ухаживает за ней, но уже без того бешеного пыла, который проявил он в Тригорском. Прежней романтики отношений между Пушкиным и Керн уже не было. Они встречались, вели беседы, поэт записывал в ее альбом различные стихотворения и эпиграммы.

Подчас собирались все вместе – Пушкин, Анна Керн, Лиза Полторацкая, Софья Михайловна и Алексей Вульф – султан этого небольшого гарема. Наконец поэт и Анна Петровна вступили в связь, которая отличалась большей чувственностью, но меньшей чувствительностью. В письме к Соболевскому в феврале 1828 года Пушкин цинично докладывает: «…Ты ничего не пишешь мне о 2100 р., мною тебе должных, а пишешь мне о m-m Керн, которую я с божьей помощью на днях выеб». Поэт, как мы знаем, не отличался деликатностью но отношению к завоеванным женщинам. Сама Анна Петровна вспоминала: «Однажды, говоря о женщине, которая его страстно любила, он сказал: “Rien de plus insipide que la patience et la resignation” (Ничего нет безвкуснее долготерпения и самоотверженности).

Приезжая к Анне Керн, Пушкин был с ней довольно откровенен, обсуждая свои любовные дела, и, в частности, насмешливо отзывался об Олениной, никогда не говоря с нежностью о предмете своих вздыханий. Может быть, это тоже сыграло определенную роль в резком отказе Елизаветы Марковны, которая была тетей Анны Петровны. «Великая» любовь переросла в обыкновенный, прозаический адюльтер.

После женитьбы поэта Пушкин и Анна Керн перестали видеться. Их пути разошлись. Полная своим необыкновенным сексуальным желанием, Анна Керн имела много любовников, и

каждый раз ее страсть сопровождалась любовным пылом, как в юные годы. «Вот завидные чувства, которые никогда не стареют! – писал Алексей Вульф о своей прошлой страсти. – После столь многих опытностей я не предполагал, что еще возможно ей себя обманывать… Анна Петровна, вдохновленная своей страстью, велит мне благоговеть перед святыней любви!… Пятнадцать лет почти непрерывных несчастий, унижения, потеря всего, что в обществе ценят женщины, не могли разочаровать это сердце или воображение, – по сю пору оно как бы в первый раз вспыхнуло». В сорок лет она выходит замуж по любви за молодого 20-летнего кадета, троюродного своего брата Александра Маркова-Виноградова.

И. С. Тургенев в одном из писем к Полине Виардо очень интересно характеризовал Анну Петровну: «В молодости, должно быть, она была очень хороша собой, и теперь еще, при всем своем добродушии (она не умна), сохранила повадки женщины, привыкшей нравится… мне она показала полувыцветшую пастель, изображающую ее в 28 лет (год связи с поэтом. – *А. Л.*): беленькая, белокурая, с кротким личиком, с наивной грацией, с удивительным простодушием во взгляде и улыбке… немного смахивает на русскую горничную в роде Варюши. На месте Пушкина я бы не писал ей стихов».

Пушкин и сам это понял после того, как прошел угар его первого страстного увлечения. Сексуальные упражнения и сексуальные круговращения в доме Дельвига постоянно держали его в напряжении. Его темперамент требовал все новых и новых жертв. Еще одной такой жертвой (хотя жертвой был скорее сам поэт) стала Аграфена Федоровна Закревская, красивая, блестящая, эксцентричная, презирающая условности света женщина.

Урожденная графиня Толстая, в 1818 году, девятнадцати лет, она вышла замуж за 35-летнвго генерала Закревского, а через 3–4 года ее имя было на язычках всех «баб обоего пола». Высокая, смуглая красавица, она имела неисчислимое количество любовников, среди которых был и принц Кобургский, впоследствии король Бельгии Леопольд. Жила она в Финляндии, в Гельсингфорсе, но иногда наезжала в Петербург. Увидев Закревскую летом 1828 года, Пушкин пишет ее «Портрет»:

С своей пылающей душой,
С своими бурными страстями,
О жены Севера, меж вами
Она является порой.
И мимо всех условий света

Стремится до утраты сил,
Как беззаконная комета
В кругу расчисленных светил.

В жизни Закревская часто проявляла какую-то «судорожную веселость» и держалась, как озорной мальчишка-сорвиголова, но душа у нее была полна какой-то «черной» тоской. Влюбленный в нее поэт Баратынский писал в письме: «Она сама нещастна; это роза, это царица цветов, – но поверженная бурей; листья ее чуть держатся и беспрестанно опадают… Ужасно!» Образ А. Ф. Закревской вдохновил Баратынского на создание поэмы «Бал», вышедшей в 1828 году, в которой Закревская выведена под именем княгини Нины.

Пушкин был в восторге от поэмы Баратынского; Вяземский также знал ее хорошо. Отсюда становится понятно, что в письме своем под княгинею Ниною Вяземский разумеет Закревскую. В стихах и письмах, как Пушкина, так и Баратынского, она предстает дерзко презирающей мнение света, сверхсексуальной и даже порочной, внушающей прямо страх заразительной силою сатанинской своей страстности. Баратынский почти повторяет образы Пушкина:

«Страшись прелестницы опасной,
Не подходи: обведена
Волшебным очерком она;
Кругом нее заразы страстной
Исполнен воздух»…

И еще характеристика поведения Нины Воронской, которую дал Баратынский, имея перед собой реальное поведение А. Закревской:

«Кого в свой дом она манит, —
Не записных ли волокит,
Не новичков ли миловидных?
Не утомлен ли слух людей
Молвой побед ее бесстыдных
И соблазнительных связей?
Но как влекла к себе всесильно
Ее живая красота!»

О Закревской вспоминает Пушкин в описании встречи

Татьяны и Онегина на балу, после возвращения последнего из дальних странствий:

Беспечной прелестью мила,
Она сидела у стола
С блестящей Ниной Воронскою,
Сей Клеопатрою Невы;
И верно б согласились вы,
Что Нина мраморной красою
Затмить соседку не могла,
Хоть ослепительна была.

«Если искать за персонажами Пушкина живых прототипов, – занятие, по-моему, в общем достаточно бесплодное, пишет В. В. Вересаев, – то, конечно, естественнее всего в этой Нине Воронской, Клеопатре Невы, видеть именно Закревскую. “Мраморная краса” ее великолепно видна на портрете, приложенном к брокгаузовскому изданию Пушкина».

В незаконченной повести «Гости съезжались на дачу…» Пушкин описал свои психологические мотивы, бросившие его в объятия страстной женщины, внутренний мир которой он воплотил в образе Нины Вольской. Вольская нравилась герою повести Минскому, который «не любил свет», «нравилась за то, что она осмеливалась явно презирать ненавистные ему светские приличия. Он подстрекал ее ободрением и советами, сделался ее наперсником и вскоре стал ей необходим».

И далее Пушкин пишет: «Минский угадывал ее сердце; самолюбие его было тронуто; не полагая, чтоб легкомыслие могло быть соединено с сильными страстями, он предвидел связь без всяких важных последствий, лишнюю женщину в списке ветреных своих любовниц, и хладнокровно обдумывал свою победу. Вероятно, если бы он мог вообразить бури, его ожидающие, то отказался б от своего торжества, ибо светский человек легко жертвует своими наслаждениями и даже тщеславием, ради лени и благоприличия».

О цинизме Закревской рассказывали чудеса. Князь Вяземский называл ее медной Венерой, а такие благонравные и моральные люди, как писатель С. Т. Аксаков, смотрели на нее с ужасом и отвращением. Секс для Закревской являлся каким-то маниакальным способом удовлетворения своей необыкновенно пылкой души. Весь нравственный облик ее, такой страстный и порывистый, необычайно понравился Пушкину, которого она приблизила к себе летом 1828 года и сделала поверенным своих любовных тайн.

«Я пустился в свет, потому что бесприютен, – писал Пушкин Вяземскому в уже известном письме. – Если б не твоя медная Венера, то я бы с тоски умер. Но она утешительно смешна и мила. Я ей пишу стихи. А она произвела меня в сводники (к чему влекли меня всегдашняя склонность и нынешнее состояние моего благонамеренного, о коем можно сказать то же, что о его печатном тезке: ей-ей, намеренье благое, да исполнение плохое». («Благонамеренный» – журнал, который издавал Фаддей Булгарин, литератор и журналист). Летом и осенью развивались их отношения. Даже Оленина отмечала в дневнике: «Он влюблен в Закревскую. Все об ней толкует, чтобы заставить меня ревновать, но притом тихим голосом прибавляет мне разные нежности».

В приведенном выше резком ответном письме к Е. М. Хитрово Пушкин пишет о Закревской: «Я имею несчастье состоять в связи с остроумной, болезненной и страстной особой, которая доводит меня до бешенства, хоть я и люблю ее всем сердцем. Всего этого слишком достаточно для моих забот, а главное – для моего темперамента». «Болезненность» Закревской заключалась в том, что она была самой настоящей истеричкой. Резкая смена настроений, чисто детская озорная шаловливость, «судорожное веселие», по словам Н. Путяты. Снова встретились два истерических, бурных, страстных и необыкновенно сексуальных характера. Последние сильные всплески угасающего темперамента поэта.

«Фаллически-нарциссический характер, – пишет А. Лоуэн, – ведет себя так, словно обладает высокой сексуальной потенцией. Такие индивиды имеют обыкновение хвастать своей мощью и своими победами – количеством половых актов, совершенных за ночь. Фактически же оргастическая потенция, то есть способность достигать высшей точки наслаждения, уменьшается пропорционально количеству актов, но одновременно резко возрастает агрессия, предназначенная для замещения органической слабости».

Именно это свойство характера поэта проявилось и в его замечании о состоянии его «благонамеренного», и в громкой, порочащей его имя связи с сексуально больной женщиной. Их любовь была мучительной и бурной. Племянница Закревской, М. Ф. Каменская рассказывает, что, по словам ее тетушки, Пушкин был в нее влюблен без памяти, что он ревновал ее ко всем и к каждому. «Еще недавно в гостях у Соловых он, ревнуя ее за то, что она занимается с кем-то больше, чем с ним, разозлился на нее и впустил ей в руку свои длинные ногти так глубоко, что показалась кровь». Даже Пушкин, прошедший долгую и

основательную школу любви боялся сатанинской страстности своей новой возлюбленной. Утомленный ее сексуальными желаниями и оргиями, которые устраивала неистовая «медная Венера», Пушкин пишет стихотворение «Наперсник», отражающее его чувства и физическое состояние:

Твоих признаний, жалоб нежных
Ловлю я жадно каждый крик:
Страстей безумных и мятежных
Так упоителен язык!
Но прекрати свои рассказы,
Таи, таи свои мечты:
Боюсь их пламенной заразы,
Боюсь узнать, что знала ты!

Пушкин пишет еще одно стихотворение, отражающее удивительно страстные и нервные отношения его с Закревской:

Счастлив, кто избран своенравно
Твоей тоскливою мечтой,
При ком любовью млеешь явно,
Чьи взоры властвуют тобой;
Но жалок тот, кто молчаливо,
Сгорая пламенем любви,
Потупя голову, ревниво
Признанья слушает твои.

Но вскоре Закревская уезжает обратно в Финляндию. Пушкин получил заряд, или вернее сильнейшую разрядку своей угасающей сексуальной агрессии. Никогда более не был он так «эротичен», как в эти августовские дни 1828 года. Пути их разошлись, иногда они встречались в свете. А когда тело убитого поэта до дня похорон выставили в склеп Конюшенной церкви, Аграфена Федоровна ночевала у гроба Пушкина и рассказывала другим дамам об интимных чертах характера дорогого ей человека. Позже поэт посвятил А. Ф. Закревской прекрасное стихотворение, в котором с пониманием отнесся к ее особенностям истерического характера и трудной, неприкаянной жизни.

Когда твои младые лета
Позорит шумная молва,
И ты, по приговору света,

На честь утратила права;
Один среди толпы холодной
Твои страданья я делю
И за тебя мольбой бесплодной
Кумир бесчувственный молю.
Но свет… Жестоких осуждений
Не изменяет он своих.
Он не карает заблуждений,
Но тайны требует для них.
Достойны равного презренья
Его тщеславная любовь
И лицемерные гоненья:
К забвенью сердце приготовь;
Не пей мучительной отравы;
Оставь блестящий, душный круг;
Оставь безумные забавы:
Тебе один остался друг.

Кратковременная связь двух родственных душ настолько сильно поразила сознание поэта и всколыхнула подсознательные чувства и желания, что он внес имя своей «беззаконной кометы» в первый «Донжуанский список».

7

Всю осень 1828 года Пушкин находится в состоянии возбуждения. Он пишет «Полтаву», едва поспевая записывать теснящиеся в голове стихи, и посвящая эту прекрасную поэму одной единственной, неизвестной никому NN, а скорее всего, «романтическому» своему идеалу, в котором совместились и его «северная» любовь, и серьезные увлечения милыми сестрами Раевскими.

В жизни поэта начинается полоса неприятностей. За ним устанавливают шпионское наблюдение, которое он пока не замечает. Пушкина вызывают на допросы, выясняя, он ли автор «Гавриилиады». Окончательно ясной стала и невозможность брака с Олениной. Страшная нервная раздражительность, вызванная этими обстоятельствами, отражена в тоне писем поэта. Особенно резко он отвечает на бесконечные любовные послания Е. М. Хитрово.

Поэт не может усидеть на месте. Его обуревает какая-то жажда смены мест. Он постоянно меняет место жительства. То он в Москве, то в Петербурге. То ищет успокоения в глуши Михайловского, то путешествует по имениям семьи Осиповых-Вульф: Тригорское, Малинники, Берново, Старицы, Павловское в поисках свежих чувств на фоне деревенской жизни. Особенно привлекали его, находящиеся там молоденькие девушки, новая невинная поросль, чудесная и свежая, сорвать первоцвет которой так жаждал утомленный светским развратом Пушкин. Однако не только он окунался в этот цветник молоденьких девушек, как во времена Михайловской ссылки. Его постоянный спутник и соперник по развращению своих молоденьких родственниц и их подруг постоянно наезжал из Петербурга в те же места.

Пушкин и Алексей Вульф даже переписываются всегда по поводу своих удач или неудач в амурных похождениях. Иногда Пушкин опережал своего соперника и первый срывал наслаждения юными телами провинциальных барышень, иногда его способный ученик первенствовал и поэту оставалось идти по проторенной тропе. Так случилось с Алиной Осиповой в 1826 году, когда Пушкин уехал из ссылки. Вульф применил на Сашеньке ту «науку любви», которую не раз применял и к ряду своих кузин, – «то есть, – как выражается он в своем дневнике, – до известной точки пользоваться везде и всяким образом наслаждениями вовсе не платоническими».

После года «спокойных наслаждений» такого рода Вульф уехал в Петербург, оставив Сашу в слезах и горе. В другом месте

своего «Дневника» Вульф вспоминает о своих ухаживаниях за своей очередной кузиной, замужней Екатериной Ивановной Гладковой. «Несмотря на пример своего семейства и на то, что она взросла в кругу людей, не отличавшихся чистотою нравственности (см. И. И. Вульф), она умела сохранить непорочность души и чистоту воображения и нравов. Приехав в конце 1827 г. в Тверь, напитанный мнениями Пушкина и его образом обращения с женщинами, предпринял я сделать завоевание этой добродетельной красавицы. Слух о моих подвигах любовных давно уже дошел и в глушь Берновскую. Письма мои к А. Ив. (Сашеньке Осиповой) ходили здесь по рукам и считались образцами в своем роде. Катерина рассказывала мне, что она сначала боялась приезда моего, так же как бы и Пушкина. Столь же неопытный в практике, сколько знающий теоретик, я первые дни был застенчив с нею и волочился, как 16-летний юноша. Я никак не умел постепенно ее развращать, врать ей, раздражать ее чувственность. За то первая она стала кокетничать со мною, день за день я более и более успевал; от нежных взглядов я скоро перешел к изъяснениям в любви, к разговорам о ее прелестях и моей страсти; но трудно мне было дойти до поцелуев, и очень много времени мне это стоило. Живой же язык сладострастных осязаний я не имел времени ей дать понять».

В Петербурге, как известно, Вульф имел успех в деле соблазнения Лизы Полторацкой, а в конце 1828 г. он, приехав в родные края, волочился за новыми красавицами. Иногда, наталкиваясь на неудачи, он снова возвращался к Саше, с которой имел полноценные интимные отношения. «За то, – пишет он в дневнике, – возвращаясь с бала домой в одной кибитке с Сашей, мы с нею вспоминали старину». Осенью 1828 года отец увез в Тверскую губернию Лизу Полторацкую, которую Вульф успешно развратил в Петербурге. Там она встретилась с Сашей Осиповой, и они подружились на почве общей страсти к молодому кузену.

Через некоторое время, чтобы немного развеяться, Пушкин также собирается осенью 1828 года в Малинники, имение П. А. Осиповой в Тверской губернии. В связи с этим Алексей Вульф ревниво отмечает в своем дневнике: «Я видел Пушкина, который хочет ехать с матерью в Малинники, что мне весьма неприятно, ибо от того пострадает доброе имя и сестры, и матери, а сестре и других ради причин это вредно». В октябре 1828 года поэт приезжает в Тверскую губернию.

«Здесь мне очень весело, – пишет он Дельвигу, – ибо я деревенскую жизнь очень люблю». А в другом письме иронично сообщает: «Здесь очень много хорошеньких девчонок… я с ними вожусь платонически и оттого толстею и поправляюсь в моем

здоровье». Поэт имел в виду молоденьких Катеньку Вельяшеву и Машеньку Борисову, за которыми он начал постепенно ухаживать, прощупывая почву для дальнейшего удара. В письме от 27 октября 1828 г. из Малинников Пушкин пишет А. Вульфу:

«Тверской Ловелас С.-Петербургскому Вальмону здравия и успехов желает.

Честь имею донести, что в здешней губернии, наполненной вашим воспоминанием, все обстоит благополучно. Меня приняли с достодолжным почитанием и благосклонностью. Утверждают, что вы гораздо хуже меня (в моральном отношении), и потому не смею надеяться на успехи, равные вашим. Требуемые от меня пояснения насчет вашего петербургского поведения дал я с откровенностью и простодушием, отчего и потекли некоторые слезы и вырвались некоторые недоброжелательные восклицания, как, например: какой мерзавец! какая скверная душа! Но я притворился, что я их не слышу. При сей верной оказии доношу вам, что Мария Васильевна Борисова есть цветок в пустыне, соловей в дичи лесной, перло в море, и что я намерен на днях в нее влюбиться.

Здравствуйте! Поклонение мое Анне Петровне, дружеское рукопожатие баронессе».

Здесь, в Малинниках, поэт встречает свою давнюю любовь Нетти Вульф, которой посвящает небольшое шутливое стихотворение.

За Netty сердцем я летаю
В Твери, в Москве,
И R и O позабываю
Для N и W.

R – это, вероятно, Александра Россет, O – Анна Оленина, N и W – Нетти Вульф. Россет, Закревская, Керн, Хитрово – поэт оставил этих женщин в Петербурге, чтобы насладится непосредственной и спокойной жизнью в тихой провинции. Видимо, здесь он находил новые чувства для опустошенной бурными сексуальными удовольствиями души и истощенного тела.

Но более всех Пушкин был влюблен Евпраксию Николаевну Вульф, милую Зизи, которая превратилась за два года в прелестную девушку, начинавшую испытывать сильные половые влечения. Пушкин вновь встретился с ней в Тригорском, куда приехал на короткое время осенью 1828 года. Приезд Пушкина, видимо, возродил в ней светлые воспоминания о прежних

веселых собраниях молодых людей, на которых она верховодила. Алексей Вульф говорил М. И. Семевскому, что Пушкин был ее «всегдашним и пламенным обожателем», а в своем дневнике отмечал: «По разным приметам судя, и ее молодое воображение вскружено неотразимым Мефистофелем». Так Вульф в переписке называл Пушкина.

Со стороны Евпраксии любовь была, видимо, более сильной. Как и все девушки, она поддалась обаянию поэта, его способности зарождать страсть и желания в сердцах молодых девушек. Отношения между Пушкиным и Евпраксией Вульф были гораздо серьезнее «легкого увлечения» и «шутливой влюбленности». Между ними установились сексуальные отношения, обычные для практики поэта.

Знаток такого рода сексуальных связей, Алексей Вульф, в декабре 1828 г. приехав из Петербурга в родное гнездо, увидел сестру свою Евпраксию. «Она, – пишет он, – страдала еще нервами и другими болезнями наших молодых девушек. В год, который я ее не видал, очень она переменилась. У ней видно было расслабление во всех движениях, которое ее почитатели называли бы прелестною томностью, – мне же это показалось похожим на положение Лизы (Полторацкой. – *А. Л.*), на страдание от не совсем счастливой любви, в чем я, кажется, не ошибся»

Опытный в этих делах глаз Вульфа видит то, что отмечено было еще юношей-Пушкиным в стихотворении (впрочем, взятом у Парни):

Я понял слабый жар очей.
Я понял взор полузакрытый,
И побледневшие ланиты,
И томность поступи твоей…
Твой бог неполною отрадой
Своих поклонников дарит…

Не знаю, прав ли был А. Вульф в этих своих догадках о характере сексуальной связи сестры и Пушкина, но позднейшие отношения Пушкина с Евпраксией Николаевны были самые дружеские. Она тепло отзывается о нем в своих письмах, проявляет интерес к его делам, волнуется по поводу его дуэли с графом Соллогубом, стоит на стороне поэта в истории с Дантесом.

8

Несмотря на приятные увлечения в поместьях своих друзей поэт едет на короткое время в Москву. И здесь, в древней столице, произошло событие, которое изменило в дальнейшем всю его жизнь, событие, к которому он интуитивно стремился все эти годы. В декабре 1828 года на балу у танцмейстера Йогеля Пушкин увидел девушку замечательной красоты. Это была шестнадцатилетняя Наталья Гончарова, которую только что начали выводить в свет.

«В белом воздушном платье, с золотым обручем на голове, она в этот знаменательный вечер поражала всех своей классической, царственной красотой. – пишет в своих воспоминаниях А. П. Арапова, ее дочь от второго брака. – Ал. Сер. не мог оторвать от нее глаз. Слава его уж тогда прогремела на всю Россию. Он всюду являлся желанным гостем: толпы ценителей и восторженных поклонниц окружали его, ловя всякое слово, драгоценно сохраняя его в памяти. Наталья Николаевна была скромна до болезненности: при первом знакомстве их его знаменитость, властность, присущие гению, – не то что сконфузили, а как-то придавили ее. Она стыдливо отвечала на восторженные фразы, но эта врожденная скромность только возвысила ее в глазах поэта». После этой встречи Пушкин сказал, что участь его будет навеки связана с молодой особой, обращавшей на себя общее внимание.

Пушкин с этого дня начал серьезно помышлять о женитьбе, желая покончить жизнь молодого человека. «Холостая жизнь и несоответствующее летам положение в свете, – пишет князь П. А. Вяземский, – надоели Пушкину с зимы 1828–1829 г. Устраняя напускной цинизм самого Пушкина и судя по-человечески, следует полагать, что Пушкин влюбился не на шутку». Восхищенный молодостью и красотой, поэт, однако, все время был чем-то озабочен, ему постоянно было не по себе. Стремление к объединению «чувства и чувственности» в «либидо» Пушкина происходило болезненно и выражалось в смутной тревоге, усталости, стремлению к общению с молодыми девушками, вплоть до сексуальных. Чтобы заглушить это непонятное для поэта чувство, в январе 1829 года Пушкин снова уехал в Тверскую губернию в городишко Старицы, куда немного ранее приехала к своим родственникам Вельяшевым П. А. Осипова вместе с дочерью и сыном – Евпраксией Николаевной и Алексеем Вульфом.

«Здесь я нашел двух молодых красавиц: пишет А. Вульф, –

Катиньку Вельяшеву, мою двоюродную сестру, в один год, который я ее не видал, из 14-летнего ребенка расцветшую прекрасною девушкою, лицом хотя не красавицею, но стройною, увлекательною в каждом движении, прелестною, как непорочность, милою и добродушную, как ее лета. Другая, Машенька Борисова, прошлого года мною совсем почти незамеченная, теперь тоже заслуживала мое внимание. Не будучи красавицею, она имела хорошенькие глазки и для меня весьма приятно картавила. Пушкин, бывший здесь осенью, очень ввел ее в славу. – Первые два дня я провел очень приятно, то в разговорах с сестрою, то слегка волочившись и двумя красавицами, ибо ни одна из них не делала сильного впечатления на меня, может быть, оттого, что. недавно еще пресыщенный этой приторной пищей, желудок более не варил. Они слушали благосклонно мои нежности, и от предстоявших балов ожидал еще большего успеха».

Балы действительно начались и были каждый день. Алексей Вульф много танцевал, ухаживал за барышнями и особенно отличил своим вниманием Катю Вельяшеву. Ухаживания его всегда имели определенную цель – достигнуть интимных отношений путем незаметного перехода от «платонической идеальности к эпикурейской вещественности». Он в этом отношении был известен по всей округе, о нем шла молва, что он «любит влюблять в себя молодых барышень и мучить их». Однако на Катю Вельяшеву не подействовали «донжуанские» ухищрения Вульфа.

После крещения в Старицу приехал Пушкин. «Он принес в наше общество немного разнообразия, – пишет Ал. Вульф в дневнике. – Его светский блестящий ум очень приятен в обществе, особенно женском. С ним я заключил оборонительный и наступательный союз против красавиц, отчего его и прозвали сестры Мефистофелем, а меня Фаустом. Но Гретхен (Катенька Вельяшева), несмотря ни на советы Мефистофеля, ни на волокитство Фауста, осталась холодною; все старания были напрасны».

Пушкин тоже не прочь был побаловаться, но, немного уставший, да и погруженный в свои мысли, он решил передать пальму первенства своему напарнику. Поэтому, с одной стороны, он как бы поощрял домогательства Алексея Вульфа, подзадоривал его стихом из «Горя от ума»: «Эх, Александр Андреич, дурно, брат!» С другой стороны, Пушкина трогала чистота юной девушки, и он, вместе с другим ее двоюродным братом, уланом Иваном Петровичем Вульфом, все время держался около Кати, стараясь не оставлять ее наедине со своим другом-соперником.

Пушкин не был особенно увлечен юной барышней. Да и сама Катенька не была уж такая красавица. Мало ли женщин прекрасных, красавиц блистательных встречал Пушкин и в светских столичных салонах, и в дворянских собраниях провинции. Но, наверное, было в хорошенькой этой девушке что-то особенное, чистое, цельное, что не могло оставить поэта равнодушным. Он посвятил ей прекрасные стихи, где искренно и задушевно выразил свои чувства:

Подъезжая под Ижоры,
Я взглянул на небеса
И воспомнил ваши взоры,
Ваши синие глаза.
Хоть я грустно очарован
Вашей девственной красой,
Хоть вампиром именован
Я в губернии Тверской,
Но колен моих пред вами
Преклонить я не посмел
И влюбленными мольбами
Вас тревожить не хотел.
Упиваясь неприятно
Хмелем светской суеты,
Позабуду, вероятно,
Ваши милые черты:
Легкий стан, движений стройность,
Осторожный разговор,
Эту скромную спокойность,
Хитрый смех и хитрый взор.
Если ж нет… по прежню следу
В ваши мирные края
Через год опять заеду
И влюблюсь до ноября.

Вообще-то Пушкин не пропускал ни одной хорошенькой девушки, осыпая любезностями и «Зизи», и молоденькую «поповну» Синицыну. Вот что пишет последняя в своих «Воспоминаниях»:

«Через два дня поехали мы в Павловское. Следом за нами к вечеру приехал и Ал. Серг-ч вместе с Ал. Н. Вульфом и пробыли в Павловском две недели. Тут мы с Александром Сергеевичем сошлись поближе. На другой день сели за обед. Подали картофельный клюквенный кисель. Я и вскрикнула на весь стол: – “Ах, боже мой, клюквенный кисель!” – “Павел Иванович!

Позвольте мне ее поцеловать!" – проговорил Пушкин, вскочив со стула. – "Ну, брат, это уж ее дело", – отвечал тот. – "Позвольте поцеловать вас", – о братился он ко мне. – "Я не намерена целовать вас", – отвечала я, как вполне благовоспитанная барышня. – "Ну, позвольте хоть в голову", – и, взяв голову руками, пригнул и поцеловал. П. А. Осипова, вместе с своей семьей бывшая в одно время с Пушкиным в Малинниках или в Бернове, высказала неудовольствие на то, что тут, наравне с ее дочерьми, вращается в обществе какая-то поповна… Когда вслед за этим пошли мы к обеду, Ал. Серг-ч предложил одну руку мне, а другую дочери Прасковьи Александровны, Евпраксии Николаевне, бывшей в одних летах со мною. За столом он сел между нами и угощал с одинаковою ласковостью как меня, так и ее.

Когда вечером начались танцы, то он стал танцевать с нами по очереди, – протанцует с ней, потом со мною и т. д. Осипова рассердилась и уехала. Евпраксия Николаевна почему-то в этот день ходила с заплаканными глазами. Может быть, и потому, что Ал. С-ч после обеда вынес портрет какой-то женщины и восхвалял ее за красоту; все рассматривали его и хвалили. Может быть, и это тронуло ее, – она на него все глаза проглядела. Вообще Ал. Серг. был со всеми всегда ласков, приветлив и в высшей степени прост в обращении. Часто вертелись мы с ним и в неурочное время. – "Ну, Катерина Евграфовна, нельзя ли нам с вами для аппетита протанцевать вальс-казак"… – "Ну, вальс-казак – то мы с вами, Катерина Евграфовна, уж протанцуем!» – говаривал он до обеда или во время обеда или ужина"».

Уж больно тянуло Пушкина в объятья молоденьких девушек. Не упустил возможности и Алексей Вульф. Сама «поповна» рассказывает о том, что последний пробрался ночью ко ней в спальню, где она спала с одной старушкой-прислугой. «Только просыпаюсь я, у моей кровати стоит этот молодой человек на коленях и голову прижал к моей голове. – "Ай! Что вы?" – закричала я в ужасе. – "Молчите, молчите, я сейчас уйду", – проговорил он и ушел. Пушкин, узнав это, остался особенно доволен этим и после еще с большим сочувствием относился ко мне. – "Молодец вы, Катерина Евграфовна, он думал, что ему везде двери отворены, что нечего и предупреждать, а вышло не то", – несколько раз повторял Александр Сергеевич».

Зная способности «Тверского вампира», Евпраксия сильно ревновала поэта. Портрет, который она увидела, скорее всего был портретом Натальи Гончаровой. Женским сердцем «Зизи» почувствовала, что сердце Пушкина уже отдано другой. Несмотря ни на что, ее имя не зря стоит в первом «Донжуанском списке»

поэта, а значит, она смогла затронуть не только поверхностную часть эротического восприятия Пушкина, но и его более глубокие чувства.

Евпраксия Николаевна вышла замуж через несколько месяцев после женитьбы Пушкина за барона Б. Вревского. Поэт оказался для нее недосягаем. Прелестная «Зизи» принялась за «труды материнские» – у нее было 11 детей. За два года до смерти поэта она приехала в Петербург, где встречалась с Пушкиным, уже как друг. Поэт иногда навещал Евпраксию Николаевну в ее имении Голубово. Перед самой дуэлью Пушкин был на обеде у баронессы Вревской, и из его уст узнала она всю подоплеку этого трагического события.

Мы никогда не узнаем, какие чувства владели поэтом и «Зизи», потому что все письма Пушкина к Евпраксии Николаевне были сожжены ее дочерью.

9

Вернувшись в Москву, весной 1829 года, Пушкин вновь летит в дом Ушаковых. Но, как отмечает Л. Н. Майков, «при первом посещении Пресненского дома он узнал плоды своего непостоянства: Екатерина Николаевна помолвлена за князя Долгорукова. – “С чем же я остался?” – вскрикивает Пушкин. – “С оленьими рогами”, – отвечает ему невеста». Впрочем, на этом отношения Пушкина и Екатерины Николаевны не окончились. Собрав порочащие сведения о Долгорукове, он упрашивает Н. В. Ушакова расстроить эту свадьбу. Доказательства о поведении жениха, вероятно, были слишком явны, потому старик перестал упрямиться, а Пушкин остался по-прежнему другом дома.

«Между Екатериной Николаевной и Пушкиным завязывается тесная сердечная дружба, – пишет современник, – и, наконец, после продолжительной переписки, Екатерина Ушакова соглашается выйти за него замуж». В альбомах сестер вновь появляются сатирические карикатуры, шуточные надписи и стихи. Альбом пестрит изображениями Анны Олениной, иногда явно издевательскими. На одном из них барышня (Оленина) протягивает руку молодому человеку, который ее почтительно целует. Здесь мужская фигура, с лицом, обрамленным бакенбардами, очень напоминает портреты Пушкина. К этой картинке относится следующая подпись:

Прочь, прочь отойди!
Какой беспокойный!
Прочь, прочь! Отвяжись,
Руки недостойный!

Видно, старая рана еще давала о себе знать. Обе молодые хозяйки «корили его за непостоянство его сердца». Только с одной соперницей Екатерина Николаевна не смогла «справиться» – с «Карсом». Так, именем турецкой крепости, называли они между собой (с участием Пушкина, конечно) неприступную красавицу Наталью Гончарову, любовь к которой поэт не скрывал. Кое-кто из мемуаристов даже писал, что Пушкин ездит на Красную Пресню в дом Ушаковых исключительно для того, чтобы… проехать по Большой Никитской мимо дома Гончаровых. Но это явное преувеличение, хотя поэт просит графа Федора Толстого, по прозвищу Американец, ввести его в этот притягивающий как магнитом дом.

Влюбленный Пушкин стал часто бывать у Гончаровых, хотя какой характер носило в то время общение поэта с молоденькой Наташей, неизвестно. Мало что общего было между Пушкиным и малообразованной шестнадцатилетней девушкой, обученной лишь танцам и умению болтать по-французски. Да и в семье Гончаровых он ощущал холод и стеснение. Матери Наташи поэт явно не нравился. Несмотря на все это, 1 мая 1829 года тот же Толстой от имени поэта обратился к ней с просьбой руки ее дочери. Ответ был уклончив. Пушкину отказали, ссылаясь на молодость Натали.

1 мая 1829 года поэт написал Наталье Ивановне письмо: «На коленях, проливая слезы благодарности, должен был бы я писать вам теперь, после того как граф Толстой передал мне ваш ответ: этот ответ – не отказ, вы позволяете мне надеяться. Не обвиняйте меня в неблагодарности, если я все еще ропщу, если к чувству счастья примешиваются еще печаль и горечь; мне понятна осторожность и нежная заботливость матери! – Но извините нетерпение сердца больного и опьяненного счастьем. Я сейчас уезжаю и в глубине своей души увожу образ небесного существа, обязанного вам жизнью…»

В ту же ночь Пушкин уехал на Кавказ, в действующую армию генерала Паскевича, которая вела боевые действия с Турцией. «Спросите, зачем? – писал он впоследствии Гончаровой. – матери – боюсь, сам не умею сказать; но тоска непроизвольно гнала меня из Москвы; я бы не мог в ней вынести присутствия вашего и ее». Началось знаменитое пушкинское «Путешествие в Арзрум».

Психологическая напряженность гнала его подальше от Москвы, туда, где свистели пули и гремели пушечные выстрелы. Создается впечатление, что поэт хотел испытать себя и судьбу. Он жаждал сразиться с турками, и, по воспоминаниям И. Пущина, «Пушкин радовался как ребенок, тому ощущению, которое его ожидает». Все его друзья-военные пытались удержать поэта и предохранить его от «выстрела турецкого, особенно же от их сабли или курдинской пики». Беседы в походных палатках, вино, переходы и небольшие столкновения – вот эпизоды жизни поэта во время его «путешествия». Пушкину необходимо было развеяться, обдумать свою жизнь и новую, все более разгорающуюся любовь. В конце концов, генерал Паскевич, не желая брать на себя ответственность за бесшабашные выходки поэта, предложил ему вернуться в Россию.

На обратном пути через Закавказье Пушкин проехал Пятигорск, оказавшись теперь уже реально в мире его былых романтических чувств и переживаний. С большой силой охватили поэта воспоминания о его первых «инцестуальных» увлечениях.

«Платонический» идеал его «утаенной любви» (Наталья Кочубей? Елена Раевская? Софья Потоцкая?) снова тревожит его думы. Один за другим всплывают образы, когда-то доводящие его до вершин высокой страсти. Он пишет одно из самых лучших своих стихотворений «На холмах Грузии лежит ночная мгла». Первая редакция этого стихотворения состоит из 16 стихов, в которых выражены самые различные чувства Пушкина, – и тоска о прошлом, и новая любовь…

Все тихо, на Кавказ идет ночная мгла,
Восходят звезды, надо мною,
Мне грустно и легко – печаль моя светла,
Печаль моя полна тобою.
Тобой, одной тобой – унынья моего
Ничто не мучит, не тревожит.
И сердце вновь горит и любит оттого,
Что не любить оно не может.
Прошли за днями дни – сокрылось много лет,
Где вы, бесценные созданья?
Иные далеко, иных уж в мире нет,
Со мной одни воспоминанья.
Я твой по-прежнему, тебя люблю я вновь
И без надежд и без желаний.
Как пламень жертвенный чиста моя любовь
И нежность девственных мечтаний.

Но вспышка чувства к объекту былой, «утаенной» любви почти сразу же была вытеснена той, чей образ, так глубоко запечатленный в его душе, он мысленно увез в свое далекое путешествие. Об этом говорит последующая творческая судьба стихотворения. Отбрасывая от него две последние строфы, посвященные воспоминаниям о былых увлечениях, и, соответственно, меняя пейзаж, поэт из прошлого времени переключает его в свое сегодня, посвящая эти стихи не Елене Раевской (или Софье Потоцкой), а Наташе Гончаровой. И именно теперь стихотворение обретает тот, столь нам известный и навсегда вошедший в сокровищницу нашей эстетической памяти, предельно завершенный облик, который становится драгоценным перлом в ожерелье не только русской, но и мировой лирики.

На холмах Грузии лежит ночная мгла;
Шумит Арагва предо мною.
Мне грустно и легко; печаль моя светла;
Печаль моя полна тобою.

Тобой, одной тобой… Унынья моего
Ничто не мучит, не тревожит,
И сердце вновь горит и любит оттого,
Что не любить оно не может.

Многие, то мимолетные, а то и очень серьезные, порой исключительно яркие и страстные «чувственные» увлечения Пушкина отразились в его творчестве за это десятилетие; но романтическая, «чувствительная» – «без надежд и желаний» – любовь продолжала терзать его «либидо», оставаясь в подсознании наиболее глубоким и сильным чувством поэта до 1829 года, когда в его душе вспыхнуло другое, более реальное, земное, полное надежд и желаний, но столь же глубокое и сильное чувство к той, которая два года спустя станет его женою и матерью его детей. Смена двух редакций стихотворения – это начавшийся процесс подсознательного перехода «романтического» идеала прошлых лет на новый образ живой и реальной девушки.

Когда после почти пятимесячного «путешествия в Арзрум» Пушкин вернулся в Москву, красота Натали не только была замечена, но и стала предметом общего внимания и восхищения. Поэт сразу же бросился к Гончаровым, но встречен был более чем прохладно. «Сколько мук ожидало меня по возвращении, – писал Пушкин в апреле своей будущей теще, – Ваше молчание, Ваша холодность, та рассеянность и то безразличие, с каким приняла меня м-ль Натали… У меня не хватило мужества объясниться – и я уехал в Петербург в полном отчаянии…»

Видимо, такое состояние поэта еще больше возбудило в нем свойственную ему вольность и некоторый цинизм в разговоре. По дороге в столицу Пушкин заехал в Малинники и Старицы «для сбора некоторых недоимок», – как писал он Алексею Вульфу. Там он снова пофлиртовал с Катенькой Вельяшевой и живо описал своему другу, которого называл «Ловлас Николаевич», жизнь своих провинциальных друзей: «Евпраксия Николаевна и Александра Ивановна отправились в Старицу посмотреть новых уланов… Гретхен (Вельяшева. – *А. Л.*) хорошеет и час от часу делается невиннее… В Бернове я не застал уже толстожопую Минерву (Е. И. Гладкова. – *А. Л.*). Зато Netty, нежная, томная, истерическая, потолстевшая Netty – здесь… Вот уже третий день как я в нее влюблен… Иван Иванович на строгой диете (ебёт своих одалисок раз в неделю). Недавно мы узнали, что Netty, отходя ко сну, имеет привычку крестить все предметы, окружающие ее постелю. Постараюсь достать (как памятник

непорочной любви моей) сосуд, ею освященный».

Это письмо дало повод А. Вульфу записать а «Дневнике», что Пушкин «возвратился из Арзрума точно таким, каким туда поехал, весьма циническим волокитою». А в письме к сестре своей Анне Николаевне, по-прежнему влюбленной в поэта, он сообщает: «Александр Сергеевич сообщает мне известия о тверских красавицах. Кажется, самое время не имеет власти над ним, он не переменяется: везде и всегда один и тот же. Возвращение наших барышень, вероятно, отвлекло его от Netty, которой он говорит нежности, или относя их к другой, или от нечего делать. В следующих твоих письмах я верно узнаю, как продолжится и чем окончится любопытный его заезд из Арзерума в Павловское. По происхождению его, азиатские вкусы не должны быть чужды; не привез ли он какого-нибудь молодого Чубукчи Пашу (податель трубки)? – Это было бы нужно для оправдания его слов. По письму Анны Петровны (Керн) он уже в Петербурге; она одного мнения с тобой в том, что цинизм его увеличивается».

10

В Петербурге поэт тосковал, кутил, безудержно играл в карты, общался с друзьями, занимался литературными делами с Дельвигом. Он все время порывался куда-то уехать, подальше, просился за границу, даже в Китай. Поэт зачастил к Софье Астафьевне, содержательнице фешенебельного публичного дома, который посещала вся гвардейская молодежь Петербурга. Пушкин часто посещал его и в первые годы своей петербургской жизни, и много позже – уже даже будучи женатым. «Мы вели жизнь довольно беспорядочную, – говорится в одном черновом наброске. – Ездили к Софье Астафьевне без нужды побесить бедную старуху притворной разборчивостью». Эта фраза вполне автобиографическая. Некто Куликов Н. И. пишет о встрече Пушкина и Нащокина, и как они вспоминали свои прежние холостяцкие привычки.

«Они, бывало, заходили к наипочтеннейшей Софье Астафьевне провести остаток ночи с ее компаньонками. Александр Сергеевич, бывало, выберет интересный субъект, и начинает расспрашивать о детстве и обо всей прежней жизни, потом усовещевает и уговаривает бросить блестящую компанию, заняться честными трудом, итти в услужение, потом даст деньги на выход… Всего лучше, что благовоспитанная Софья Астафьевна жаловалась на поэта полиции, как на безнравственного человека, развращающего ее овечек». Среди черновиков Пушкина была найдена небольшая стихотворная зарисовка, имеющая отношение к заведению Софьи Астафьевны. Спокойно, даже торжественно, поэт описывает свои забавы:

Сводня грустно за столом
Карты разлагает.
Смотрят барышни кругом,
Сводня им гадает…
А по картам – ждать гостей
Надобно сегодня.
Вдруг стучатся у дверей;
Барышни и сводня
Встали, отодвинув стол,
Все толкнули целку,
Шепчут: «Катя, кто пришел?
Посмотри хоть в щелку».
Что! Хороший человек…

Сводня с ним знакома,
Он с б****** целый век,
Он у них как дома.
Б**** в кухню руки мыть
Кинулись прыжками,
Обуваться, букли взбить,
Прыскаться духами.
Гость ей: «Право, мне вас жаль.
Здравствуй, друг Анета,
Что за шляпка – что за шаль,
Подойди, Жанета.
А, Луиза, – поцелуй.
Выбрать, так обидишь;
Так на всех и встанет х**,
Только вас увидишь».
«Что же, – сводня говорит,
Хочете ль Жанету?
В деле так у ней горит,
Иль возьмете эту?»
Бедной сводне гость в ответ:
«Нет, не беспокойтесь,
Мне охоты что-то нет,
Девушки, не бойтесь».

В 1829 году с князем П. А. Вяземским стряслась неприятная история: тайные агенты донесли куда следует, что князь – человек женатый и солидный – провел с Пушкиным ночь в публичном доме. Пушкина никто и не думал беспокоить по этому поводу. Но князя обвинили в развратном поведении и строго выговорили. Вяземский был вне себя и собирался навсегда уехать за границу. Пушкин же, напротив, отнесся к этому происшествию очень легкомысленно.

«Сделай милость, – пишет он Вяземскому из Петербурга, – забудь выражение “развратное его поведение”. Оно просто ничего не значит. Жуковский со смехом говорил, будто бы говорят, что ты пьяный был у девок и утверждает, что ваша поездка в неблагопристойную Коломну к бабочке – Филимонову подала повод к этому упреку. Филимонов, конечно, борделен, а его бабочка, конечно, рублевая, паршивая Варюшка, в которую и жаль, и гадко что-нибудь нашего всунуть. Впрочем, если бы ты вошел и в неметафорический бордель, все же не беда.

Я захожу в наш милый дом,
Как вольнодумец в храм заходит.

Под покровом своего постоянного цинизма и матерщины поэт старался скрыть переживания, тоску и грустные мысли. Как типичный истерик, поэт окружил себя «бронеи», которая в маске разгульного и циничного волокиты охраняла его душевный мир от психологических ударов. «Понятие брони, – пишет А. Лоуэн, – было введено Райхом для разъяснения состояния, в котором возбуждение "связывается" защитным механизмом, имеющим определенную оберегающую цель, которая, с одной стороны, служит «защитой от раздражителей внешнего мира, а с другой – не выпускает наружу внутренние либидозные устремления».

Психологически броня есть выражение состояния, когда при нападении человек внутренне сжимается вместо того, чтобы ответить ударом. Пушкин часто напускал на себя вид не верящего ни во что человека. Но под личиной распутника скрывались запрятанные глубоко в подсознание великие «платонические» и искренние чувства. Его раздвоенное эротическое восприятие заставляло тщательно скрывать свои нежные и абсолютно несексуальные увлечения, постоянно афишируя свои реальные интимные связи.

Брачные неудачи преследуют Пушкина. Отказ Олениной, неопределенность в отношениях с Ушаковой, спокойно-равнодушная позиция Наташи Гончаровой – все это приводит к замкнутости поэта и терзает его душу.

В предыдущие годы Пушкин был не особенно выгодного мнения о браке, теперь же, приближаясь к своему тридцатилетию, он жаждет спокойной семейной жизни. В конце 20-х годов – в период своего бесконечного сватовства – поэт создает свои самые лучшие стихотворения. Это был период взлета его гениальности. Как отмечал известный ленинградский пушкинист Б. Мейлах, «В зрелой лирике Пушкина любовь раскрылась со всеми ее радостями и "безумием", горечью и скорбью – в новой для поэзии диалектике противоречивых чувств. Это богатство воплощения любовной темы отражало богатство внутреннего мира поэта, разнообразие его душевных переживаний». Все эти чувства и претворились в едва ли не самые проникновенные лирические строки, когда-либо им написанные.

Я вас любил: любовь еще, быть может,
В душе моей угасла не совсем.
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить вас ничем.
Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;

Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам бог любимой быть другим.

Сколько скрытой печали и нежной грусти скрыто в этом стихотворении! Поэт как бы обращается ко всем девушкам, которых он мечтал видеть своей женой, может быть к той же Олениной, Ушаковой или Гончаровой. Но сердце поэта снова рвется в Москву. «Правда ли, что моя Гончарова выходит замуж? Что делает Ушакова, моя же?» – спрашивает он у Вяземского. И пишет в январе 1830 года Ушаковой:

…С тоской, с невольным восхищеньем,
Я перечитываю вас
И восклицаю с нетерпеньем:
Пора! В Москву! В Москву сейчас!

Поэт вновь срывается с места и летит как на крыльях в «белокаменную» древнюю столицу. Однако в Москве он снова находит у Гончаровых холодный прием и вновь активно посещает сестер Ушаковых. Екатерина Николаевна была как бы его запасным вариантом. Трудно понять, за кого же сватался Пушкин в эти месяцы. В марте, когда поэт прочно обосновался в Москве, Погодин делает запись в «Дневнике»: «Говорят, что Пушкин женится на Ушаковой и заметно степенничает».

В Москве Пушкин посетил известную гадальщицу, «у которой, – пишет современник, – некогда был или бывал даже государь Александр Павлович. Пушкин не раз высказывал желание побывать у этой гадальщицы; но Е. Н. Ушакова постоянно отговаривала его. Однажды Пушкин пришел к Ушаковым и в разговоре сообщил, что он был у гадальщицы, которая предсказала ему, что он “умрет от своей жены”. Хотя это сказано было как бы в шутку, как нелепое вранье гадальщицы, однако Е. Н. Ушакова серьезно взглянула на это предсказание и объявила Пушкину, что так как он не послушался ее и был у гадальщицы, то она сомневается в силе его любви к ней: это странное предсказание сильно подействовало на Екатерину Николаевну. Постоянные опасения и думы за себя и за жизнь человека, которого она безгранично полюбит, если сделается его женою, изменили ее отношение к браку с Пушкиным, и все разрушилось… Когда Екатерина Николаевна умирала, то приказала дочери подать шкатулку с письмами Пушкина и сожгла их. Несмотря на просьбы дочери, она никак не желала оставить их, говоря: “мы любили друг друга горячо, это была наша

сердечная тайна: пусть она и умрет с нами”».

В начале апреля Пушкин вторично делает предложение Гончаровой, которое на этот раз принимается. С этого момента имя Екатерины Ушаковой навсегда исчезает из дальнейшей биографии поэта. Вересаев пишет об Ушаковой, как о девушке, «не только любившей Пушкина, но и умевшей ценить его». «Не перейди ей дорогу пустенькая красавица Гончарова, – продолжает он далее, – втянувшая Пушкина в придворный плен, исковеркавшая всю его жизнь и подведшая под пистолет Дантеса, – подругою жизни Пушкина, возможно, оказалась бы Ушакова, и она сберегла бы нам Пушкина еще на многие годы». Слишком резкое и не совсем правильное сужение. Дальнейшие события докажут, что Н. Н. Гончарова стала верной женой поэта, заботливой матерью его детям, хорошей хозяйкой и нежным другом.

Глава X
«Чистейшей прелести чистейший образец…»
(Наталья Гончарова)

1

Однажды на балу у князя Д. В. Голицына, рассказывает князь Вяземский, он поручил И. Д. Лужину, который должен был танцевать с Гончаровой, заговорить с нею и ее матерью мимоходом о Пушкине с тем, чтобы по их отзыву доведаться, как они о нем думают. Мать и дочь отозвались благосклонно и велели кланяться Пушкину. Лужин поехал в Петербург, часто бывал у Карамзиных и передал Пушкину этот поклон. Пушкин вторично делает предложение, которое благосклонно принимается. Радостный и возбужденный поэт торопливо записывает текст, без заглавия, только с надписью сверху: «с французского». Как всегда, это кусочек автобиографии, прозрачно завуалированный неким «переводом».

«Участь моя решена. Я женюсь. Та, которую любил я целые два года, которую везде первую отыскивали глаза мои, с которой встреча казалась мне блаженством, боже мой – она… почти моя. Ожидание решительного ответа было самым болезненным чувством жизни моей… Если мне откажут, думал я, поеду в чужие края, – и уже воображал себя на пироскафе (пароход. – *А. Л.*).

В эту минуту подали мне записку: ответ на мое письмо. Отец невесты моей ласково звал меня к себе… Нет сомнения, предложение мое принято. Надинька, мой ангел, – она моя!.. Все печальные сомнения исчезли перед этой райской мыслью. Бросаюсь в карету, скачу, – вот их дом… Отец и мать сидели в гостиной. Первый встретил меня с отверстыми объятиями. Он вынул из кармана платок, он хотел заплакать, но не мог и решился высморкаться. У матери глаза были красны. Позвали Надиньку – она вошла бледная, неловкая. Отец вышел и вынес образа… Нас благословили».

Свершилось то, что с такою пылкостью и тоскою добивался Пушкин в течение полутора лет. Но на душе у него было не радостно. На вопрос: «Вы женитесь?» поэт ответил как-то: «Конечно, и не думайте, что это будет последняя глупость, которую я совершу в своей жизни». Прежде всего, он, несмотря на свое сильное чувство, сознавал, что невеста его не любит, а лишь восхищена его положением знаменитого поэта. В апреле 1830 года поэт отправил Наталье Ивановне взволнованное письмо, в котором он изливает все свои сомнения, переживания, страстные чувства к Натали и надежды на будущее: «Один из моих друзей привозит мне из Москвы благосклонное слово, которое возвращает мне жизнь, и теперь, когда несколько ласковых слов, которыми вы удостоили меня, должны бы меня наполнить

радостью, – я более несчастлив, чем когда-либо. Постараюсь объясниться. Только привычка и продолжительная близость могут доставить мне привязанность вашей дочери; я могу надеяться со временем привязать ее к себе, но во мне нет ничего, что могло бы ей нравиться; если она согласится отдать мне свою руку, то я буду видеть в этом только свидетельство спокойного равнодушия ее сердца (курсив мой. – *А. Л.*). Но сохранит ли она это спокойствие среди окружающего ее удивления, поклонения, искушений? Ей станут говорить, что только несчастная случайность помешала ей вступить в другой союз, более равный, более блестящий, более достойный ее, – может быть, эти речи будут искренни, и во всяком случае она сочтет их такими. Не явится ли у нее сожаление? не будет ли она смотреть на меня, как на препятствие, как на человека, обманом ее захватившего? Не почувствует ли она отвращения ко мне? (курсив мой. – *А. Л.*) Бог свидетель, – я готов умереть ради нее, но умереть для того, чтобы оставить ее блестящей вдовой, свободной хоть завтра же выбрать себе нового мужа, – эта мысль – адское мучение. – Поговорим о средствах; я этому не придаю особенного значения. Моего состояния мне было достаточно. Хватит ли мне его, когда я женюсь? Я ни за что не потерплю, чтобы моя жена чувствовала какие-либо лишения, чтобы она не бывала там, куда она призвана блистать и развлекаться. Она имеет право этого требовать. В угоду ей я готов пожертвовать всеми своими привычками и страстями, всем своим вольным существованием. Но, все-таки, – не станет ли она роптать, если ее положение в свете окажется не столь блестящим, как она заслуживает и как я желал бы этого?.. Таковы, отчасти, мои сомнения – я трепещу, как бы вы не нашли их слишком основательными. Есть еще одно, – я не могу решиться доверить его бумаге…»

Много сомнений в душе поэта. Он не мог не понимать, что они не пара, но безудержно тянулся к Наташе Гончаровой. Ослепительная красота, молодость и чистота только что расцветшей девушки пьянили его душу сладострастной жаждой обладания и оттесняли в сторону все сомнения и колебания. С шутливо-цинической откровенностью он писал Вере Федоровне Вяземской: «Первая любовь всегда является делом чувствительности: чем она глупее, тем больше оставляет по себе чудесных воспоминаний. Вторая, видите ли, дело чувственности…» Именно чувственность поэта всегда руководила его поступками, и в борьбе с ней он то следовал ее позывам, становясь похотливым сатиром, унижавшим и оскорблявшим объекты своей сексуальной агрессии, то заглушал их и поддавался обаянию нежных чувств и благородному восхищению

невинной прелестью.

Пушкин принял решение. Скорее всего, «решение» приняло его «либидо», позволив поэту почувствовать нормальное сексуальное влечение к объекту своего возвышенного и «платонического» чувства.

Исполнились мои желания. Творец
Тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадонна,
Чистейшей прелести чистейший образец.

Поэт написал родителям о всех событиях и получил их благословение. Путь к желанному событию был открыт. Однако порой Пушкина охватывал страх перед тем, на что он идет, у многих друзей его было впечатление, что он рад был бы, чтобы свадьба расстроилась. Но Пушкин как зачарованный шел к намеченной цели. В подсознании его шла борьба за объединение, за нормальные сексуальные отношения с горячо любимым человеком. «Инцестуальные» запреты немного ослабли, образ Натали уже не подвергался строгому отбору, как в молодости поэта подвергались подсознательному отбору молодые девушки, за которыми поэт ухаживал и в которых постоянно влюблялся.

Но происходящая борьба выражалась в колебаниях Пушкина, в его нервических письмах и поступках. За неделю до свадьбы поэт написал Кривцову, своему приятелю, письмо: «Я хладнокровно взвесил все выгоды и невыгоды состояния, мною избираемого. Молодость моя прошла шумно и бесплодно. До сих пор я жил иначе, как обыкновенно живут. Счастья не было… Мне за 30 лет. В тридцать лет люди обычно женятся – я поступаю как люди, и, вероятно, не буду в том раскаиваться. К тому же я женюсь. Без упоения, без ребяческого очарования…»

Когда поэт и Натали стали официально зваться женихом и невестой (помолвка состоялась 6 мая 1830 года), весть об этом распространилась среди всех знакомых Пушкина и больше чем на полгода продолжала сохранять свою сенсационность. Многие пророчили, что этот брак не может принести счастья. Одни жалели Натали, другие – поэта. Е. М. Хитрово писала Пушкину: «Я боюсь за Вас: меня страшит прозаическая сторона брака. Кроме того, я всегда считала, что гению придает силы лишь полная независимость, и развитию его способствует ряд несчастий, что полное счастье, прочное, продолжительно, и, в конце концов, немного однообразное, убивает способности, прибавляет жиру и превращает скорее в человека средней руки, чем в великого поэта». Где-то есть правда в этом высказывании, но дальнейшая семейная жизнь поэта докажет, что полного счастья Пушкин в

семейной жизни не получил (если оно вообще возможно).

Прежде чем перейти к рассказу о последних шести семейных годах жизни Пушкина, мне хочется сделать маленькое введение в историю отношений поэта и его жены. Более 160 лет прошло со дня смерти нашего Пушкина, и в течение всех этих лет многие пушкинисты, литераторы и просто любители поэзии спорят друг с другом до поводу Н. Н. Гончаровой – Пушкиной-Ланской. До последнего времени ее образ представлялся довольно упрощенно, отношение к ней и современников и исследователей было неприязненным, а порою и враждебным.

У известнейшего пушкиниста П. Е. Щеголева в его монографии «Дуэль и смерть Пушкина» Натали предстает как натура крайне ограниченная и малозначительная, бездумная и бездушная модная красавица, опьяненная своими триумфом и в большом свете, и при дворе, и явившаяся «ближайшей причиной» гибели поэта. Такое же представление о жене поэта сложилось у В. В. Вересаева, как вы уже поняли из его высказывания о Екатерине Ушаковой. Резко неприязненное восприятие жены Пушкина проглядывается у Марины Цветаевой в ее интересной книге «Мой Пушкин». Но до крайних пределов осуждения и обвинения Наталии Николаевны дошла Анна Ахматова, в последние годы жизни занимавшаяся исследованием творчества и преддуэльных дней поэта. Исполненная величайшего преклонения перед Пушкиным, Ахматова безоговорочно объявила жену поэта «сообщницей Геккернов в преддуэльной истории» и даже «агенткой» Геккерна-старшего.

Другое направление – в создании некоего идеального образа жены поэта, «защита тени», утверждение о невиновности Натальи Гончаровой представлено работами И. М. Ободовской и М. А. Дементьева, которые нашли в архиве Полотняного завода 14 писем Н. Н. Пушкиной к своему брату Дмитрию Николаевичу Гончарову, а также письма ее сестер, Екатерины и Александры. Вдохновленные своими находками, эти авторы немного перешли меру в восхвалении жены Пушкина. Естественное уважение к своему мужу, интерес к его делам, забота о детях, ведение хозяйственных дел – все это возводится в ранг каких-то необыкновенных достоинств.

Произошел крен в другую сторону – чрезмерное хуление сменилось неудержимым восхвалением ума, характера и поведения Наталии Николаевны. Д. Благой, литературовед-пушкинист, гневно и немного напыщенно отмечает: «А в истории трагической гибели Пушкина она была не виновницей, а жертвой тех дьявольских махинаций, тех адских козней и адских пут, которыми был опутан и сам поэт. И никто не должен, не смеет не

только бросить, но и поднять на нее камень». Не только сам Пушкин, но и его жена становятся неприкосновенными, возводятся в абсолют, и, как следствие, идеализируются и теряют естественное, живое, противоречивое, то есть истинное, человеческое естество.

Наталья Николаевна не была куклой, она была обыкновенной женщиной, которая сформировалась из молоденькой 18-летней девушки, и в течение 6 лет получившей «опыт жизни» от самого Пушкина. Наталья Николаевна росла, хорошела, изменялись ее вкусы, привычки, характер, чувства. Проследить все это в динамике ее отношений с Пушкиным, выявить все ее достоинства и недостатки – это я и попытаюсь сделать в последующих главах, ведя объективный рассказ на основе сугубо документальной, не отбрасывая ни хорошего, ни дурного, что было в их семейной жизни.

2

Лето 1830 года Пушкин провел в Петербурге, а осенью двинулся в Москву. Настроение его было скверное. Возник вопрос с приданым Натали. Сергей Львович выделил сыну часть Болдина, но только в пожизненное владение. А со стороны Наташи Гончаровой приданого не ожидалось. Пушкин устал нервно и физически от переговоров со своей будущей тещей. Много крови она попортила поэту, и не раз сам брак ставился под сомнение. Пушкин, крайне расстроенный тем, что свадьба опять откладывается, в конце августа уезжает в Болдино хлопотать о том, чтобы его ввели во владение частью имения, выделенной ему отцом. Перед отъездом у него было бурное объяснение с Натальей Ивановной, вероятно, опять по поводу приданого.

«Я уезжаю в Нижний, – писал Пушкин Натали, – не зная, что меня ждет в будущем. Если Ваша матушка решила расторгнуть нашу помолвку, а вы решили повиноваться ей, – я подпишусь под всеми предлогами, какие ей угодно будет выставить, даже если они будут так же основательны, как сцена, устроенная ею мне вчера, и как оскорбления, которыми ей угодно меня осыпать. Быть может, она права, а не прав был я, на мгновение поверив, что счастье создано для меня. Во всяком случае вы совершенно свободны, что же касается меня, то заверяю вас честным словом, что буду принадлежать только вам, или никогда не женюсь».

После смерти поэта Наталья Николаевна рассказывала П. В. Анненкову, что «свадьба их беспрестанно была на волоске от ссор жениха с тещей, у которой от сумасшествия мужа и неприятностей семейных характер испортился». Пушкин ей не уступал и, когда она говорила ему, что он должен помнить, что вступает в ее семейство, отвечал: «Это дело вашей дочери, – я на ней хочу жениться, а не на вас». Наталья Ивановна даже диктовала дочери колкости жениху, но та всегда писала их после нежных своих строк, как P. S. Пушкин это понимал, но был раздражен от постоянной затяжки свадьбы. Вспыльчивый и самолюбивый, он не мог смириться с Натальей Ивановной, хотя иногда писал ей примирительные письма. Холера, вспыхнувшая в нижегородской губернии, заставила Пушкина пробыть всю осень в Болдине. Письма Натали вернули ему спокойствие. Необыкновенно мощный творческий подъем испытал поэт в своем вынужденном заточенье.

«Это был переломный период в жизни поэта, – пишут И. Ободовская и М. Дементьев в книге «Наталья Николаевна Пушкина». – Уходила в прошлое первая молодость, бурно и не

всегда счастливо прожитая, наступала пора зрелости. Пришла любовь, настоящая, единственная, и вот на пороге грядущего счастья все душевные и творческие силы слились в единый титанический творческий порыв». Любовь к Натали и вера в ее зарождающиеся чувства к нему поддерживает его нервное настроение и упадок душевных сил. «Мой ангел, – пишет поэт, – ваша любовь – единственная вещь на свете, которая мешает мне повеситься на воротах моего печального замка… Не лишайте меня этой любви и верьте, что в ней все мое счастье».

Вынужденное деревенское затворничество и постоянные переживания по поводу свадьбы вызвало у Пушкина взрыв воспоминаний о прежних «красавицах своих», о чувствах, уже поостывших, но еще волнующих эмоциональную память поэта. Кавказ и Одесса промелькнули в его воображении. Он как бы прощался с прошлым, и его расставание физическое преобразилось, как всегда, в поэтическое прощание с былым. Лирический цикл из трех стихотворений как бы завершает то, что было начато в стихотворении «На холмах Грузии…» Стихотворения: «Для берегов отчизны дальней», «Прощание» и «Заклинание» – это чудесные психологические этюды, отражающие всю сложность и богатство переживаний пушкинской души.

Неизвестно, чью «былую тень» хотел вызвать поэт, к кому он обращался с последними любовными признаниями. Одни относят их к Ризнич и Воронцовой, другие – к неизвестной, таинственной любви поэта. Нет никаких сведений, ни писем, ни воспоминаний, ни даже намеков на характер, место и время отношений Пушкина с неизвестной женщиной, кроме самой поэзии его. Это поэтическое чувство поэт пронес через всю Михайловскую ссылку, начиная с незаконченной элегии «Ненастный день потух», где поэт рассказывает о мельчайших подробностях любовного свидания в недалеком прошлом:

Теперь она сидит печальна и одна…
Одна… никто пред ней не плачет, не тоскует;
Никто ее колен в забвенье не целует;
Ни плеч, ни влажных уст, ни персей белоснежных…

В следующем, 1825 году, Пушкин пишет стихотворение «Желанье славы»; поэт вновь наслаждается воспоминаниями о таинственных встречах:

Когда, склонив ко мне томительные взоры
И руку на главу мне тихо наложив,

Шептала ты: скажи, ты любишь, ты счастлив?
Другую, как меня, скажи, любить не будешь?
Ты никогда, мой друг, меня не позабудешь?
А я стесненное молчание хранил…

В стихах этих явно чувствуется какое-то неистовое, «петрарковское» блаженство бытия счастливого человека. «Чувствительность» поэта водила его пером. Это было счастье любви, открывшей Пушкину духовную близость с женщиной. Никакая Ризнич, никакая Воронцова, ни даже Каролина Собаньская не могли дать поэту такое счастье. В 1824 году, в стихотворении «Разговор книгопродавца с поэтом» Пушкин создает гимн великой любви, наполненной радостью понимания, душевного единения и глубочайшей искренности.

С кем поделюсь я вдохновеньем?
Одна была… пред ней одной
Дышал я дивным упоеньем
Любви поэзии святой.
Там, там, где тень, где лист чудесный,
Где льются вечные струи,
Я находил язык небесный,
Сгорая жаждою любви…
……
Она одна бы разумела
Стихи неясные мои:
Одна бы в сердце пламенела
Лампадой чистою любви.

Дальше в поэтической летописи «платонических», нежных чувств вдруг обнаруживается провал, что-то произошло, и лира Пушкина замолкает. Мы уже говорили о том, что после Одессы Пушкин отказался от «чувствительных», терзающих душу переживаний. Чувственные увлечения, бесконечное сватовство, полушутливые, полусексуальные ухаживания за молодыми девушками – все это охладило на время его сердце, и вот перед самой женитьбой, когда красота и молодость Натали возбудили в поэте надежду на возрождение былой, пламенной и духовной близости, он прощается, и как бы извиняется перед своей единственной подругой за совершаемую измену.

Пушкин вспоминает всех своих женщин, которые дарили ему свою любовь, страстные лобзания и бурные сексуальные наслаждения. В стихотворения «Для берегов отчизны дальней»

поэт прощается вновь с таинственной незнакомкой (может, Амалией Ризнич), может быть, со своим «инцестуальным» идеалом, к которому он стремился всю жизнь, но который не давал поэту максимума сексуального удовольствия. Неважно, к кому обращается поэт. Главное, что нахлынувшие воспоминания как бы вновь переживались и уходили прочь из подсознательной эротической сферы поэта.

Для берегов отчизны дальней
Ты покидала край чужой;
В час незабвенный, в час печальный
Я долго плакал пред тобой.
Мои хладеющие руки
Тебя старались удержать;
Томленье страшное разлуки
Мой стон молил не прерывать.
Но ты от горького лобзанья
Свои уста оторвала;
Из края мрачного изгнанья
Ты в край иной меня звала.
Ты говорила: «В день свиданья
Под небом вечно голубым,
В тени олив, любви лобзанья
Мы вновь, мой друг, соединим».
Но там, увы, где неба своды
Синеют в блеске голубом,
Где под скалами дремлют воды,
Заснула ты последним сном.
Твоя краса, твои страданья
Исчезли в урне гробовой —
А с ними поцелуй свиданья…
Но жду его; он за тобой…

Снова и снова возникает в воображении поэта «образ незабвенный», который соединил в себе множество предыдущих объектов его страстных чувств. Пушкин прощается с любимой женщиной нежными и печальными строками:

В последний раз твой образ милый
Дерзаю мысленно ласкать,
Будить мечту сердечной силой
И с негой робкой и унылой
Твою любовь воспоминать.
Бегут, меняясь, наши лета,

Меняя все, меняя нас,
Уж ты для своего поэта
Могильным сумраком одета,
И для тебя твой друг угас.
Прими же, дальняя подруга,
Прощанье сердца моего,
Как овдовевшая супруга,
Как друг, обнявший молча друга
Пред заточением его.

И наконец, наступает пик этих тяжких, так неожиданно проснувшихся воспоминаний. Пушкин уже не может справляться с ними. Чтобы успокоить свой возбужденный разум и противоречивые чувства, поэт яростно заклинает:

Явись, возлюбленная тень,
Как ты была перед разлукой,
Бледна, хладна, как зимний день,
Искажена последней мукой.
Приди, как дальняя звезда,
Как легкий звук иль дуновенье,
Иль как ужасное виденье,
Мне все равно: сюда, сюда!

В своих стихах, написанных в канун свадьбы, Пушкин как бы пережил свое прошлое, вспомнив прекрасных женщин, встретившихся ему на пути его поисков наивысшего сексуального удовлетворения Будущее казалось ему неопределенным, осуществление мечтаний – нереальным. Но в том же Болдине поэт завершает VIII главу «Онегина», где повествуется о нравственном возрождении героя через любовь к Татьяне Лариной, уже ставшей замужней светской дамой. Как отмечал Г. Макогоненко: «Любовь Онегина как нужда в другом человеке была им выстрадана, оттого-то и оказалось возможным ее внутреннее сближение с любовью Пушкина».

Вернувшись в Москву, Пушкин настаивал на скорейшем венчании. Но суетная Наталия Ивановна напрямик объявила ему, что у нее нет денег. Денег и вправду не было. Свадьба оказалась на волоске. Пушкин хотел вообще отказаться от женитьбы и уехать в Польшу, драться с восставшими поляками. Он жаждал смерти, и постоянно твердил, что ему придется погибнуть на поединке, как предсказала гадалка, от руки белого человека. Однако поэт выстоял в этой психологической борьбе. Он заложил

небольшое имение Кистеневка, получив 38000 рублей на наряды жене и на послесвадебное обзаведение.

17 февраля он устроил прощальную холостяцкую пьянку, а на следующий день, 18 февраля в церкви Старого Вознесения, что у Никитских ворот, произошло венчание Пушкина и Натальи Гончаровой. Молодые, казалось, были счастливы, однако «во время обряда Пушкин, задев нечаянно за аналой, уронил крест; говорят, при обмене колец, одно из них упало на пол… Поэт изменился а лице и шепнул кому-то: это плохие знаки!.» Но после свадьбы он был весел, радостен, смеялся, был любезен с друзьями. Началась совместная супружеская жизнь. Поэт был счастлив, вводя в дом молодую жену – красавицу, воплощение его «чувствительного» идеала, который наконец-то совместился с его идеалом «чувственным», эротическим.

3

«Наташа была действительно прекрасна, и я всегда восхищалась ею, – вспоминает подруга Натали Н. М. Еропкина. – Воспитание в деревне, на чистом воздухе оставило ей в наследство цветущее здоровье. Сильная, ловкая, она была необыкновенно пропорционально сложена, отчего и каждое движение ее было преисполнено грации. Глаза добрые, веселые, с подзадоривающим огоньком из-под бархатных ресниц. Но покров стыдливой скромности всегда вовремя останавливал слишком резкие порывы. Но главную прелесть Натали составляли отсутствие всякого жеманства и естественность… Необыкновенно выразительные глаза, очаровательная улыбка и притягивающая простота в обращении, помимо ее воли, покоряли ей всех… Но для меня так и осталось загадкой, откуда обрела Наталья Николаевна такт и умение держать себя? Всё в ней самой и манера держать себя было проникнуто глубокой порядочностью. Все было “Comme il faut” – без всякой фальши. И это тем более удивительно, что того же нельзя было сказать о ее родственниках. Сестры были красивы, но изысканного изящества Наташи напрасно было бы искать в них. Отец слабохарактерный, а под конец и не в своем уме, никакого значения в семье не имел. Мать далеко не отличалась хорошим тоном и была частенько пренеприятна. Впрочем, винить ее за это не приходится. Гончаровы были полуразорены, и все заботы по содержанию семьи и спасению остатков состояния падали на нее. Дед Афанасий Николаевич, известный мот, и в старости не отрешался от своих замашек и только осложнял запутанные дела.

Поэтому Наташа Гончарова явилась в этой семье удивительным самородком. Пушкина пленила ее необычайная красота и не менее, вероятно, и прелестная манера держать себя, которую он так ценил».

Сестры Ушаковы были более смелы, в них было немало мальчишеского задора. «Барышни Ушаковы вели такие разговоры, что хоть святых выноси», – рассказывала Смирнова-Россет. Наташа была их полной противоположностью. Классическая правильность черт ее лица, задумчивость взгляда отмечали многие современники. Неотразимое впечатление производило «страдальческое выражение лба» и особенный характер «красоты романтической». Пушкин созерцал ее, «благоговея богомольно перед святыней красоты», перед «Мадонной»; в его сердце впервые зажегся огонь любви, в которой удивление и преклонение перед красотой совмещалось с эротической жаждой

обладания.

На облике Наташи сказывалось строгое домашнее воспитание, напоминающее монастырское, так как мать ее Наталия Ивановна была очень религиозным человеком. По рассказу Ольги Сергеевны (сестры Пушкина), «родители невесты дали всем своим детям прекрасное домашнее образование, а главное, воспитывали их в страхе божьем, причем держали трех дочерей непомерно строго, руководствуясь относительно их правилом: “в ваши лета не сметь суждение иметь”. Наталья Ивановна наблюдала тщательно, чтоб дочери никогда не подавали и не возвышали голоса, не пускались с посетителями ни в какие серьезные рассуждения, а когда заговорят старшие, – молчали бы и слушали, считая высказываемые этими старшими мнения непреложными истинами. Девицы Гончаровы должны были вставать едва ли не с восходом солнца, ложиться спать, даже если у родителей случались гости, не позже десяти часов вечера, являться всякое воскресение непременно к обедне, а накануне праздников слушать всенощную, если не в церкви, то в устроенной Натальей Ивановной у себя особой молельне, куда и приглашался отправлять богослужение священник местного прихода. Чтение книг с мало-мальски романтическим пошибом исключалось из воспитательной программы, а потому и удивляться нечего, что большая часть произведений Пушкина, сделавшихся в то время достоянием всей России, оставались для его суженой неизвестными».

Пушкин чувствовал, что Натали к нему равнодушна, что ему нечем ее заинтересовать и увлечь. Но прелестный облик 16-летней девушки, увиденный им впервые в 1828 году, глубоко поразил поэта. Все два года прошли в нетерпеливом ожидании, бурных переживаниях, детских чудачествах и циническом поведении и в затаенном ожидании события, когда окончательно станет реальностью его неосознаваемая мечта о соединении в одной женщине Любви Небесной и Любви Земной. Наконец-то его идеал, воплощенный в образе Татьяны Лариной, воплотился в Наташе Гончаровой, направляя сексуальные чувства Пушкина не к «падшей» женщине, а к чистой, простой, почти деревенской девушке. Успокоенное «либидо» поэта подарило ему минуты счастья и блаженства.

Однако Пушкин, добившись своего, вновь обрел прежнее легкомыслие, и в «первый день брака, как встал с постели, – рассказывала Н. Н. Пушкина В. Ф. Вяземской, – так его и видели». К нему пришли приятели, с которыми он так заговорился, что забыл про жену и пришел только к обеду. Но поэт был все равно счастлив. «Одно желание мое, чтоб ничего в жизни моей не

изменилось, – пишет он Плетневу, – лучшего не дождусь». Чистота и молодость Натали разжигали Пушкина, будили в нем и чувственность, и нежную, почти отцовскую заботливость. Известный нам А. Вульф писал в «Дневнике»: «Сестра сообщает мне любопытную новость, – свадьбу Пушкина на Гончаровой, первостатейной московской красавице. Желаю ему быть щастливому, но не знаю, возможно ли надеяться этого с его нравами и с его образом мыслей. Если круговая порука есть в порядке вещей, то сколько ему бедному носить рогов, – это тем вероятнее, что первым его делом будет развратить жену. – Желаю, чтоб я во всем ошибся». Он действительно ошибся. Вульф был обычным соблазнителем, любителем эротических удовольствий; сложнейшие душевные переживания были ему чужды.

Но ведь и Пушкин был дуалистом. Его сексуальная агрессивность находила в лице Вульфа напарника и соперника по волокитствам за невинными девушками, но вторая, «чувствительная» составляющая поэта была Вульфу недоступна. Она многим была неизвестна, и даже сам Пушкин не догадывался подчас о специфическом своем психическом складе. Любовь к Наталье Гончаровой полное тому подтверждение. О своих интимных отношениях с женой, в которых наконец-то был преодолен дуализм эротической сферы поэта, сам Пушкин писал а известном стихотворении:

Нет, я не дорожу мятежным наслажденьем,
Восторгом чувственным, безумством, исступленьем,
Стенаньем, криками вакханки молодой,
Когда виясь в моих объятиях змией,
Порывом пылких ласк и язвою лобзаний
Она торопит миг последних содроганий!
О, как милее ты, смиренница моя!
О, как мучительно тобою счастлив я,
Когда, склоняяся на долгие моленья,
Ты предаешься мне нежна, без упоенья,
Стыдливо-холодна, восторгу моему
Едва ответствуешь, не внемлешь ничему,
И оживляешься потом все боле, боле
И делишь наконец мой пламень поневоле!

Сравнивая, быть может, неутомимую Закревскую с юной Натали, поэт видел, что девушка честно выполняет свой долг, но сексуальной страстности в ней нет, как нет, может быть, и большой любви. Н. О. Лернер правильно пишет, что данное поэтическое признание поэта говорит «о физиологическом

несоответствии супругов в известном отношении и холодности сексуального темперамента молодой женщины». Но по-другому и не могло быть. Религиозное воспитание сделало свое дело – Натали исполняла свои супружеские обязанности без особого чувства, хотя и ревновала Пушкина к другим женщинам. Страсть не пробудилась в ее сердце. Любовь поэта не затронула ни души ее, ни тела. Пушкин сам понимал это. Вспомните письмо, написанное им своей будущей теще в апреле 1830 года: «Только привычка и продолжительная близость могут доставить мне привязанность вашей дочери; я могу надеяться со временем привязать ее к себе, но во мне нет ничего, что могло бы ей нравиться; если она согласится отдать мне свою руку, то я буду видеть в этом только свидетельство спокойного равнодушия ее сердца». Это равнодушие сердца Натали не изменилось и в период семейной жизни.

Да, Натали была еще молода и неумела, неумела в постели, неумела в хозяйстве. Впервые она стала самостоятельной, впервые на ее плечи легла забота о муже, о доме, о гостях. Интересную зарисовку оставил поэт В. Туманский, одесский друг Пушкина. Вот что пишет он в письме к жене о своем посещении квартиры молодоженов: «Пушкин радовался, как ребенок, моему приезду, оставил меня обедать у себя и чрезвычайно мило познакомил меня со своей пригожей женою. Не воображай однако же, чтоб это было что-нибудь необыкновенное. Пушкина – беленькая, чистенькая девочка с правильными чертами и лукавыми глазами, как у любой гризетки. Видно, что она неловка еще и не развязна; а все-таки московщина отражается на ней довольно заметно. Что у ней нет вкуса, это было видно по безобразному ее наряду; что у нее нет ни опрятности, ни порядка, – о том свидетельствовали запачканные салфетки и скатерть и расстройство мебели и посуды». Но молодая чета недолго оставалась в Москве; Пушкин еще до свадьбы решил, что они будут жить в Петербурге. Вмешательство тещи в их семейную жизнь ускорило его решение уехать.

4

Сначала они поселились в Петербурге в гостинице Демута, а лето 1831 года молодая чета провела в Царском Селе. Это были самые счастливые и безоблачные дни в их совместной жизни. «С тех пор, как он женился, это совсем другой человек, – положительный, рассудительный, обожающий свою жену. Она достойна этой метаморфозы…» – писала П. А. Осиповой ее подруга Е. Е. Кашкина. Пушкин и Натали прогуливались по местам, связанным с воспоминаниями о юности поэта, проведенной в стенах Царскосельского лицея. Тишина, великолепная природа, общение с друзьями, наконец, новизна семейной жизни – все это способствовало их прекрасному настроению.

«Они очень довольны друг другом, – пишет в письме сестра поэта Ольга Павлищева, – моя невестка совершенно очаровательна, мила, красива, умна и вместе с тем очень добродушна».

«Таша обожает своего мужа, который также любит ее; дай бог, чтоб их блаженство и впредь не нарушилось», – сообщал деду своему Д. Н. Гончаров, старший брат Натали.

«Наталья Николаевна была очень хороша, – вспоминала княгиня Долгорукова, – высока ростом, стройна, черты лица удивительно правильны, глаза одни небольшие и одним она иногда немного косила: quelque chose de vague dans ie regard (какая-то неопределенность во взгляде)». Поэт с женой часто прогуливался по аллеям Царского Села. Встретив их, Жуковский сообщал П. А. Вяземскому: «А женка Пушкина очень милое творение. C’est la mot! И он с нею мне весьма нравится». Василий Андреевич имел в виду душевное состояние поэта, потому что внешне… Как рассказывает В. Ф. Вяземская, Пушкин не любил стоять рядом со своею женою и шутя говаривал, что ему подле нее быть унизительно, так мал он в сравнении с нею ростом. Та же Кашкина отмечает: «Когда я встречаю его рядом с его прекрасною супругой, он мне невольно напоминает портрет того маленького животного, очень умного и смышленого, которое ты угадаешь без того, чтобы мне его назвать».

В Царском Селе произошли два события, определившие в дальнейшем всю судьбу Пушкина. Еще ранее, в Петербурге, увидев Натали лишь один раз, Д. Ф. Фикельмон отметила: «Жена его прекрасное создание, но это меланхоличное и тихое выражение похоже на предчувствие несчастья. Физиономия мужа

и жены не предсказывают ни спокойствия, ни тихой радости в будущем: у Пушкина видны порывы страстей, у жены вся меланхолия отречения от себя». Дарья Федоровна смогла непостижимым образом предсказать великую трагедию, разыгравшуюся шесть лет спустя.

В эти первые счастливые дни произошли два события, которые в корне изменили жизнь молодой четы и, словно определенные судьбой, направили ее к смертельному исходу. Эти два события случились, когда в Царское Село приехала императорская фамилия. «Император и императрица, – пишет мать Пушкина, – встретили Наташу и Александра, они остановились поговорить с ними, и императрица сказала Наташе, что она очень рада с нею познакомиться и тысячу других милых и любезных вещей. И вот она теперь принуждена, совсем того не желая, появиться при дворе».

Вторым результатом этой встречи стала растущая зависимость от императора Николая I. «Царь, – писал Пушкин, – взял меня на службу… он дал мне жалованье, открыл мне архивы, с тем, чтобы я рылся и ничего не делал… Он сказал: “Так как он женат и не богат, то нужно позаботиться, чтоб у него была каша в горшке”». И поэт далее прибавляет: «Ей богу, он очень со мною мил».

Да, Николай I был любезен с поэтом. Он сумел привязать его к себе, а его молодую жену – ко двору, к бесконечным балам и празднествам. Когда Пушкин приехал с женою в Петербург, то они познакомились со всей знатью. Поэту было приятно, что Натали блистает в свете. Его тщеславие (а Пушкин, как уже известно, гордился своим аристократизмом) было удовлетворено. Еще перед женитьбой он писал матери Натали: «Я не потерплю ни за что на свете, чтобы жена моя испытывала лишения, чтобы она не бывала там, где она призвана блистать, развлекаться. Она вправе этого требовать. Чтобы угодить ей, я согласен принести в жертву свои вкусы, все, чем я увлекался в жизни, мое вольное, полное случайностей существование. И все же не станет ли она роптать, если положение ее в свете не будет столь блестящим, как она того заслуживает и как я того хотел бы?»

И действительно, Пушкин пожертвовал многим, сначала деньгами (он взял почти 40000 рублей под залог имения на свадьбу), потом независимостью, поступив к царю на службу. «Свет» принял m-me Пушкину с распростертыми объятьями. Все были влюблены в Наталью Николаевну: император садился с ней на ужин, вальсировал и вовсю кокетничал, что доставляло ей большое удовольствие; а тринадцатилетний Петенька Бутурлин на балу родителей, краснея и заикаясь, спешил объясниться ей в

любви, пока его не прогнали спать. Однако, когда графиня Нессельроде увезла Натали на небольшой придворный Аничковский вечер, то Пушкин был взбешен: «Я не хочу, чтоб жена моя ездила туда, где я сам не бываю».

Балы отнимали уйму времени. Возвращались домой супруги в 4–5 утра, вставали поздно, обедали в восемь вечера; встав из-за стола, Натали переодевалась и опять уезжала. Ее сопровождал муж. Давно уже для Пушкина отошла пора, когда он сам увлекался танцами. Но нельзя же было жене уезжать одной. И все вечера Пушкин проводил на балах: стоял у стены, вяло глядел на танцующих, ел мороженое и зевал. Он даже не играл в карты, хотя был страстным игроком. Поэт любовался своей «Мадонной» и был по-детски горд, что красота его жены вызывает удивление и восхищение окружающих.

«Жена Пушкина, – пишет Н. Сердобин, – появилась в большом свете и была здесь отменно хорошо принята, она понравилась всем и своим обращением, и своей наружностью, в которой находят что-то трогательное».

«Госпожа Пушкина, жена поэта, – пишет в своем «Дневнике» Долли Фикельмон, – здесь впервые явилась в свет; она очень красива, и во всем ее облике есть что-то поэтическое – ее стан великолепен, черты лица правильны, рот изящен, и взгляд, хотя и неопределенный, красив; в ее лице есть что-то кроткое и утонченное; я еще не знаю, как она разговаривает, ведь среди 150 человек вовсе не разговаривают, – но муж говорит, что она умна. Что до него, то он перестает быть поэтом в ее присутствии; мне показалось, что он вчера испытывал… все возбуждение и волнение, какие чувствует муж, желающий, чтобы его жена имела успех в свете».

Необыкновенная красота Пушкиной поразила все петербургское общество. «Моя невестка, – сообщала сестра поэта Ольга, – женщина наиболее здесь модная. Она вращается в самом высшем свете, и говорят вообще, что она – первая красавица; ее прозвали Психеей».

Балы требовали денег, домашняя жизнь – тоже. В ноябре 1831 года поэт поступает на службу в министерство иностранных дел и получает разрешение работать в архивах – царь поручил Пушкину написать историю Петра Великого. Однако жалованье составило всего 5000 рублей в год. С творчеством у поэта не ладилось. Хроническое безденежье стало преследовать Пушкина вплоть до самой последней минуты его жизни.

«С первого года женитьбы Пушкин узнал нужду, – вспоминает Н. М. Смирнов, – и хотя никто из самых близких не слыхал от него ни единой жалобы, беспокойство о существовании омрачало

часто его лицо. Домашние нужды имели большое влияние на нрав его. Вспоминаю, как он, придя к нам, ходил печально по комнате, надув губы и опустив руки в карманы широких панталон, и уныло повторял: “грустно! тоска!” Шутка, острое слово оживляли его электрическою искрою; он громко захохочет и обнаружит ряд белых, прекрасных зубов, которые с толстыми губами были в нем остатками полуарабского происхождения. И вдруг снова, став к камину, шевеля что-нибудь в своих широких карманах, запоет протяжно: “грустно! тоска!” Я уверен, что беспокойствия о будущей судьбе семейства, долги и вечные заботы о существовании были главною причиною той раздражительности, которую он показал в происшествиях, бывших причиною его смерти».

Зимой 1831 года Пушкин съездил в Москву, чтобы поправить свои денежные дела. Н. Языков писал брату: «Между нами будет сказано, Пушкин приезжал сюда по делам не чисто литературным, или вернее сказать, не за делом, а для картежных сделок, и находился в обществе самом мерзком: между щелкоперами, плутами и обдиралами. Это всегда с ним бывает в Москве. В Петербурге он живет опрятнее».

Пушкину вечно не хватало денег, но причина заключалась не в том, что Натали неумело вела хозяйство и что много средств уходило на туалеты. Сама Наталья Николаевна вспоминала о первых годах супружеской жизни – бывало после редкого выигрыша (а Пушкин чаще проигрывал) или крупной литературной получки, в доме появляется все в изобилии, деньги тратятся без удержу и расчета. Муж старался на только исполнить, но и предугадать все ее желания. Минуты эти были скоротечны и сменялись полным безденежьем. А сам поэт думал об этом так:

«Кружусь в свете, – пишет он Нащокину, – жена моя в большой моде, – все это требует денег, деньги достаются мне через труды, а труды требуют уединения…»

«Пушкина нигде не встретишь, как только на балах», – сообщает Н. В. Гоголь, а Плетнев, хороший друг поэта, говорил как-то Жуковскому, что Пушкин «вечером возит жену свою по балам, не столько для ее потехи, сколько для собственной». Друзья поэта замечали, что Пушкин целиком отдался во власть прихотей своей жены. Влюбленный в ее красоту, скромность и невинность, поэт замечал, что светская жизнь втягивает Натали, а ее успехи обязывают его прилагать максимум усилий для обеспечения этого положения. Иногда он с добродушной иронией писал жене: «Какие вы помощницы или работницы? Вы работаете только ножками на балах и помогаете мужьям мотать… Вы, бабы,

не понимаете счастья независимости и готовы закабалить себя навеки, чтобы только сказали про вас: “Hier madam une telle eteit decidement la plus belle et la mieux mise du bal”. (Вчера на балу госпожа такая-то была решительно красивее всех и была одета лучше всех)…»

Пушкин постоянно находился в депрессивном состоянии. Постоянные заботы о семье занимали его мысли – где достать денег, как разделаться с долгами, бросить ли службу, как вырвать жену из великосветской суеты. «Дай бог, – пишет поэт в 1834 году, – плюнуть на Петербург, да подать в отставку, да удрать в Болдино, да жить барином!»

Вкусив прелесть балов с их блеском, красочностью, шумным весельем, общением со знаменитостями, и, даже, легким светским флиртом, Натали уже не могла отказаться от них. Как следствие такой активной светской жизни – «кокетничание» с офицерами, некоторая легкомысленность, пусть даже и наигранная. Но она страшно раздражала Пушкина. Африканская кровь давала о себе знать. Поэт был ревнив как Отелло. Он строго запретил принимать кого-либо из мужчин в его отсутствие или когда он удалялся в свой кабинет. Даже для самых близких друзей своих он не допускал исключения. Натали, воспитанная в беспрекословном подчинении, это запрет никогда не нарушала. Однажды в отсутствие мужа Наталья Николаевна принимает своего дальнего родственника, полковника лейб-гвардии гусарского полка Ф. И. Мусина-Пушкина. Узнав об этом, поэт делает жене выговор:

«Нехорошо только, что ты пускаешься в разные кокетства, – пишет Пушкин жене 27 сентября 1832 года, – принимать Пушкина тебе не следовало, во-первых, потому, что при мне он у нас ни разу не был, а во-вторых, хоть я в тебе и уверен, но не должно давать свету повод к сплетням».

«Смотри, женка. Того и гляди, избалуешься без меня, – полушутливо, полусерьезно предупреждает поэт Натали в 1833 году, – забудешь меня – искокетничаешься. Одна надежда на бога и на тетку. Авось сохранят тебя от искушений рассеянности».

«Не мешай мне, не стращай меня, – пишет поэт из Болдина в 1833 году, – будь здорова, смотри за детьми, не кокетничай с царем, ни с женихом княжны Любы».

«Повторяю тебе помягче, – наставляет Пушкин жену на путь истинный из поэтического Болдина, – что кокетство ни к чему доброму не ведет; и хоть имеет свои приятности, но ничто так скоро не лишает молодой женщины того, без чего нет ни семейного благополучия, ни спокойствия в отношениях к свету: уважения. Радоваться своими победами тебе нечего».

И так постоянно: «Ты кругом виновата… кокетничаешь со всем дипломатическим корпусом». «Не кокетничай с Соболевским…»

Однако Натали была искренна в своем поведении и своих признаниях мужу. Она, видимо, по простоте душевной рассказывала ему о своих победах, которыми гордилась, как и любая другая светская дама. Пушкин, особенно в первые годы жизни, менторски наставлял свою молодую жену, обучал ее приличному поведению в свете, но, как всегда, довольно неприличными словами и непристойными сравнениями. В его письмах к жене странным образом сочетались трогательная нежность и цинические выражения. Вот его письмо от 30 октября 1833 года. «Вчера получил я, мой друг, два от тебя письма. Спасибо; но хочу немножко тебя пожурить. Ты, кажется, не путем искокетничалась. Смотри: недаром кокетство не в моде и почитается признаком дурного тона. В нем толку мало. Ты радуешься, что за тобою, как за сучкой бегают кобели, подняв хвост трубочкой и вынюхивая задницу; есть чему радоваться! Не только тебе, но и Парасковье Петровне легко за собою приучить бегать холостых шаромыжников; стоит разгласить, что-де я большая охотница. Вот и вся тайна кокетства. Было бы корыто, а свиньи найдутся…

Теперь, мой ангел, целую тебя как ни в чем не бывало; и благодарю за то, что подробно и откровенно описываешь свою беспутную жизнь. Гуляй, женка; только не загуливай, да меня не забывай. Мочи нет, хочется мне увидеть тебя причесанную a la Ninon; ты должна быть чудо как мила. Как ты прежде об этой старой курве не подумала и не переняла у ней прическу? Опиши мне свое появление на балах, которые, как ты пишешь, уже открылись. Да, ангел мой, пожалуйста, не кокетничай. Я не ревнив, да и знаю, что ты во все тяжкие не пустишься; но ты знаешь, как я не люблю все, что пахнет московскою барышнею, все, что не comme il faut, все, что vulgar…»

Натали была простой, милой, честной, но выросшей в обстановке религиозного и жесткого воспитания девушкой. Светской образованности, которой блистали Долли Фикельмон, А. Смирнова-Россет или Софи Карамзина, у Наташи не было, литературных увлечений тоже. Поэтому ее и привлекали простые удовольствия – танцы, всеобщее обожание, тем более что частые беременности и заботы о семье не вносили в ее жизнь разнообразия. С детской наивностью она веселится и встречает ухаживания мужчин как дань ее красоте. Пушкин, как опытный совратитель, знает, что скрывается под «ухаживаниями» светских «ловеласов». Но напрасно поэт так настойчиво и грубо распекает

свою жену, и притом любимую, за ее «победы». Ведь в действительности она всегда оставалась верна своему мужу.

С первого дня появления молодой четы в свете каждый неловкий шаг молодой женщины давал повод к сплетням. Попав в высшее общество, Натали поначалу допускала небольшие промахи в поведении с точки зрения строго соблюдавшихся правил «света». Вот этого-то и опасался самолюбивый и гордый поэт. Именно мнение света и беспокоило его. П. Е. Щеголев в книге «Дуэль и смерть Пушкина» писал по этому поводу: «В кокетстве раздражала Пушкина больше всего общественная, так сказать, сторона его. Интимная же сторона, боязнь быть “кокю” (рогоносцем) не волновала так Пушкина». Поэт хотел видеть в Натали свой «инцестуальный» романтический идеал замужней женщины, тот идеал, который поэт воплотил в образе Татьяны:

Она была не тороплива,
Не холодна, не говорлива,
Без взора наглого для всех,
Без притязаний на успех,
Без этих маленьких ужимок,
Без подражательных затей…
Все тихо, просто было в ней.
Она казалась верный снимок
Du comme il faut…
……С головы до ног
Никто бы в ней найти не мог
Того, что модой самовластной
В высоком лондонском кругу
Зовется vulgar…

Однако при всей любви к жене Пушкин начинал понимать, что московской барышне Гончаровой еще далеко до этого идеала, созданного в подсознании поэта как следствие его детских сексуальных фиксаций и сексуальных запретов. Поэт требовал от своего идеала не только верности мужу, но и «холодности» по отношению ко всем мужчинам, неприязни к легкому флирту, который, однако, сам он любил, и не мог избавиться от этой страсти всю жизнь.

Для Пушкина свобода сексуальных отношений признавалась только за ним, Александром Сергеевичем. Прошел год, и снова начинает проявляться его болезненный истерический характер. Поначалу Пушкин довольствовался интимными отношениями с женой, избавившись на время от своих привычек: «Я женат около года, – писал он О. М. Судиенку, – и вследствие сего образ жизни

моей совершенно переменился, к неописанному огорченью Софьи Остафьевны и кавалергардских шаромыжников». Но затем поэт снова отдается своему подсознательному влечению.

Чувство уважения к своему «идеалу», к своей «мадонне», не позволяло Пушкину быть свободным как и ранее в потаенных проявлениях своей сексуальной жизни. Потому полное сексуальное наслаждение он не получал. Специфика эротической сферы поэта, о которой мы говорили, была такова, что его половые стремления всегда соединялись с элементами извращенности, которые он не осмеливался удовлетворять с женщиной, заслуживающей уважения.

Характеризуя сексуальные особенности такого типа мужчин, З. Фрейд отмечал: «Полное половое удовольствие он может испытать только тогда, когда безудержно отдается наслаждению, чего он, например, не осмеливается проявлять со своей высоконравственной супругой». Первые восторги от интимных отношений с неумелой Натали, когда она отдавалась мужу «без упоенья», едва ответствовала его восторгам и «поневоле» делила с ним момент экстаза, прошли. Пушкину необходима была новая эротическая подзарядка. Энергия его «либидо» не находила выхода ни в сексуальной жизни, ни в творческой деятельности. Тем более холодность Натали не давала ему необходимого удовлетворения. Постепенно поэт возвратился к своей обычной сексуальной практике.

5

Летом 1831 года, когда молодожены отдыхали в Царском Селе, поэт снова сблизился с Александрой Россет. По вечерам заходил он к ней вместе с Жуковским, а по утрам она нередко приходила к Пушкину. Поэт читал ей написанное, с удовольствием выслушивал замечания. Под вечер Россет обычно заезжала к Пушкину на дрожках.

Пушкин садился верхом на перекладину дрожек, болтал и был необыкновенно весел и забавен. Вяземскому он писал о Россет: «…она чрезвычайно мила и умна». Натали сильно ревновала к ней мужа. Тогда Александра говорила ей: «.Что ты ревнуешь его ко мне? Право, мне все равно: и Жуковский, и Пушкин, и Плетнев, – разве ты не видишь, что ни я не влюблена в него, ни он в меня?». – «Я это хорошо вижу, – отвечала Натали, – да мне досадно, что ему с тобою весело, а со мной он зевает».

В 1832 году Александра Россет вышла замуж за Н. Смирнова. Молодая пара зажила богато и широко. В салоне Смирновой по-прежнему собирался самые известные петербургские литераторы, по-прежнему она была окружена всеобщим поклонением…

Сама Александра Осиповна вспоминает: «В 1832 году Александр Сергеевич приходил всякий дань ко мне, также и в день рождения моего принес мне альбом и сказал: «Вы так хорошо рассказываете, что должны писать свои записки», – и на первом листе – написал стихи:

В тревоге пестрой и бесплодной
Большого света и двора
Я сохранила взгляд холодный,
Простое сердце, ум свободный
И правды пламень благородный
И как дитя была добра;
Смеялась над толпою вздорной,
Судила здраво и светло,
И шутки злости самой черной
Писала прямо набело.

Нежно любя свою жену, Пушкин снова начал увлекаться другими женщинами. Старые привычки давали знать. Отказываясь от посещения Софьи Астафьевны (о чем он сообщает своей жене), куда его постоянно зазывали друзья и молодые кавалергарды, он, однако, не упускал возможности приударить за

красивыми девушками. Наталья Николаевна ставит в укор мужу и ту же Смирнову, и графиню Соллогуб, Софью Карамзину и многих других. Она ревновала даже к Евпраксии Вульф, с которой Пушкин почти не встречался, и Анне Николаевне Вульф приходилось успокаивать ревнивую Наталью Николаевну.

«Как вздумалось вам, – писала она ей в 1831 году, – ревновать мою сестру, дорогой друг мой? Если бы даже муж ваш действительно любил сестру, как вам угодно непременно думать, – настоящая минута не смывает ли все прошлое, которое теперь становится тению» и т. д. Пушкин, правда, как мог, оправдывался. В сентябре 1832 года он пишет жене: «…Грех тебе меня подозревать в неверности к тебе и разборчивости к женам друзей моих».

Однако Пушкин действительно усердно ухаживал за 16-летней графиней Соллогуб, фрейлиной великой княгини Елены Павловны и кузиной известного писателя и друга поэта В. А. Соллогуба. И даже посвятил ей стихотворение:

Нет, полно мне любить; но почему порой
Не погружуся я в минутное мечтанье,
Когда нечаянно пройдет передо мной
Младое, чистое, небесное созданье.
Пройдет и скроется?… Ужель не можно мне,
Любуясь девою в печальном сладострастье,
Глазами следовать за нею в тишине,
Благословлять ее на радость и на счастье.

И в то же время поэт со свойственным ему цинизмом называет Надежду Львовну «шкуркой», просит жену, чтобы она не уподоблялась ей, не кокетничала. Проницательная Софи Карамзина писала, что жена Пушкина «несмотря на блестящие успехи в свете, часто и преискренне страдает мучениями ревности, потому что посредственная красота и посредственный ум других женщин не перестают кружить поэтическую голову ее мужа».

Однажды, возвратясь с бала, на котором Наталья Николаевна вообразила, что муж ее ухаживает за некоей m-me Крюднер, которая считалась любовницей Николая I; она дала Пушкину пощечину, о чем он, смеясь, рассказывал Вяземскому, говоря, что «у моей мадонны рука тяжеленька». И все же чрезмерная ревность Натали была в какой-то мере оправдана. Если увлечения Смирновой-Россет и графиней Соллогуб носили характер флирта, то отношения поэта с графиней Дарьей Федоровной Фикельмон в какой-то момент перешли эту грань.

Долли Фикельмон, несомненно, была женщиной выдающейся. У ней был строгий логический ум. В числе ее почитателей были А. И. Тургенев и князь Вяземский. Среди множества женщин, которых знал Пушкин, она была одной из самых незаурядных. Еще в 1830 году поэт пишет Долли любезное письмо, где говорит: «Поверьте, что я всегда останусь самым искренним поклонником Вашей любезности, столь непринужденной, Вашей беседы, такой приветливой и увлекательной, хотя Вы имеете несчастье быть самой блестящей из наших знатных дам».

В единственной дошедшей до нас записке графини Долли к Пушкину она несколько загадочно пишет: «Решено, завтра вечером мы устраиваем нашу маскарадную экспедицию. В девять часов соберемся у мамы. Приходите в черном домино и с черной маской. – Вашей кареты нам не нужно, но ваш слуга нам понадобится, – наших сразу узнают. Мы рассчитываем, дорогой м. Пушкин, что ваше остроумие все нам оживит. Потом вы будете ужинать, и тогда я вас хорошенько поблагодарю (курсив мой. – *А. Л.*). Если хотите, мама приготовит для вас домино».

Быстрому сближению Фикельмон с Пушкиным способствовало то, что поэт был, как вы знаете, хорошим другом ее матери. Графиня Долли очень ценила в людях умение вести беседу и, в особенности, говорить просто и занимательно. Чувствуется, что именно эта способность Пушкина, оттенявшая его блестящее остроумие и ум, особенно восхищала молодую женщину. Поэт, в свою очередь, также видит в Дарье Федоровне очаровательную и умную собеседницу.

Еще в 1830 году князь Вяземский ехидно сообщал жене новости о петербургской жизни, упоминая в письме и красавицу Долли: «Вообще петербургские дамы так холодны, так чопорны, что право не нарадуешься, когда найдешь на них непохожих. А к тому же посланница (Д. Ф. Фикельмон. – *А. Л.*) и красавица и одна из царствующих дам в здешнем обществе и по моде, и по месту, и по дому, следовательно простодушие ее имеет еще больше цены. Как Пушкин не влюблен в нее, он такой аристократ в любви. Или боится inceste?». (Князь сделал намек на связь Пушкина с матерью Долли Елизаветой Михайловной Хитрово). Может быть, поэту и нравилась умная и красивая графиня Долли, но пути их в то время не пересеклись.

Как мы знаем, при появлении в свете Натальи Николаевны Долли Фикельмон сразу же выразила в своем «Дневнике» восхищение ее красотой, но, будучи проницательной, обладая даром пророчества, она отметила:

«Поэтическая красота госпожи Пушкиной проникает до

самого моего сердца. Есть что-то воздушное и трогательное во всем ее облике – эта женщина не будет счастлива, я в этом уверена! Она носит на челе печать страдания». Но Дарья Федоровна увидела за внешней красотой Натали так же и провинциальность ее натуры, житейский практицизм, ограниченность кругозора, желание нравиться и блистать в свете. Именно эти качества жены Пушкина и привели в конце концов к трагической развязке.

Пушкин тоже видел разницу между утонченной умницей графиней и своей прекрасной, любимой, но совсем не светской, молчаливой женой. Казалось, отношения между поэтом и графиней Долли держатся только на взаимной любви к легкой и остроумной светской болтовне. Тем более, что Дарья Федоровна считалась женщиной порядочной, любящей своего старого мужа, хотя страстность натуры ее прорывалась иногда наружу. Но поэту удалось «растопить лед». Произошло событие, о котором подробно рассказал ближайший друг Пушкина Павел Воинович Нащокин. Вот что пишет П. И. Бартенев с его слов: «При дворе была одна дама, друг императрицы, стоявшая на высокой степени придворного и светского значения. Муж ее был гораздо старше ее, и, несмотря на то, ее младые лета не были опозорены молвою; она была безукоризненна в общем мнении любящего интриги и сплетни света…

Эта дама, наконец, поддалась обаяниям поэта и назначила ему свидание в своем доме. Вечером Пушкину удалось пробраться в ее великолепный дворец; по условию он лег под диваном в гостиной и должен был дожидаться ее приезда домой. Долго лежал он, теряя терпение, но оставить дело было уже невозможно, воротиться назад – опасно. Наконец после долгих ожиданий он слышит: подъехала карета…

Вошла хозяйка в сопровождении какой-то фрейлины: они возвращались из театра или дворца… Через несколько минут разговора фрейлина уехала в той же карете. Хозяйка осталась одна.

(Вы здесь?) – и Пушкин был перед нею. Они перешли в спальню. Дверь была заперта; густые, роскошные гардины задернуты. Они играли, веселились. Перед камином была разослана пышная полость из медвежьего меха. Они разделись донага, вылили на себя все духи, какие были в комнате, ложились на мех… Быстро проходило время в наслаждениях. Наконец Пушкин как-то случайно подошел к окну, отдернул занавес и с ужасом видит, что уже совсем рассвело, уже белый день. Как быть? Он наскоро, кое-как оделся, поспешая выбраться. Смущенная хозяйка ведет его к стеклянным дверям выхода, но

люди уже встали. У самых дверей они встречают дворецкого, итальянца. Эта встреча до того поразила хозяйку, что ей сделалось дурно; она готова была лишиться чувств, но Пушкин, сжав ей крепко руку, умолял отложить обморок до другого времени, а теперь выпустить его…

Хозяйка позвала служанку, старую, чопорную француженку, уже давно одетую и ловкую в подобных случаях… Она свела Пушкина вниз, прямо в комнаты мужа. Тот еще спал. Шум шагов разбудил его. Его кровать была за ширмами; он спросил: «Кто здесь?» – «Это я, – ответила ловкая наперсница и провела Пушкина в сени. Оттуда он свободно вышел…

На другой день Пушкин предложил итальянцу-дворецкому 1000 рублей золотом, чтобы он молчал… Таким образом, все дело осталось тайною. Но блистательная дама в продолжении четырех месяцев не могла без дурноты вспомнить это происшествие».

Как считает Н. А. Раевский, это событие произошло в ноябре 1832 года. Думается, однако, что роман с Пушкиным был для графини Фикельмон коротким эпизодом в их жизни. Какое-то время поэт даже не посещает ее салон. Трудно предположить, чтобы интимные свидания повторялись. «Короткая предельная близость с Пушкиным, – пишет Н. А. Раевский в книге «Портреты заговорили», – скорее оттолкнула от него графиню». В дальнейшем они встречались в свете лишь как знакомые. И уже в том же ноябре та же Долли Фикельмон отмечает в своем «Дневнике»: «Графиня Пушкина очень хороша в этом году, она сияет новым блеском благодаря поклонению, которое ей воздает Пушкин-поэт».

Речь шла о графине Марии Александровне Мусиной-Пушкиной, урожденной княжне Урусовой. Пушкин был влюблен в нее еще в 1827 году, изобразив ее в чудесном стихотворении: «Кто знает край, где небо блещет…»

Скажите мне: какой певец,
Горя восторгом умиленным,
Чья кисть, чей пламенный резец
Предаст потомкам изумленным
Ее небесные черты?
Где ты, ваятель безымянный
Богини вечной красоты?
И ты, харитою венчанный,
Ты, вдохновенный Рафаэль?
Забудь еврейку молодую,
Младенца – бога колыбель,

Постигни прелесть неземную,
Постигни радость в небесах,
Пиши Марию нам другую,
С другим младенцем на руках.

Интересно то, что Пушкин впервые в этом стихотворении сравнивает красоту Марии Александровны с Мадонной Рафаэля. Затем этот образ перешел в его знаменитый сонет «Мадонна», посвященный будущей жене, и в котором поэт называет Натали «чистейшей прелести чистейший образец». Восхищаясь этим сонетом и восторженным отношением Пушкина к своей прелестной невесте, не будем, однако, забывать, что образ Мадонны стал у поэта своего рода литературным штампом, переходящим из одного произведения в другое.

Видимо, Наталья Николаевна постоянно одолевала поэта ревностью. В 1834 году, живя один в Петербурге, он оправдывается в письме: «Графиня Фикельмон звала меня на вечер. Являюсь в свет впервые после твоего отъезда. За Соллогуб я не ухаживаю, вот те Христос, за Смирновой тоже». Где бы ни был муж, Натали подозревала его в увлечениях, изменах, ухаживаниях. Она постоянно выражала свою ревность и к прошлым любовным приключениям мужа, и к настоящим.

Изменения в характере поэта проницательно отметила дочь Натальи Николаевны от брака с П. П. Ланским, Александра Арапова: «Года протекали. Время ли отозвалось пресыщением порывов сильной страсти, или частые беременности вызвали некоторое охлаждение в чувствах Ал. Сергеевича – но чутким сердцем жена следила, как с каждым днем ее значение стушевывается в кипучей жизни. Его тянуло в водоворот сильных ощущений… Пушкин только с зарей возвращался домой, проводя ночи то за картами, то в веселых кутежах в обществе женщин известной категории. Сам ревнивый до безумия, он даже мысленно не останавливался на сердечной тоске, испытываемой ожидавшей его женою, и часто, смеясь, посвящал ее в свои любовные похождения».

Сексуальность поэта постоянно толкала его на поиски все новых и новых объектов. Не в характере Пушкина было довольствоваться однообразными супружескими обязанностями. И все же возвращаясь домой со своих пирушек поэт направлялся в спальню жены. Вот что рассказывает А. Арапова о взаимоотношениях матери и Пушкина:

– Что не спишь, Наташа? – равнодушно спрашивает он.

– А ты где так засиделся? Опять у своей противной фрау

Амалии, устроительницы ваших пирушек? – и голос выдал брезгливую ноту.

– Как раз угадала, молодец!

– Так ступай сейчас же мыться и переменяй белье. Иначе не пущу.

Он, отпустив остроту или шутку, повиновался, а она… Женщины одни способны понять, что она испытывала, сколько трагизма скрывалось в этом самообладании».

6

Несмотря на крепкое физическое здоровье, Пушкин выглядел не таким бодрым и веселым, как прежде. И бурная молодость, и семейные заботы сильно состарили его. После восхитительной и плодотворной Болдинской осени 1833 года, после того, как он написал «Историю Пугачева», «Медного всадника» и свои знаменитые сказки, поэт снова попадает в безудержный водоворот светских и семейных неприятностей. Указом от 31 декабря 1833 года Пушкин был неожиданно пожалован в камер-юнкеры (придворное звание); это был как бы подарок императора к новому году. В своем «Дневнике» он писал 1 января 1834 года: «Третьего дня я пожалован в камер-юнкеры (что довольно неприлично моим летам). Но Двору хотелось, чтобы NN. танцевала в Аничкове».

В Аничковом дворце, личной собственности Николая I, собиралось привилегированное общество, состав которого не определялся служебной лестницей, а больше приближенностью к царской семье. В этом кругу праздновали, обедали, завтракали и плясали. В продолжение многих лет принимал участие в танцах и государь со своими любимыми дамами. 7 января Пушкин встретил в театре великого князя Михаила Павловича, который поздравил его с новым званием. «Покорнейше благодарю ваше высочество, – язвительно записывает Пушкин в «Дневнике», – до сих пор все надо мною смеялись. Вы первый меня поздравили».

Камер-юнкер – низшее придворное звание, его обычно давали молодым людям, хотя были камер-юнкеры и в более зрелом возрасте. Так, например, Дмитрий Гончаров, брат Натальи Николаевны, получил его в 1829 году, когда ему исполнился 21 год. Подобная «милость» императора, конечно, была оскорбительной для поэта. Супруги по-разному восприняли эту новость. «Натали в восторге, – пишет Надежда Осиповна, – потому что это открывает ей доступ ко двору: в ожидании этого она танцует повсюду каждый день». Поэт же был в бешенстве.

«Ключ камергера был бы отличием, которое бы он оценил, – иронично писал о Пушкине князь Вяземский, – но ему казалось неподходящим, что в его годы, в середине его карьеры, его сделали камер-юнкером наподобие юноши…» (Сам П. А. Вяземский был камергером). Пушкин стремился играть роль придворного, но придворного высокого разряда. Его поэтическое дарование и 600-летнее дворянство давало ему право на более высокое звание. Хотя, с другой стороны, поэт, никогда не любивший государственную службу и не делавший карьеру, не

мог по закону получить даже камер-юнкера. Право, не стоило Пушкину так злиться.

Видя пренебрежение двора, а, в частности, самого императора, поэт горько переживал обиду. Светские обязанности его жены привели к лишним расходам. Пушкин влезает в долги. Он собирается бросить службу и уехать в деревню.

Примечательно в этом отношении его письмо к жене: «Я должен был на тебе жениться, потому что всю жизнь был бы без тебя нещастлив; но я не должен был вступать на службу, и что хуже еще, опутать себя денежными обязательствами. Зависимость жизни семейственной делает человека более нравственным. Зависимость, которую налагаем на себя из честолюбия или из нужды, унижает нас».

Какие глубокие мысли, афористично высказанные и искренно переживаемые! Пушкин не скрывал ничего от жены, делился с ней своим тяжелым душевным состоянием. «…Я крепко думаю об отставке. Должно подумать о судьбе наших детей. Имение отца, как я в том удостоверился, расстроено до невозможности и только строгой экономией может еще поправиться… Как ты права была в том, что не должно мне было принимать на себя эти хлопоты, за которые никто мне спасибо не скажет… Умри я сегодня, что с Вами будет? Мало утешения в том, что меня похоронят в полосатом кафтане, и еще на тесном Петербургском кладбище, а не в церкви на просторе, как прилично порядочному человеку. Ты баба умная и добрая. Ты понимаешь необходимость; дай сделаться мне богатым – а там, пожалуй, и кутить можем в свою голову…»

Пушкин все же подал в отставку. Но царь оказался недоволен. Василий Андреевич Жуковский, верный царедворец, уговаривал поэта забрать прошение, называл его глупым, призывал одуматься и не лишать ни себя царской милости, ни семью куска хлеба. Пушкин вынужден взять назад свое прошение и помириться с царем. Натали вновь постоянно присутствует на балах в Аничкове, несмотря на беременность. «Нынешняя зима была ужасно изобильна балами, – пишет Пушкин своему другу Нащокину. Жена во дворце. Вдруг смотрю – с нею делается дурно – увожу ее и, она, приехав домой, выкидывает». Для поправки здоровья она уезжает к матери на Полотняный завод и обратно приезжает с просьбой о переезде ее сестер в Петербург.

Натали очень любила своих сестер, которые были старше ее и до сих пор сидели в девах, теряя надежду на замужество. Добрая душа, она хотела сделать их фрейлинами во дворце и выдать замуж. Пушкин был против их приезда. Как мудрый человек, он убеждал жену не делать опрометчивых поступков: «Эй, женка,

смотри… Мое мнение: семья должна быть одна под одной кровлей; муж, жена, дети, пока малы; родители, когда уж престарелы, а то хлопот не оберешься, и семейственного спокойствия не будет». Доводы Пушкина не убедили жену. Поэт как в воду глядел. Переезд сестер жены осенью 1834 года и появление на балах Дантеса изменили нормальное течение жизни поэта.

Натали сразу начала вывозить своих сестер в свет, надеясь выдать их замуж. Но великосветское общество встретило провинциальных барышень сдержанно. Их принимали только ради сестры, мадам Пушкиной. Простые манеры их смешили, да и внешностью они уступали своей сестре. «Они красивы, его невестки, – делилась впечатлениями сестра поэта Ольга, – но они ничто в сравнении с Натали». Старшая, Екатерина, была высока ростом и стройна. «Ее черные, слегка близорукие глаза, – пишет Луи Метман в биографии Дантеса, – оживляли лицо с изящным овалом, с матовым цветом лица. Ее улыбка раскрывала восхитительные зубы. Стройная походка, покатые плечи, красивые руки делали ее очаровательной женщиной». Она сразу же восприняла жажду Натали к танцам и балам.

Став фрейлиной, Екатерина постоянно появлялась на всех вечерах с младшей сестрой. Александрина также отличалась высоким ростом, сложением своим походила на Наталью Николаевну, но черты лица ее, в отличие от матовой бледности красавицы сестры, отдавали некоторой желтизной. Легкое косоглазие Натали (поэт называл ее «моя косая Мадонна»), придающее прелесть ее задумчивому взору, у Александры преображалось в косой взгляд, отнюдь не украшавший девушку. «Одним словом, – сообщает А. Арапова, – люди, видевшие обеих сестер рядом, находили, что именно это предательское сходство служило в явный ущерб Александре Николаевне».

В зиму 1834–1835 года Натали была как никогда прекрасна. Настоящая Татьяна на балу, отвергающая любые ухаживания. Один из современников, встретив ее на балу у князя В. Ф. Одоевского, восторженно писал: «Вдруг – никогда этого не забуду – входит дама, стройная, как пальма, в платье из черного атласа, доходящем до горла (в то время был придворный траур). Это была жена Пушкина, первая красавица того времени. Такого роста, такой осанки я никогда не видывал. – incessu dea patebat! Благородные, античные черты ее лица напоминали мне Евтерпу Луврского музея, с которой я хорошо был знаком».

Молодой граф В. А. Соллогуб, после учебы присутствующий на всех светских встречах, оставил одну из лучших характеристик красоты Натальи Пушкиной: «Много видел я на своем веку

красивых женщин, много встречал женщин еще обаятельнее Пушкиной, но никогда не видывал я женщины, которая соединила бы в себе законченность классически правильных черт и стана. Ростом высокая, с баснословно тонкой тальей, при роскошно развитых плечах и груди, ее маленькая головка, как лилия на стебле, колыхалась и грациозно поворачивалась на тонкой шее; такого красивого и правильного профиля я не видел никогда более, а кожа, глаза, зубы, уши? Да, это была настоящая красавица, и недаром все остальные даже из самых прелестных женщин меркли как-то при ее появлении. На вид всегда она была сдержанна до холодности и мало вообще говорила. В Петербурге, где она блистала, во-первых, своей красотой и в особенности тем видным положением, которое занимал ее муж, – она бывала постоянно и в большом свете, и при дворе, но ее женщины находили несколько странной. Я с первого же раза без памяти в нее влюбился; надо сказать, что тогда не было почти ни одного юноши в Петербурге, который бы тайно не вздыхал по Пушкиной; ее лучезарная красота рядом с этим магическим именем всем кружила головы; я знал очень молодых людей, которые серьезно были уверены, что влюблены в Пушкину, не только вовсе с нею незнакомых, но чуть ли никогда собственно ее даже не видевших!».

Светские успехи Натали, несмотря на то, что у нее уже трое детей и хозяйство, вызывают восхищение у одних и зависть у других. «Вообрази, что на нее, бедную, напали, – пишет мужу сестра Пушкина. – Почему у нее ложа в спектакле, почему она так элегантна, когда родители ее мужа в такой крайности, – словом нашли пикантным ее бранить…» Судя по всему, Пушкина очень огорчало это несправедливое отношение света к его жене. Возвратясь из Михайловского, он жаловался П. А. Осиповой: «В этом печальном положении я еще с огорчением вижу, что моя бедная Натали стала мишенью для ненависти света». Естественность ее поведения, скромность, застенчивость и детская доверчивость к людям, за что и любил свою жену Пушкин, так были не похожи на поведение светских дам, которые завидовали ее красоте, успеху у мужчин и у царя. Злоязычные и надменные, они, в отличие от простой Натали, умели скрывать свою зависть под милой улыбкой, но за спиной распространяли клевету и ложь.

Отношения поэта к жене были непросты. Они развивались долго, переживали моменты бурной страсти и некоторого охлаждения, были наполнены взаимными упреками и ревностью, но в первые годы жизни Пушкин влюблен в Натали со всей силой своих уже угасающих чувств. «Любовь его к жене, – пишет В. А.

Нащокина, – была безгранична. Наталья Николаевна была его богом, которому он поклонялся, которому верил всем сердцем… Надо было видеть радость и счастье поэта, когда он получал письма от жены. Он весь сиял и осыпал их поцелуями».

Эта любовь красной нитью проходит через все его письма. Восторженно писал об этих письмах А. И. Куприн, великий русский писатель: ««Я хотел бы тронуть в личности Пушкина ту строну, которую, кажется, у нас еще никогда не трогали. В его переписке так мучительно трогательно и так чудесно раскрыта его семейная жизнь, его любовь к жене, что почти нельзя читать это без умиления. Сколько пленительной ласки в его словах и прозвищах, с какими он обращается к жене! Сколько заботы о том, чтобы она не оступилась беременная, – была здорова, счастлива! Мне хотелось бы когда-нибудь написать об этом… Ведь надо только представить себе, какая бездна красоты была в его чувстве, которым он мог согревать любимую женщину, как он, при своем мастерстве слова, мог быть нежен, ласков, обаятелен в шутке, трогателен в признаниях!»

«Жена моя прелесть не по одной наружности», – отмечает он в марте 1831 года.

«…тоска без тебя; к тому же с тех пор как я тебя оставил, мне все что-то страшно за тебя. Дома ты не усидишь, поедешь во дворец, и, того гляди, выкинешь на сто пятой ступени комендантской лестницы. Душа моя, женка моя!» (декабрь 1831 г.)

«Тебя, мой ангел, люблю так, что выразить не могу, – пишет поэт из Москвы в декабре 1831 года, – с тех пор как здесь, я только и думаю, как бы удрать в Петербург к тебе, женка моя».

В сентябре 1832 года: «Не можешь вообразить, какая тоска без тебя».

«Какая ты умненькая, какая ты миленькая! – восхищается поэт в другом письме. – Какое длинное письмо! как оно дельно! благодарствуй, женка! Продолжай, как начала, и я век за тебя буду бога молить».

В 1833 году из Н. Новгорода: «Ты видишь… я все еще люблю Гончарову Наташу, которую заочно целую куда ни попало… (И далее по-итальянски. – *А. Л.*) Addio mia bella, idol mio, mio bel tesoro, quando mai ti riverdo» (Прощай, красавица моя, кумир мой, прекрасное мое сокровище, когда же я опять тебя увижу.)

«Гляделась ли ты в зеркало, – писал Пушкин в августе того же года, – и уверилась ли ты, что с твоим лицом ничего сравнить нельзя на свете, – а душу твою люблю я еще более твоего лица».

«…Благодарю тебя за милое и очень милое письмо. Конечно, друг мой, кроме тебя в жизни моей утешения нет – и жить с

тобою в разлуке также глупо, как и тяжело» (июнь 1834 г.).

И, наконец, в августе 1834 года поэт пишет своей теще Наталье Ивановне: «Жена моя прелесть, и чем доле я с ней живу, тем более люблю это милое, чистое, доброе создание, которого я ничем не заслужил перед богом».

Письма поэта к жене в первые годы их жизни необыкновенно искренни, удивительны по простоте и сердечности, полны любви и нежности. Часто в них встречаются дружеские советы, как вести себя, проглядывает некоторая ревность. Но начиная с 1835 года Пушкин уже не так по юношески восторжен, не так восхищенно оценивает красоту жены, меньше становится ласковых, нежных эпитетов. Чаще повторяются уже ставшие обыденными слова «моя женка», «мой ангел», «душа моя», «моя красавица». Поэт просто беседует со своей женой, делится с ней впечатлениями от встреч с друзьями, рассказывает подробности своей жизни, сплетничает о других, дает задание Наталье Николаевне по части своих издательских дел, иногда просто философствует о жизни. Былая страсть немного по угасла, перешла в спокойное русло, тем более фригидность жены по прежнему не доставляла, ни ей, ни поэту истинного наслаждения.

В последние годы Наталья Николаевна была больше другом Пушкина, чем женой. Она сильно изменилась к лучшему. Стали более заметны, как пишут Н. Ободовская и М. Дементьев в книге «Вокруг Пушкина», «ее доброта, душевность, глубокая материнская любовь к детям, сердечное отношение к Пушкину, деликатность, деловитость и практичность».

Очень трудно составить действительно верное и непредубежденное мнение о характере и образе жизни Натальи Николаевны. Так, например, П. Е. Щеголев в своей известной книге «Дуэль и смерть Пушкина» пишет следующее: «Можно было бы привести ряд свидетельств современников о светских успехах Н. Пушкиной. Все они однообразны: сияет, блистает, la plus belle поразительная красавица и т. д. Но среди десятка отзывов о ней нет ни одного, который указывал на какие-либо другие достоинства… Да, Наталья Николаевна была так красива, – заключает пушкинист, – что могла позволить себе роскошь не иметь никаких других достоинств». Современники упрекали ее в кокетстве, в жажде светских удовольствий, в неумении и нежелании вести хозяйство, отказывали ей в уме, считали ее равнодушной, черствой и легкомысленной. Но это была неправда.

Жизнь в Петербурге, общение с друзьями поэта, наконец, влияние самого Пушкина не могли не сказаться на духовном облике Натальи Николаевны. Как вы сами видели, она очень любила балы и развлечения. Но очень многие современники

отмечают ее молчаливость, холодность, замкнутость. Но от чего это шло? Просто Натали не видела в свете человека, с кем можно было завязать теплые, дружеские отношения. «Тесная дружба редко возникает в большом городе, – пишет она брату, – где каждый вращается в своем кругу общества, а главное имеет слишком много развлечений и глупых светских обязанностей, чтобы хватало времени на требовательность дружбы».

Друг Пушкина П. А. Плетнев, встретивший Наталью Николаевну после смерти поэта, писал Н. К. Гроту: «В ее образе мыслей и особенно в ее жизни есть что-то трогательное возвышенное. Она не интересничает, но покоряется судьбе. Она ведет себя прекрасно, нисколько не стараясь этого высказать».

В 1832 году проницательная и остроумная Долли Фикельмон отмечает, что у госпожи Пушкиной «не много ума и даже, кажется, мало воображения». Но о каком уме идет речь? Если иметь в виду светский, блестящий ум, какой был у самой Дарьи Федоровны, или у Смирновой-Россет, то да, у Натали такого ума не было. Но у нее был практический, житейский ум, природный такт, а со временем появилась и проницательность в делах. В июле 1836 года она признается Дмитрию: «Мне очень не хочется беспокоить мужа хозяйственными хлопотами, и без того вижу, как он печален, подавлен, не может спать по ночам, и, следственно, в таком настроении не в состоянии работать, чтобы обеспечить нам средства к существованию».

Семье вечно не хватало денег, и Наталье Николаевне приходилось как-то регулировать семейный бюджет. Она не могла запретить мужу играть, светские развлечения также требовали много – приходилось выпрашивать деньги у брата – в каждом письме только и разговоров, что о деньгах. «Эти проклятые деньги, деньги, деньги, – восклицает она, – без них ничего нельзя достигнуть». В последние годы жизни Наталья Николаевна успешно помогает мужу в его издательских делах, в отсутствие Пушкина ведет переговоры с авторами статей и компаньонами поэта. Хотя стихов его не понимала, особенно в молодые годы. «Ах, Пушкин, – восклицала Натали, живя на даче в Царском Селе, – как ты мне надоел своими стихами». А когда Баратынский попросил у нее разрешения прочесть свои стихи, она ответила: «Можете читать, я все равно не слушаю».

В Наталье Николаевне временами так и чувствовался провинциализм, жажда простых развлечений. Недаром в письме Пушкина к жене в 1834 году есть такие строки: «Описание вашего путешествия в Калугу, как ни смешно, для меня вовсе не забавно. Что за охота таскаться в скверный уездный городишко, чтоб видеть скверных актеров, скверно играющих старую, скверную

оперу? что за охота останавливаться в трактире, ходить в гости к купеческим дочерям, смотреть с чернию губернский фейворок, когда в Петербурге ты никогда и не думаешь посмотреть на Каратыгиных и никаким фейвороком тебя в карету не заманишь. Просил я тебя до Калугам не разъезжать, да, видно, уж у тебя такая натура».

Ее житейская сметка проявляется и в том, что она предлагает Дмитрию дать взятку («подмазать») чиновнику, чтобы положительно решить тяжбу Гончаровых с купцом Усачевым по поводу полотняной фабрики. Она иногда ведет дела со Смирдиным, издателем поэта, выпрашивая у него гонорар всегда больше того, какой запросил бы сам Пушкин. И несмотря ни на что, поэт любил свою жену и считал свой брак необходимым и счастливым. Именно в Наташе Пушкин видел свой «идеал», который оберегал от всех, которым восхищался и который стал его смыслом жизни. Было что-то от чувства собственника в этой жажде обладания. Видимо, пылкая любовь поэта превратилась постепенно в не менее пылкое чувство «скупого рыцаря», сберегающего свое сокровище.

Пушкин старался отвратить жену от слишком настойчивых ухаживаний на балах. Он понимал, что чувства молодой женщины, относящейся без особой любви к своему мужу (фригидность Натали не доставляла ей сексуальные удовольствия от ласк, которыми славился поэт среди женского общества обеих столиц) могут измениться, и в ее сердце появятся первые ростки любви. Так и произошло. Если для поэта все его светские увлечения были мимолетны и несерьезны, то в жизни Натали произошло важное событие, которое оказалось роковым в их семейной жизни и которое привело к ужасным последствиям.

Глава XI
«Нет, весь я не умру…»
(Пушкин и Дантес)

1

Наряду с блистающей в свете и при дворе женой Пушкина, в великосветских салонах заблистал молодой 22-летний красавец, полуфранцуз-полунемец Жорж Дантес. Роялист, он эмигрировал из Франции в связи с июльской буржуазной революцией 1830 года и был привезен в Петербург голландским послом Геккерном. Последний затем усыновил молодого человека, с которым, по подозрению многих, находился в противоестественных отношениях, и передал ему свое имя и свое состояние. «Не знаю, как сказать, – пишет в своих воспоминаниях князь А. В. Трубецкой, – он ли жил с Геккерном, или Геккерн жил с ним… В то время в высшем обществе было развито бугрство (гомосексуализм). Судя по тому, что Дантес постоянно ухаживал за дамами, надо полагать, что в сношениях с Геккерном он играл только пассивную роль».

Благодаря покровительству министра иностранных дел гр. Нессельроде, Геккерну удалось обратить на Дантеса благосклонный взор царя, который произвел последнего «прямо офицером» – вопреки существующему порядку – в кавалергардский полк – конную гвардию императора. Пушкин часто бывал в обществе кавалергардов, и Т. В. Шлыкова, вспоминая про Пушкина, говаривала, что в театре встречала его постоянно с кавалергардами. Дантес скоро стал душою великосветского общества. «На него смотрели, – рассказывает П. В. Нащокин – как на дитя и потому многое ему позволяли, например, он прыгал на стол, на диваны, облокачивался головой о плечи дам и пр.». Это очень напоминало поведение молодого Пушкина, такая же веселость, беззаботность, остроумие. Соболевский отметил, что «Пушкину чрезвычайно нравился Дантес за его детские шалости». Он был принят в семьях Вяземских и Карамзиных, стал постоянным и любимым гостем этих салонов.

«Он был очень красив, – вспоминает друг Дантеса князь Трубецкой, – постоянный успех в дамском общество избаловал его: он относился к дамам… смелее, развязнее, требовательнее, если хотите, нахальнее, наглее, чем даже принято в нашем обществе». Однако «Дантесом, – по словам Ольги Павлищевой (сестры поэта), – увлекались женщины не особенно серьезные и разборчивые, готовые хохотать всякому излагаемому в модных салонах вздору».

«Где и как произошло знакомство Дантеса с Натальей Николаевной, – вспоминает А. Арапова, – я не знаю, но с первой

встречи она произвела на него впечатление, не изгладившееся во всю его жизнь. Наталья Николаевна первое время не обращала никакого внимания на явное ухаживание Дантеса, привыкшего к легким победам, и это равнодушие, казавшееся ему напускным, только подзадоривало его. Тогда он принялся за систематическую атаку. Никто из молодежи не допускался в дом Пушкиных на интимную ногу. Чтоб иметь только случай встретить или хотя изредка взглянуть на Наталью Николаевну, Геккерн (Дантес) пускался на всякие ухищрения.

Александра Николаевна рассказывала мне, что его осведомленность относительно их прогулок или выездов была прямо баснословна и служила темой постоянных шуток и догадок сестер. Раз даже дошло до пари. Как-то утром пришла внезапно мысль поехать в театр. Достав ложу, Александра Николаевна заметила: – Ну, на этот раз Геккерен не будет! Сам не догадается, и никто подсказать не может. – А тем не менее мы его увидим, – возразила Екатерина Николаевна, – всякий раз так бывает, давай пари держать! – И на самом деле, не успели они занять свои места, как блестящий офицер, звеня шпорами, входил в партер.

Этим неустанным преследованием он добился того, что Наталья Николаевна стала обращать на него внимание, а Екатерина Николаевна, хотя она и должна была понять, что ухаживания относятся к сестре, влюбилась в него, но пыталась скрыть это чувство до поры, до времени».

В конце 1834 года и весь 1835 год ухаживания Дантеса были совсем невинны. В кругу других кавалергардов он восхищался мадам Пушкиной, дарил ей комплименты, шутил, острил и поэт спокойно глядел на это, считая такие ухаживания в порядке вещей. Князь Трубецкой подробно рассказывает об этом. «В то время Новая Деревня была модным местом. Мы (кавалергарды) стояли в избах, эскадронные учения производились на той земле, где теперь дачки и садики 1 и 2 линии Новой Деревни. Все высшее общество располагалось на дачах поблизости, преимущественно на Черной речке.

Дантес часто посещал Пушкина. Он ухаживал за Наташей, как и за всеми красавицами (а она была красавица), но вовсе не особенно “приударял”, как мы тогда выражались, за нею. Частые записочки, приносимые Лизой (горничной Пушкиной), ничего не значили: в наше время это было в обычае. Пушкин хорошо знал, что Дантес не приударяет за его женой, он вовсе не ревновал, но, как он сам выражался, ему Дантес был противен своею манерою, несколько нахальною, своим языком, менее воздержанным, чем следовало с дамами, как полагал Пушкин.

Надо признаться, при всем уважении к высокому таланту

Пушкина, это был характер невыносимый. Он как будто боялся, что его мало уважают, недостаточно почета оказывают; мы, конечно, боготворили его музу, а он считал, что мы мало перед ним преклоняемся. Манера Дантеса просто оскорбляла его, и он не раз высказывал желание отделаться от его посещений. Nathalie не противоречила ему в этом. Быть может, даже соглашалась с мужем, но, как набитая дура, не умела прекратить свои невинные свидания с Дантесом. Быть может, ей льстило, что блестящий кавалергард всегда у ее ног. Когда она начинала говорить Дантесу о неудовольствии мужа, Дантес, как повеса, хотел слышать в этом как бы поощрение к своему ухаживанию».

Поначалу Натали мало обращала внимания на явное ухаживания кавалергарда. Таких «шаромыжников» много увивалось около нее. Однако привыкший к легким победам Дантес, видя равнодушие жены поэта, казавшееся ему напускным, не оставлял своей настойчивости. Почти год длились его ухаживания, не выходящие, однако, за рамки светских приличий. Заметки современников, их отклики и сообщения в письмах друг к другу говорят о том, что в первые полтора года даже самые близкие люди не видели в ухаживаниях Дантеса ничего, чтобы внушало серьезные опасения.

Как известно, Наталья Николаевна привыкла быть откровенной с мужем. Это подтверждается многими сообщениями, идущими от друзей поэта. Д. Ф. Фикельмон в своем «Дневнике» записала: «Она давала ему во всем отчет и пересказывала слова Дантеса». «Она вообще ничего от мужа не скрывала, хотя знала его пламенную, необузданную природу», – подтверждал ее рассказ В. А. Соллогуб.

Позднее в ноябрьском письме к Геккерну (1836 год), которое поэт не отправил адресату, Пушкин писал: «Поведение вашего сына было мне совершенно известно уж давно и не могло быть для меня безразличным; но так как оно не выходило из границ светских приличий и так как притом я знал, насколько жена моя заслуживает мое доверие и мое уважение, я довольствовался ролью наблюдателя, с тем чтобы вмешаться, когда сочту своевременным…» Далее он добавлял: «Признаюсь вам, я был не вполне спокоен».

2

В это время Пушкину было не до легкого кокетства жены, к которому он привык, и которое уже не так волновало и раздражало его как ранее. Поэта волновали совсем другие проблемы. После неудавшегося случая с прошением об отставке Пушкин остро почувствовал всю глубину зависимости от царя и его «милости». Полицейское наблюдение стало настолько постоянным и почти открытым, что поэт узнал о перлюстрации его переписки, и о том, что его письма к жене отправляются Бенкендорфом для прочтения к царю. Цензура его произведений усилилась при новом министре просвещения графе Уварове, который стремился свести к нулю привилегии, полученные поэтом от императора в 1826 году.

Это страшно задевало Пушкина. «Царь любит, да псарь не любит», – писал он в письме к жене. Глубоко самолюбивый, Пушкин малейшую несправедливость к себе переживал остро, пытаясь ответить по возможности градом эпиграмм и по детски неразумным непослушанием. Психологически поэт был напряжен. Он чувствовал, что ему необходимо уехать из столицы, уединиться в деревне. Ему казалось, что только так он сможет отстоять свою свободу творчества и наладить свои денежные дела. Но мечты поэта не сбылись. Он снова попадает в материальную зависимость от царя, принимая решение взять ссуду в 30000 рублей в государственном казначействе, обязавшись погашать ее за счет своего жалованья, и остался в Петербурге.

Мечта о покое и воле, о бегстве в «обитель дальнюю трудов и чистых нег» оказалась утопией. Жизнь решила по-другому. Все эти неприятности с правительством и неопределенность в отношениях с царем, осознание своей зависимости, тревога за будущее семьи – все это вызвало новую депрессию, и творческие силы покинули Пушкина. Осенью 1835 г. Пушкин, приехав в Михайловское в начале сентября с тем, чтобы остаться там на три-четыре месяца, почувствовал, что он не может писать.

Сначала он не терял надежды, что вдохновение, обычно посещавшее его осенью, вновь придет. Но осенние дни текли один за другим, а вдохновение не являлось.

«Писать не начинал и не знаю, когда начну…» – жаловался Пушкин жене 14 сентября. Его последующие письма говорят о все нарастающей душевной тревоге.

21 сентября: «Я все беспокоюсь и ничего не пишу, а время идет»;

25-го: «Вообрази, что до сих пор не написал я ни строчки; а все потому, что не спокоен».

Пробыв в Михайловском около полутора месяцев (почти столько же, сколько в 1833 г. в Болдине), Пушкин создал лишь одно законченное стихотворение («Вновь я посетил…») и незавершенную повесть «Египетские ночи». В 1835 г. поэт не смог завершить ни одно из начатых им больших произведений.

«Такой бесплодной осени отроду мне не выдавалось…» – жаловался поэт Плетневу.

Состояние депрессии, мучительно пережитое поэтом в Михайловском, было вызвано изменением структуры его характера и развитием его в сторону невроза. Психоаналитики считают, что диапазон проявления фаллически-нарциссического характера очень широк – от полного здоровья до жестокого невроза. Райх писал об этом следующее: «При относительном отсутствии невроза, представитель этого типа характера силен, импульсивен, энергичен и, как правило, очень продуктивен; чем более невротичным является характер, тем более специфически и односторонне развитой оказывается какая-нибудь из этих черт».

Пушкин чувствовал, что обстоятельства подчиняют его себе, и это было для него невыносимым. Наступил период какой-то творческой импотенции. Стала увеличиваться его импульсивность, раздражительность. Его честолюбие и как поэта, и как светского человека постоянно натыкалось на противодействие окружающего его общества. Пушкина начал терзать страх по поводу истощения творческих и связанных с ними сексуальных сил. Ведь его гениальность и в поэзии, и в любви была результатом выброса огромной «либидозной» энергии. Теперь энергии «либидо» стало меньше, сексуальная «агрессия» понизилась, необходимой подзарядки поэт не находил.

Для поддержания своих увядших чувств и в поисках новых сексуальных ощущений поэт в 1835 году, находясь в Михайловском, снова посещает Тригорское, с которым были связаны его лучшие творческие годы, и снова ищет там милых барышень. Но Зизи (баронесса Вревская) растолстела и была окружена кучей орущих ребятишек. Тогда Пушкин пишет Александре Ивановне Беклешевой (Сашеньке Осиповой, которая долго имела любовную связь с Алексеем Вульфом) письмо:

«Мой ангел, как мне жаль, что я вас уже не застал, и как обрадовала меня Евпраксия Николаевна, сказав, что вы опять собираетесь приехать в наши края! Приезжайте ради бога; хоть к 23-му. У меня для вас три короба признаний, объяснений и всякой всячины. Можно будет, на досуге, и влюбиться. Я пишу к вам, а наискось от меня сидите вы сами в образе Марии Ивановны

(ее младшей сестры. – *А. Л.*). Вы не поверите, как она напоминает прежнее время и путешествия в Опочку и прочая…»

В Пушкине уже нет той былой восторженности и той пылкости чувств. Спокойное, выдержанное письмо, хотя немного ревнующая Зизи сплетничала своему брату Алексею Вульфу: «Он ждал Сашеньку с нетерпением, надеясь, кажется, что пылкость ее чувств и отсутствие ее мужа разогреет его состаревшие физические и моральные силы». Очень верно подметила его бывшая любовь спад «либидозной» энергии поэта.

В Тригорском Пушкин встречает новое поколение свежих провинциальных барышень в лице младшей дочери Прасковьи Александровны Осиповой – Машеньки. Во времена псковской ссылки Маша была еще совсем маленькой девочкой. Пушкин с ней играл, гонялся за ней, грозя длинными ногтями. Машенька выросла и превратилась в хорошенькую девушку, привлекающую поэта своей свежестью и 16-летним возрастом.

Она «поразительно была похожа на свою старшую единокровную сестру Александру Ивановну, – отмечал В. Вересаев, – как наружностью, так и «воображением и пылкостью чувств». Когда осенью 1835 г. Пушкин жил в Михайловском, шестнадцатилетняя девушка, сильно было увлеклась им, великий поэт возбудил ее зреющие сексуальные чувства. Пушкин немного пофлиртовал с девушкой своего любимого возраста, но потом Маша предпочла поэту соседнего помещика Николая Игнатьевича Шенига. Ревнивая Евпраксия была рада этой перемене. Зная по собственному опыту способность Пушкина совращать молоденьких девушек путем различных чувственных ухищрений, она писала брату: «Ник. Игн. никогда не воспользуется ее благорасположением, что об Пушкине никак нельзя сказать». А старшая ее сестра Анна Николаевна ревниво удивлялась: «Как мог Николай Игнатьевич заставить Машу забыть Пушкина? Она начинает все с женатых людей».

Переживания, связанные с ущемлением самолюбия, и со спадом сексуальной активности, способствовали развитию невроза. Мысль о неудаче была для Пушкина непереносима. Цель его жизни в данной период – наслаждение спокойствием и восстановление сексуальной активности. А также постоянное любование своей милой «женкой», своим романтическим идеалом.

«Любя тихую домашнюю жизнь, – писал П. Бартенев, – Пушкин неохотно принимал приглашения, неохотно ездил на так называемые литературные вечера. Нащокин сам уговаривал его ездить на них, не желая, чтобы про него говорили, будто он его у себя удерживает… Нащокин и жена его с восторгом вспоминают о

том удовольствии, какое они испытывали в сообществе и в беседах Пушкина. Он был душа, оживитель всякого разговора. Они вспоминают, как любил домоседничать, проводил целые часы на диване между ними».

Невозможность осуществить эту цель, мысль о неудаче вызывала сильнейший страх, и поэт удваивал усилия, чтобы обеспечить успех. Твердое решение преуспеть основывалось как на страхе неудачи, так и на стремлении получить признание, материальную независимость и любовь жены (именно настоящую, «страстную» любовь, а не покорность, связанную с глубоким чувством исполнения семейного долга). В соответствии со своим характером Пушкин мог, и выдерживал много неудач. При этом он подсознательно смещал значимость жизненных целей. Не получалось одно – он стремился достигнуть другого, проявляя решимость и характер. Теперь у поэта остались две цели, две задачи, решение которых укрепило бы его желание жить и творить. Он должен был доказать всем, что он великий литератор, и что его жена – «чистейшей прелести, чистейший образец», незапятнанный «идеал», любить который поэт был настроен решительно и бесповоротно.

3

В 1835 и 1836 годах барон Геккерн и Дантес часто посещали дом Пушкина и дома Карамзиных и князя Вяземского, где Пушкины были, как свои. Постоянные, настойчивые, но не переходящие границ дозволенного, ухаживания Дантеса, наконец-то тронули Натали! Она с видимым удовольствием стала принимать его волокитство.

По словам В. Ф. Вяземской, Н. Н. Пушкина «и не думала скрывать, что ей приятно видеть, как в нее влюблен красивый и живой француз».

То же самое говорит и Н. М. Смирнов: «Красивой наружности, ловкий, веселый и забавный, болтливый, как все французы, Дантес был везде принят дружески, понравился даже Пушкину, дал ему прозвание Pacha a trois queus (трехбунчужный паша), когда однажды тот приехал на бал с женою и ее двумя сестрами. Скоро он страстно влюбился в г-жу Пушкину. Наталья Николаевна, быть может, немного тронутая сим новым обожанием, невзирая на то, что искренно любила своего мужа, до такой степени, что даже была очень ревнива, или из неосторожного кокетства, казалось, принимала волокитство Дантеса с удовольствием. Муж это заметил, было домашнее объяснение; но дамы легко забывают на балах данные обещания супругам, и Наталья Николаевна снова принимала приглашения Дантеса на долгие танцы, что заставляло ее мужа хмурить брови».

Графиня Д. Ф. Фикельмон, чьи наблюдения отличаются большой психологической точностью, тоже отмечала, повышенный интерес Дантеса к жене Пушкина: «Он был влюблен в течение года, как это бывает позволительно всякому молодому человеку, живо ею восхищаясь, но ведя себя сдержанно и не бывая у них в доме. Но он постоянно встречал ее в свете и вскоре стал более открыто проявлять свою любовь».

И неизбежное должно было случиться. Наталья Николаевна влюбилась в Дантеса, который так долго преследовал ее своей «великой и возвышенной» страстью. Вот строки из письма Дантеса к барону Геккерну за январь 1836:

«…я безумно влюблен! Да, безумно, так как я не знаю, как быть; я тебе ее не назову, потому что письмо может затеряться, но вспомни самое прелестное создание в Петербурге и ты будешь знать ее имя. Но всего ужаснее в моем положении то, что она тоже любит меня и мы не можем видеться до сих пор, так как муж бешено ревнив; поверяю тебе это, дорогой мой, как лучшему другу и потому, что я знаю, что ты примешь участие в моей

печали; но, ради бога, ни слова никому, никаких попыток разузнавать, за кем я ухаживаю, ты ее погубишь, не желая того, а я буду безутешен. Потому что, видишь ли, я бы сделал все на свете для нее, только чтобы ей доставить удовольствие, потому что жизнь, которую я веду последнее время, – это пытка ежеминутная. Любить друг друга и иметь возможность сказать об этом лишь между двумя ритурнелями кадрили – это ужасно: я, может быть, напрасно поверяю тебе все это, и ты сочтешь это за глупости; но такая тоска в душе, сердце так переполнено, что мне необходимо излиться хоть немного… До свиданья, дорогой мой, будь снисходителен к моей новой страсти, потому что тебя я также люблю от всего сердца».

В те же самые дни, когда Дантес писал свое письмо барону Геккерну, он почти открыто выражал свою любовь, что сразу было отмечено в салонах великосветского Петербурга. Однако зимой 1836 года это легкое волокитство не вызвало большого шума в обществе. В том, что Дантес был влюблен в Наталью Николаевну, не было причины для сенсационных слухов. Жена поэта была окружена романтическим поклонением – ее необыкновенная красота и поэтическая слава ее мужа вызывали поклонение у многих молодых повес. Только некоторые проницательные светские женщины, вроде молоденькой фрейлины М. Мердер, наблюдая в эти дни за Дантесом и Н. Н. Пушкиной, уверились, что они «безумно влюблены друг в друга».

Встречи урывками продолжались. В феврале Дантес снова пишет своему приемному отцу прекрасное и прочувствованное письмо, в котором облик Натальи Николаевны предстает в самом благородном виде: «Когда я ее видел в последний раз, у нас было объяснение. Оно было ужасно, но облегчило меня. Эта женщина, у которой обычно предполагают мало ума, не знаю, даст ли его любовь, но невозможно внести больше такта, прелести и ума, чем она вложила в этот разговор… Если б ты знал, как она меня утешала, потому что видела, что я задыхаюсь и что мое положение ужасно, а когда она сказала мне: я люблю вас так, как никогда не любила, но не просите у меня большего, чем мое сердце, потому что все остальное мне не принадлежит, и я не могу быть счастливой иначе, чем уважая свой долг, пожалейте меня и любите меня всегда так, как вы любите сейчас, моя любовь будет вам наградой; право, я упал бы к ее ногам, чтобы их целовать…»

Натали была приучена ревнивым мужем к послушанию, к верности супружескому долгу, хотя сам он его не раз нарушал. Ее пуританское отношение к браку было заложено религиозным воспитанием матери. «Но я другому отдана, и буду век ему

верна». Эти известные слова «Онегинской» Татьяны как нельзя точно характеризовали отношения Дантеса и Натали.

Княгиня В. Ф. Вяземская, может, несколько несправедливо упрекала поэта в невнимательности к чувствам своей жены: «Пушкин сам виноват был, он открыто ухаживал сначала за Смирновою, потом за Свистуновою (ур. гр. Соллогуб). Жена сначала страшно ревновала, потом стала равнодушна и привыкла к неверностям мужа. Сама оставалась ему верна, и все обходилось легко и ветрено».

Для Натали, может быть, и легко, но не для Пушкина. Наталья Николаевна то ли по привычке, то ли по своей удивительной порядочности, была всегда откровенна с мужем. «Она давала ему во всем отчет, – говорит Долли Фикельмон, – и пересказывала слова Дантеса». «Она вообще ничего от мужа не скрывала, хотя знала его пламенную, необузданную природу», – вторил ей В. А. Соллогуб.

О своем увлечении Дантесом Натали, скорее всего, рассказала своему мужу. Пушкин понял, что непоправимое свершилось. Когда-то, перед свадьбой, он писал своей будущей теще: «Только привычка и продолжительная близость могут доставить мне привязанность вашей дочери; я могу надеяться со временем привязать ее к себе, но во мне нет ничего, что могло бы ей нравиться; если она согласится отдать мне свою руку, то я буду видеть в этом только свидетельство спокойного равнодушия ее сердца».

Уже тогда поэт не верил в любовь Натали к нему и постоянно, в течение всей семейной жизни, находился в состоянии противоречивом. Идеал верности и чистоты, который он себе создал, был холоден в сексуальном плане. В Натали так и не пробудилась чувственность, и любовная гармония, о которой подсознательно мечтал поэт, не приходила к нему.

Следуя психоанализу, можно сделать вывод, что Натали была фригидна. Фригидность, однако, не означает полного отсутствия сексуальности. Фригидная женщина может кокетничать и делать зазывные жесты, это было явно заметно во взаимоотношениях Наташи с Дантесом. Но сама она не осознавала этого, поскольку полового возбуждения при этом у нее не возникало. Чувственность Натали напоминала спящую красавицу, в которой сексуальность была подавлена детскими впечатлениями.

Дед ее был пьяница и развратник, который потратил почти все свое состояние на девок, отец – душевнобольной человек, мать, как мы говорили уже, женщина строгая и религиозная, но в последнее время сильно пьющая, полностью подавляла в дочерях сексуальные чувства. Натали была заметно увлечена молодым,

красивым кавалергардом, но возникающее половое влечение тут же подавлялось, не достигая уровня сознания. Детские сексуальные воспоминания, видимо, наложили на чувства Наташи прочную броню, которая выразилась в отсутствии осознанного сексуального желания.

У Натали, так же как и у Анны Керн, был характер истерический, которому свойственны, с одной стороны, сильная сексуальность, а с другой – полная фригидность. Как мы знаем, Анна Петровна всю юность провела в бурной и довольно беспорядочной половой активности. Она постоянно шла на связь со многими мужчинами. Но как у многих истерических натур, ни одна ее связь не приводила к нормальной сексуальной разрядке. И только позднее, когда она вышла замуж за молодого Маркова-Виноградова, Анна Петровна наконец-то стала получать достаточно полное сексуальное наслаждение. Эта особенность истерических натур проводит как бы к поиску среди множества разнообразных партнеров одного, который смог бы постоянно удовлетворять сексуальные запросы женщины. Анне Керн было свойственно именно такое поведение.

Натали тоже была натурой истерической, но детские «сексуальные» впечатления и воспитание матери не только не развили в ней желания достичь полноценного удовольствия, но и сделали ее фригидной. Она, как мы видели, в отличии от Анны Керн, на искала своего «принца» в половых связях. Эротический идеал Наташи, скорее всего, развивался в фантазиях, в которых запрет на незаконную половую связь мог быть снят при условии «романтической» любви и схожести образа появившегося принца с «инцестуальными» образами отца или брата.

То, что Дантес выступил в роли «прекрасного принца», который готов освободить свою любимую от подавленного желания, не подлежит сомнению. П. Е. Щеголев совершенно прав, описывая их отношения: «Дантес взволновал Наталью Николаевну так, как ее еще никто не волновал. Любовный пламень, охвативший Дантеса, опалил и ее, и она, стыдливо-холодная красавица, пребывавшая выше мира и страстей, покоившаяся в сознании своей торжествующей красоты, потеряла свое душевное равновесие и потянулась к ответу на чувство Дантеса. В конце концов, быть может, Дантес был как раз тем человеком, который был ей нужен. Ровесник по годам, он был ей пара по внешности своей, по внутреннему своему складу, по умственному уровню. Что греха таить: конечно, Дантес должен был быть для нее интереснее, чем Пушкин. Какой простодушной искренностью дышат ее слова княгине В. Ф. Вяземской в ответ на ее предупреждения и на ее запрос, чем может кончиться вся эта

история с Дантесом! “Мне с ним (Дантесом) весело. Он мне просто нравится, будет то же, что было два года сряду”. Княгиня В. Ф. Вяземская объяснила, что Пушкина чувствовала к Дантесу род признательности за то, что он постоянно занимал ее и старался быть ей приятным».

Пушкин почувствовал перемену в чувствах своей жены. Гордый и самолюбивый, он начал осознавать крушение своих надежд. Поэт психологически сжался. Он был настроен любить, развить и укрепить свои нежные чувства к жене, несмотря на ее фригидность. Влюбленность Натали в Дантеса обеспокоила его, накладываясь на тревожную усталость от постоянных финансовых неудач.

Решимость вырваться из тисков постоянного безденежья заставила его взяться за издание литературного журнала. В 10-х числах января поэту стало известно, что его новое детище – «Современник» – разрешен. Он с удвоенной энергией принялся за работу, не подозревая о новых трудностях. Настроенный решительно царским разрешением, Пушкин резко выступил против министра просвещения Уварова, напечатав злой памфлет на него в стихотворении «На выздоровление Лукулла».

Поэт надеялся, что общество встанет на его сторону, но произошло все наоборот. Против злых намеков поэта на недостойное поведение Уварова выступили и аристократы и чиновники. Реакция общества оказалась глубоко враждебной поэту. Уваров стал мстить Пушкину. Неприятности посыпались как из рога изобилия. Пушкин считал себя кумиром света, хотел блистать в нем, но прежней восторженного отношения к поэту уже не было. Уязвленное самолюбие взбудоражило Пушкина, он бросился в крайности. Он был готов на любые поступки.

Одна за одной последовали три дуэльные истории, ничем не обоснованные, но, к счастью, закончившиеся быстрым примирением противников. Поэт, как и в молодости, начал бросаться под пулю по пустякам. Что интересно; две дуэли были связаны с критикой в его адрес, как поэта и литератора, последняя, с графом Владимиром Соллогубом, связана с его якобы оскорбительными словами в адрес Натальи Николаевны. Выяснилось, что ничего подобного не было, и противники примирились. Пушкин сломя голову бросился защищать свою творческую и семейную честь.

«Однако самый факт вызова – или ситуации, близкая к вызову, – говорит о том, – писала С. Л. Абрамович в книге «Пушкин в 1836 году», – что Пушкин был доведен до крайности. В те дни поэт пережил момент чрезвычайного душевного напряжения. Он был настроен очень решительно и внутрнне готов

был бросить вызов судьбе и вступить «в игру со смертью».

Мотив «желанной смерти» явно просматривается в некоторых произведениях этого периода. Главные герои его произведений молодые люди, полные сил, но выбирающие смерть, как способ решения жизненных конфликтов, особенно в результате несчастной любви.

Решительность Пушкина приобретала несколько патологические черты. Именно она явилась основой проявления сильного невроза, который стал развиваться у поэта с 1835 года. Пушкин, может быть, сам понимал свое беспокойное состояние духа, но он не мог, увы, самостоятельно снять с себя стресс. Его никто не успокаивал. Поэт внутренне был готов к любому повороту в своей судьбе ради сохранения двух «либидозных» идеалов – «идеала» свободного творчества и «идеала» беспорочности своей семейной жизни в глазах света.

Во времена поэта не было психоаналитиков, и некому было помочь ему освободиться от растущего невроза, помочь ему в его растущей неуверенности в жизни. А тут еще произошло событие, на которое исследователи мало обращали внимание, считая его воздействие на внутренние переживания поэта незначительным. У Пушкина в марте 1826 года умерла мать.

Мы знаем, что подсознательным источником всех его страстей и выбора сексуального объекта была глубоко скрытая «инцестуальная» любовь к матери. Отсутствие ласки, пренебрежение поэтическим даром сына, осуждение его поведения – все это больно ударяло по детской фиксации нежности на матери, как объекте первоначальных сексуальных устремлений. Виновником такого отношения матери к себе Пушкин считал отца. Поэтому всю жизнь у него были нелады с отцом, и помирились они только 1828 году, да и то отношения между ними были просто спокойные, без чувства любви. Именно по этой причине поэт выбирал женщин, имеющих любовника, у которого он в процессе любовных ухаживаний как бы отбирал объект своих сексуальных устремлений.

Подсознательно разыгрывалась история «эдипова комплекса» – отобрать у отца мать, как объект своих первичных сексуальных фиксаций. С другой стороны, нежные чувства к «платоническому» идеалу так же основывались на огромной любви поэта к матери, которая не нашла отклика в ее душе. Образ Натали, его «Мадонны», в своей основе так же связан с детским «инцестуальным» чувством к матери, благодаря которому как писал З. Фрейд «возлюбленная является единственной, незаменимой: ибо ни у кого не бывает больше одной матери».

«Пушкин чрезвычайно был привязан к своей матери, – отмечает все тонко подмечающая Евпраксия Вульф, – которая, однако, предпочитала ему второго своего сына (Льва), и притом до такой степени, что каждый успех старшего делал ее к нему равнодушнее и вызывал с ее стороны сожаление, что успех этот не достался ее любимцу. Но последний год ее жизни, когда она была больна несколько месяцев, Александр Сергеевич ухаживал за нею с такою нежностью и уделял ей от малого своего состояния с такою охотой, что она узнала свою несправедливость и просила у него прощения, сознаваясь, что она не умела его ценить. Он сам привез ее тело в Святогорский монастырь, где она похоронена. После похорон он был чрезвычайно расстроен и жаловался на судьбу, что она и тут его не пощадила, дав ему такое короткое время пользоваться нежностью материнскою, которой до того времени он не знал».

Со смертью матери в его душе осталось только одно чувство – сохранить и сберечь от всякого грязного прикосновения свой последний идеал, свою Небесную Любовь, свою «Мадонну».

Однако поэт, зная о любви своей жены, не предпринимал никаких мер. Он был уверен в верности Натали и ее увлечение Дантесом пытался объяснить легкой светской забавой. Таких светских влюбленностей и у него было много, и он сам заставлял ревновать жену рассказом о них.

«Поведение вашего сына, – писал поэт барону Геккерну в черновике своего письма, – было мне совершенно известно уже давно и не могло быть для меня безразличным; но так как оно не выходило за рамки светских приличий и так как притом я знал, насколько жена моя заслуживает мое доверие и мое уважение, я довольствовался ролью наблюдателя с тем, чтобы вмешаться, когда сочту это удобным. Я знал, что хорошая фигура, страсть, двухлетнее постоянство всегда производит в конце концов впечатление на молодую женщину, и тогда муж, если он не дурак, станет вполне естественно доверенным своей жены и хозяином ее поведения. Я признаюсь вам, что несколько беспокоился».

Весной Наталья Николаевна почти перестала выезжать, она была беременна. Но и Дантес удвоил свои ухаживания. Чтобы чаще встречаться с Натали он стал постоянным гостем у Вяземских и у Карамзиных, в домах, где Пушкин с женой бывали чаще всего. Для друзей поэта любовь Дантеса давно перестала быть тайной, но особой тревоги не вызывала. К волокитству молодого француза относились скорее как к рыцарскому обожанию. Сестра поэта Ольга Сергеевна, упоминая в письме к отцу о своем пребывании в Петербурге зимой и весной 1836 г.,

писала о Дантесе: «Его страсть к Натали не была ни для кого тайной. Я прекрасно знала об этом, когда была в Петербурге, и я тоже над этим подшучивала».

Софи Карамзина, как-то встретившая Дантеса на празднике, рассказывала в письме к брату об этой встрече в самом легком и шутливом тоне: «Я шла под руку с Дантесом. Он забавлял меня своими шутками, своей веселостью и даже смешными припадками своих чувств (как всегда, к прекрасной Натали)».

Половина 1836 года прошла удивительно спокойно. Летом, на даче, Пушкин закончил «Капитанскую дочку», ощутив небольшой подъем в своем творчестве, но легкокрылая Муза стала покидать его. Спад «либидозной» энергии сказался на истощении его поэтических и сексуальных сил. Пушкин почти перестал писать стихами. За весь год только несколько поэтических, большей частью незаконченных отрывков. И проза, много прозы, такой простой в своей гениальности. Проза в творчестве и проза в жизни. Поэтому среди немногих лирических стихотворений поэта, написанных в 1836 году, особняком стоит «Памятник», который можно рассматривать, по мнению М. Алексеева, «как своего рода прощание с жизнью и творчеством в предчувствии близкой кончины».

4

Судьба неумолимо двигала поступками всех участников заключительной драмы. Решительность поэта в достижении материальной независимости не привела к результатам. Тираж современника не продавался. Пушкина ждал финансовый крах. Наталья Николаевна понимала это, помогая мужу в его заботах. В июле она признавалась брату: «Мы в таком бедственном положении, что бывают дни, когда я не знаю, как вести дом, голова у меня идет кругом. Мне очень не хочется беспокоить мужа всеми своими мелкими хозяйственными хлопотами, и без того я вижу, как он печален, подавлен, не может спать по ночам, и, следовательно, в таком настроении не в состоянии работать, чтобы обеспечить нам средства к существованию: для того, чтобы он мог сочинять, голова его должна быть свободна».

В конце лета 1836 года поэт пережил самый пик своего отчаяния и крушения всех надежд на независимость. Н. А. Муханов, бывший в гостях на даче Пушкина, рассказывал, что он нашел поэта «ужасно упавшим духом». При последнем свидании с братом, в конце июня 1836 года Ольга Сергеевна была поражена его худобою, желтизною лица и расстройством его нервов. Александр Сергеевич с трудом уже выносил последовательную беседу, не мог сидеть долго на одном месте, вздрагивал от громких звонков, падения предметов на пол; письма же распечатывал с волнением; не выносил ни крика детей, ни музыки.

В августе, после долгого перерыва, Дантес снова появился в поле зрения Пушкиных, и, как отмечает графиня Фикельмон в своем дневнике, «… забывая всякую деликатность благоразумного человека, вопреки всем светским приличиям, обнаруживал на глазах всего общества проявления восхищения, совершенно недопустимые по отношению к замужней женщине». Как далеко зашли отношения Натали и Дантеса, сказать невозможно.

Пушкин не в силах сдержать своего раздражения против Дантеса, хотя до поры до времени не принимал решительных мер. Напротив, окружающим казалось, что Пушкин предоставил своей жене полную свободу. Он не запрещал ей видеться с Дантесом и, как вспоминала Д. Ф. Фикельмон, разрешил «своей молодой и очень красивой жене выезжать в свет без него».

Вяземский полагал, что поэт был «уверен в привязанности к себе жены и чистоте ее помыслов».

Но время шло, Дантес становился все настойчивей. Д. Ф. Фикельмон записала в своем дневнике: «То ли одно тщеславие

госпожи Пушкиной было польщено и возбуждено, то ли Дантес действительно тронул и смутил ее сердце, как бы то ни было, она не могла больше отвергать или останавливать проявления этой необузданной любви… Было очевидно, что она совершенно потеряла способность обуздывать этого человека и он был решителен в намерении довести ее до крайности».

К тому же, по словам В. Ф. Вяземской, влюбленная в Дантеса высокая, рослая старшая сестра Н. Н. Пушкиной Екатерина Николаевна нарочно устраивала свидания Натальи Николаевны с ним, чтобы только повидать предмет своей тайной страсти. Ситуация становится напряженной. По рассказу В. Ф. Вяземской, Н. Н. Пушкина бывала очень часто у них в гостях и всякий раз, как она приезжала, являлся и Дантес, про которого уже знали, да и он сам не скрывал, что Пушкина очень ему нравится.

Сберегая честь своего дома, княгиня напрямик объявила нахалу-французу, что она просит его свои ухаживания за женою Пушкина производить где-нибудь в другом доме. Через несколько времени он опять приезжает вечером и не отходит от Натальи Николаевны. Тогда княгиня сказала ему, что ей остается одно – приказать швейцару, коль скоро у подъезда их будет несколько карет, не принимать г-на Геккерена. После этого он прекратил свои посещения, и свидания его с Пушкиной происходили уже у Карамзиных.

Пушкин начинает удивлять общество своим поведением, своим все более увеличивающимся неврозом, появившимся на почве ревности и неудач. Другая молодая особа, дочь любимой им когда-то Екатерины Андреевны Карамзиной, Софья Николаевна, рассказывая о веселом праздничном вечере и танцах, писала: «Получился настоящий бал, и очень веселый, если судить по лицам гостей, всех, за исключением Александра Пушкина, который все время грустен, задумчив и чем-то озабочен. Его блуждающий, дикий, рассеянный взгляд с вызывающим тревогу вниманием останавливается лишь на его жене и Дантесе, который продолжает все те же штуки, что и прежде, – не отходя ни на шаг от Екатерины Гончаровой, он издали бросает нежные взгляды на Натали, с которой, в конце концов, все же танцевал мазурку. Жалко было смотреть на фигуру Пушкина, который стоял напротив них, в дверях, молчаливый, бледный и угрожающий!».

Налицо были все признаки начинающегося невроза. Вспыльчивость Пушкина, его ревность, и нетерпимость, проявляемая по отношению к обществу, и служившая ранее как бы психологической защитой от давления других людей, теперь становятся препятствием для спокойной жизни. Теперь характер поэта не помогает ему справиться с жизнью, спрятать истинные

порывы и романтические образы «Я» под внешней распущенностью. Конфликт «либидо», определяющее характер, с содержанием «Я», в котором сосредоточились истинные душевные порывы Пушкина, привели к резкому возбуждению психики. Этот конфликт не удается погасить, никто из окружающих не видит развивающейся психической болезни.

На поэта обрушивается еще один удар. Пушкин не подозревал, что в отношения Дантеса и уже влез и барон Геккерн. Никто не знает, какие причины заставили его это сделать. Летом 1836 года он усыновил Дантеса, передав ему и свое имя, и свое состояние. Может быть он, ревнуя своего приемного сына (и любовника) к Натали, действительно хотел остановить их увлечение:

«Она (Пушкина) сама может засвидетельствовать, – утверждал Геккерн-старший после дуэли, – сколько раз предостерегал я ее от пропасти, в которую она летела; она скажет, что в своих разговорах с нею я доводил свою откровенность до выражений, которые должны были ее оскорбить, но вместе с тем и открыть ей глаза; по крайней мере, я на это надеялся».

Или, может быть, зная о безнадежной любви Дантеса, барон Геккерн уговаривал жену поэта «изменить своему долгу и спасти ее сына». Об этом рассказывала сама Наталья Николаевна и сестре Александрине, и, может быть, Пушкину.

«Старик Геккерен, – писала А. Арапова, – всячески заманивал Наталью Николаевну на скользкий путь. Едва ей удастся избегнуть встречи с ним, как, всюду преследуя ее, он, как тень, вырастает опять перед ней, искусно находя случаи нашептывать ей о безумной любви сына, способного, в порыве отчаяния, наложить на себя руки, описывая картины его мук и негодуя на ее холодность и бессердечие. Раз, на балу в Дворянском Собрании, полагая, что почва уже достаточно подготовлена, он настойчиво принялся излагать ей целый план бегства за границу, обдуманный до мельчайших подробностей, под его дипломатической эгидой… Вернувшись с бала, Наталья Николаевна, еще кипевшая негодованием, передала Александре Николаевне это позорное предложение».

Есть основание думать, что барон продолжал роковым образом руководить событиями. Вероятно, до Натальи Николаевны дошло и письмо его к одной даме, где Геккерн-старший, пытаясь обелить сына, прозрачно намекает на существующую связь между ней и его приемным сыном. Но молодая женщина не сумела дать отпор опытному интригану, и, выслушивая вкрадчивые речи и грязные намеки, оказалась в

очень неловком положении. Все обострилось после ее неожиданного свидания с Дантесом на квартире Идалии Полетики.

Красавица Идалия была близкой приятельницей Натали. Молодые женщины познакомились еще в 1831 году. Идалия Полетика была умна, прелестна, благовоспитанна, у нее были большие голубые, ласковые и кокетливые глаза. Она олицетворяла тип обаятельной женщины не столько миловидностью лица, как складом блестящего ума, веселостью и живостью характера, доставлявшими ей всюду постоянный и несомненный успех. В числе ее поклонников самым верным, искренне влюбленным и беззаветно преданным был в то время П. П. Ланской, будущий муж Натальи Николаевны.

Пушкин всегда хорошо относился к Идалии. «Полетике скажи, что за поцелуем ее являюсь лично, а что-де на почте не принимают», – пишет поэт Вяземским и Карамзиным. И вот эта женщина становится его врагом, потому что поэт, обычно не пропускавший легкой интрижки, отверг любовь Идалии и даже посмеялся над ней. В отместку красавица подготовила на своей квартире свидание Дантеса со своей подругой.

Как пишет А. Арапова, чтобы предотвратить интерес любознательных, Полетика поручила П. П. Ланскому под видом прогулки около здания зорко следить за всякой подозрительной личностью. В. Ф. Вяземская, с которой Натали (как и сам Пушкин в прошлом) делилась всеми своими проблемами, рассказывает: «когда она (Наталья Николаевна – *А. Л.*) осталась с глазу на глаз с Геккерном (Дантесом – *А. Л.*), тот вынул пистолет и грозил застрелиться, если она не отдаст ему себя. Пушкина не знала, куда ей деваться от его настояний; она ломала себе руки и стала говорить как можно громче. По счастью, ничего не подозревавшая дочь хозяйки дома явилась в комнату, и гостья бросилась к ней». Такую же историю передает в своем письме барон Г. Фризенгоф, в будущем муж Александрины.

Натали снова ведет себя неосторожно и в разговоре с ревнивым мужем. Она рассказывает ему и о письмах барона Геккерна, и о свидании с Дантесом. Поэт раздражен не на шутку. Однако это не повод для дуэли, и даже для возмущения. Но вся ревность Пушкина направлена на красивого кавалергарда. В свете заговорили о связи жены поэта с Дантесом. В своих воспоминаниях гр. Соллогуб пишет: «Он (т. е. Пушкин. – *А. Л.*) ревновал к ней не потому, что в ней сомневался, а потому что страшился светской молвы, страшился сделаться еще более смешным перед светским мнением».

Однако поэту надо было опасаться не Дантеса… Гораздо

опаснее для него было поведение царя. Увлечение монарха Натальей Николаевной давно уже для всех не было секретом. Сам поэт говорил Нащокину, что царь, как офицеришка, ухаживает за его женой. Пушкину было чего опасаться. Редкая женщина могла отказать самодержцу в его домогательствах, а многие были просто рады услужить монарху.

Поэт верил своей жене, но все же беспокойство его проявлялось: «И про тебя, душа моя, идут кой-какие толки, – пишет Пушкин жене. – Видно, что ты кого-то довела до такого отчаяния своим кокетством и жестокостью, что он завел себе в утешение гарем из театральных воспитанниц». Надо было обладать большой смелостью, чтоб посылать такое письмо почтой, заранее зная, что его перлюстрируют и доведут до сведения «кого-то».

И Натали Пушкина, и другие красавицы-фрейлины и молодые дамы двора, по слова П. Е. Щеголева, «не только ласкали высочайшие взоры, но и будили высочайшие вожделения. Для придворных красавиц было величайшим счастьем понравиться монарху и ответить на его любовный пыл. Фаворитизм крепко привился в закрытом заведении, которым был русский двор».

В своей статье о «Разврате Николая Павловича и его приближенных любимцев» известный критик Н. А. Добролюбов писал: «Можно сказать, что нет и не было при дворе ни одной фрейлины, которая была бы взята ко двору без покушений на ее любовь со стороны или самого государя или кого-нибудь из его августейшего семейства. Едва ли хоть одна из них, которая бы сохранила свою чистоту до замужества. Обыкновенно порядок был такой: брали девушку знатной фамилии во фрейлины, употребляли ее для услуг благочестивейшего, самодержавнейшего государя нашего, и затем императрица Александра начинала сватать обесчещенную девушку за кого-нибудь из придворных женихов».

Другая современница сообщала о дворцовых нравах следующее: «Царь – самодержец в своих любовных историях, как и в остальных поступках; если он отличает женщину на прогулке в театре, в свете, он говорит одно слово дежурному адъютанту. Особа, привлекшая внимание божества, попадает под наблюдение, под надзор. Предупреждают супруга, если она замужем; родителей, если она девушка, – о чести, которая им выпала. Нет примеров, чтобы это отличие было принято иначе, как с изъявлением почтительнейшей признательности. Равным образом нет еще примеров, чтобы обесчещенные мужья или отцы не извлекали прибыли из своего бесчестья».

«Николай Павлович был царь крепких мужских качеств, –

пишет П. Е. Щеголев – кроме жены, у него была еще и официальная, признанная фаворитка фрейлина В. А. Нелидова, жившая во дворце, но и двоеженство не успокаивало царской похоти; дальше шли “васильковые дурачества”, короткие связи с фрейлинами, минуты увлечения молодыми дамами – даже на общедоступных маскарадах». Поэт знал о царе все, и то, что он увлечен немного Натальей Николаевной. Самая большая опасность грозила ему не от Дантеса, а от «милого» самодержца, взявшего на себя покровительство над поэтом. «Император и поручик играли одинаково зловещую роль в трагедии Пушкина», – пишет М. Яшин в своем исследовании «История гибели Пушкина».

У поэта скопилось векселей на 120000 рублей, он был должен даже своему камердинеру. Все ценности были заложены. Сколько раз Пушкин порывался бросить службу и уехать в деревню, но именно царь каждый раз запрещал ему совершить этот благотворный для его состояния шаг. Дела «Современника» шли хуже некуда, четверо детей, неудачи, легкомыслие жены в поведении с Дантесом, выжидательная, но настойчивая позиция царя по отношению к Наталье Николаевне.

Пушкин был готов к смерти. У кого он мог найти утешение в эти трудные минуты психологического стресса? Кто мог помочь ему хоть на короткое время забыть все трудности, обрушившиеся на голову поэта? Только женщина, любящая его, понимающая его творческую натуру, умеющая успокоить взволнованную душу!

5

Ею оказалась младшая сестра его жены, Александра Николаевна Гончарова, или как ее называли, Александрина, Азя. Пушкин еще и раньше выделял ее своей симпатий из общей, довольно чуждой ему гончаровской семьи. Он нежно ухаживает за ней во время болезни еще в 1834 году, когда Александрина только появилась в доме Пушкиных.

Она была симпатичной, бойкой, немного раздражительной, но веселой девушкой; любила поэзию, музыку, искусство, особенно стихи Пушкина. Еще в 1832 году она пишет в письме к брату Дмитрию: «Попроси ее (т. е. Натали. – *А. Л.*) попросить мужа, не будет ли он так добр прислать мне третий том его собрания стихотворений». В то же время Александрина не была чужда и различным удовольствиям, и, как пишет сама, «достаточно я наделала глупостей в юности». Что это за глупости, можно понять из другого письма к Дмитрию, написанному уже из Петербурга в 1834 году: «Ты пишешь, что в Заводе стоит полк; вот не везет нам: всегда он там бывал до нашего приезда в прекрасную столицу; три года мы там провели впустую, и вот теперь они опять вернулись, эти молодые красавцы, жалко».

Александрина отнюдь не была домоседкой и, как ее сестры, любила балы, пикники, светские встречи. Часто выезжали они верхом, пленяя свет своими тонкими талиями и красивыми мордашками, ходили в гости к Вяземским и Карамзиным. Во всех этих светских раутах была одна определенная цель: «одна беда: множество мужчин, но все юноши, – с горечью восклицает Александрина, – нет подходящей партии, и выходит, что из пустого в порожнее переливаем, больше ничего».

Видимо, несколько вольное поведение в юности, жажда мужского общества, и неудачные поиски супруга (очень долго к Александрине сватался Аркадий Осипович Россет, но, не имея средств, постоянно откладывал свое предложение) привели к сближению Александрины с поэтом. Об этом сообщают и А. Арапова, и В. Ф. Вяземская, и, наконец, внук П. В. Нащокина, который рассказывал о том, что даже Наталья Николаевна знала об этой связи, и у нее не раз происходили бурные сцены с мужем. Это была своего рода козырная карта в ее отношениях с Дантесом, против которой поэт был бессилен.

Князь Трубецкой, сообщая о связи поэта со свояченицей, говорит, что об этом ему сказала Идалия Полетика, лучшая подруга Натали. Пушкин даже, по его словам, ревновал больше не жену, а Александрину. В это можно поверить, если учесть, как

долго поэт не предпринимал никаких мер против ухаживаний Дантеса, и только когда они стали явно публичными, порочащими его честь, он начал приходить в ярость.

Старая няня сестер Гончаровых рассказывала, что «как-то раз Александра Николаевна заметила пропажу шейного креста, которым она очень дорожила. Всю прислугу поставили на ноги, чтобы его отыскать. Тщетно перешарив комнаты, уже отложили надежду, когда камердинер, постилая на ночь кровать Александра Сергеевича, – это совпало с родами его жены, – нечаянно вытряхнул искомый предмет». Все это рассказывает А. Арапова. Конечно, можно было засомневаться в ее словах, но сохранилось свидетельство В. Ф. Вяземской. Перед смертью поэт передал ей цепочку с крестиком и просил отдать ее Александрине. Вручая последней этот подарок поэта, Вера Федоровна заметила, как Александрина густо покраснела.

Александра Николаевна играла роль несколько странную и малоприятную. Ей приходилось выслушивать от сестры все ее злоключения с Дантесом, успокаивать поэта, брать на себя заботу о детях и доме. Непросты были отношения между сестрами. «Мать, – пишет А. Арапова, – до самой смерти питала к сестре самую нежную и, можно сказать, самую самоотверженную привязанность. Она инстинктивно подчинялась ее властному влиянию и часто стушевывалась перед ей, окружая ее неустанной заботой и всячески ублажая ее. Никогда не только слов упрека, но даже и критики не сорвалось у нее с языка, одному богу известно, сколько она выстрадала за нее, с каким христианским смирением она могла ее простить!

Названная в честь этой тети, сохраняя в памяти образец этой редкой любви, я не дерзнула бы коснуться болезненно-жгучего спроса, если бы за последние годы толки о нем уже не проникли в печать.

Александра Николаевна принадлежала к многочисленной плеяде восторженных поклонниц поэта; совместная жизнь, увядавшая молодость, не пригретая любовью, незаметно для нее самой могли переродить родственное сближение в более пылкое чувство. Вызвало ли оно в Пушкине кратковременную вспышку? Где оказался предел обоюдного увлечения? Эта неразгаданная тайна давно лежит под могильными плитами».

Но вернемся снова к любовной истории молодого Геккерна. Любовь Дантеса и взаимное чувство Натальи Николаевны встревожили царя. Вызвав Дантеса, он, видимо, заставил его поскорее сделать выбор – жениться. Понял или не понял молодой Геккерн намерения царя, но через некоторое время он делает предложение княжне Барятинской. Дантеса перестают

приглашать на придворные балы и концерты, он получает строжайшие выговоры по службе. Карьера Дантеса находится под угрозой.

Тогда барон Геккерн-старший, влюбленный в своего приемного сына, с одной стороны, умоляет Наталью Николаевну «оставить своего мужа и выйти за его приемного сына» (по словам Александрины), а с другой стороны, когда та отвечает отказом, уговаривает Дантеса написать письмо жене поэта, в котором он «отказывается от каких бы то ни было видов на нее». Однако все это не помогает.

Дантес, влюбленный не на шутку, не внимает усилиям своего приемного отца прекратить эту связь. Тогда барон Геккерн решается на крайнюю меру. Будучи довольно мерзким, но очень умным человеком, он подбивает молодого и распутного князя Долгорукова (а может, кого другого из компании молодых педерастов) написать анонимный пасквиль на Пушкина.

«Утром 4-го ноября 1836 года я получил три экземпляра анонимного письма, – напишет позже поэт графу Бенкендорфу, – оскорбительного для моей чести и чести моей жены».

Вот содержание этого «диплома».

> «Великие кавалеры, командоры и рыцари светлейшего Ордена Рогоносцев в полном собрании своем, под председательством великого магистра Ордена, его превосходительства Д. Л. Нарышкина, единогласно выбрали Александра Пушкина коадьютором (заместителем) великого магистра Ордена Рогоносцев и историографом ордена.
>
> *Непременный секретарь: граф И. Борх».*

Это была не просто насмешка над поэтом. Пушкин сам часто называл «рогоносцами» многих обманутых (в том числе и им) мужей. Дело в том, что жена Д. Л. Нарышкина была любовницей Александра I, и говоря о том, что Пушкин избирается заместителем, автор «диплома» явно указывал, что жена поэта находится в связи с царем. На это намекало, и неприкрыто, и то, что поэт назначается «историографом» Ордена рогоносцев. А ведь Пушкин был официальным историографом на службе Николая I, получив доступ в архивы. При этом диплом был разослан почему-то не врагам поэта, отмечает П. Щеголев, что было бы естественно, а его друзьям. Причем не вообще друзьям и знакомым поэта.

Те, кто рассылал этот диплом, метили в определенный узкий круг людей. Этот круг совершенно твердо, без каких бы то ни

было колебаний, определил Соллогуб в своих записках, но его свидетельство осталось незамеченным. Соллогуб писал: «… письма были получены всеми членами тесного карамзинского кружка». Именно в этих семьях постоянно бывали Пушкины. Там же гостили и Геккерны, после того, как поэт запретил им бывать в его доме.

Видимо, Геккерн рассчитывал, что все близкие друзья Пушкина уговорят его бросить Петербург и уехать с женой подальше от «царской милости». Таким образом, Дантес будет избавлен и от любви, и от гнева Николая I. Многие пушкиноведы, ссылаясь на то, что в свете восприняли пасквиль как намек на связь Дантеса и Натали, пытаются доказать абсолютно алогичную ситуацию. Мол, Геккерны состряпали это письмо, чтобы отомстить Пушкину и его жене за то, что последняя отвергла сексуальные притязания Дантеса. Зачем, спрашивается, такому умному дипломату, как Геккерн-старший, вызывать на себя и своего сына огонь? П. Е. Щеголев в данном случае прав, что «анонимный пасквилянт наносил язвительную рану чести Пушкина намеком на Николая.

Если мы допустим такое предположение, то для нас станет понятным и участие посла Геккерна в фабрикации пасквиля. Обвинение Геккерна в составлении диплома, резкое и решительное, идет от Пушкина, но это обвинение страдает психологической неувязкой, пока мы думаем, что пасквиль метил в Наталью Николаевну и Дантеса. Трудно принять, что Геккерн хотел навести ревнивое внимание Пушкина на любовную игру своего приемного сына: не мог же он думать, что Пушкин пройдет молчанием такой намек. А вот направить через анонимный пасквиль намек на царя – это выдумка, достойная дипломата, и автор ее, по собственному соображению, должен был остаться в состоянии полной неуязвимости».

В отличие от современных пушкиноведов, прав все-таки оказался П. В. Анненков, который писал: «Геккерн был педераст, ревновал Дантеса и поэтому хотел поссорить его с семейством Пушкина. Отсюда письма анонимные и его сводничество».

Но расчеты не оправдались. К удивлению Геккерна, да и всех окружающих, Пушкин послал вызов Дантесу, хотя явных причин для оскорбления его чести со стороны последнего не было. Но скрытая причина была. Поэт узнал о тайных действиях Геккернов. «Эти письма привели к объяснениям супругов Пушкиных между собой, – писал князь Вяземский в письме к великому князю Михаилу Павловичу, – и заставили невинную, в сущности, жену признаться в легкомыслии и ветрености, которые побуждали ее относиться снисходительно к навязчивым ухаживаниям молодого

Геккерна; она раскрыла мужу все поведение молодого и старого Геккернов по отношению к ней. Последний старался склонить ее изменить своему долгу и толкнуть ее в пропасть. Пушкин был тронут ее доверием и раскаянием, но встревожен опасностью, которая ей угрожала, но, обладая горячим и страстным характером, не мог отнестись хладнокровно к положению, в которое он с женой был поставлен: мучимый ревностью, оскорбленный в самых нежных, сокровенных своих чувствах, в любви к своей жене, видя, что честь его задета чьей-то неизвестной рукой, он послал вызов молодому Геккерну, как единственному виновнику, в его глазах, в двойной обиде, нанесенной ему. Необходимо при этом заметить, что, как только были получены эти анонимные письма, он заподозрил в их сочинении старого Геккерна и умер с этой уверенностью».

В конце концов, анонимные письма, которым нередко приписывают гибель Пушкина, явились лишь первым поводом к возникновению конфликтной ситуации его характера и направили его к решительным действиям. «Не будь их, – отмечал П. Е. Щеголев, – все равно раньше или позже настал бы момент, когда Пушкин вышел бы из роли созерцателя любовной интриги его жены и Дантеса. В сущности, зная страстный и нетерпеливый характер Пушкина, надо удивляться лишь тому, что он так долго выдерживал роль созерцателя. Отсутствие реакции можно приписать тому состоянию оцепенения, в которое его в 1836 г. повергали все его дела: и материальные, и литературные, и иные… Анонимные письма были толчком, вытолкнувшим Пушкина из колеи созерцания. Чести его была нанесена обида, и обидчики должны были понести наказание. Обидчиками были те, кто подал повод к самой мысли об обиде, и те, кто причинил ее, кто составил и распространил пасквиль».

То, о чем не догадывались его друзья и лишь после смерти поэта немного поняли всю тяжесть сложившейся ситуации, Пушкин осознал сразу. И намек на царя в анонимных письмах, и интригу Геккернов с женой, в которой поэт видел уже не прошлый идеал «Мадонны», а просто мать его детей, хранительницу его семейной чести. Пушкин уже не ревновал Натали к Дантесу, он жаждал отомстить Геккернам за их подлые действия, за оскорбленное самолюбие, за наглость в достижении своих целей. В данной ситуации решительность поэта сыграла с ни злую шутку. Она вызвала в его напряженном сознании жажду мести, которая вонзилась в него пылающей стрелой, направляя все его мысли и темперамент к одной идее, идее великого отмщения.

«Я не мог допустить, – писал Пушкин в письме к

Бенкендорфу, – чтобы в этой истории имя моей жены было связано клеветою с именем кого бы то ни было. Я просил сказать об этом г. Дантесу».

Наиболее убедительно и объективно описывает эту ситуацию Н. М. Смирнов, муж известной нам Смирновой-Россет: «Ревность Пушкина усилилась, и уверенность, что публика знает про стыд его, усиливала его негодование; но он не знал, на кого излить оное, кто бесчестил его сими письмами. Подозрение его и многих приятелей его падало на барона Геккерена… Любовь Дантеса к Пушкиной ему не нравилась. Геккерен имел честолюбивые виды и хотел женить своего приемыша на богатой невесте. Он был человек злой, эгоист, которому все средства казались позволительными для достижения своей цели, известный всему Петербургу злым языком, перессоривший уже многих, презираемый теми, которые его проникли. Весьма правдоподобно, что он был виновником сих писем с целью поссорить Дантеса с Пушкиным и, отвлекши его от продолжения знакомства с Натальей Николаевной, исцелить его от любви и женить на другой. Сколь ни гнусен был сей расчет, Геккерен был способен составить его».

Дантес готов был принять вызов, но чем бы ни кончился для Дантеса поединок с первым русским поэтом, для него, иностранца, он означал крушение лучших его надежд. Дантес не был трусом и не боялся выйти к барьеру. Он был уверен в себе и рассчитывал на удачу. В. А. Соллогуб вспоминает о своем разговоре с Дантесом в эти дни: «Он говорил, что чувствует, что убьет Пушкина, а что с ним могут делать что хотят: на Кавказ, в крепость – куда угодно».

Однако, как пишет князь Вяземский: «Вызов Пушкина не попал по своему назначению. В дело вмешался старый Геккерен. Он его принял, но отложил окончательное решение на 24 часа, чтобы дать Пушкину возможность обсудить все более спокойно. Найдя Пушкина по истечении этого времени непоколебимым, он рассказал ему о своем критическом положении и затруднениях, в которые его поставило это дело, каков бы ни был исход; он ему говорил о своих отеческих чувствах к молодому человеку, которому он посвятил всю свою жизнь, с целью обеспечить ему благосостояние. Он прибавил, что видит все здание своих надежд разрушенным до основания в ту самую минуту, когда считал свой труд доведенным до конца. Чтобы приготовиться ко всему, могущему случиться, он попросил новой отсрочки на неделю. Принимая вызов от лица молодого человека, т. е. своего сына, как он его называл, он, тем не менее, уверял, что тот совершенно не подозревает о вызове, о котором ему скажут только в последнюю

минуту. Пушкин, тронутый волнением и слезами отца, сказал: “Если так, то не только неделю, – я вам даю две недели сроку и обязуюсь честным словом не делать никакого движения этому делу до назначенного дня и при встречах с вашим сыном вести себя так, как если бы между нами ничего не произошло”. Итак, все должно было остаться без перемены до решающего дня. Начиная с этого момента, Геккерен пустил в ход все военные приемы и дипломатические хитрости. Он бросился к Жуковскому и Михаилу Виельгорскому, чтобы уговорить их стать посредниками между ним и Пушкиным. Их миролюбивое посредничество не имело никакого успеха».

Тогда Геккерн-старший подключил тетку Гончаровых Загряжскую и других друзей поэта. Дуэль могла нанести вред всем. Загряжская переживала за свою любимицу Натали, которую постоянно поддерживала материально; Жуковский боялся за поэта, не зная, что произойдет во время дуэли и что скажет царь; Геккерн чувствовал, что его карьера и в особенности карьера его сына может оказаться под угрозой.

В конце концов, по словам Павла Вяземского, Дантес не был донжуаном, он приехал в Россию делать карьеру, а история с дуэлью могла вызвать гнев царя. Необходим был повод, чтобы остановить поединок. И уже 7 ноября, через 48 часов после вызова, Геккернами была пущена в оборот мысль об ошибочных подозрениях Пушкина и о предполагавшейся свадьбе Дантеса и Екатерины Гончаровой.

«Он (Геккерн-старший – *А. Л.*) уверял Жуковского, – вспоминал князь А. А. Вяземский, – что Пушкин ошибается, что сын его влюблен не в жену его, а в свояченицу, что уже давно он умоляет ее отца согласиться на их брак, но что тот, находя брак этот неподходящим, не соглашался, но теперь видя, что дальнейшее упорство с его стороны привело к заблуждению, грозящему печальными последствиями, он, наконец, дал свое согласие. Отец требовал, чтобы об этом во всяком случае ни слова не говорили Пушкину, чтобы он не подумал, что эта свадьба была только предлогом для избежания дуэли. Зная характер Геккерна-отца, скорее всего можно предположить, что он говорил все это в надежде на чью-либо нескромность, чтобы обмануть доверчивого и чистосердечного Пушкина. Как бы то ни было, тайна была соблюдена, срок близился к окончанию, а Пушкин не делал никаких уступок, и брак был решен между отцом и теткой, г-жей Загряжской. Было бы слишком долго излагать все лукавые происки молодого Геккерна во время этих переговоров. Приведу только один пример. Геккерны, старый и молодой, возымели дерзкое и подлое намерение попросить г-жу Пушкину написать

молодому человеку письмо, в котором она умоляла бы его не драться с ее мужем. Разумеется, она отвергла с негодованием это низкое предложение».

Узнав об этом, Пушкин не поверил ни единому слову Геккернов и продолжал настаивать на дуэли.

В. Соллогуб, секундант поэта в этой дуэльной истории, верно отметил душевное состояние Пушкина и невротические вспышки поэта на протяжении этих двух недель. «Все хотели остановить Пушкина. Один Пушкин того не хотел. Мера терпения преисполнилась. При получении глупого диплома от безыменного негодяя Пушкин обратился к Дантесу, потому что последний, танцуя часто с Натальей Николаевной, был поводом к мерзкой шутке. Самый день вызова неопровержимо доказывает, что другой причины не было. Кто знал Пушкина, тот понимает, что не только в случае кровной обиды, но даже при первом подозрении он не стал бы дожидаться подметных писем. Одному Богу известно, что он в это время выстрадал, воображая себя осмеянным и поруганным в большом свете, преследовавшем его мелкими, беспрерывными оскорблениями. Он в лице Дантеса искал или смерти, или расправы с целым светским обществом».

Пушкин уступил настойчивым просьбам друзей, но план мести, рожденный в его распаленном сознании, продолжал питать его взбудораженные чувства. По словам Павла Вяземского, Пушкин говорил, «что с получения безымянного письма он не имел ни минуты спокойствия… Для Пушкина минутное ощущение, пока оно не удовлетворено, становилось жизненной потребностью…» С этого момента главной целью поэта стала месть. Обида, ревность и оскорбленное самолюбие направили все чувства его в одно русло – заставить Геккернов горько пожалеть о встрече с ним. А пока Пушкин дал согласие на свадьбу своей свояченицы. Когда об этом было объявлено, все пытались понять, чем вызвано это решение, но не могли найти ему объяснения. По словам Н. М. Смирнова, «…Помолвка Дантеса удивила всех и всех обманула. Друзья Пушкина, видя, что ревность его продолжается, напали на него, упрекая в безрассудстве; он же оставался неуспокоенным и не верил, что свадьба состоится».

«Никогда еще с тех пор как стоит свет не поднималось такого шума, от которого содрогается воздух всех петербургских гостиных. Геккерн Дантес женится… на старшей Гончаровой, некрасивой, черной и бедной сестре белолицей поэтической красавицы, жены Пушкина», – так писала мужу графиня Софья Александровна Бобринская, близкая подруга императрицы Александры Федоровны.

«Я не могу прийти в себя от свадьбы, о которой мне сообщает

Софи! – писал своим родным Андрей Карамзин. – И когда я думаю об этом, я, как Катрин Гончарова, спрашиваю себя, не во сне ли Дантес совершил этот поступок». Причину всеобщего недоумения правильно отметила сестра поэта Ольга Сергеевна Павлищева в письме к отцу. По ее словам, эта новость удивила всех «не потому, что один из самых красивых кавалергардов и один из самых модных мужчин… женится на м-ль Гончаровой, – она для этого достаточно красива и достаточно хорошо воспитана, – но потому, что его страсть к Натали не была ни для кого тайной».

Сама же Екатерина Николаевна была безумно влюблена в Дантеса, причем настолько, что, до словам Вяземской, «нарочно устраивала свидания Натальи Николаевны с Геккерном, чтобы только повидать предмет своей тайной страсти».

Пушкинисты уже много лет спорят над вопросом; почему Дантес женился на нелюбимой девушке, старше его на четыре года, без приданого? Сам молодой Геккерн не был трусом и вряд ли пошел на этот шаг по своей воле. Может быть, его приемному отцу стало страшно за своего сына и любовника, так как он знал об умении Пушкина обращаться как с пистолетами, так и с холодным оружием.

Как и сейчас, различные догадки строились в умах близких друзей. Н. М. Смирнов в своих «Памятных записках» в 1842 г. писал: «Что понудило Дантеса вступить в брак с девушкою, которой он не мог любить, трудно определить; хотел ли он, жертвуя собою, успокоить сомнения Пушкина и спасти женщину, которую любил, от нареканий света; или надеялся он, обманув этим ревность мужа, иметь, как брат, свободный доступ к Наталье Николаевне; испугался ли он дуэли – это неизвестно».

Однако истинная причина заключалась в том, что влюбленная в красавца-кавалергарда Коко (Екатерина Гончарова) была на 4-м месяце беременности. Красавец-кавалергард, ухаживая за женой поэта, не прошел мимо ее сестры. Целый ряд указаний на это мы найдем в письмах Геккерна к его новой невестке, а также в письмах самой Екатерины Николаевны, которые «определенно указывают не на начальный, – по словам Л. Гроссмана, – а на сильно продвинутый и даже, возможно, на конечный период беременности» в марте 1837 года, уже после смерти Пушкина.

Поэт был возмущен до глубины души поведением Дантеса, но все же взял вызов обратно. Когда брак был уже решен, Загряжская написала Жуковскому: «Слава богу, кажется, все кончено… Итак, все концы в воду». Видимо, она была довольна, что все так хорошо закончилось, и ее тридцатилетняя племянница удачно

пристроена за молодого и богатого француза. Теперь, зная многие факты и тайные пружины первой дуэли и ее результатов, мы можем объяснить причину женитьбы Дантеса.

6

Да, выполняя пожелание царя, он выбрал единственно правильное решение – жениться на Екатерине Гончаровой, чтобы иметь доступ к Натали, как близкий родственник, и продолжать за ней свои ухаживания. Он знал, видимо, о связи Пушкина с Александриной и удивлялся, почему Натали в такой ситуации остается верна ревнивому и нелюбимому мужу. Становятся понятны и уверения Геккерна-старшего, что вопрос о свадьбе Дантеса на Екатерине Гончаровой был решен до вызова Пушкина, чему поэт так и не поверил, как не поверили многие друзья поэта.

«Вы не хотите понять, что я женюсь на Екатерине, – сказал Дантес В. Соллогубу. – Пушкин берет назад свой вызов, но я не хочу, чтобы получилось впечатление, будто я женюсь для избежания дуэли. Притом я не хочу, чтобы во всем этом произносилось имя женщины. Вот уже год, как старик (Геккерн) не хочет позволить мне жениться».

Дантес не был исключительно благородным человеком, но и полностью бесчестным его назвать нельзя. Вляпавшись в историю с Екатериной, он ради своей карьеры и карьеры своего приемного отца решился на брак с не очень любимой девушкой. Однако Пушкин был неуступчив. Создавалось впечатление, что он жаждет этой дуэли. Причем сам Дантес не вызывал у него резкой антипатии. Поэт находился в каком-то трансе, его решительность, свойственная фаллически-нарциссическому характеру, переросла в упрямство, непонятное людям с нормальной психикой.

В этом вызове изначально не было никакой логики. Анонимные письма никогда не были поводом для дуэли. Светские ухаживания Дантеса, даже более настойчивые, чем позволялось в свете, тоже не повод для кровавого поединка. Граф В. Соллогуб, так много хлопотавший в этой дуэльной истории, в одной из записок отметил: «Я говорил, что на Пушкина надо глядеть как на больного, а потому можно несколько мелочей оставить в стороне».

Во время сложных преддуэльных переговоров, вспоминает В. Соллогуб, Пушкин был в ужасном порыве страсти: «“Дантес подлец. Я ему вчера сказал, что плюю на него, – говорил он. – Вот что. Поезжайте к д’Аршиаку (секундант Дантеса. – *А. Л.*) и устройте с ним материальную сторону дуэли. Как секунданту, должен я вам сказать причину дуэли. В обществе говорят, что Дантес ухаживает за моей женой. Иные говорят, что он ей нравится, другие, что нет. Все равно, я не хочу, чтобы их имена были вместе. Получив письмо анонимное, я его вызвал. Геккерн

просил отсрочки на две недели. Срок кончен, д'Аршиак был у меня. Ступайте к нему". – "Дантес, – сказал я, – не хочет, чтоб имена женщин в этом деле называли". – "Как! – закричал Пушкин. – А для чего же это все?" – И пошел, и пошел. – "Не хотите быть моим секундантом? Я возьму другого"».

Психоанализ утверждает, что несоответствие характера и внутреннего, истинного «Я» человека, является основой для проявления невротических реакций. «Каждый невроз, – писал Вильгельм Райх, – возникает из-за противоречия между подавленными инстинктивными потребностями, которые включают в себя детские потребности, и подавляющими силами Эго (субъективное Я)».

Человек, отождествляющий себя со своим характером, по мнению А. Лоуэна, не задается никаким вопросом, пока этот характер помогает ему действовать, не создавая излишних проблем в жизни. Если же проблемы возникнут и какая-либо из жизненных функций нарушится, то человек в первую очередь будет считать виновными окружающих его людей.

В этой дуэльной истории мы видим, что невротическое поведение Пушкина было замечено его друзьями. Поэт бросался на всех, обвинял окружающих в непонимании его проблем. Виноваты все: общество – в том, что перестало восхищаться им как поэтом, царь – в том, что волочится за его женой и не отпускает со службы, друзья – в том, что не сочувствуют его гневу, Дантес – в ухаживаниях за Натали, жена – в благосклонном отношении к этим ухаживаниям. Структура характера – это результат компромисса, выражение динамического равновесия противоборствующих сил – инстинктов и субъективного «Я» – и, как таковая, до поры до времени сохраняет относительную стабильность.

Однако в событиях 1836 года, особенно после получения диплома, истерический характер поэта вступил в противоречие с тем, чего хотел добиться Пушкин. Поэт хотел славы, спокойной семейной жизни, благосклонности царя, твердого материального положения, нового порыва творчества. Но получилось все наоборот. Сильный невроз, развивающийся на почве ревности, ущемленной гордости, полного финансового краха, творческой и сексуальной импотенции, направлял поэта к совершению необычных, необъяснимых логикой нормального человека поступков.

Скорее всего, поэт находится в состоянии невроза навязчивых состояний, произошедшим при изменении жизненных обстоятельств. В этом случае структура характера поэта начала не соответствовать задачам, которые поставил перед собой Пушкин.

Подавленные инстинктивные силы поэта вырвались наружу в виде безудержного гнева и неоправданных поступков, и это явилось угрозой для спокойного и разумного действия его субъективного «Я».

Видимо, повторные неудачи поэта в дуэльном деле заставили его усомниться в правильности своего поведения, или он только сделал вид, что смирился. Наконец после долгих уговоров Пушкин согласился на официальную встречу с Геккерном, которая произошла на квартире Загряжской.

Здесь было официально объявлено о согласии двух семей на брак Дантеса с Екатериной, и Пушкин взял вызов назад. Поэт считал, что он тем самым поставил Дантеса на колени. Но план его мести на этом не кончался. Пушкин собирался нанести второй удар уже по нидерландскому посланнику. Не сдержанный в словах, поэт резко высказался в салоне В. Ф. Вяземской: «Я знаю автора анонимных писем, и через неделю вы услышите, как будут говорить о мести, единственной в своем роде; она будет полная, совершенная; она бросит человека в грязь; громкие подвиги Раевского – детская игра перед тем, что я намерен сделать». На состояние поэта повлияли события, произошедшие в его семье после объявления помолвки между Дантесом и Катрин Гончаровой.

Екатерина была на седьмом небе от счастья, однако, сама Наталья Николаевна восприняла эти события совсем не радостно. «… не желая верить, что Дантес предпочел ей сестру, – писала графиня Фикельмон, – она по наивности, или скорее, по своей удивительной простоте, спорила с мужем о возможности такой перемены в сердце, любовью которого она дорожила, быть может, из одного тщеславия».

Чувства Натали к Дантесу вряд ли угасли, как того желал поэт, «в отвращении самом спокойном». Через несколько дней С. Н. Карамзина напишет: «Натали нервна, замкнута, и, когда говорит о замужестве сестры, голос у нее прерывается». А. Арапова в своих воспоминаниях несколько драматично, но, видимо, вполне правдиво, передала отношения сестер друг к другу после объявления злосчастной помолвки. «Наталью Николаевну это неожиданное сватовство поразило еще сильнее мужа. Она слишком хорошо видела в этом поступке необузданность страсти, чтобы не ужаснуться горькой участи, ожидавшей ее сестру.

Екатерина Николаевна сознавала, что ей суждено любить безнадежно, и потому, как в волшебном чаду, выслушала официальное предложение, переданное ей тетушкою, боясь поверить выпавшему ей на долю счастью. Тщетно пыталась сестра

открыть ей глаза, поверяя все хитросплетенные интриги, которыми до последней минуты пытались ее опутать, и рисуя ей картину семейной жизни, где с первого шага Екатерина Николаевна должна будет бороться с целым сонмом ревнивых подозрений невыразимой мукой сознания, что обидное равнодушие служит ответом ее страстной любви. На все доводы она твердила одно:

– Сила моего чувства к нему так велика, что, рано или поздно, оно покорит его сердце, а перед этим блаженством страдание не страшит!

Наконец, чтобы покончить с напрасными увещаниями, одинаково тяжелыми для обеих, Екатерина Николаевна в свою очередь не задумалась упрекнуть сестру в скрытой ревности, наталкивающей ее на борьбу за любимого человека.

– Вся суть в том, что ты не хочешь, ты боишься его мне уступить, – запальчиво бросила она ей в лицо.

Краска негодования разлилась по лицу Натальи Николаевны:

– Ты сама не веришь своим словам, Catherine! Ухаживание Геккерна сначала забавляло меня, оно льстило моему самолюбию: первым побуждением служила мысль, что муж заметит новый, шумный успех, и это пробудит его остывшую любовь. Я ошиблась! Играя с огнем, можно обжечься. Геккерн мне понравился. Если бы я была свободна, – не знаю, во что бы могло превратиться мимолетное увлечение. Постыдного в нем ничего нет! Перед мужем я даже и помыслом не грешна, и в твоей будущей жизни помехой, конечно, не стану. Это ты хорошо знаешь. Видно, от своей судьбы никому не уйти!

И на этом покончилось все объяснение сестер».

Еще более мучительным чувством для поэта, чем поведение Геккернов, было видеть, как сильно волнуют его жену отношения с Дантесом.

Поначалу Пушкин «казался очень довольным и удовлетворенным». Все складывалось, как он хотел. Дантес был посрамлен, его карьера покачнулась. Но как писал брату А. Карамзин, сын историка: «Пушкин торжествовал одно мгновение, ему показалось, что он залил грязью своего врага и заставил его играть роль труса». На самом деле все обернулось против самого поэта, потому что в свете заговорили о благородстве Дантеса, который, пожертвовал собой ради чести госпожи Пушкиной.

Старший Геккерн потребовал, чтобы Дантес написал Наталье Николаевне письмо, «в котором заявлял, что отказывается от каких бы то ни было видов на нее». Тем самым Геккерн хотел доказать, «что он прилагал все усилия, чтобы «прервать эту несчастную связь». Письмо Дантеса говорило о разрыве

отношений, и сама Наталья Николаевна, по словам барона, показала это письмо мужу и «воспользовалась им, чтобы доказать, что она никогда не забывала своих обязанностей».

Глупенькая Натали, так и не усвоившая за все эти годы, что Пушкин был страшным собственником в семейной жизни, и любые, даже легкие посягательства на жену свою, он считал непозволительными и принимал за оскорбление своей чести. И он снова взорвался.

21 ноября поэт написал первое (не отосланное) письмо к барону Геккерну. Резкое, полное вызывающих намеков и обвинений, оно просто обязано было повлечь за собою новую дуэль. Пушкин, придя к графу Соллогубу, сказал: «Послушайте… вы были более секундантом Дантеса, чем моим; однако я не хочу ничего делать без вашего ведома. Пойдемте в мой кабинет». «Он запер дверь и сказал: “Я прочитаю вам мое письмо к старику Геккерену. С сыном уже покончено… Вы мне теперь старичка подавайте”. Тут он прочитал мне известное нам письмо к голландскому посланнику. Губы его задрожали, глаза налились кровью. Он был до того страшен, что только тогда я понял, что он действительно африканского происхождения».

Содержание письма было действительно резким. Вся желчь поэта, его гнев, его ненависть вылились в этом неотправленном письме. Не стесняясь в выражениях, Пушкин говорит нидерландскому посланнику о его недостойном и бесчестном поведении:

«Но вы, барон, Вы мне позволите заметить, что ваша роль во всей этой истории была не очень прилична. Вы, представитель коронованной особы, вы отечески сводничали вашему незаконнорожденному или так называемому сыну; всем поведением этого юнца руководили вы. Это вы диктовали ему пошлости, которые он отпускал, и глупости, которые он осмеливался писать. Подобно бесстыжей старухе, вы подстерегали мою жену по всем углам, чтобы говорить ей о вашем сыне, а когда, заболев сифилисом, он должен был сидеть дома, истощенный лекарствами, вы говорили, бесчестный вы человек, что он умирает от любви к ней: вы бормотали ей: “Верните мне моего сына”»…

С откровенным презрением говорит поэт о поведении Дантеса во время дуэльной истории и дает понять, что он уронил себя тем самым окончательно в глазах Натальи Николаевны: «Я заставил вашего сына играть роль столь потешную и жалкую, что моя жена, удивленная такой пошлостью, не могла удержаться от смеха, и то чувство, которое, быть может, и вызывала в ней эта великая и возвышенная страсть, угасло в отвращении самом

спокойном и вполне заслуженном».

Затем Пушкин прямо обвиняет Геккерна в составлении анонимных писем. Письмо закапчивается страшной для Геккернов угрозой: «Поединка мне уже недостаточно…нет, и каков бы ни был его исход, <я не почту себя> достаточно отомщенным ни <смертью…> вашего сына, ни <его женитьбой, которая> совсем имела бы вид забавной <шутки> ни <наконец> письмом, которое я имею честь вам писать и список с которого сохраняю для моего <лич>ного употребления». Все в этом письме было чрезвычайно оскорбительным, и отсылка этого письма неизбежно привела бы к новой дуэли.

Нервный взрыв Пушкина был вполне понятен. Через два-три дня стало известно, что в светских толках и пересудах по поводу неожиданной помолвки это событие связывают с каким-то скандалом в семье Пушкина. Возник слух о том, что молодой человек ради спасения чести любимой женщины вынужден был просить руки ее сестры. Поступок молодого Геккерна оценивали как «подвиг высокого самоотвержения». Эта версия имела особенный успех у дам и барышень, которые склонны были видеть в молодом Геккерне романтического героя.

«Он пожертвовал собою, чтобы спасти ее честь», – записала в своем дневнике двадцатилетняя Мари Мердер и, восхищенная, добавила: «Если Дантесу не оставалось иного средства спасти репутацию той, которую он любил, то как же не сказать, что он поступил великодушно?!». Сохранилось письмо Геккерна графу Нессельроде, написанное уже после январской дуэли, в котором барон говорит как о всем известном факте о том, что его сын своей женитьбой «закабалил себя на всю жизнь, чтобы спасти репутацию любимой женщины».

Скорее всего, Геккерн-отец передавал эту историю во всех светских салонах. То же самое говорил Дантес в кавалергардских казармах. По словам уже известной Мари Мердер, Дантес говорил всем, что он «женился, чтобы спасти честь сестры жены от оскорбительной клеветы».

Эту версию повторяли во всех салонах – князей Барятинских, Белосельских, Трубецких, и даже в домах друзей поэта, Вяземских и Карамзиных. Дантесу удалось убедить в благородстве своих намерений даже такого искреннего почитателя Пушкина, каким был Александр Карамзин. Позднее сын историографа признавался брату: «Я… краснею теперь оттого, что был с ним в дружбе… Он меня обманул красивыми словами и заставил меня видеть самоотвержение, высокие чувства там, где была лишь гнусная интрига».

Новый взрыв гнева поэта почувствовали его близкие друзья.

Снова вмешивается Жуковский и просит государя повлиять на поэта. На аудиенции, которая состоялась 23 ноября, царь берет с Пушкина обещание: не драться ни под каким предлогом, но если история с Дантесом возобновится, обратиться к нему. Даже Николай I не ожидал от поэта такой жгучей ревности, неугомонности во мщении и непримиримости к врагам. Так как аудиенция закончилась благополучно, надо думать, что Николай I проявил определенную гибкость в этом разговоре. В тот момент, когда Пушкин был готов на все, повеление императора не могло бы его остановить. Должно было быть сказано что-то такое, что как-то разрядило бы напряженность. По-видимому, царь заверил Пушкина, что репутация Натальи Николаевны безупречна в его глазах и в мнении общества и, следовательно, никакого серьезного повода для вызова не существует. Это, кстати, император мог сказать с полной убежденностью, так как и после дуэли писал брату, что жена поэта была во всем совершенно невинна. Если нечто подобное было сказано 23 ноября, то это было для Пушкина очень важно.

Дантес к этому времени заболел и не мог появляться в салонах. Все как будто успокоилось. Успокоился и Пушкин. В декабре 1836 года он пишет отцу: «Моя свояченица Катерина выходит замуж за барона Геккерена, племянника и приемного сына посланника голландского короля. Это очень красивый и славный малый, весьма в моде, богатый, и на четыре года моложе своей невесты. Приготовление приданого очень занимает и забавляет мою жену и ее сестер, меня же приводит в ярость, потому что мой дом имеет вид магазина мод и белья». Тон письма довольно спокойный. Трудно сопоставить его с теми резкими высказываниями, которые позволил себе Пушкин в письме к Геккерну-отцу. Видно, на самом деле поэт не испытывал особенной ненависти к Дантесу, понимая, что красавец-кавалергард не виноват в том, что нравится женщинам и что в него влюбляются многие, в том числе его жена и ее сестра.

Такие минуты успокоения и понимания реальности были редки. Посещение светских салонов с их постоянным шумом, сплетнями, флиртом, танцами, карточными играми влекло поэта. А там вновь он слышал пересуды о своей семейной жизни, о великой страсти Дантеса, о его романтическом поведении. «Недогадливые друзья» не только поддерживали Наталию Николаевну, но и осуждали Пушкина. А. И. Тургенев 19 декабря написал в дневнике: «Вечер у кн. Мещерский (Карамзиной). О Пушкине: все нападают на него за жену, я заступался».

Вяземские и Карамзины никак не могли понять, что Пушкина следовало оберегать от встреч с Дантесом. А твердое решение

поэта не иметь никакого дела с домом Геккернов они считали нелепостью. Но самое худшее заключалось в том, что они вольно или невольно как бы поощряли Натали бороться с мужем за свободу поведения и таким образом разрушали пошатнувшееся согласие супругов. Например, Софи Карамзина поучала Наталию Николаевну настаивать на отмене строгих требований Пушкина к поведению жены, а впоследствии она же не простит ей «того легкомыслия, той непоследовательности, которые позволили ей поставить на карту прекрасную жизнь Пушкина».

К сожалению, нельзя выйти сухим из воды. Поэт на своей «шкуре» пожинал плоды светских сплетен, в которых он так же в свое время принимал участие. В письмах жене и друзьям он постоянно сообщает любовные новости:

«Красавец Безобразов, – сообщает он жене, – кружит здешние головки, причесанные а ля Нинон здешними парикмахерами. Князь Урусов влюблен в Машу Вяземскую (не говори отцу, станет беспокоиться). Другой Урусов женится на Бороздиной-соловейке».

А вот пример типичной светской сплетни: «Поэт Хомяков женится на Языковой, сестре поэта. Богатый жених, богатая невеста. Какие тебе московские сплетни передать? Что-то их много, да не вспомню. Что Москва говорит о Петербурге, так это умора. Например: есть у вас некто Савельев, кавалергард, прекрасный молодой человек, влюблен в Идалию Полетику и дал пощечину Гринвальду. Савельев на днях будет расстрелян. Вообрази, как жалка Идалия!»

В 1834 году Пушкин сообщал жене: «Скоро по городу разнесутся толки с семейных ссорах Безобразова с молодою женою. Он ревнив до безумия. Дело доходило не раз до драки и до ножа…»

Как не вспомнить, что о поэте так же распускали подобные слухи. Чтобы избавиться от светской молвы, Пушкину надо было увести Натали в деревню (на что и рассчитывал Геккерн-отец, отсылая анонимные письма). Такая мысль зрела у поэта давно, еще в начале 1836 года. А. П. Керн, зайдя как-то к родителям Пушкина, встретила его там с женой, которая рассказывала больной свекрови о своих светских приключениях. «Это последние шутки Наталии Николаевны, – сказал Пушкин. – Отсылаю ее в дервню».

О предполагаемом отъезде мы знаем и из дневника М. Г. Мердер, где она записала подслушанный на балу разговор Наталии Николаевны с Дантесом. И в конце 1836 года Пушкин не оставлял своего намерения. В письме Прасковье Александровне Осиновой в Тригорское от 22 декабря он пишет: «Не привезти ли вам ее?» По-видимому, и жена поэта была не прочь уехать из

столицы. Об этом говорит Данзас: «Зная, как все эти обстоятельства были неприятны для мужа, Наталия Николаевна предлагала ему уехать куда-нибудь из Петербурга». Но увезти жену или уехать с семьей в 1836 году Пушкин не мог, так он был связан делами «Современника» и опутан долгами.

7

Накануне нового года Дантес вновь стал появляться в гостиной Карамзиных, на вечерах у Вяземских и Мещерских, где чуть ли не ежедневно встречался с Натальей Николаевной и Пушкиным. Во второй половине декабря молодой человек был болен, и первый визит после болезни он нанес 27 декабря Мещерским, где вечером нередко собиралась вся семья Карамзиных. Уже был назначен день свадьбы, и Софья Николаевна присматривается к Дантесу с живейшим интересом и сочувствием. Она пишет об этом вечере: «Бедный Дантес появился у Мещерских, сильно похудевший, бледный и интересный, и был со всеми нами так нежен, как это бывает, когда человек очень взволнован или, быть может, очень несчастен».

28 декабря Дантес снова нанес визит Карамзиным, зная, что там будут Пушкины и Гончаровы. Описывая этот вечер, С. Н. Карамзина упоминает о душевном состоянии Пушкина, но говорит об этом с откровенной иронией: «Мрачный, как ночь, нахмуренный, как Юпитер во гневе, Пушкин прерывал свое угрюмое и стеснительное молчание лишь редкими, короткими, ироническими, отрывистыми словами и время от времени демоническим смехом».

Письмо С. Н. Карамзиной дает возможность понять, что Дантес был для поэта, как красная тряпка для быка. Ухмыляющийся красавец был неприятен поэту, но он принужден был общаться с ним как с будущим родственником в самых дружественных ему домах. Но больше всего Пушкина терзало вновь открыто демонстрируемое влечение жены к молодому Геккерну. От поэта, видимо, не укрылось и то, на что обратила внимание Софья Карамзина.

«Натали, – писала она, – со своей стороны ведет себя не очень прямодушно: в присутствии мужа делает вид, что не кланяется с Дантесом, и даже не смотрит на него, а когда мужа нет, опять принимается за прежнее кокетство потупленными глазами, нервным замешательством в разговоре, а тот снова, стоя против нее, устремляет ней долгие взгляды и, кажется, совсем забывает о своей невесте, которая меняется в лице и мучается ревностью».

Д. Ф. Фикельмон проявила больше снисходительности и понимания к жене поэта: «Бедная женщина оказалась в самом фальшивом положении. Не смея заговорить со своим будущим зятем, не смея поднять на него глаза, наблюдаемая всем обществом, она постоянно трепетала». Наталье Николаевне очень хотелось поверить в то, что Дантес принес себя в жертву ради нее

и что он влюблен по-прежнему.

По словам Фикельмон, Н. Н. Пушкина не желала верить, что Дантес предпочел ей сестру, и «по наивности или, скорее, по своей удивительной простоте, спорила с мужем о возможности такой перемены в его сердце, любовью которого она дорожила, быть может, только из одного тщеславия».

31 декабря, в канун нового года, был большой вечер у Вяземских. В. Ф. Вяземская впоследствии рассказывала об этом новогоднем вечере П. И. Бартеневу: «В качестве жениха Геккерн явился с невестою. Отказывать ему от дома не было уже повода. Пушкин с женою был тут же, и француз продолжал быть возле нее. Графиня Наталья Викторовна Строганова говорила княгине Вяземской, что у него такой страшный вид, что, будь она его женою, она не решилась бы вернуться с ним домой».

Наконец в январе 1837 года была сыграна свадьба Дантеса и Екатерины Николаевны Гончаровой. Но когда после свадебного обеда, вспоминает Данзас, Геккерн-отец подошел к поэту с предложениями мира, «Пушкин отвечал сухо, что невзирая на родство, он не желает иметь никаких отношений между его домом и г. Дантесом». Все вокруг, даже близкие друзья, в один голос восклицали: «Да чего же он хочет? да ведь он сошел с ума! он разыгрывает удальца!» Однако поэту было мучительно видеть, что его жена испытывает ревность к сестре. Тем более что «молодой Геккерн, – по словам Вяземского, – продолжал в присутствии своей жены подчеркивать свою страсть к госпоже Пушкиной.

Городские сплетни возобновились, и оскорбительное внимание общества обратилось с удвоенной силой на действующих лиц драмы, происходящей на его глазах. Положение Пушкина сделалось еще мучительнее, он стал озабоченным, взволнованным, на него тяжко было смотреть. Но отношения его к жене не пострадали». Однако ревность поэта давала о себе знать и в более грубом проявлении недовольства, и в разговоре с Екатериной Николаевной, и в общении с женой.

Умный молодой князь Вяземский, которого поэт обучал игре в карты и обхождению с женщинами, отметил однажды: «В зиму 1836–1837 года мне как-то раз случилось пройтись несколько шагов по Невскому проспекту с Н. Н. Пушкиной, сестрой ее Е. Н. Гончаровой и молодым Геккерном (Дантесом); в эту самую минуту Пушкин промчался мимо нас, как вихрь, не оглядываясь, и мгновенно исчез в толпе гуляющих. Выражение лица его было страшно. Для меня это было первый признак разразившейся драмы». Дело доходит до неприязни Натальи Николаевны к мужу. «Я должна была оттолкнуть его, – признается она жениху дочери

Вяземских, – потому что, каждый раз, когда он (т. е. Пушкин. – *А. Л.*) обращается ко мне, меня охватывает дрожь».

Натали все еще любила Дантеса и не понимала всей трагичности положения. Она видела угнетенное состояние Пушкина, но объясняла это только материальными трудностями.

«Она должна была бы удалиться от света и потребовать того же от мужа, – как всегда морализировал П. А. Вяземский уже после дуэли. – У нее не хватило характера, и вот она опять очутилась в таких же отношениях с молодым Геккерном, как и до свадьбы; тут не было ничего преступного, но было много непоследовательности и беспечности».

Бешенство Пушкина, видимо, забавляло Дантеса, и он при нем ухаживал за Натали с особым усердием, на ужинах громогласно пил за ее здоровье. На разъезде с одного бала, подавая руку своей жене, Дантес сказал так, чтобы Пушкин слышал: «пойдем, моя законная!» – давая понять, что у него есть еще другая, не «законная». Продолжал ли Дантес любить Натали, сказать трудно, но то, что он мстил ей за неудачную женитьбу, за несостоявшуюся дуэль, за отказ безоговорочно отдаться ему – это было видно только Пушкину. Друзья поэта ничего не замечали, а если и видели что-то неладное, то не воспринимали мучительное состояние поэта всерьез.

8

Ситуация перед дуэлью накалялась с каждым днем. Мрачность Пушкина росла, решимость избавиться от этой гнетущей атмосферы приводила поэта в задумчивость. Как вырваться из этого замкнутого круга бесконечных балов, вечеров, раутов? Постоянно присутствуя на них поэт, скорее всего, подзаряжался их яркой, привычной, и невыносимо тягостной атмосферой. Может проявляемая им ревность способствовала росту его половой потенции, которая в последние годы жизни не была такой сильной как в молодости. Во всяком случае, в январе 1837 года поэт каждый день на балах. Что ему там было делать?

14 января – инцидент на обеде у графа Строганова, вечером Геккерны и Пушкины на балу во французском посольстве.

15 января у Вяземских отмечали день рождения дочери, и был многолюдный вечер.

16 января состоялся традиционный бал в Дворянском собрании.

18 января Пушкины и Геккерны вновь встретились на вечере у саксонского посланника Люцероде, где, по словам Вяземского, танцы были устроены «в честь новобрачных Геккернов».

21 января был «бал у Фикельмонов на пятьсот человек, очень красивый, очень оживленный, очень элегантный».

22 января – снова бал у Фикельмонов.

На всех этих балах молодожены в центре внимания. Их поздравляют, в их честь устраивают вечера, о них сплетничают. Имя госпожи Пушкиной у всех на устах, когда идет речь о Жорже Геккерне и его жене.

Психологическая защита поэта в виде агрессивного и афишируемого поведения, которая всю жизнь прикрывала его «инцестуальные» переживания, начала слабеть. Он готов был к взрыву. Поставлена была на карту честь поэта, его общественная репутация. Пушкин мог спасти ее только ценой жизни. Анна Ахматова была права, когда писала в книге «О Пушкине»: «Дуэль произошла оттого, что геккерновская версия взяла верх над пушкинской и Пушкин увидел свою жену, т. е. себя опозоренным в глазах света».

Хотя, по правде сказать, семья Геккернов-Пушкиных действительно производила странное впечатление в обществе. Это был какой-то комок любовных историй, нити которого перепутались и не было понятно, кто же кого любит, кто на ком женат, ибо все были и родственниками, и любовниками одновременно.

Вот что пишет 24 января 1837 года Софи Карамзина со свойственной ей язвительностью:

«В воскресенье у Катрин (Екатерина Николаевна Мещерская, урожденная Карамзина, сестра Софи. – *А. Л.*) было большое собрание без танцев: Пушкины, Геккерны (которые продолжают разыгрывать свою сентиментальную комедию к удовольствию общества). Пушкин скрежещет зубами и принимает всегдашнее выражение тигра. Натали опускает глаза под жарким и долгим взглядом своего зятя, – это начинает становиться чем-то большим обыкновенной безнравственности; Катрин (Екатерина Николаевна Геккерн. – *А. Л.*) направляет на них свой ревнивый лорнет, а чтобы ни одной из них не оставаться без роли в драме, Александрина по всем правилам кокетничает с Пушкиным, который серьезно в нее влюблен и если ревнует свою жену из принципа, то свояченицу – по чувству».

Свет видел здесь любовные интриги, но все было гораздо сложнее. Пушкин чувствовал, что вокруг него стягивается кольцо крупнейших неприятностей. Денежный крах, холодность жены, хищное выжидание царя, мщение Дантеса и Пушкину и его жене, которую он компрометирует на глазах у светских сплетников. Поэт видел, как разбиваются его мечты о счастливой семейной жизни, которая стала темой толков и пересудов, как рушится его последний «романтический» идеал, ибо любовь «Мадонны» досталась другому. Поэт чувствовал, что «верности» жены хватит ненадолго. Над головою Пушкина, как прилипчивая осенняя муха, начинало мелькать ужасное слово «рогоносец». Что может быть смешнее и презреннее этой породы людей в глазах света? В свое время сам поэт поработал над их осмеянием и над увеличением их числа. Теперь, находясь в шкуре того же Воронцова, того же Ризнича, того же Фикельмона или Закревского – он был страшен в своей ревности и уязвленном самолюбии.

В те дни лишь Александрина Гончарова из всех, кто был рядом с поэтом, оказалась единственным человеком, который полностью разделял отношение Пушкина к Дантесу. Их сердечная близость крепла. Перед самой дуэлью она пишет в письме к Дмитрию: «То, что происходит в этом подлом мире, мучает меня и наводит тоску. Я была бы так счастлива приехать отдохнуть на несколько месяцев в наш тихий дом в Заводе. Теперь у меня больше опыта, ум более спокойный и рассудительный, и я полагаю лучше совершить несколько безрассудных поступков в юности, чтобы избежать их позднее, тогда с ними покончишь, получив урок, иногда несколько суровый, но это к лучшему».

Не поведение ли Натали, своей сестры, имела в виду

Александрина? Все видели в этой истории светскую мелодраму, она же поняла происходящее как трагедию гения. Как отмечал Л. Гроссман: «В ряду женских образов пушкинской биографии Александра Николаевна Гончарова заслуживает, быть может, самого почтительного упоминания. Ее любовь к поэту была по-настоящему жизненной и действенной. Она не ждала от любимого человека мадригалов или посвящений, но старалась всячески облегчить ему жизнь. Именно с ней Пушкин совещался в тайных своих горестях и притом в самую трагическую пору. Именно она сумела внести много тепла и участия в бурные переживания 1837 года, которые причинили и ей столько тяжелых страданий».

Она была последней любовью поэта, которого и время, и тяготы семейной жизни, и давление царя, и ненависть света сделали мудрее, благороднее, можно даже сказать, чище в своих сердечных увлечениях и поступках. Теперь его беспокоили вопросы чести, причем так сильно, что на уверения друзей в невинности жены Пушкин отвечал, что ему «недостаточно уверенности своей собственной, своих друзей и известного кружка, что он принадлежит всей стране и желает, чтобы имя его осталось незапятнанным везде, где его знают».

Пушкин хотел умереть: но умереть гордым и чистым. Встречаясь с баронессой Вревской, Зизи, он делился с ней всеми своими мыслями и переживаниями; однажды в театре поэт сказал ей о своем намерении искать смерти. Тщетно та продолжала его успокаивать, как делала при каждой с ним встрече. Пушкин был непреклонен. Наконец, она напомнила ему о детях его. – «Ничего, – раздражительно отвечал он, – император, которому известно все мое дело, обещал мне взять их под свое покровительство».

Царь лицемерил и играл с поэтом. Напрасно думать, что Николай I решил расправиться с гордым Пушкиным. Отнюдь нет. Но долгая возня с его женой была для царя непривычным делом. Со свойственным императору участливо-хитрым тоном он рассказывал: «Под конец жизни Пушкина, встречаясь часто в света с его женою, которую я искренно любил и теперь люблю, как очень добрую женщину, я раз как-то разговорился с нею о комеражах (сплетнях), которым ее красота подвергает ее в обществе, я советовал ей быть сколько можно осторожнее и беречь свою репутацию и самой себя, и для счастия мужа, при известной его ревности. Она, верно, рассказала это мужу, потому что, увидясь где-то со мною, он стал меня благодарить за добрые советы его жене. – Разве ты и мог ожидать от меня другого? – спросил я. – Не только мог, – ответил он, – но, признаюсь

откровенно, я и вас самих подозревал в ухаживании за моею женою. Это было за три дня до последней дуэли его».

Это свидание явилось последней каплей, переполнившей угнетенную душу поэта. Бравада Дантеса казалась ему мелочной, да и вторично вызвать его на дуэль не было причин. Тогда Пушкин решил спровоцировать дуэль с Геккерном-отцом. Пушкин решил отомстить ему за анонимный пасквиль и последующие интриги против жены.

По рассказу П. И. Бартенева, Пушкин с женой возвращались из театра старик Геккерн, идя позади, шепнул ей, когда же она склонится на мольбы его сына? Наталья Николаевна побледнела, задрожала. Пушкин смутился, на его вопрос она ему передала слова, ее поразившие. На другой же день он написал к Геккерну свое резкое и дерзкое письмо. Это письмо было по существу копией того письма, которое поэт написал в ноябре 1836 года, и которое осталось не отправленным. Граф Строганов, специалист по вопросам чести, сказал, что подобные оскорбления можно смыть только кровью. На это поэт и рассчитывал. Но вместо Геккерна вызов Пушкину на дуэль послал Дантес.

Поэт был в возбуждении. Он спешно бросился искать секундантов, граф Соллогуб был в нерешительности, тогда Пушкин обратился к Данзасу, своему лицейскому товарищу, и дело было решено. Дантес и Пушкин стрелялись. Предсказание свершилось. В 37 лет поэт погиб от руки белобрысого иностранца, потому что ни одна русская рука не смогла бы выстрелить в Пушкина. Это понимал и сам поэт, настойчиво пытаясь спровоцировать дуэльную ситуацию. Он решил одним махом разрубить все проблемы, которые опутывали его клубками грязной клеветы, материальной зависимости и царского «участия» в его семейных делах.

Может быть, барон Геккерн, сыгравший в этой истории самую подлую роль сводника и автора анонимного «диплома», и оказался в чем-то прав, когда написал матери Дантеса: «Жоржа не в чем упрекнуть, его противником был безумец, вызвавший его без всякого разумного повода, ему просто жизнь надоела, и он решился на самоубийство, избрав руку Жоржа орудием для своего переселения в другой мир».

Можно просто удивляться некоторым пушкинистам, которые, как, например, Д. Благой, считают так: «Трагически, безвременно пресеклась жизнь Пушкина, по форме дуэль – “поединок чести”. Но по существу, как об этом наглядно свидетельствует вся преддуэльная история, жизнь поэта была пресечена бесстыдной и беспощадной политической расправой».

Никакой политической расправы. не было, просто светская

жизнь с ее определенными законами, с ее свободой общения, некоторой вольностью поведения, с ее сплетнями, пересудами, мотовством и строгими придворными правилами оказалась Пушкину не по плечу, хотя он всегда к ней стремился.

Импульсивный, обидчивый, ревнивый, злоязычный, гордый, Пушкин, как и любой другой гений, не мог жить по житейским законам обычного человека. Все его начинания приводили к финансовому краху, он хотел заработать много денег, но деньги текли у него сквозь пальцы, он рвался в высшее общество, а оно его отвергало и видело в нем не ровню себе, а лишь «сочинителя». Поэт хотел блистать своей красивой женой, но потом понял, что «бедному-то мужу во чужом пиру похмелье, да и в своем тошнит».

Человек с истерическим характером, особенно с таким ярко выраженным, как у Пушкина, не мог спокойно воспринимать все эти тяготы, обрушившиеся на него. Невроз, развившийся на этой почве, как ощущение краха всех надежд, в том числе и в сексуальной сфере, толкал Пушкина к совершению поступков, отличных от поведения нормальных людей. Интуитивное предвидение будущих потрясений в материальной, моральной и, быть может, даже в творческой сфере вызвали такую бурную реакцию поэта, и, в конце концов, привели его к гибели.

Конечно, друзья его не были психологами, они не поняли его болезнь и не помогли ему. Только уже после смерти поэта, они пытались понять психологию поступков его, анализируя факты и события, произошедшие после дуэли. «Пушкин, – писал Вяземский после смерти своего друга, – был прежде всего жертвою (будь сказано между нами) бестактности своей жены и ее неумения вести себя, жертвою своего положения в обществе, которое, льстя его тщеславию, временами раздражало его – жертвою своего пламенного и вспыльчивого характера, недоброжелательства салонов и, в особенности, жертвою жестокой судьбы, которая привязалась к нему, как к своей добыче, и направляла всю эту несчастную историю».

Я бы добавил к этому высказыванию, что Пушкин был прежде всего жертвой своего невроза, в основе которого лежал конфликт между его характером, сформированным агрессивным и высокоэнергетическим «либидо», и его личностным, субъективным «Я». Характер толкал его к творчеству и сексуальным связям, «Я» направляло его к жизни спокойной, светской и независимой. Конфликт внешний и внутренний был налицо. Внутренний конфликт – снижение энергетики «либидо», падение агрессивности в смысле творчества, новых порывов, сексуальной активности. Крушение «инцестуального» идеала как недостижимого совершенства в образе Натали, ощущение горечи

за несбывшиеся мечты, за неудавшиеся начинания – все это схлестнулось с внешним конфликтом между обществом и поэтом, между Геккернами и его семьей, между материальным неблагополучием и личной зависимостью от государства в лице царя и чиновников. Этих конфликтов психика поэта не вынесла. Гибель его стала не самым лучшим, но наименее для Пушкина болезненным способом их разрешения.

Вместо заключения

Женщины были постоянными спутницами жизни поэта; весь «Донжуанский список» его увлечений живо рисует нам богато одаренную в сексуальном плане натуру и пламенный темперамент. Самые разнородные чувства уживались в этом удивительном характере: и «бесстыдное бешенство желаний», внушаемое мессалинами типа Закревской, и нежная, полуплатоническая симпатия к милому подростку, которым была Катенька Вельяшева, и светлое преклонение перед «Мадонной», – Н. Н. Гончаровой, и могучая, отравленная ревностью страсть, которую он испытал к Собаньской, и вечный благоговейный трепет при воспоминании об одной из всех, единственной и таинственной NN.

Поистине, не было сердечной жизни более разнообразной. О женской любви, женской ласке поэт всегда мечтал, как о последнем прибежище, как о надежном щите против превратностей судьбы. Но именно женщина и явилась одной из причин его гибели; скорее всего, даже и не причиной, а поводом. Марина Цветаева очень верно, хотя немного резко, заметила: «Наталья Гончарова просто роковая женщина, то пустое место, к которому стягиваются, вокруг которого сталкиваются все силы и страсти. Смертоносное место. Как Елена Троянская – повод, а не причина Троянской войны, так и Гончарова – не причина, а повод смерти Пушкина, с колыбели предначертанной. Судьба выбрала самое простое, самое пустое, самое невинное орудие – красавицу».

Не будем слишком строго судить жену поэта, как ни жаль нам безвременной кончины его. Многие обвиняли Натали, особенно друзья Пушкина и почитатели его гения, даже такие как Вяземские, Карамзины, Вульфы. Суть этих обвинений хорошо выразила Е. Н. Мещерская-Карамзина: «Собственно говоря, Наталья Николаевна виновна только в чрезмерном легкомыслии, в роковой самоуверенности и беспечности, при которых она не замечала той борьбы и тех мучений, какие выносил ее муж».

Действительно, по молодости лет она, будучи увлечена Дантесом, не смогла разобраться в сложности душевного мира Пушкина (такие выводы просто напрашиваются сами, и читатель, вероятно, тоже придет к ним после прочтения настоящей книги). Но позвольте, а разве все окружение поэта, такое блестящее, такое талантливое, такое умное и проницательное, разве оно сумело понять его гнетущее состояние духа, его пессимизм, его взбудораженность, его страдания и причину его, если можно так

выразиться, буйства и жизненной нетерпимости (сильно продвинутый невроз)? Нет, конечно. «Все хотели остановить Пушкина», – как заметил граф Соллогуб, но никто не хотел его понять. Что же они тогда хотели от 25-летней женщины!

Смерть мужа в корне изменила все. Дантес был вырван из сердца, опьянение прошло, и на первое место теперь встали заботы о доме, о достатке, о будущем и настоящем своих детей, детей Пушкина. Ее природная доброта, бесхитростность, тактичность, налет печали и житейская мудрость пленяли всех встречавшихся с ней, заставляя многих менять свое первоначальное мнение, которое сложилось из доносившихся из светских салонов отголосков осуждения и зависти. Уезжая на Кавказ, молодой Лермонтов встретился с Натальей Николаевной у Карамзиных. После беседы с ней он, по словам А. Араповой, сказал вдове поэта: «Я чуждался вас, малодушно предаваясь враждебным влияниям. Я видел в вас только холодную, неприступную красавицу, и только накануне отъезда надо мне было разглядеть под этой оболочкой женщину, постигнуть ее обаяние искренности, которое не разбираешь, а признаешь…»

Заканчивая свою книгу, я хотел бы еще немного рассказать о вдове поэта, начиная с момента последнего его вздоха. Что бы ни говорили о Наталье Николаевне, она горько оплакивала мужа. Ее страдания были таковы, что конвульсии молодой женщины переламывали ее пополам. Она страшно исхудала и, «как привидение, иногда прокрадывалась в ту горницу, где лежал ее умирающий муж». Пушкин постоянно интересовался своей женой, беспокоился за ее состояние. «Бедная жена, бедная жена!» – восклицал он, когда мучения заставляли его невольно кричать.

Секундант поэта, Данзас, так описывает последние минуты своего друга:

«…Госпожа Пушкина возвратилась в кабинет в минуту его смерти… Увидя умирающего мужа, она бросилась к нему и упала перед ним на колени; густые темно-русые букли в беспорядке рассыпались у ней по плечам. С глубоким отчаянием она протянула руки к Пушкину, толкала его и, рыдая, вскрикивала:

– Пушкин, Пушкин, ты жив?!»

Но истины ради должен сказать, что подобное состояние жены поэта было самым естественным и обычным проявлением женских эмоций в момент смерти мужа, пусть даже и не очень любимого. Такая аффектация вполне закономерна. Гораздо труднее страдать и оплакивать, когда кончина близкого человека представляется в воображении. Кн. Вяземская рассказывала, что когда поэт спрашивал ее (т. е. жену. – *А. Л.*), по ком она будет плакать, Наталья Николаевна отвечала: «По том, кто будет убит».

«Такой ответ бесил его, – отмечает далее княгиня – он требовал от нее страсти, а она не думала скрывать, что ей приятно видеть, как в нее влюблен красивый и живой француз».

В первые дни Наталья Николаевна была как «настоящий призрак… на нее невозможно было смотреть без сердечной боли». Она жаждала прочесть все, что касалось ее мужа, жаждала обвинять себя и плакать. Но постепенно она приходила в себя. «… Вчера мы еще раз видели Натали, – писала Софи Карамзина, – она уже спокойнее и много говорила о муже. Через неделю она уезжает в калужское имение своего брата, где намерена провести два года. “Муж мой, – сказала она, – велел мне носить траур по нем два года (какая тонкость чувств! Он и тут заботился о том, чтобы охранить ее от осуждений света), и я думаю, что лучше всего исполню его волю, если проведу эти два года совсем одна, в деревне. Моя сестра поедет со мной, и для меня это большое утешение”». Однако Сергей Львович, отец Пушкина, побывав в Полотняном заводе осенью 1837 года, отметил, что Александрина более огорчена потерей Пушкина, нежели Натали, которая по сообщению ее старшего брата Дмитрия, все же «чаще грустна, чем весела, нередко прихварывает, что заставляет ее иногда целыми неделями не выходить из своих комнат…»

Вернувшись через два года в столицу, Натали вновь оказалась в привычном кругу друзей: Карамзины, Вяземские, Жуковский, Нащокин, Плетнев – все наперерыв старались доказать ей свое участие, облегчить ее заботы. Но душевно Наталья Николаевна уже успокоилась. Яков Грот сообщал Плетневу в 1841 году: «Из ее разговора я с грустью вижу, что в сердце ее рана уже зажила. Боже! Что ж есть прочного на земле?» Накануне рождества 1842 года в английском магазине Наталья Николаевна встретилась с государем, который «милостиво изволил разговаривать с Пушкиной». После этого она снова втянулась в светскую жизнь, хотя понимала, что для многих это послужит поводом упрекнуть ее в легкомыслии и в равнодушном забвении памяти мужа. Но видимо таков был приказ царя, и она не смогла его ослушаться. Наталья Николаевна постоянно танцует в Аничкове, что дает повод Долли Фикельмон воскликнуть, обращаясь к сестре: «Не находишь ли ты, что она могла бы воздержаться от этого?» Но молодой женщине трудно отказать тому, кто заплатил все долги ее мужа и взял на себя заботу о будущем ее детей. Хотя сама Наталья Николаевна питала неприязнь к интимным придворным кругам и старалась появляться при дворе только по приказанию. «Я всегда придерживалась этого принципа, – писала она в 1849 году, – и никогда не бывала в неловком положении». Не совсем искреннее замечание.

Пережитая трагедия оставила след на всю жизнь. Раны зарубцевались, но нервы ее, судя по письмам, были в плохом состоянии. Наталья Николаевна начала курить. «Тихая, затаенная грусть, – пишет А. Арапова, – всегда витала над ней. В зловещие январские дни она сказывалась нагляднее: она удалялась от всякого развлечения, и только в усугубленной молитве искала облегчения страдающей душе».

Что заставляло ее искать прибежища в боге, искать успокоения душевным переживаниям? Может быть, нравственная борьба между прошлым и настоящим. Как ни виновата была она в смерти Пушкина, но пустой красавицей, холодной и равнодушной Наталья Николаевна не была никогда. Жизнь ее научила многому, она закалила ее характер, придав ему какую-то печальную силу с налетом нежной меланхолии, отмеченной Долли Фикельмон еще в первые дни ее замужества. «В ее образе мыслей, – писал о Наталье Николаевне Плетнев, – и особенно в ее жизни есть что-то трогательно возвышенное. Она не интересничает, но покоряется судьбе».

И действительно, судьба руководила всеми ее поступками. К сожалению, современные пушкинисты не только приводят письма и высказывания современников о жизни вдовы поэта, но и начинают домысливать недосказанное, излагать причины ее поступков совершенно не согласуясь с фактами, придавать огромное значение самым обычным, житейским делам. Сохраняя память о Пушкине, Наталья Николаевна продолжала ведь встречаться и с Идалией Полетикой. Они забыли прошлое, хотя у Идалии на всю жизнь осталась ненависть к поэту, а у Натали – затаенная грусть об отце ее четверых детей, погибшем от руки любимого ею человека. Продолжались ухаживания царя. Теперь, после смерти Пушкина, некому было защитить одинокую вдову от настойчивости Николая Павловича. Мы не имеем свидетельств о связи царя с Натальей Николаевной, да и какие могут быть об этом свидетельства? Но если сопоставить некоторые факты… то в 1843 году 44-летний полковник кавалергардского полка Петр Петрович Ланской неожиданно получает звание генерал-майора. Ожидая назначения командиром армейского полка где-нибудь в захолустье, Ланской, однако, через полгода становится командиром лейб-гвардии Конного полка, шефом которого состоял государь. Это была блестящая карьера, и Петр Петрович, только зимой 1844 года познакомившийся с Натальей Николаевной, уже в июле играет свадьбу с вдовой поэта.

«Государь прислал новобрачной бриллиантовый фермуар в подарок, – вспоминает командир кавалергардов Панчулидзев, – велев при этом передать, что от будущего кумовства не дозволит

так отделаться». И действительно, Николай I крестил первого ребенка Ланских – дочь Александру, а когда приходил к ним в дом, брал девочку на руки, целовал в щечки и ласково с ней говорил. У государя хранились два портрета Натальи Николаевны. Один, кисти художника Д. Гау, находился в альбоме конногвардейского полка, поднесенном царю П. П. Ланским, а другой – изящная миниатюра, тщательно сохранялся в императорских часах, на внутренней стороне второй крышки. Неисповедимы пути господни. Может, от этого и религиозность Пушкиной-Ланской, и ее сдержанность, и ее меланхолия. Как это ни странно, она потом полюбила Петра Петровича, была нежна к нему, заботлива и верна до конца жизни. И он, со своей стороны, принял все заботы по отношению к детям поэта, был ласков с ними, добр, стремился поддерживать в доме теплую атмосферу дружбы, любви, душевного спокойствия. Во втором браке вдова Пушкина наконец обрела свое семейное счастье.

Можно было бы продолжить рассказ о дальнейшей судьбе и самой Натальи Николаевны, и Александрины, и других женщин, некогда украшавших жизнь Пушкина и даривших ему минуты наслаждения и поэтических грез. Но поэт погиб, и все остановилось вместе с его любвеобильным сердцем. Жизнь, не связанная тончайшими нитями взаимоотношений с великим Пушкиным, теряет всякий интерес для нас, и становится в ряд многих и многих дворянских и недворянских биографий, затерянных в бесконечных анналах нашей истории.

Если уважаемому читателю все же захочется узнать об этом, то к его услугам обширнейшая библиография, огромный мир русской и советской пушкинианы.

А закончить хочу простыми и проникновенными словами Ираклия Андронникова:

«ЛЮБИТЕ ПУШКИНА!»

Литература

1. *Анненков П. В.* Материалы для биографии А. С. Пушкина. М., 1984.

2. *Анненков П. В.* А. С. Пушкин в Александровскую эпоху. СПб., 1874.

3. *Арапова А. П.* Наталья Николаевна Пушкина-Ланская. Вита. 1994.

4. *Ахматова А.* О Пушкине. Л., 1977.

5. *Абрамович С. Л.* Пушкин в 1836 году. М., 1984.

6. *Бартенев П. И.* О Пушкине. М., 1992.

7. *Вересаев В. В.* Пушкин в жизни: собр. соч. в 4 т. М., 1990. Т. 2, 3.

8. Вересаев В. В. Спутники Пушкина: собр. соч. в 2 т. М., 1993.

9. *Вересаев В. В.* Пушкин и Евпраксия Вульф // Любовный быт пушкинской эпохи. М., 1994. Т. 2.

10. *Вересаев В. В.* Княгиня Нина. О Нине Воронской // Любовный быт пушкинской эпохи. М., 1994. Т. 2.

11. *Востокова Н. Б.* Пушкин по архиву Бобринских // Прометей. 1974. № 10.

12. *Вульф А. Н.* Дневник // Любовный быт пушкинской эпохи. М., 1994. Т. 1.

13. *Гершензон М. О.* Северная любовь А. С. Пушкина // Любовный быт пушкинской эпохи. М., 1994. Т. 2.

14. *Гессен А.* «Все волновало нежный ум». М., 1965.

15. *Гессен А.* «Рифма, звучная подруга». М., 1973.

16. *Гроссман Л.* Пушкин: Сер. ЖЗЛ. М., 1958.

17. *Гроссман Л.* Письма женщин к Пушкину. М., 1997.

18. *Губер Б.* «Донжуанский список» Пушкина // Любовный быт пушкинской эпохи. М., 1994. Т. 1.

19. Двойченко-Маркова Е. М. Пушкин в Молдавии и Валахии. М., 1979.

20. Дневник ANNETE (Анны Алексеевны Олениной). М., 1994.

21. Друзья Пушкина. Переписка. Воспоминания. Дневники: в 2 т. М., 1984.

22. *Керн А. П.* Воспоминания. Дневники. Письма. М., 1974.

23. *Лоуэн А.* Язык тела. СПб., 1997.

24. *Макогоненко Г. П.* Творчество А. С. Пушкина в 1830-е годы. Л., 1982.

25. *Мадорский А.* Сатанинские зигзаги Пушкина. М., 1998.

26. *Мейлах Б.* Жизнь Александра Пушкина. Л., 1974.

27. *Модзалевский Б. Л.* Анна Петровна Керн // Любовный быт пушкинской эпохи. М., 1994. Т. 2.

28. *Ободовская И., Дементьев М.* Вокруг Пушкина. М., 1975.

29. *Ободовская И., Дементьев М.* После смерти Пушкина. М.,1980.

30. *Ободовская И., Дементьев М.* Наталья Николаевна Пушкина. М, 1986.

31. Последний год жизни Пушкина. М., 1990.

32. Переписка Пушкина: в 2 т. М., 1982.

33. Пушкин в воспоминаниях современников: в 2 т. М., 1974.

34. Пушкин в письмах Карамзиных. 1836–1837 гг. М. – Л., 1960.

35. *Пушкин А. С.* Собрание сочинений: в 10 т. М., 1974–1975.

36. *Раевский Н.* Портреты заговорили. Друг Пушкина Павел Воинович Нащокин. Минск, 1978.

37. *Смирнова-Россет А. О.* Воспоминания. Письма. М., 1990.

38. *Тынянов Ю. Н.* «Безыменная любовь» // Любовный быт пушкинской эпохи. М., 1994. т. 2.

39. *Тыркова-Вильямс А.* Жизнь Пушкина: в 2 т.: Сер. ЖЗЛ. М., 1998.

40. *Тюнькин К. И.* «Нет, не черкешенка она…» // Прометей. М., 1974. № 10.

41. *Файнберг И.* Читая тетради Пушкина. М., 1981.

42. *Фрейд З.* Труды разных лет: в 2 кн. Тбилиси, 1991.

43. *Цветаева М.* Мой Пушкин. М, 1983.

44. *Цявловская Т. Г.* Рисунки Пушкина. М., 1983.

45. *Цявловская Т. Г.* Храни меня, мой талисман // Прометей. М, 1974. № 10.

46. *Цявловская Т. Г.* Неизвестные письма к Пушкину Е. М. Хитрово // Прометей. М., 1974. № 10.

47. *Цявловская Т. Г.* Мария Волконская и Пушкин // Прометей. М., 1966. № 10.

48. *Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение. Л., 1976.

49. *Щеголев П. Е.* Дуэль и смерть Пушкина. М., 1987.

50. *Щеголев П. Е.* Крепостная любовь Пушкина //

Любовный быт пушкинской эпохи. М., 1994. Т. 2.

51. *Щеголев П. Е.* Утаенная любовь А. С. Пушкина // Любовный быт пушкинской эпохи. М., 1994. Т. 2.

52. *Эйдельман Н.* Пушкин и декабристы. М., 1979.

53. *Эйдельман Н.* По смерти Петра I… // Прометей. М., 1974. № 10.

54. *Яшин М.* Итак, я жил тогда в Одессе // Нева. № 12.

55. *Яшин М.* История гибели Пушкина // Нева. 1968. № 2, 6; 1969. № 3, 4, 12.

56. *Яшин М.* Хроника преддуэльных дней // Звезда. 1963. № 8, 9.